

ПРОБЛЕМЫ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА

ISSN 0131-2812

2/2018

Памяти академика С.Л. Тихвинского

Решения сессии ВСНП

Ситуация на Корейском полуострове

Экспериментальные зоны
свободной торговли в Китае

Япония и Индо-Пацифика

1-11 703

Российская академия наук
Институт Дальнего Востока

ПРОБЛЕМЫ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА

2/2018

Март — Апрель

Научный и общественно-политический журнал,
выходит шесть раз в год на русском и четыре
раза в год на английском языках
Издается с марта 1972 года

Выпускается под руководством
Отделения глобальных проблем
и международных отношений
Российской академии наук

Учредители: Российская академия наук, Институт Дальнего Востока РАН

Главный редактор В.Я. Портяков (доктор экономических наук, проф.)

Редакционная коллегия

О.Н. Борох, к.э.н., А.В. Виноградов, д.полит.н.,
А.Д. Воскресенский, д.полит.н., проф., С.А. Горбунова, д.и.н.,
А.С. Давыдов, к.и.н. (зам. главного редактора), В.Г. Дацышен,
д.и.н., проф., А.З. Жебин, к.полит.н., В.П. Зимонин, д.и.н., проф.,
А.Н. Карнеев, к.и.н., В.О. Кистанов, д.и.н., Я.В. Лексютина,
д.полит.н., А.В. Ломанов, д.и.н., проф. РАН, С.Г. Лузянин,
д.и.н., проф., В.М. Мазырин, д.э.н., О.И. Мальцева
(ответственный секретарь), Н.Л. Мамаева, д.и.н.,
П.А. Минакир, академик РАН, Л.В. Новоселова, д.э.н.,
А.В. Островский, д.э.н., проф., Л.С. Переломов, д.и.н.,
В.Е. Петровский, д.полит.н., Н.А. Самойлов, д.и.н.,
С.С. Суслина, д.э.н.

Иностранные члены редколлегии

А. Ачария, проф., директор Института китайских исследований
(Нью-Дели, Индия), М. Бастид-Брюгер, проф., Национальный
центр исследований по общественным наукам (Париж, Франция),
У Эньюань, проф., Академия общественных наук Китая (Пекин,
КНР), Ху Аньган, проф., Университет Цинхуа (Пекин, КНР), Чжу
Сяньпин, проф., Цзилиньский университет (Чанчунь, КНР).

Редакция

К.В. Асмолов зав. *отделом Кореи*
Е.В. Белилина
зав. *отделом внешней политики*
А.Н. Карнеев
зав. *отделом истории и*
внутренней политики
А.Н. Коробова
зав. *отделом культуры*
А.С. Крушинский
зав. *отделом экономики*
Л.С. Лаврова экспедитор
Е.А. Лапшина зав. *редакцией*
Г.П. Манчха редактор
Д.Б. Славинский оператор ЭВМ
А.Б. Старостина
зав. *отделом идеологии и*
философии
А.В. Шлындов зав. *отделом Японии*

© Российская академия наук, 2018

© ФГУП «Издательство «Наука», 2018

© Составление. Редколлегия журнала «Проблемы Дальнего Востока», 2018

Содержание

Памяти академика С.Л. Тихвинского	4
---	---

ПОЛИТИКА

<i>А.В. Виноградов, П.В. Троцкий.</i> Первая сессия ВСНП 13-го созыва и конституционные поправки	15
<i>В.О. Кистанов.</i> Индо-Тихоокеанская стратегия Японии как средство сдерживания Китая	32
<i>А.З. Жебин.</i> Корейский конандрум	44
<i>Куан Цзэнцзюнь, Оу Кайфэй.</i> Основа китайско-российского сотрудничества в Арктике	57

ЭКОНОМИКА

<i>В.Я. Портяков.</i> Экспериментальные зоны свободной торговли в Китае	65
<i>И.А. Макаров, И.А. Степанов.</i> Китай: эволюция спроса в контексте трансформации модели социально-экономического развития	76
<i>Тань Сюэзе, Ю.В. Кулинцев.</i> Трансазиатско-европейское экономическое партнерство как вариант сопряжения ЕАЭС и ЭПШП	89

ПРИРОДОПОЛЬЗОВАНИЕ

<i>А.В. Макаров.</i> Проблемы и перспективы российско-монгольского сотрудничества в контексте охраны озера Байкал	99
---	----

ВОЕННОЕ СТРОИТЕЛЬСТВО

<i>А.А. Храмыхин.</i> Новый облик НОАК	109
--	-----

ИСТОРИЯ

<i>Е.Г. Калкаев.</i> «Гоминданский» хлеб. К истории китайцев в Москве второй половины 1920-х годов	122
--	-----

КУЛЬТУРА

<i>Е.А. Хохлова.</i> Концепция пейзажа <i>чингёнсансухва</i> Кёмджэ Чон Сона	132
<i>О.Н. Труевцева.</i> Проблемы сохранения культурного наследия на примере буддийских монастырей Центральной Монголии	139

РЕЛИГИЯ

<i>Ван Шуай.</i> Современное состояние православия в Китае и размышления о его будущем	149
--	-----

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

<i>Я.В. Лексютина, А.Н. Пятчкова.</i> 3-я ежегодная международная конференция «Диалог Райсина» («The Raisina Dialogue»).....	162
<i>Л.В. Захарова, Ю.В. Кулинцев, А.Ч. Мокрецкий.</i> «Восточная Азия и изменение глобального миропорядка». 5-я международная научная конференция молодых востоковедов.....	168

РЕЦЕНЗИИ

<i>М.А. Потапов.</i> Когда юань станет мировой валютой?	173
<i>А.В. Афонасьева.</i> Портяков В.Я. Шэньчжэньский камертон. Трансформация модели экономического роста в Китае и развитие Шэньчжэня	178
<i>Д.А. Смирнов.</i> Баженова Е.С., Островский А.В. Синьцзян — горизонты нового Шелкового пути	182

ЮБИЛЕЙ УЧЕНОГО

Юбилей Александра Захаровича Жебина	184
Contents	186
Summary	188

Академик Сергей Леонидович Тихвинский
01.09.1918–24.02.2018

Современная историческая наука, российское востоковедение понесли тяжелую утрату. 24 февраля 2018 г. в возрасте 99 лет после тяжелой и продолжительной болезни ушел из жизни всемирно известный ученый, действительный член Российской академии наук, член Президиума РАН, лауреат Государственных премий СССР (1982) и РФ (1999), выдающийся дипломат, Чрезвычайный и Полномочный посол, главный научный сотрудник Института Дальнего Востока РАН, Почетный председатель Общества российско-китайской дружбы СЕРГЕЙ ЛЕОНИДОВИЧ ТИХВИНСКИЙ.

Его жизненный путь, повороты судьбы, жизнь ученого и дипломата достойны написания самой настоящей человеческой саги, в которой переплелись личная жизнь и важнейшие исторические события в развитии нашей страны, дипломатическая служба и главные ключевые этапы российско-китайских отношений, достижения ученого и выпуск исключительных научных трудов, не имевших аналогов в исторической науке.

Органичное сочетание научного творчества с дипломатической практикой, множенное на природное дарование, дало впечатляющие результаты: в активе историка-китаевода С.Л. Тихвинского более 500 научных трудов, в том числе 12 монографий, многие из которых переведены и переводятся на иностранные языки, участие в коллективных монографиях, ответственное редактирование и рецензирование

Плодотворная деятельность С.Л. Тихвинского отмечена многими правительственными наградами, включая Орден Ленина. Есть у него международные награды и награды других государств.

Как дипломат, ученый и общественный деятель С.Л. Тихвинский был участником многих международных форумов, конгрессов и конференций, в том числе Генеральной Ассамблеи ООН, Генеральных конференций ЮНЕСКО, конгрессов Всемирного движения сторонников мира, международных конгрессов востоковедов, исторических наук, европейской ассоциации китаеведов и др.

Выход на широкий международный научный уровень позволил ему постоянно находиться в курсе последних достижений мировой исторической науки, науки о Востоке. Свободное владение несколькими западными и восточными языками давало возможность непосредственного общения с зарубежными коллегами, государственными и политическими деятелями, прославленными военачальниками, учеными, представителями мировой культуры, религиозными деятелями. Такая деятельность на международном уровне отнимала много времени и сил, но и отдача была велика — все шло в копилку знаний и опыта.

Сергей Леонидович родился в Петрограде, в семье врача Леонида Дмитриевича Тихвинского (Нежданова) и его супруги Елены Ефремовны. В начале 1930-х годов окончил школу и поступил на китайское отделение филологического факультета Ленинградского государственного университета, где учился у академика В.М. Алексеева, ставшего его главным наставником.

В первый день занятий Василий Михайлович предложил студентам выучить на китайском языке и перевести на русский язык изречение Конфуция: «Учиться и постоянно совершенствовать свои знания — это ли не радость!». Впоследствии этот афоризм стал, по словам С.Л. Тихвинского, его жизненным девизом, подпитывавшимся общением ученика с учителем.

В 1938 году, сдав экстерном экзамены за IV курс ЛГУ, С.Л. Тихвинский был направлен по комсомольскому набору на работу в НКВД СССР. Боевым крещением на дипломатическом поприще стал для него устный перевод в 1939 г. беседы И.В. Сталина с Председателем Законодательной палаты китайского парламента, сыном Сунь Ятсена, Сунь Фо. Спустя годы Сергею Леонидовичу доводилось переводить Мао Цзэдуна и беседовать с ним.

Длительное время С.Л. Тихвинский находился на дипломатической службе в Китае, Японии, Великобритании и в ООН. В 1939–1940 гг. — вице-консул Генерального консульства СССР в Урумчи (Китай), затем работал в аппарате НКВД в Москве. Являлся участником Великой Отечественной войны.

В 1946–1950 гг. Сергей Леонидович, будучи вице-консулом, представлял Посольство СССР в Северном Китае. С 1948 г. — управляющий Генеральным консульством СССР в Бэйпине (Пекин), в 1949–1950 гг. — советник Посольства СССР в КНР. В 1949 г. С.Л. Тихвинский участвовал во встрече представителя ЦК ВКП(б) И.В. Ковалева с Мао Цзэдуном, Чжоу Эньлаем, Лю Шаоци, Чжу Дэ и др. Будучи генеральным консулом СССР, стал тем дипломатом, через которого 2 октября 1949 г. правительство Советского Союза осуществило акт торжественного признания Китайской Народной Республики и установления дипломатических отношений между СССР и КНР. С 1950 г. работал в аппарате МИД СССР. В 1951 г. участвовал в беседе Сталина, Молотова и других советских руководителей с председателем ЦК Трудовой партии Кореи Ким Ир Сенем и членом Политбюро ЦК КПК Гао Ганом. В 1953–1956 гг. — советник-резидент Посольства СССР в Великобритании. С мая 1956 г. — глава Миссии СССР в Японии, чрезвычайный и полномочный посланник I класса; позднее — советник-посланник Посольства СССР в Японии.

Находясь на дипломатической службе, С.Л. Тихвинский в 1945 г. окончил аспирантуру Тихоокеанского института АН СССР и защитил диссертацию на соискание ученой степени кандидата исторических наук.

В 1957–1959 гг. он занимал должность заведующего отделом стран Азии Государственного комитета по культурным связям с зарубежными странами при Совете министров СССР. Одновременно в 1958–1980 гг. являлся профессором МГИМО, заведующим кафедрой истории стран Востока (1959–1963). В 1960–1961 гг. был директором Института китаеведения АН СССР.

В 1968–1974 гг. С.Л. Тихвинский был членом Исполнительного совета ЮНЕСКО от СССР, членом международной комиссии по изданию семитомной «Истории человечества», ответственным редактором VII тома.

Впечатляет одно перечисление должностей, которые занимал Сергей Леонидович: председатель Российского палестинского общества при АН СССР (1971–1978), член редколлегии журнала «Проблемы Дальнего Востока» (1972–1988), главный редактор журнала «Новая и новейшая история» (1974–1982). С 1975 г. — начальник Историко-дипломатического управления МИД СССР, член Комиссии по изданию дипломатических документов при МИД и Коллегии МИД (с 1977 г.), в 1980–1986 гг. — ректор Дипломатической академии МИД СССР, председатель Национального комитета историков СССР (1980–1991), член бюро Международного комитета исторических наук. Действительный член АН СССР с 29 декабря 1981 г., академик-секретарь Отделения истории, член Президиума АН СССР (1982–1987), председатель Центрального правления Общества советско-китайской дружбы (1985–1991). Почетный председатель Национального комитета российских историков (с 1994 г.) и Общества российско-китайской дружбы (с 2003 г.).

В октябре 2007 г. в связи с 50-летием Общества российско-китайской дружбы Исполком Китайского народного общества дружбы с заграницей присвоил почетному председателю ОРКД С.Л. Тихвинскому звание «Посланец народной дружбы» за выдающийся вклад в дело дружбы и взаимопонимания между народами Китая и России. А 1 октября 2009 г. Сергей Леонидович Тихвинский, которому тогда уже исполнился 91 год, снова был приглашен в Китай на юбилейные торжества в связи с 60-летием образования КНР. На этот раз он был единственным из иностранных гостей — участников исторической церемонии провозглашения КНР 1 октября 1949 года.

До последних дней жизни Сергей Леонидович оставался главным научным сотрудником Центра новейшей истории Китая и его отношений с Россией ИДВ РАН, советником Президиума РАН, почетным президентом Ассоциации китаеведов. Он являлся главным редактором академического издания «История Китая с древнейших времен до начала XXI века».

Память о Сергее Леонидовиче ТИХВИНСКОМ навечно останется в летописи отечественного китаеведения, в сердцах его друзей и коллег, всех, кто любил и уважал этого Ученого, Дипломата и Человека!

Соболезнования в связи с кончиной академика РАН С.Л. Тихвинского

Ниже публикуются соболезнования, поступившие в связи с кончиной академика С.Л. Тихвинского в адрес его родных и близких, а также организаций и учреждений, с которыми была связана деятельность Сергея Леонидовича.

Институт Дальнего Востока РАН
Родным и близким академика РАН С.Л. Тихвинского

Примите искренние соболезнования в связи с постигшим Вас горем. Ушел из жизни Сергей Леонидович Тихвинский – выдающийся ученый, дипломат, авторитетный общественный деятель. Академик Тихвинский многое сделал для становления и укрепления дружественных связей между Россией и Китаем, внес неоценимый вклад в развитие востоковедения и исторической науки в целом. Достоинно проявил себя на педагогическом поприще.

Светлая память о Сергее Леонидовиче навсегда сохранится в сердцах его родных, друзей, коллег, учеников – всех, кто знал этого яркого, неординарного человека.

*В. Путин
Президент Российской Федерации*

Председателю Общества российско-китайской дружбы Д.Ф. Мезенцеву
Директору Института Дальнего Востока Российской академии наук С.Г. Лузянину

От имени всего коллектива Посольства с болью в сердце выражаю глубокие соболезнования в связи с кончиной Почетного председателя Общества российско-китайской дружбы академика Сергея Леонидовича Тихвинского.

С.Л.Тихвинский – патриарх отечественного китаеведения. Его уход – невосполнимая потеря для российской науки и дипломатической практики. Ученик академика В.М.Алексеева, Сергей Леонидович сам воспитал плеяду талантливых специалистов, в том числе на посту ректора Дипломатической академии. Многие последующие поколения тех, кто решит связать свою судьбу с Китаем, будут изучать выдающийся труд – десяти томник «История Китая с древнейших времен до начала XXI века», изданный под редакцией этого наиболее авторитетного российского востоковеда, а также другие его многочисленные глубокие научные работы.

Сергей Леонидович стал свидетелем крупнейших событий в истории Китая XX века, был у истоков установления дипломатических отношений СССР с Китайской Народной Республикой, хорошо лично знал основателей КНР. Благодаря его усилиям признание Советским Союзом нового Китая случилось 2 октября 1949 г., на следующий

день после образования КНР. С именем Сергея Леонидовича Тихвинского неразрывно связана целая эпоха как в российско-китайских отношениях, так и в российском китаеведении. Светлая память о нем навсегда сохранится в наших сердцах.

Прошу вас передать искренние соболезнования родным и близким Сергея Леонидовича.

Память о нем навсегда останется с нами.

*Посол Российской Федерации
в Китайской Народной Республике
А. Денисов*

Президенту Российской академии наук академику РАН А.М. Сергееву

Уважаемый Александр Михайлович!

Примите самые искренние соболезнования в связи с кончиной Сергея Леонидовича Тихвинского.

Ушел из жизни выдающийся историк, китаевед, дипломат, действительный член РАН, лауреат Государственных премий СССР и РФ, являющий собой яркий пример служения Отечеству, советской и российской дипломатии и науке. Труды Сергея Леонидовича, опубликованные за долгую плодотворную жизнь, стали настоящей энциклопедией знаний о китайской духовной культуре, общественной и политической жизни КНР, не имеющей аналогов у нас в стране и за рубежом. С его именем тесно связаны многие достижения Общества советско-китайской и российско-китайской дружбы, которое он как Председатель Центрального правления и Почетный председатель долгое время возглавлял. В стране помнят, что 2 октября 1949 года именно Сергей Леонидович как Генеральный консул СССР сообщил Пекину о признании Советским Союзом Китайской Народной Республики.

Наследие Сергея Леонидовича позволит и в будущем воспитывать многие поколения профессиональных китаеведов.

Добрая и светлая память о Сергее Леонидовиче останется в сердцах всех, кто был с ним знаком и кому довелось с ним работать. Разделяю горечь утраты и прошу Вас передать глубокие соболезнования его семье.

С уважением,

*Председатель Комитета Совета Федерации ФС России
по экономической политике
Председатель Общества российско-китайской дружбы
Д.Ф. Мезенцев*

Директору Института Дальнего Востока Российской академии наук С.Г. Лузянину
Первому заместителю Председателя ОРКД, с.н.с. ИДВ РАН Г.В. Куликовой

Уважаемый Сергей Геннадьевич!

Уважаемая Галина Вениаминовна!

Примите самые искренние соболезнования в связи с безвременной кончиной Сергея Леонидовича Тихвинского.

Ушел из жизни выдающийся историк, китаевед, дипломат, действительный член РАН, лауреат Государственных премий СССР и РФ, являющий собой яркий пример служения Отечеству, советской и российской дипломатии и науке. Труды Сергея Леонидовича, опубликованные за долгую плодотворную жизнь, стали настоящей энциклопедией знаний о китайской духовной культуре, общественной и политической жизни КНР, не

имеющей аналогов не только у нас в стране, но и за рубежом. С его именем тесно связаны многие достижения Общества советско-китайской и российско-китайской дружбы, которое он как председатель Центрального правления и Почетный председатель долгое время возглавлял. Приближаясь к очередной круглой дате установления дипломатических отношений России и КНР, важно вспомнить, что 2 октября 1949 года именно Сергей Леонидович как Генеральный консул СССР сообщил Пекину о признании Советским Союзом Китайской Народной Республики.

Уверен, что наследие Сергея Леонидовича, имя которого и при жизни заслуженно произносилось с особым уважением и пиететом, позволит воспитать многие поколения профессиональных китаеведов в будущем.

Добрая и светлая память о Сергее Леонидовиче останется в сердцах всех, кто был с ним знаком и кому довелось с ним работать. Разделяю горечь утраты и прошу Вас передать глубокие соболезнования его семье.

С уважением,

*Председатель Комитета Совета Федерации ФС России
по экономической политике*

*Председатель Общества российско-китайской дружбы
Д.Ф. Мезенцев*

Председателю Общества российско-китайской дружбы

Дмитрию Федоровичу Мезенцеву,

коллегам, родным и близким академика Сергея Леонидовича Тихвинского

С глубоким прискорбием мы узнали о том, что скончался Почетный председатель Общества российско-китайской дружбы, Почетный председатель Российской ассоциации китаеведов академик Сергей Леонидович Тихвинский. Прошу принять от Общества китайско-российской дружбы и от меня лично глубокие соболезнования по поводу ухода из жизни поборника дела китайско-российской дружбы, внесшего огромный вклад в мировую синологию.

Академик С.Л. Тихвинский всю жизнь был неразрывно связан с Китаем. Как дипломат он постоянно работал на ниве китайско-российской отношений, лично был свидетелем великого исторического момента образования Нового Китая и установления советско-китайских отношений, внес выдающийся вклад в укрепление дружбы между народами наших стран и развитие двусторонних отношений.

Как ученый С.Л. Тихвинский неустанно занимался развитием китаеведения и продвижением китаеведческой науки, добился в этом выдающихся успехов и оказал огромное влияние на развитие китаеведения. Его уход — это огромная потеря для дела китайско-российской дружбы, огромная потеря для человечества. Научные достижения С.Л.Тихвинского и его высокие человеческие качества будут всегда вдохновлять будущие поколения.

Китайско-российские отношения и дружба наших народов, во имя чего жил С.Л. Тихвинский, будут и впредь углубляться. Это является и нашей большой надеждой!

Вечная память академику С.Л. Тихвинскому!

*Председатель Общества китайско-российской дружбы
Чэнь Юань*

Президиуму РАН
Институту Дальнего Востока РАН

Уважаемые коллеги Президиума РАН и ИДВ РАН!

Узнали, что 24 февраля 2018 года скончался патриарх современного российского китаеведения, ветеран советской/российской дипломатии, почетный председатель Общества российско-китайской дружбы, академик Сергей Леонидович Тихвинский. Разрешите мне от имени КАОН, Президиума Отделений КАОН и от себя лично выразить глубокие соболезнования в связи с его кончиной. Просим Вас передать его семье наше искреннее сочувствие.

Академик Сергей Леонидович Тихвинский был патриархом в изучении китаеведения в России. Он приложил большие усилия к исследованию китайской культуры, истории и развития современного Китая, не переставая работать даже в преклонном возрасте и добился выдающихся успехов в этой области. Он также являлся замечательным дипломатом, и как дипломат стал свидетелем и участником китайско-российских (советских) отношений и важных двухсторонних событий. Он с высокой ответственностью и энтузиазмом работал, внося очень важный вклад в дело создания и развития китайско-российских (советских) дружественных отношений, укрепления дружбы между народами двух стран, расширения и углубления взаимодействия и стратегического партнерства между Китаем и Россией. За это его высоко ценят и уважают китайские коллеги. Его кончина является не только большой потерей для российских научных кругов, но и для научных кругов Китая.

Китай и Россия взаимодействуют как дружественные соседи и важнейшие стратегические партнеры. КАОН вместе с РАН стремится прилагать усилия к развитию традиции дружественных обменов, которые открывают и воспитывают поколения ученых двух стран, к дальнейшему расширению и углублению двусторонних контактов и сотрудничества в области гуманитарных и общественных наук, а также к внесению еще большего вклада в продвижение партнерства стратегического взаимодействия между двумя странами.

С искренним уважением,

*Президент Китайской академии общественных наук,
Председатель Президиума Отделений КАОН
Ван Вэйгуан*

Москва
Общество российско-китайской дружбы

Внезапная новость об уходе из жизни господина С.Л. Тихвинского глубоко нас опечалила. Я от имени китайского правительства и народа, от себя лично и от имени Посольства КНР в РФ выражаю глубокие соболезнования родным и близким в связи с уходом из жизни господина С.Л. Тихвинского.

Господин С.Л. Тихвинский – корифей российского китаеведения, выдающийся дипломат и общественный деятель. Он большой друг китайского народа. С.Л. Тихвинский был свидетелем исторического момента установления китайско-советских дипломатических отношений, работал в непростые периоды китайско-советских (российских) отношений. Господин С.Л. Тихвинский вплоть до последних дней вносил вклад в развитие китайско-российских отношений и дело дружбы народов наших стран. Грандиозное многотомное издание «История Китая с древнейших времен до начала XXI века», работа над которым была завершена им в возрасте 99 лет, стало монументальным трудом россий-

ского китаеведения и огромным импульсом для большего взаимопонимания и взаимодействия между народами Китая и России. Китайский народ будет всегда помнить выдающийся вклад господина С.Л. Тихвинского.

Человека уже не вернуть, но его славные дела будут жить в веках.

С глубокими соболезнованиями,

*Чрезвычайный и Полномочный Посол КНР в РФ
Ли Хуэй*

От имени Правительства Республики Корея, корейского народа, коллектива посольства Республики Корея в РФ и лично от себя хотел бы выразить искренние соболезнования родным и коллегам выдающегося ученого-китаеведа, историка, дипломата, общественного деятеля, действительного члена РАН Сергея Леонидовича Тихвинского.

В этот печальный момент мы отмечаем масштаб личности ученого, колоссальную ценность оставленного им опыта, интеллекта и безупречного профессионализма. Поражает сочетание его выдающихся достижений в развитии востоковедения и внесенного им бесценного вклада в российскую дипломатию.

В Корею, как и во всем мире, высоко ценятся глубокие исследования ученого в области истории стран Дальнего Востока и международных отношений. Я и мои коллеги дипломаты будем помнить Сергея Леонидовича и как выдающегося дипломата, способствовавшего установлению отношений дружбы и сотрудничества между странами в Азии и обеспечению мира в регионе.

Вечная память поистине уникальному ученому, дипломату, замечательному человеку Сергею Леонидовичу Тихвинскому.

*Чрезвычайный и Полномочный Посол Республики Корея
в Российской Федерации
У Юн Гын*

Председателю Общества российско-китайской дружбы Д.Ф. Мезенцеву
Директору Института Дальнего Востока РАН С.Г. Лузянину

Выражаем искренние соболезнования в связи с уходом из жизни академика РАН, чрезвычайного и полномочного посла, почетного председателя Общества российско-китайской дружбы Сергея Леонидовича Тихвинского. Трудно переоценить вклад сначала блестящего дипломата, а затем и крупного ученого в развитие отношений между Россией и Китаем.

Имя Сергея Леонидовича навсегда останется в истории российской дипломатии, а его жизненный путь будет вдохновлять новые поколения китаеведов.

От имени сотрудников Генерального консульства России в Гуанчжоу

С уважением,

*Генеральный консул
В. Пашков*

Директору Института Дальнего Востока Российской академии наук С.Г. Лузянину

Уважаемый Сергей Геннадьевич!

С печалью узнал о кончине видного российского дипломата, ученого-востоковеда, действительного члена Российской академии наук, почетного председателя Общества российско-китайской дружбы Сергея Леонидовича Тихвинского.

Почивший внес большой вклад в развитие отношений России с Китаем и Японией, в изучение древней и современной китайской политической культуры. Своим верным служением Отечеству и беззаветной преданностью науке он добился ярких успехов на дипломатическом и научном поприщах. На протяжении своей почти столетней жизни ему довелось быть не только свидетелем, но и участником многих важных исторических событий XX века.

До последних дней Сергей Леонидович всего себя отдавал науке и российско-китайским отношениям, мужественно и стойко переносил постигшую его длительную и тяжелую болезнь. Достойным венцом его трудов стало беспрецедентное десяти томное издание «История Китая с древнейших времен до начала XXI века», работа над которым давала ему силы преодолевать немощь и телесные скорби.

Прошу передать мои соболезнования родным и близким покойного, а также всему коллективу Института Дальнего Востока Российской академии наук.

С уважением,

*Председатель Отдела внешних церковных связей
Московского Патриархата
митрополит Волоколамский
Иларион*

Президиуму Российской академии наук
Институту Дальнего Востока РАН

Коллектив Восточного факультета Санкт-Петербургского государственного университета с глубочайшим прискорбием узнал о кончине выдающегося российского китаеведа Сергея Леонидовича Тихвинского.

Сергей Леонидович был воспитанником Ленинградского университета и всегда с гордостью говорил об этом. Патриарх российского востоковедения — он на протяжении всей своей жизни являлся образцом беззаветного служения нашей Родине в науке, на дипломатическом поприще и в общественной деятельности. На его трудах воспитывались многие поколения наших востоковедов. Книги и статьи Сергея Леонидовича активно использовались в учебном процессе, а десяти томная «История Китая», созданная по его инициативе и под его непосредственным руководством, стала важнейшей вехой в развитии российского китаеведения и исторической науки в целом.

Сергей Леонидович был тем человеком, который неразрывно связывал академические традиции классического китаеведения с современной практикой, совмещая занятия наукой с плодотворной дипломатической работой. Он внес неоценимый вклад в развитие дружбы и добрососедства между народами нашей страны и Китая, а в 50-е годы сыграл важную роль в деле нормализации советско-японских отношений.

Сергей Леонидович многие годы по праву считался главой российской школы изучения Китая. Он оставил после себя огромное количество учеников, которые сегодня трудятся как в научной сфере, так и во всех областях практического китаеведения.

Глубоко скорбим о кончине замечательного Ученого и Человека и просим передать наши самые искренние соболезнования родным и близким Сергея Леонидовича Тихвинского.

*Декан Восточного факультета СПбГУ академик РАН
М.Б. Пиотровский*

Уважаемые коллеги!

Отечественное востоковедение и общественные науки в России понесли тяжелую утрату. 24 февраля 2018 г. на 99-м году жизни скончался выдающийся российский дипломат, историк и китаевед, общественный деятель, бывший директор Института китаеведения АН СССР, ректор Дипломатической академии МИД, чрезвычайный и полномочный посол, Председатель правления Общества советско-китайской дружбы, академик Сергей Леонидович Тихвинский.

Позвольте от имени коллектива профессоров и преподавателей Института стран Азии и Африки Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова выразить глубокие соболезнования родным и близким, коллегам и ученикам Сергея Леонидовича!

Многогранная деятельность С.Л. Тихвинского в качестве практического китаеведа, дипломата, государственного деятеля, историка, организатора науки, педагога широко известна в нашей стране и за рубежом. Он был очевидцем и деятельным участником многих важнейших событий в истории Советского Союза и России, взаимоотношений нашей страны со странами Востока, одновременно участником и летописцем бурной истории ушедшего XX века и начавшегося XXI-го века.

Университетские востоковеды прекрасно помнят его блестящие лекции в стенах Московского университета, а также постоянную заботу и поддержку, которую он оказывал подготовке кадров китаеведов в ИСАА МГУ и на Востфаке СПбГУ.

До последних дней своей жизни он вел активную научную и общественную деятельность, своим примером вдохновляя коллег по цеху на целеустремленный научный поиск. Буквально недавно общественности был представлен завершённый проект 10-ти томной истории Китая - последний и самый грандиозный из научных проектов, инициированных им в области китаеведения.

Огромный вклад академика С.Л. Тихвинского в развитие отечественного востоковедения, истории азиатских стран, истории и теории международных отношений в сочетании с высоким гражданским и научным авторитетом снискали ему глубокое уважение и признание коллег по работе. Светлая память о Сергее Леонидовиче Тихвинском навсегда сохранится в наших сердцах.

*Директор Института стран Азии и Африки
Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова
д.и.н., проф. И.И. Абылгазиев*

Свои соболезнования также выразили:

- Председатель совета Российского фонда фундаментальных исследований академик РАН В.Я. Панченко
- От имени дирекции Государственного Эрмитажа академик РАН Михаил Пиотровский
- Бывший директор Института России, стран Восточной Европы и Центральной Азии Китайской академии общественных наук У Эньюань
- От имени коллектива ИИАЭ ДВО РАН врио директора, чл.-корр. РАН Н.Н. Крадин
- Председатель ОУС по гуманитарным наукам ДВО РАН чл.-корр. РАН В.Л. Ларин
- И.о. директора ИНИОН РАН, доктор политических наук Д.В. Ефременко
- Руководитель Издательской фирмы «Восточная литература» ФГУП «Издательство «Наука» С.М. Аникеева
- Академик В.В. Алексеев
- Иностраный член РАН, заместитель председателя Амурской писательской организации проф. Ли Яньлин

- Пекинский университет
- Генеральный директор Государственного музея искусства народов Востока А.В. Седов
- Директор Института Европы РАН, чл.-корр. РАН Ал.А. Громыко
- Министерство иностранных дел РФ
- Центр изучения современной России Сычуаньского университета
- Директор Института социального развития Евразии Ли Фэнлин
- Центр китайских исследований (Казахстан)
- Президент Китайского института международных исследований Ци Чжэньхун

В Институт Дальнего Востока РАН продолжают поступать соболезнования в связи с кончиной академика С.Л. Тихвинского.

Институт Дальнего Востока Российской академии наук выражает глубокую признательность всем, приславшим соболезнования по поводу постигшей российскую науку тяжелой утраты — кончины академика Сергея Леонидовича Тихвинского.

Политика

Первая сессия ВСНП 13-го созыва и конституционные поправки

© 2018

А.В. Виноградов, П.В. Троцинский

Статья посвящена прошедшей 5–20 марта 2018 г. в Пекине 1-й сессии Всекитайского собрания народных представителей 13-го созыва и принятым на ней важным кадровым и законодательным решениям. Рассматриваются вопросы политических преобразований в контексте изменения Конституции КНР и взаимоотношения КПК и китайского государства. Особое внимание уделено кадровым назначениям и принятым на сессии поправкам в Конституцию КНР, Закону КНР «О контроле». Подробно анализируются поправки в Основной закон страны, предусматривающие внесение в его текст фамилии Си Цзиньпина и идеи о «социализме с китайской спецификой новой эпохи», отмену ограничения срока пребывания на посту Председателя КНР, а также конституционно-правовое закрепление статуса контрольных комитетов в системе органов государственной власти.

Ключевые слова: Китай, конституционные поправки, контрольные комитеты, выборы, ВСНП, Председатель КНР Си Цзиньпин.

Объявив о смене основного противоречия социализма, XIX съезд КПК задал новое направление развития Китая на длительную перспективу. В соответствии с прежним основным противоречием центральной задачей КПК было проведение экономической реформы для повышения темпов роста и уровня благосостояния населения. Новое противоречие переносит центр тяжести с экономического строительства на реформирование системы государственной власти и совершенствование общественных отношений. Однако определив стратегическое направление развития, съезд оставил без ответа целый ряд вопросов относительно того, как будет реализовываться новый курс партии на практике. Очевидно, что предстоящие изменения не могут не затронуть КПК, являющуюся ядром китайского государства. Впервые за многие десятилетия в центре внимания высшего законодательного органа страны оказались взаимоотношения партии и государства.

Виноградов Андрей Владимирович, доктор политических наук, руководитель Центра политических исследований и прогнозов ИДВ РАН, профессор РУДН. E-mail: vinogradov-a.v@mail.ru;

Троцинский Павел Владимирович, кандидат юридических наук, ведущий научный сотрудник ИДВ РАН. E-mail: trosch@mail.ru.

Первые шаги государственного строительства социализма с китайской спецификой новой эпохи

XIX съезд КПК стал поворотным в истории КНР. Он не только подвел черту под предыдущим периодом развития, начало которому было положено Дэн Сяопином, но придал системный характер преобразованиям, проводимым Си Цзиньпином на протяжении последних пяти лет, и нашел им строгую идейно-теоретическую формулу. Провозглашение строительства социализма с китайской спецификой в новую эпоху означает, что Китай вступает в новый этап развития, который будет отличаться от нынешнего не меньше, чем эпоха Дэн Сяопина от эпохи Мао Цзэдуна. Главный вопрос, на который должна была ответить сессия ВСНП — сохранит ли китайский парламент преемственность духу съезда, поддержит ли его масштабными законодательными изменениями? Иначе говоря, облетит ли сессия дух съезда в букву государственного строительства?

Традиционно 1-я сессия ВСНП очередного созыва принимает решения по достаточно узкому по сравнению с ПК ВСНП, хотя и чрезвычайно важному кругу вопросов: избирает новых руководителей высших органов государственной власти, заслушивает отчет правительства, принимает планы социально-экономического развития и бюджет и, в случае необходимости, вносит поправки в Конституцию, закрепляющие идейно-теоретические новации, принятые на съезде партии. Включение в программную часть Устава КПК новой идейно-теоретической формулы — теории Си Цзиньпина о строительстве социализма с китайской спецификой новой эпохи — давало веские основания считать, что на этот раз поправки в Конституцию также будут внесены. Все ждали, какие еще решения фундаментального характера будут приняты.

На протяжении длительного времени в КНР и, особенно, за рубежом обсуждался вопрос о демократизации китайской политической системы и о разделении функций партии и государства, который рассматривался в качестве основного направления политической реформы. Концентрация полномочий в руках Си Цзиньпина указывала на то, что он сохранит центральное положение в руководстве партии и страны. Очевидно, что для успешного проведения намеченных преобразований двух пятилетних сроков на высших постах могло оказаться недостаточно, и китайскому лидеру требовались дополнительные, экстраординарные полномочия, не только фактические, но и юридически закрепленные. В соответствии с этим не безупречным, но все же достаточно весомым аргументом, вопрос о продлении срока полномочий Си Цзиньпина активно обсуждался накануне съезда, а принятые на нем кадровые решения лишь добавляли актуальности этой теме. Съезд не принял и, в соответствии с Уставом, не мог принять ожидавшегося решения о продлении срока полномочий генерального секретаря. Но принял другое, косвенно указывающее на желаемое развитие событий — в новый состав Постоянного комитета Политбюро не вошли очевидные кандидаты на занятие поста генерального секретаря на следующем съезде КПК. Отсутствие кандидатуры наиболее вероятного преемника требовало для своей интерпретации дополнительной информации. Еще до начала сессии было ясно, что система преемственности власти и назначений на высшие государственные посты, существовавшая прежде, претерпевает изменения. Возникла реальная перспектива, что посты и полномочия первого лица в партии и государстве могут передаваться не последовательно, как это было до сих пор, а существовать достаточно длительное время параллельно и независимо друг от друга, обеспечивая не только преемственность власти, но и прямой контроль за действиями преемника.

После своего избрания в 2012 г. Си Цзиньпин инициировал ряд общественно-политических кампаний, в центре которых оказалась борьба со злоупотреблениями своим служебным положением партийными и государственными чиновниками и оздоровление всей системы государственной власти. На протяжении пяти лет борьба велась как по линии привлечения к ответственности отдельных нарушителей («тигров» и «мух»), так

и создания институциональных предпосылок для совершенствования работы государственных органов власти, повышения их эффективности в управлении государством (Комитет национальной безопасности). В ходе проведения кампании выяснилось, что коррупцией в наибольшей степени поражен «авангард китайского общества», а главным объектом этой борьбы являются представители политического класса, политическая элита. Поэтому задача борьбы с коррупцией оказалась локализована преимущественно в партии, которая, несмотря на неустанные усилия руководства и правоохранительных органов, постоянно воспроизводила коррупционные отношения. Примерно так же видел свою задачу в период «культурной революции» Мао Цзэдун, утверждавший, что партия бюрократизировалась и предала забвению революционные идеалы. По истечении пяти лет тяжелой борьбы руководству КПК стало ясно, что нужны изменения на самом глубоком, фундаментальном уровне.

Материалы съезда не давали указаний относительно конкретных мер и этапов преобразований, но сомнений в том, что на первый план постепенно выдвигаются взаимоотношения партии и государства, становилось все меньше.

Партия, как показал съезд, сохранила за собой роль «генерального штаба» и эксклюзивное право принимать стратегические решения по ключевым вопросам общественного развития. Однако понять существо проблемы, находясь только внутри самой партии, не выходя на уровень государственных органов, было невозможно. В ряде случаев партия просто блокировала и отторгала собственное реформирование. Сессия должна была уточнить место и роль партии в управлении государством и внести свой вклад в определение баланса сил и интересов партийных и государственных органов, т.е. сделать свой шаг в проведении политической реформы.

Традиционно за съездом КПК следуют два пленума ЦК, первый из которых проходит сразу после съезда и посвящен решению внутрипартийных, организационных и кадровых вопросов — избранию генерального секретаря, членов Политбюро и его Постоянного комитета. Второй, созываемый через несколько месяцев, обсуждает планы реализации партийных решений на государственном уровне, прежде всего планы социально-экономического развития, кадровые назначения на высшие посты в органах государственной власти, изменения в структуре правительства и предложения по проведению административной реформы, а также внесение поправок в Конституцию.

На этот раз отлаженная на протяжении трех с половиной десятилетий процедура подготовки 1-й сессии ВСНП была нарушена. По сложившейся традиции после нечетных съездов в состав ПК ПБ избирали наиболее вероятных преемников на посты руководителей партии и правительства на следующий десятилетний срок. На этот раз ни один из новых членов ПК ПБ по возрасту не мог претендовать на занятие этих постов два срока подряд. Вместе с тем возраст и завершение второго срока пребывания на постах действующих руководителей ВСНП и НПКСК требовали их смены. При решении этих вопросов существовала вероятность нарушения сложившихся норм в духе прошедшего съезда: можно было внести изменения в Конституцию и оставить на постах прежних руководителей, которые, однако, уже вышли из состава ПК ПБ, что делало этот вариант крайне маловероятным; их могли сменить новые руководители, по возрасту не претендующие на два срока; наконец, могли быть выбраны более молодые руководители, не имеющие ограничений по возрасту на занятие постов на протяжении двух сроков, но не входящие в состав ПК ПБ. Так или иначе, решение этих вопросов упиралось в возраст.

Таким образом, возраст и время оказались в центре политического процесса. Они требовали снятия или ослабления временных ограничений. Обратной стороной этих требований было увеличение скорости проведения преобразований за счет концентрации полномочий и повышения мобилизации партии и органов государственной власти. Выдержать курс реформ, сохраняя стабильность, можно было двумя способами. Во-первых, снять возрастные ограничения на пребывание на постах генерального секретаря

и членов ПК ПБ. Однако, приняв фундаментальные изменения в идейно-теоретическую доктрину, съезд сохранил в неприкосновенности организационное строение партии и возрастные ограничения для занятия высших постов.

Во-вторых, продолжить курс на концентрацию полномочий у Си Цзиньпина. Мотивация концентрации полномочий у главы партии и государства была очевидна, а само решение обосновано. Но не менее очевидны были и риски такой концентрации полномочий, прежде всего — волюнтаризм, необоснованность решений и невозможность их оперативно исправить или отменить. КПК уже имела подобный негативный опыт и не могла игнорировать возможное развитие событий. Дважды в «каэньэровский» период своей истории осудившая культ личности партия отказалась менять свои организационные принципы, не были созданы и новые центральные органы, которые давали бы возможность продлить политическую жизнь сторонникам и соратникам нынешнего генерального секретаря. (Так, в начале предыдущего цикла реформ была создана Центральная комиссия советников, а затем Ли Пэн после истечения двух сроков сменил пост премьер-министра Госсовета на пост председателя ПК ВСНП.) Ресурс укрепления позиций Си Цзиньпина в партии был, таким образом, исчерпан. Но у него оставались высшие государственные посты. Сессия ВСНП могла принять изменения, которые не были приняты на съезде и касались дальнейшего укрепления личной власти Си Цзиньпина. Однако принципиальное согласие на использование этого механизма создавало диспаритет между полномочиями лидера партии и главы государства, но в еще большей степени — во взаимоотношениях партии и государства, разделяя их.

В истории пост председателя КНР выходил на первый план тогда, когда в партии нарастали проблемы и противоречия и исчезало идейно-организационное единство. Так произошло в начале 1960-х годов, когда после провала политики «трех красных знамен» («большого скачка», народных коммун и новой генеральной линии) пост Председателя КНР занял Лю Шаоци. Однако перераспределение власти в пользу государственных органов создает в китайской политической системе потенциально опасное противоречие между центрами силы. Не случайно в период «культурной революции» пост Председателя КНР упразднили, чтобы вернуть монополию на власть Мао Цзэду. Его восстановили в 1982 г., а в начале 1990-х вновь объединили высшие посты в партии и государстве у генерального секретаря.

Разведение партийной и государственной власти сейчас сдерживается совмещением высших постов одним и тем же лицом, но вероятность их противопоставления и конкуренции может вновь возникнуть. В сложившихся обстоятельствах была избрана реформа в органах государственной власти, которая предполагает дополнительный срок полномочий для Председателя КНР, хотя возможность его использования и объем этих полномочий пока неясны. Вероятно, решение об увеличении срока полномочий Председателя КНР принималось не на длительную перспективу, а является инструментом текущей политической борьбы, чтобы к следующему съезду создать предпосылки для укрепления позиций Си Цзиньпина в партии и тогда уже снять неформальное ограничение сроков занятия высшего поста в партии или ввести пост Председателя ЦК КПК. Неопределенность — верный показатель переходного периода и, потенциально, крупных перемен.

В условиях нарастающей неопределенности во взаимоотношениях партии и государства Си Цзиньпин стал точкой опоры, от него зависит судьба этих взаимоотношений и политической стабильности на ближайшую перспективу. Для сохранения политической стабильности, которая все больше становится тождественной прочности положения самого Си, был принят ряд мер. Во-первых, после съезда с целью повысить авторитет генерального секретаря в средствах массовой информации и пропаганды впервые с конца 1970-х годов применительно к действующему партийному деятелю появилось понятие «вождь». Основанием для рождения вождя, безусловно, стала теория, указывающая новые ориентиры развития после полного построения общества *сяо кан*.

Во-вторых, чтобы укрепить полномочия и власть лидера, надо было акцентировать внимание на приоритете закона, который всегда выступает на стороне действующей власти. Сегодня реальные властные полномочия сосредоточены у одного человека — Си Цзиньпина, но он, как и его предшественники, все больше говорит об усилении роли закона, понимая, что на данный момент закон — это главный инструмент укрепления его авторитета и личной власти. «Никакая организация или личность не может преступить Конституцию или закон», — вновь повторил Си Цзиньпин на групповой учебе Политбюро в начале года.

Закон усиливает авторитет лидера и ослабляет силу авторитета его оппонентов. Вместе с тем «строительство правового государства» явно понижает роль партии, решения которой всегда обладали беспорным приоритетом. Похоже, мы становимся свидетелями начала нового цикла в развитии китайского государства, которое на протяжении более двух тысяч лет проходило в борьбе между конфуцианскими и легистскими принципами: либо человек правит (*жэнь чжи*), либо закон правит (*фа чжи*) с различными промежуточными формами — *«цзюнь чжи»* (армия правит) и *«дан чжи»* (партия правит).

На протяжении всего периода существования КНР решающая роль партии сомнению не подвергалась. Но в складывающихся условиях для того чтобы компенсировать снижение роли партии и успокоить партийные массы, следовало закрепить руководящий статус партии на конституционном уровне. Для самого Си высший пост в партии дает мощный инструмент контроля за партийными органами и партийными массами на местах, где сопротивление ему особенно велико. Представляется, что именно этот аспект подчеркивает Си Цзиньпин, когда призывает партию беспрекословно подчиняться ЦК.

В-третьих, для контроля за работниками партийно-государственного аппарата, против которых направлено острое борьбы с коррупцией, был предложен новый конституционный орган — Государственный контрольный комитет, решения которого становятся формально выше решений Центральной комиссии по партийной дисциплине (ЦКПД), до этого игравшей роль главной контрольно-надзорной инстанции. Государственные чиновники всех уровней оказываются под контролем верховного государственного органа, подвластного закону, но неподконтрольного партии.

Все эти соображения и планы нашли отражение в решениях 2-го пленума ЦК 19-го созыва. В коммюнике пленума отмечалось, что поправки в Конституцию «будут опираться на теоретические положения Председателя КНР Си Цзиньпина и позволят укрепить роль партийного лидера «как “ядра” для сплочения не только партии, но всей нации ради успешного развития и всеобщего процветания». Отдельно отмечалось, что изменения в Конституции будут опираться на четыре ключевых идеологических принципа: учитывать исключительную роль КПК в деле государственного управления; утверждать роль социализма с китайской спецификой; вносить изменения в теоретические положения с учетом новейших тенденций национального и международного развития; утверждать значимость юридических норм и силу закона, которые призваны усилить внутриполитическую стабильность и социальную гармонию. Нельзя не отметить схожесть этих положений с «четырьмя основными принципами», выдвинутыми Дэн Сяопином в марте 1979 г. для сохранения социалистической ориентации начавшихся реформ.

Вся эта сложная нелинейная логика построения новой системы высшей власти предполагала ряд экстраординарных мер. 26–28 февраля 2018 г., по официальной информации, всего через два дня после принятия решения на заседании Политбюро 24 февраля и за 7 дней до начала сессии ВСНП, был созван 3-й пленум, не вписывающийся в очередность плановых мероприятий ЦК КПК. На пленуме по поручению ПБ с «важной речью» выступил Си Цзиньпин. По итогам работы было принято «Решение ЦК КПК об углублении реформ партийных и государственных структур», а также одобрены списки кандидатов на руководящие посты в государственные органы власти и ВК НПКСК. Как было указано на пленуме, целью углубления реформ партийных и государственных

структур является «создание законченной, научно обоснованной, нормативной и эффективной системы функционирования партийных и государственных органов; создание системы партийного руководства, охватывающего и согласующего все сферы деятельности; системы правительственного управления с четким кругом полномочий, действующей на основании закона», а также рабочей системы народных организаций, призванных содействовать скоординированным действиям СНП, правительств, НПКСК, надзорных, судебных и прокурорских органов, народных организаций, предприятий и производственных единиц, социальных организаций и других под единым руководством партии, чтобы всесторонне повысить уровень государственного управления.

По итогам пленума было принято решение о внесении поправок в Конституцию, самое масштабное за всю историю КНР. Вероятно, можно говорить о пересмотре Конституции в части, касающейся органов государственной власти.

1-я сессия ВСНП 13-го созыва

5 марта 2018 г. в Пекине начала работу 1-я сессия ВСНП 13-го созыва. Согласно обнародованному докладу Канцелярии ПК ВСНП «О ситуации с избранием делегатов Всекитайского собрания народных представителей 13-го созыва»¹ число народных депутатов, избранных на новую сессию, составило 2980 человек. Общее количество избирательных единиц, в которых косвенным образом формировался депутатский корпус ВСНП 13-го созыва, составило 35, из них 23 провинции (включая Тайвань), 5 автономных районов, 4 города центрального подчинения, а также Сянганский и Аомэньский особые автономные районы и НОАК.

Мандаты 2980 депутатов прошли проверку и были подтверждены ПК ВСНП 24 февраля 2018 г.²

Анализ депутатского корпуса свидетельствует об исполнении ранее принятых предписаний в отношении не только его количественного состава, но и требуемых норм представительств. Можно отметить увеличение женщин в китайском парламенте нового созыва, общее число которых составило 742 человека, или 24,9% от всего состава депутатского корпуса (в 12-м созыве их было 23,4%, что на 43 делегата меньше). Наибольшее количество женщин из их общего числа — от провинции Ляонин: 13,73%. Самое малое представительство депутатов женского пола — от провинции Хэйлуцзян: 0,28%³.

Результат избрания в парламент нового созыва делегатов от национальных меньшинств следующий:

– всего избрано 438 человек, что составило 14,7% от общего количества депутатского корпуса.

Для сравнения отметим, что в ВСНП предыдущего созыва было избрано 409 делегатов из представителей национальных меньшинств, что составило тогда 13,69% от общего числа депутатов⁴.

Можно особо выделить избранную от Синьцзян-Уйгурского автономного района депутата Минь Сяоцин (жен.), представляющую в ВСНП нового созыва национальное меньшинство «русские»⁵.

Увеличилось и количество представителей от рабочих и крестьян: 468 делегатов, или 15,7% от общего числа депутатов (на 2,28 п/пункта больше, чем в предыдущем созыве); количество представителей от специалистов и «технарей»: 613 человек, или 20,57% от общего числа депутатов (на 0,15 п/пункта больше, чем в предыдущем созыве).

На фоне роста представительства от национальных меньшинств, женщин, рабочих и крестьян произошло некоторое снижение количества представителей от руководящих партийных и государственных органов. В 13-й созыв ВСНП их прошло 1011 человек, или 33,93% от общего числа делегатов; снижение составило около 1%. Таким обра-

зом, каждый третий депутат в ВСНП — по-прежнему представитель руководящей партийной номенклатуры.

Общее число новоизбранных делегатов в ВСНП 13-го созыва — 2211 человек, что составило 74,19% от всей численности народных избранников. Переизбранных из прошлого созыва — 769 депутатов, или 25,81%. Также особо выделим 89-летнюю депутата-женщину Шэнь Цзилань, которая единственная во всем Китае входила в состав всех прошедших созывов ВСНП (1954–2018 гг.)

Рабочая повестка первой сессии

Повестка 1-й сессии ВСНП 13-го созыва была чрезвычайно насыщенной⁶. С одной стороны, она, как и в прежние созывы, включала в себя заслушивание и утверждение депутатами отчета о работе правительства, планов социально-экономического развития страны, бюджета и отчета о его исполнении, доклада о проделанной работе председателя Верховного народного суда и генерального прокурора Верховной народной прокуратуры, избрание на должности высших должностных лиц государства. С другой — рассмотрение и утверждение проектов новых законов: поправок в действующую Конституцию КНР и Закон КНР «О контроле», а также избрание на должность главы нового органа в системе органов государственной власти — Государственного контрольного комитета. Кроме того, рассмотрение проекта реформы органов Государственного совета.

Острые дискуссии у экспертного сообщества вызвали конституционные поправки, их конкретное содержание впервые было представлено широкой общественности 25 февраля 2018 г. Агентством Синьхуа⁷. О возможном изменении Конституции исследователи Китая начали говорить еще с осени прошлого года, когда на XIX съезде КПК (18–24 октября 2017 г.) в текст Устава партии было внесено имя Си Цзиньпина и его идея «социализма с китайской спецификой в новую эпоху».

Кроме этого, после завершения съезда правящей партии нельзя было с уверенностью назвать среди обновленной партийной элиты приемника Си Цзиньпина на посту генерального секретаря и, в перспективе, Председателя КНР, в связи с чем возникал вопрос о планах Си Цзиньпина остаться у власти и на последующий после 2023 г. срок. Также было известно, что к принятию готовится Закон КНР «О контроле», предусматривающий появление в системе органов государственной власти нового контрольного органа с мегаломочиями, аналоги которого существовали в Древнем и республиканском Китае времен Чан Кайши. Это также требовало внесения изменений в Основной закон страны для конституционного закрепления правового статуса новой контрольной ветви власти.

Принятые на 1-й сессии ВСНП 13-го созыва поправки в Конституцию КНР по своему объему стали самыми большими за всю историю внесения изменений в Основной закон страны. В действующую Конституцию КНР в общей сложности вносились поправки четыре раза: в 1988, 1993, 1999 и 2004 г.⁸ (общее количество внесенных поправок — 31, в 2018 г. внесены поправки с 32 по 52). Ниже проведен анализ лишь наиболее важных из них, которые вызвали острую полемику в научной среде.

Несмотря на обширные полномочия и высокий конституционный статус ВСНП в системе органов государственной власти, действующий парламент фактически лишь облакает в правовую форму принятые правящей Коммунистической партией решения. Таким образом, законодатель выступает в качестве «рупора» КПК, исполняя ее указания.

Конституционные поправки

Поправки идеологического характера

В Преамбулу действующей Конституции КНР, наряду с именами Мао Цзэдуна и Дэн Сяопина, теперь вписано имя Си Цзиньпина и его «идеи» о «социализме с китайской спецификой новой эпохи» (*поправка № 1*, или *статья 32* Поправок 2018 г. [по об-

шему числу статей с внесенными поправками в Конституцию с 1988 г.)). Председатель Си стал в один ряд с основателем КНР Мао Цзэдуном и основоположником китайских экономических реформ Дэн Сяопином. Особо отметим, что имя Мао Цзэдуна было вписано в Конституцию КНР еще при жизни «великого кормчего», а вот имя Дэн Сяопина — лишь после его смерти». Таким образом, Си Цзиньпин ставится наравне с основателем КПК и КНР Мао Цзэдуном, заслуги которого перед страной были признаны еще при его нахождении во власти.

В обновленной редакции абзац 7 Преамбулы Конституции КНР звучит следующим образом:

«Победа новодемократической революции и успехи социализма в Китае стали возможными потому, что Коммунистическая партия Китая, руководя всеми национальностями Китая, руководствуясь марксизмом-ленинизмом, идеями Мао Цзэдуна, придерживалась истины, исправляла ошибки, преодолевала многочисленные трудности и препятствия. Китай будет в течение длительного времени находится на начальной стадии социализма. Коренная задача государства состоит в том, чтобы по мере продвижения по пути социализма с китайской спецификой сконцентрировать силы на осуществлении социалистической модернизации. Народы всех национальностей Китая, руководимые Коммунистической партией Китая и руководствующимся марксизмом-ленинизмом, идеями Мао Цзэдуна, теорией Дэн Сяопина, важнейшей теорией «трех представительств», концепцией научного развития, идеей Си Цзиньпина о социализме с китайской спецификой в новую эпоху, будут и впредь отстаивать демократическую диктатуру народа и социалистический путь, придерживаться реформ и открытости, постоянно совершенствовать различные социалистические институты, развивать социалистическую рыночную экономику, развивать социалистическую демократию, укреплять верховенство социалистического закона, последовательно претворять в жизнь новые концепции развития, опираться на собственные силы, упорно бороться за постепенное осуществление модернизации промышленности, сельского хозяйства, государственной обороны, науки и техники, стимулируя гармоничное развитие материальной, политической, духовной, социальной и экологической культуры, превращая Китай в богатое, могучее, демократическое, цивилизованное гармоничное и красивое современное сильное социалистическое государство, достигая великого возрождения китайской нации».

Отметим дополнение в абзац 10 Преамбулы, которым в ряды единого патриотического фронта теперь внесены и «патриоты, посвятившие себя великому возрождению китайской нации» (*поправка № 2, или статья 33*). К этой категории лиц, прежде всего, следует отнести зарубежных китайцев, внесших огромный материальный вклад в развитие КНР после 1978 г. Власти подчеркивают неразрывную связь проводимых реформ с проживающими за рубежом китайцами, оказывающими финансово-политическую поддержку социалистическому Китаю.

Абзац 11 Преамбулы Конституции, ранее гласивший, что между проживающими в Китае национальностями «уже установились и будут укрепляться впредь социалистические национальные отношения равенства, сплоченности и взаимопомощи», теперь содержит новую формулировку «социалистические национальные отношения равенства, сплоченности, взаимопомощи и гармонии» (*поправка № 3, или № 34*).

Особое внимание привлекает *поправка № 5 (статья 36)*, согласно которой дополнена ч. 2 ст. 1 Конституции. После фразы: «Социалистический строй есть основной строй Китайской Народной Республики» законодатель продолжает: «руководящая роль Коммунистической партии Китая является самой существенной отличительной особенностью социализма с китайской спецификой». Таким образом, уже в начале Конституции, в ее главе I «Общие положения» говорится о решающем вкладе КПК в построение социализма с китайской спецификой. Власти страны очевидно акцентируют внимание на осно-

вополагающей роли правящей партии в процессе проводимых в стране реформ и стараются, чтобы эта формулировка утвердилась в головах китайских граждан.

Поправки, касающиеся системы органов государственной власти и государственных служащих

Наибольшую дискуссию среди всех принятых ВСНП конституционных поправок, несомненно, вызвала *поправка № 14 (статья 45)*, отменившая ограничение срока занятия поста Председателя КНР. Так, до внесения поправок, ч. 3 ст. 79 Конституции гласила:

«Срок полномочий Председателя и заместителя Председателя Китайской Народной Республики соответствует сроку полномочий Всекитайского собрания народных представителей. Председатель и заместитель Председателя Китайской Народной Республики могут занимать эти должности не более чем два срока». В настоящее время фраза о занятии указанных должностей не более двух сроков исключена из Конституции.

Таким образом, Си Цзиньпин юридически теперь правомочен занимать данный пост без ограничения по времени при условии его переизбрания ВСНП каждые пять лет. Это дает возможность нынешнему Председателю КНР оставаться «у руля» государственной власти до конца своей жизни, потенциально превращаясь в пожизненного руководителя Китая.

Напомним, что высшее должностное лицо государства было введено в систему высших органов власти КНР с принятием первой Конституции страны в 1954 г. Первоначально пост Председателя КНР существовал 21 год — от первой Конституции 1954 г. до Конституции 1975 г., в которой он отсутствовал, и был вновь восстановлен в Конституции КНР 1982 г. По Конституции КНР 1954 г. Председатель КНР наряду с ПК ВСНП выполнял функции главы государства¹⁰. С принятием Конституции 1975 г. начинается следующий этап, характерной чертой которого стало исключение из текста Основного закона поста Председателя КНР¹¹. Конституция 1978 г. не предусматривала возрождения этого института в системе органов государственной власти, часть полномочий Председателя КНР были переданы председателю ПК ВСНП¹². С принятием Конституции 1982 г. институт Председателя КНР был возрожден, хотя и с некоторым уменьшением его полномочий.

По своей юридической сущности Председатель рассматривался авторами Конституции лишь в качестве формальной, исполнительно-распорядительной фигуры при ВСНП. Не случайно, что все основные полномочия Председателя КНР осуществляет на основании решений ВСНП или ПК ВСНП.

В свое время профессор А.Е. Лунев писал: «Председатель КНР выполняет функции высшего исполнительного органа Всекитайского собрания народных представителей и Постоянного комитета Всекитайского собрания народных представителей. Исполнительный характер полномочий Председателя КНР вытекает из смысла возложенных на него Конституцией обязанностей»¹³. Е.В. Куманин подтверждает: «в систему высших органов власти Конституция 1954 г. ввела институт Председателя КНР, который в большинстве случаев при исполнении своей компетенции действовал на основании решений ВСНП и его ПК, поэтому рассматривался как часть коллегиального института главы государства»¹⁴. Таким образом, пост Председателя КНР рассматривался больше как церемониальный и уступал по значимости в сравнении с постом генерального секретаря КПК или председателя Центрального военного совета (далее: ЦВС).

Справедливости ради отметим, что для экспертного сообщества снятие ограничения на срок нахождения в должности Председателя КНР было ожидаемым. Известно, что в КНР действовала негласная практика, согласно которой перед началом второго пятилетнего срока работы действующего генсека (по совместительству Председателя КНР) в состав ПК ПБ вводился его преемник, который впоследствии избирался ВСНП в качестве заместителя Председателя КНР и затем сменял лидера на его ключевых постах, становясь генеральным секретарем КПК, Председателем КНР и главой ЦВС.

Растущая концентрация власти в руках Си Цзиньпина подкреплена теперь и на конституционном уровне. Тенденция ухода Китая от коллективного руководства и смежности власти в сторону руководства авторитарного продолжает углубляться, проникая, в том числе, и в законодательную сферу. По сути, Си Цзиньпин отстраняет от управления страной саму Коммунистическую партию, консолидируя в своих руках все основные властные полномочия на партийном и государственном уровне. Си превращается из первых среди равных в фигуру императора, закрепляя за собой все возможные ключевые посты в государстве.

Контрольная ветвь власти

Заключительной конституционной *поправкой № 21 (статья 52)* в систему органов государственной власти введены новые органы — Контрольные комитеты. 11 поправок из 21 затрагивают контрольные комитеты. Конституционно-правовому регулированию деятельности контрольных комитетов посвящен теперь параграф 7 главы III «Государственная структура», статьи 123–127. Кроме этого, на мартовской сессии ВСНП (20.03.2018) принят отдельный Закон КНР «О контроле», состоящий из 9 глав, 69 статей. Своим вступлением в силу он отменил принятый в 1997 г. Закон КНР «Об административном контроле».

О необходимости создания единого централизованного органа по борьбе с коррупцией Си Цзиньпин заявил еще в январе 2016 г. на 6-м пленарном заседании Центральной комиссии КПК по проверке дисциплины. Основанием к такому решению послужило дублирование функций комиссий по проверке дисциплины и органов прокуратуры при расследовании коррупционных дел. Это приводило к целому ряду серьезных формально-юридических сложностей в обеспечении процессуального порядка ведения возбужденных органами прокуратуры уголовных дел. Ведь собранные дисциплинарными комиссиями материалы, подтверждающие с юридической стороны причастность лица к коррупции, не могли являться доказательствами по уголовному делу, так как комиссии не обладают статусом правоохранительного органа, правомочного вести дознание и предварительное следствие. После получения материалов по коррупционному делу органы прокуратуры должны были заново (по второму кругу) допрашивать подозреваемого/обвиняемое лицо, опрашивать свидетелей, облекать собранную комиссиями информацию в форму доказательств. Органы прокуратуры в целях соблюдения процессуального порядка сбора доказательств (а ведь его нарушение автоматически влечет утрату доказательств юридической силы) вынуждены были повторно проводить те же самые действия, которые ранее были совершены комиссиями по проверке дисциплины. Все это серьезно препятствовало скорому и оперативному разрешению коррупционных дел, подрывало законность совершаемых в отношении подозреваемого/обвиняемого в коррупции лица действий, ставило под угрозу юридическую силу собранных по делу доказательств.

В ноябре 2016 г., по инициативе Си Цзиньпина, в городе центрального подчинения Пекине, провинциях Шаньси и Чжэцзян в экспериментальном порядке началась работа самостоятельных органов контроля, которые совместили в себе функции комиссий по проверке дисциплины и местных народных прокуратур, ответственных за борьбу с коррупцией. В декабре 2016 г. ПК ВСНП принял соответствующее Постановление «О развертывании пилотной работы по реформированию государственной системы контроля» в указанных выше регионах¹⁵. В январе 2017 г. в провинции Шанси была создана первая в Китае контрольная комиссия, затем аналогичные — в Пекин и Чжэцзяне.

Параллельно с этим происходила разработка проекта Закона КНР «О контроле», который уже в июне 2017 г. был рассмотрен на заседании ПК ВСНП. В ноябре 2017 г. законопроект был размещен в Интернете для учета мнений населения и специалистов в отношении содержащихся в нем положений¹⁶. До этого, в октябре 2017 г., ПК ВСНП рассматривал проект Постановления о развертывании пилотной работы по реформирова-

нию системы государственного контроля уже в масштабах всего Китая. К февралю 2018 г. *трехуровневая система государственного контроля* (провинции — города — уезды) покрыла собой весь Китай (за исключением Тайваня, Гонконга и Макао). Ее суть заключается в соединении функций партийных комиссий по проверке дисциплины и органов прокуратуры, ответственных за противодействие коррупции, для проведения проверок и следствия в отношении государственных служащих и работников бизнеса на предмет нарушения ими партийных инструкций и антикоррупционного законодательства. Иными словами, создана служба «одного окна», в которое стекается вся информация по коррупционным и иным смежным нарушениям, и работники которого правомочны принимать соответствующие правовые решения в отношении виновных физических/юридических лиц.

В КНР создана новая (но не новая для Китая) самостоятельная ветвь власти — контрольная. Напомним, что идея создания особой, отличной от западной, системы разделения властей принадлежала «отцу нации» Сунь Ятсену. Согласно его работе «Конституция пяти властей» (1924 г.), «государственная власть делится на пять независимых друг от друга властей: законодательную, судебную, исполнительную, контрольную и экзамениционную»¹⁷. В феврале 1931 г. Национальным правительством Китая под руководством Чан Кайши на основании «Конституции пяти властей» был создан Контрольный Юань. На Тайване в соответствии с главой 9 Конституции действует Палата контроля, которая рассматривает дела по нарушениям чиновниками законодательства или пренебрежения с их стороны служебными обязанностями. Действует и принятый еще в 1937 г. Закон «О контроле». В статье 2 Закона устанавливается право Контрольной палаты и ее комитетов на выдвижение обвинений в отношении чиновников, злоупотребляющих своими полномочиями, с требованием исправления ситуации.

Включение в параграф 7 главы III Конституции КНР раздела «Контрольный комитет» непосредственно перед параграфом 8 «Народный суд и народная прокуратура» подтверждает тезис о «рождении» в КНР новой контрольной ветви власти. Согласно поправкам в Конституцию и Закону «О контроле», создается новый орган с мегаполномочиями: Государственная контрольная комиссия, правомочная на проведение следственных действий в рамках расследования дел о коррупции.

В соответствии со ст. 8 Закона «О контроле» органы контроля проводят проверки в отношении следующих категорий лиц:

- работников органов КПК, СНП, административных органов, органов НПКСК, органов контроля, судебных органов, органов прокуратуры, органов демократических партий и торгово-промышленных союзов, а также в отношении всех категорий лиц, упомянутых в Законе КНР «О государственной службе»;
- работников государственных предприятий;
- работников, занимающихся управленческой деятельностью в образовательных, научно-исследовательских, культурных, здравоохранительных, спортивных организациях;
- работников, занимающихся коллективной управленческой деятельностью в низовых массовых автономных организациях;
- в отношении других категорий лиц.

Новому ведомству передаются полномочия как комиссий по проверке дисциплины, так и антикоррупционных прокурорских ведомств. Они вправе проводить процессуальные действия в виде опросов и допросов, обысков и осмотров, задержания, опечатывания документов и пр. Прокуроры из антикоррупционных управлений переходят в штат контрольных комитетов и, кроме знания законодательства, обязаны будут разбираться в партийных инструкциях, предусматривающих дисциплинарную ответственность за нарушение правил поведения члена правящей партии. Иными словами, подразделения народной прокуратуры, ранее ответственные за расследование должностных преступлений, полностью перейдут в подчинении контрольных комитетов.

Контрольная власть была широко известна в Древнем Китае. Российский ученый В.М. Майоров пишет: «Развитие традиционного государства в Китае шло особым путем, направление которого диктовалось национальной политической культурой. В отличие от Европы здесь очень рано произошло обособление контрольных функций, что придало государству дополнительную устойчивость»¹⁸. Так, при династии Цин существовали придворные цензоры (*юйши дафу*) — «главный цензор» в Палате цензоров, в обязанность которой входило осуществление контроля за деятельностью всего бюрократического аппарата. При династии Тан имелись специальные сановники-надзиратели (*цзяньи дафу*) — «советник, увещевавший императора».

Очевидно, что Председатель Си пытается соединить опыт древних контрольных практик с насущными проблемами социализма с китайской спецификой. Объединение антикоррупционных сил «под знаменем» контрольных комитетов должно способствовать централизованному и более эффективному противодействию коррупции. В сферу профессиональных интересов новых органов теперь входит не только борьба с разложением в государственном аппарате, но и противодействие такого рода явлениям в других сферах (медицина, образование, наука, спорт и т.д.)

Контроль за деятельностью новых органов осуществляется со стороны системы народных представительств. Так, Государственный контрольный комитет ответственен перед ВСНП. Об этом четко говорит не только Закон КНР «О контроле» (ст. 51), но и *поправка № 6 (статья 37)*, согласно содержанию которой «все государственные административные органы, органы контроля, судебные органы и органы прокуратуры формируются собраниями народных представителей, ответственны перед ними и им подконтрольны» (ч. 3 ст. 3 Конституции). Согласно п. 7 ст. 62 Конституции КНР в новой редакции, председателя Государственного контрольного комитета избирает ВСНП (*поправка № 10 (статья 41)*) и его же отрешает от должности (п. 4 ст. 62 Конституции КНР в новой редакции) (*поправка № 11 (статья 42)*). Члены ПК ВСНП не могут занимать должности в контрольных комитетах (ч. 4 ст. 65 Конституции КНР в новой редакции) (*поправка № 12 (статья 43)*).

В будущем Си Цзиньпин, по примеру древних правителей Китая и руководствуясь «Конституцией пяти властей» Сунь Ятсена, может пойти и по пути создания в КНР пятой — экзаменационной ветви власти. Необходимость в ее появлении обусловлена повышающимися требованиями к принимаемым на государственную службу чиновникам. Хотя они сдают экзамены на должность и проходят ежегодное тестирование, необходимо, однако, вывести экзаменационную систему из подчинения административной власти (Госсовету), как это было сделано с контрольными комитетами. Только так можно еще больше усилить прозрачность и неподкупность экзаменационной системы, повысить эффективность противодействия коррупции.

Принесение присяги государственными служащими

Поправкой № 9 (статья 40) установлена конституционная обязанность работников государственного аппарата публично присягать на верность Конституции (ч. 3 ст. 27 Конституции КНР в новой редакции).

1 июля 2015 г. ПК ВСНП принял Постановление «Об осуществлении системы конституционной присяги», которое вступило в силу 1 января 2016 г. Оно вменяло в обязанность членам ВСНП и ПК ВСНП, СНП и ПК СНП, работникам Государственного совета, членам ЦВС, судьям, прокурорам и другим государственным служащим при вступлении в должность присягать на верность Конституции.

23 февраля 2018 г. ПК ВСНП своим Постановлением¹⁹ внес дополнение в текст присяги, добавив в строчку: «старательно бороться за превращение Китая в богатую, могущественную, демократическую, цивилизованную гармоничную модернизированную социалистическую державу» прилагательное «прекрасную». Кроме того, Постановление

вменяет теперь в обязанность присягать на верность и работникам контрольных комитетов. Во время присяги должен звучать гимн КНР.

Полный текст присяги звучит следующим образом:

«Клянусь: быть преданным Конституции Китайской Народной Республики, защищать авторитет Конституции, исполнять установленные законом должностные обязанности, быть верным Родине и народу, честно выполнять свои обязанности, находится под контролем народа, старательно бороться за превращение Китая в богатую, могущественную, демократическую, цивилизованную, гармоничную, прекрасную социалистическую модернизированную державу».

Отчет о работе правительства

Согласно сделанному в первый день сессии докладу премьера Государственного совета Ли Кэцзяна, за прошедшие пять лет Китай добился значительных успехов в экономическом развитии. По данным премьера, ВВП КНР увеличился с 54 трлн юаней до 82,7 трлн юаней (рост составил 7,1% в год). Удельный вес китайской экономики в мировом хозяйстве с 11,4% вырос до 15%, а вклад в рост всей мировой экономики превысил 30%. Рост потребительских цен за пять лет составил в среднем ежегодно 1,9%. Численность заново трудоустроенных граждан в поселках и городах превысила 66 млн человек, число бедных сократилось более чем на 68 млн человек (коэффициент бедности снизился с 10,2% до 3,1%). Базовое медицинское страхование покрыло 1,35 млрд человек. Средний годовой доход вырос на 7,4%, что превысило показатели роста китайской экономики. Средняя продолжительность жизни достигла 76,7 лет. Выросла протяженность скоростных железных дорог — с 9 тыс. км до 25 тыс., что составило 2/3 от протяженности всех скоростных железных дорог в мире. Китай стал привлекательным государством для иностранцев: за пять лет число зарубежных специалистов, прибывших в КНР на работу, выросло на 40%.

Не менее амбициозные задачи Ли Кэцян поставил перед правительством на текущий год. Так, прирост ВВП в 2018 г. должен составить 6,5%. Будут продолжены борьба с бедностью, сокращение избыточных мощностей, особенно по производству стали и угля, расширится доступ иностранных инвесторов в производственный сектор. Дефицит бюджета по итогам текущего года не превысит уровня в 2,6%, уровень инфляции должен сохраниться в районе 3%. В строительство железных дорог будет вложено 732 млрд юаней, еще 1,8 трлн юаней — в строительство скоростных автомобильных дорог и проекты водного транспорта. Значительные дополнительные средства будут направлены на поддержку сельского хозяйства, инновационное развитие, защиту экологии, повышение уровня жизни китайских граждан. Ли Кэцян поддержал план Си Цзиньпина «Сделано в Китае» (до 2025 г.), целью которого является превращение производственных мощностей КНР в мировые лидеры. Одновременно планируется снижение налоговой нагрузки на бизнес на 800 млрд юаней. Особую поддержку государство будет оказывать науке и образованию. Расходы на них вырастут на 10,1% и 6,5% соответственно.

Китай будет также продолжать наращивать военный бюджет, который в 2018 г. достигнет 1,1 трлн юаней (увеличится на 8,1% по сравнению с 2017 г.)

Борьба с коррупцией

Тема противодействия коррупции — одна из наиболее обсуждаемых в Китае и за его пределами. Коррупция настолько глубоко проникла в государственно-партийный аппарат и сознание чиновника, что для ее искоренения требуются чрезвычайные усилия и значительное время. В основе проводимой в настоящее время антикоррупционной борьбы лежит политика «*трех не*»:

- «не смей брать взятку» (усиление наказания);
- «не мочь брать взятку» (контроль за доходами и расходами);

– «не хотеть брать взятку» (повышение сознательности).

Действующий УК КНР предусматривает высшую меру наказания за особо крупные коррупционные преступления (п. 3 ст. 383). В вопросе «не смеет брать взятку» власти установили максимально возможное уголовное наказание. Согласно принятому в апреле 2016 г. Верховным народным судом и Верховной народной прокуратурой совместному *«Разъяснению по некоторым вопросам применения закона при производстве по уголовным делам о коррупции и взяточничестве»* к высшей мере наказания может быть приговорено лицо, виновное в получении взятки или в коррупции на сумму от 3 млн юаней (ч. 1 ст. 3). Впрочем, при определенных обстоятельствах, смертная казнь может грозить и при «коррупции в размере от 1,5 млн до 3 млн юаней» (ч. 2 ст. 3). Оговаривается, что «при особо крупном масштабе коррупции, размере взятки и при особыхотягчающих обстоятельствах совершения преступления, имеющего исключительный негативный общественный резонанс, при нанесении ущерба интересам государства и народа в особо крупных размерах виновный может приговариваться к смертной казни» (ч. 1 ст. 4).

Китайский исследователь Лю Хунань констатирует: «В настоящее время в сфере антикоррупционной борьбы в Китае возникла проблема «бутылочного горлышка», при которой законодательные возможности по борьбе с коррупцией практически исчерпаны. С одной стороны, под воздействием жесткой государственной антикоррупционной политики число антикоррупционных нормативных актов внутри партии и за ее пределами постоянно растет, налицо эффект критической массы. С другой стороны, количество коррупционных преступлений не только не снижается, но, наоборот, растет, а объем невыявленной (латентной) коррупции, возможно, еще выше. Фундаментальная причина состоит в том, что концепция «прямого противодействия» делает акцент на устрашающем эффекте уголовного наказания, однако игнорирует институциональные причины формирования коррупционной преступности»²⁰.

В настоящее время руководство страны активно совершенствует систему контроля за доходами и расходами чиновника, стараясь достичь максимальной прозрачности личной жизни государственного служащего и членов его семьи. Однако повышение сознательности, нравственных мотивов добровольного отказа лица от взятки (в любой материальной/нематериальной форме) — задача самая сложная и практически невыполнимая.

Несмотря на известные трудности в сфере противодействия коррупции, китайская власть добилась определенных значимых результатов. Об этом свидетельствует официальная статистика. Так, согласно докладу генерального прокурора Верховной народной прокуратуры Цао Цзяньмина перед делегатами ВСНП (9 марта)²¹, за прошедшие пять лет были возбуждены уголовные дела и проведено следствие в отношении 254 419 человек, обвиненных в совершении должностных преступлений (на 16,4% больше, чем за период с 2008 по 2012 г.) Среди них 15 234 работников уровня уезда и департамента, 2405 — уровня канцелярий. Возбуждены дела, проведено следствие и в отношении 120 руководящих работников провинциального и министерского уровня и выше; среди них отмечены Чжоу Юнкан (бывший член ПК Политбюро ЦК КПК) — приговорен к пожизненному лишению свободы, лишению политических прав, конфискации имущества; Сунь Чжэнцай (бывший член Политбюро ЦК КПК) — 13 февраля 2018 г. Верховная народная прокуратура завершила расследование по уголовному делу и передала его материалы в суд; Лин Цзихуа (бывший секретарь ЦК КПК 17-го созыва) — приговорен к пожизненному лишению свободы; Су Жун (член ЦК КПК) — приговорен к пожизненному лишению свободы.

Чжоу Юнкана и Ли Цзихуа вместе с арестованными ранее Бо Силаем и Сюй Цайхоу причисляют к «новой банде четырех» (по аналогии с «бандой четырех» период «культурной революции»). В свое время некоторые из них претендовали на высшие посты в государстве. Однако с приходом к власти Си Цзиньпина их политическая карьера

закончилась, а после доказанных криминальных и коррупционных связей указанные руководители были исключены из партии и подверглись уголовному преследованию.

В целом, статистику по преступлениям, совершенным работниками государственных органов за прошедшие 5 лет, можно представить следующим образом:

1. 96 870 человек привлечено по делам о взяточничестве (38,1%);
2. 74 925 человек привлечено по делам о коррупции (29,4%);
3. 26 993 человек привлечено за халатное отношение к служебным обязанностям (10,6%);
4. 24 384 человек привлечено за злоупотребление служебным положением (9,6%);
5. 17 173 человек привлечено за использование не по назначению общественных средств (6,7%);
6. 8679 человек привлечено за совершение иных преступлений (3,4%);
7. 4476 человек привлечено за совершение преступлений из корыстных побуждений (1,8%);
8. 919 человек привлечено за совершение посягательств на права граждан путем использования служебного положения (0,4%).

Согласно докладу председателя Верховного народного суда Чжоу Цяна²², в период с 2013 по 2017 г. народными судами было рассмотрено в общей сложности 195 тыс. уголовных дел в отношении 263 тыс. человек с вынесением приговоров по должностным преступлениям. Среди обвиняемых: 101 — бывшие руководители провинциального и министерского уровня и выше, 810 — уровня канцелярий и управлений. Интересно, что в докладе верховного судьи в качестве ярких примеров рассмотренных дел о коррупции фигурируют не только упомянутые генеральным прокурором Чжоу Юнкан. Лин Цзихуа и Су Жун, но и Бо Силай (член Политбюро ЦК КПК, в сентябре 2013 г. приговоренный к пожизненному лишению свободы, лишению политических прав и конфискации имущества), а также Го Босюн (генерал-полковник, заместитель председателя ЦВС, в июле 2016 г. приговоренный к пожизненному лишению свободы).

В рамках «охоты на лис» в Китай было экстрадировано 222 скрывавшихся взяточника (КНР заключила соглашения о взаимной выдаче преступников с 42 странами), среди них — 35 человек из особого списка «ста беглых коррупционеров». К наиболее известным относится «королева коррупции» Ян Сючжу (вице-мэр г. Вэньчжоу), которая возглавляла список беглых чиновников и скрывалась в США. По сообщению китайских властей, раскаявшаяся Ян отозвала просьбу о получении политического убежища в США и «добровольно» 16 ноября 2016 г. вернулась в КНР. 13 октября 2017 г. она была приговорена к 8 годам лишения свободы за коррупцию. Такой чрезвычайно мягкий приговор был вынесен с учетом явки с повинной, которую ставят в пример продолжающим скрываться на зарубежных территориях китайским коррупционерам.

* * *

Сессия ВСНП завершилась единодушным избранием Си Цзиньпина Председателем КНР на новый пятилетний срок. Заместителем председателя избран Ван Цишань. Ли Кэцян сохранил пост премьера Госсовета КНР. Вице-премьерами стали Хань Чжэн, Сунь Чуньлань, Ху Чуньхуа и Лю Хэ. Председателем ПК ВСНП избран Ли Чжаньшу, председателем ВК НПКСК — Ван Ян.

В результате принятых сессией ВСНП решений можно сделать несколько выводов. Прежде всего, за КПК остается приоритет в определении основных направлений развития, в то время как в исполнительных и контрольных функциях он постепенно закреплется за органами государственной власти.

XIX съезд, сессии ВСНП и ВК НПКСК дают основание сделать главный вывод: КПК и китайское государство, создав механизм преемственности власти, сохранило способность быстро и радикально меняться, не впадая в бюрократический сон, ставший

главной причиной отставания Китая в новое время и последовавших социальных катаклизмов. Решающая роль в этом принадлежит Си Цзиньпину, становление которого как личности пришлось на период «культурной революции». На это обстоятельство неоднократно обращалось внимание, в том числе в научной литературе. Воспитанный в «культурную революцию» Си Цзиньпин не утратил «революционный дух». Этот опыт помог ему не бояться ответственных решений и брать персональную ответственность на себя.

Китай, как и мир, вступил в период высокой волатильности. Традиционный Китай, обладая высокой социально-исторической инерцией, старался закрыться от изменений, самоизолироваться. Это время, как показали XIX съезд и сессия ВСНП, прошло. Китай, как и в период экономических реформ, готов открыться не только внешнему миру, но вызовам времени, провести необходимые изменения.

Период революционных реформ предполагает поиск различных инструментов и способов преобразований, однако при решении таких масштабных задач ждать готовых, а тем более, окончательных решений на начальном этапе нельзя. В этом процессе самое главное — соблюсти баланс между смелыми решениями и сохранением социально-политической стабильности, не перейти черту необратимого разрушения. В современной китайской политической системе выполнение этих задач зависит от первого лица, объединяющего посты главы партии и государства.

1. URL: http://www.npc.gov.cn/npc/xinwen/2018-02/24/content_2038188.htm (дата обращения: 10.03.2018) (на кит. яз.).
2. URL: <http://www.chinanews.com/gn/2018/02-24/8453930.shtml> (дата обращения: 10.03.2018) (на кит. яз.).
3. URL: <https://www.xuehua.us/2018/02/25/%E7%AC%AC%E5%8D%81%E4%B8%89%E5%B1%8A%E5%85%A8%E5%9B%BD%E4%BA%BA%E5%A4%A7%E5%A5%B3%E4%BB%A3%E8%A1%A8%E6%AF%94%E4%BE%8B%E8%BE%BE24-9%E5%86%8D%E5%88%9B%E6%96%B0%E9%AB%98/> (дата обращения — 10.03.2018) (на кит. яз.).
4. URL: <https://zhidao.baidu.com/question/1959579055904266220.html> (дата обращения: 10.03.2018) (на кит. яз.).
5. URL: http://www.xinhuanet.com/2018-02/24/c_1122448968_6.htm (дата обращения: 10.03.2018) (на кит. яз.).
6. URL: http://www.npc.gov.cn/npc/xinwen/2018-03/04/content_2041342.htm (дата обращения: 10.03.2018) (на кит. яз.).
7. О поправках в Конституцию КНР официально говорили уже с декабря 2017 г. Так, на прошедшем форуме ЦК КПК с депутатами иных демократических партий Китая и беспартийными, ответственными лицами торгово-промышленных кругов заслушивалось их мнение относительно «Предложения ЦК КПК о содержании части поправок в Конституцию». Сам текст поправок обнародован тогда еще не был. 12.01.2018 Политбюро ЦК КПК вносило корректировки в содержание поправок, текст которых затем был передан на утверждение 2-го Пленума ЦК КПК 19-го созыва (18–19.02.2018). 30.01.2018 на 32-м заседании ПК ВСНП 12-го созыва было принято решение о передаче проекта поправок на рассмотрение и утверждение ВСНП 13-го созыва. 5 марта 2018 г. в первый день сессии депутатами были заслушаны Разъяснения о сути вносимых в Конституцию поправок (докладывал заместитель председателя ПК ВСНП Ван Чэнь). 11 марта, путем тайного голосования, поправки были приняты.
8. Подробнее см.: *Лафитский В.И., Трощинский П.В.* Конституционный путь Китая: К шестидесятилетию Конституции КНР 1954 г. // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2014. № 4. С. 654–655.
9. Дэн Сяопин скончался в 1997 г. 15 марта 1999 г. на 2-й сессии ВСНП 9-го созыва были приняты третьи по-счету поправки в Конституцию КНР, согласно которым в текст седьмого абзаца Преамбулы Основного закона была внесена «теория Дэн Сяопина». Подр. см.: Новое законодательство Китайской Народной Республики. Экспресс-информация. № 10. М: ИДВ РАН, 2000. С. 6–7.

10. Подробнее см.: Раздел 2, статьи 39–46 Конституции КНР 1954 г. // Конституция и основные законодательные акты Китайской Народной Республики / пер. с кит.; под ред. и с предисл. Н.Г. Сударикова. М.: Издательство иностранной литературы, 1955. С. 40–42.
11. Подробнее см.: *Гудошиников Л.М., Егоров К.А.* Новая Конституция КНР // Китайская Народная Республика в 1975 г. Политика, экономика, идеология. М.: Наука, 1978. С. 43–44.
12. Подробнее см.: *Гудошиников Л.М.* Конституция КНР 1978 г. // Китайская Народная Республика в 1978 г. Политика, экономика, идеология. М.: Наука, 1980. С. 31.
13. *Лунев А.Е.* Правовое положение органов государственного управления Китайской Народной Республики. М., 1956. С. 128; *Он же.* Сущность Конституции Китайской Народной Республики. М.: Государственное издательство юридической литературы, 1958. С. 71.
14. *Куманин Е.В.* Юридическая политика и правовая система Китайской Народной Республики. М.: Наука, 1990. С. 29.
15. URL: http://www.npc.gov.cn/npc/xinwen/2016-12/25/content_2004968.htm (дата обращения: 10.03.2018) (на кит. яз.).
16. URL: http://www.ccdi.gov.cn/special/sdjjs/tpxw_sdjxs/201711/t20171116_111859.html (дата обращения: 10.03.2018) (на кит. яз.).
17. Подробнее см.: URL: <http://grachev62.narod.ru/hrest/chapt40.htm> (дата обращения: 10.03.2018). Отметим, что на Тайване эта система успешно функционирует и проводится в жизнь через соответствующие Юани (палаты).
18. Духовная культура Китая: энциклопедия: в 5 т. / гл. ред. М.Л. Титаренко. Том 4. Историческая мысль. Политическая и правовая культура / ред. М.Л. Титаренко [и др.] М.: ИДВ РАН, 2009. С. 141.
19. URL: <http://lianghui.people.com.cn/2018npc/GB/418165/418380/index.html> (дата обращения: 10.03.2018) (на кит. яз.).
20. *Лю Хунянь.* Стратегическая трансформация законодательства в сфере противодействия коррупции в Китае // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2017. № 5. С. 117.
21. URL: http://www.spp.gov.cn/spp/tt/201803/t20180309_369886.shtml (дата обращения: 10.03.2018) (на кит. яз.).
22. URL: http://www.spp.gov.cn/spp/tt/201803/t20180309_369886.shtml (дата обращения: 10.03.2018) (на кит. яз.).

Индо-Тихоокеанская стратегия Японии как средство сдерживания Китая

© 2018

В.О. Кистанов

В статье рассматривается политика Японии в бассейне Тихого и Индийского океанов. В научных трудах и СМИ вместо термина «Азиатско-Тихоокеанский регион» все чаще используется термин «Индо-Тихоокеанский регион», что отражает коренные экономические и политические сдвиги в бассейне двух океанов. Индо-Тихоокеанская стратегия японского премьер-министра Синдзо Абэ имеет подспудную цель сдерживания набирающего экономическую силу и военную мощь Китая — основного геополитического соперника Японии в Азии. Однако реализация на практике указанной стратегии сталкивается с рядом трудностей.

Ключевые слова: Азиатско-Тихоокеанский регион, Индо-Тихоокеанский регион, Япония, Китай, Индия, США, АСЕАН, Синдзо Абэ, «Один пояс, один путь», морская экспансия, безопасность.

В последние годы в научных публикациях, а также в СМИ Японии и других стран наряду с термином «Азиатско-Тихоокеанский регион» все активнее используется определение «Индо-Тихоокеанский регион». Более того, иногда можно встретить даже географический неологизм «Индо-Тихий океан». Указанная смена понятий отражает тот факт, что после окончания холодной войны происходят не только тектонические сдвиги в экономической глубине Азии — этого важнейшего региона мира, но идет основанная на них коренная ломка регионального геополитического ландшафта. В частности это проявляется в перебалансировке взаимоотношений трех ведущих азиатских держав — Китая, Японии и Индии.

Вот, например, как оценивает перемены, происходящие в бассейне Тихого и Индийского океанов, индийский политолог Брахма Челлани в статье «Новый порядок для Индо-Тихоокеанского региона». Он в частности пишет: «Динамика безопасности в Индо-Тихоокеанском регионе быстро меняется. Регион является домом не только для самых быстроразвивающихся экономик мира, но и для самых быстрорастущих военных расходов и военно-морского потенциала, самой жесткой конкуренции за природные ресурсы и самых опасных стратегических горячих точек. Можно даже сказать, что он имеет ключ к глобальной безопасности».

Все более широкое использование термина «Индо-Тихоокеанский», который относится ко всем странам, граничащим с Индийским и Тихим океанами, а не «Азиатско-Тихоокеанский», подчеркивает морское измерение сегодняшней напряженности. Океаны Азии все чаще становятся ареной борьбы за ресурсы и влияние. Сейчас представляется вероятным, что будущие региональные кризисы будут спровоцированы и/или урегулированы на море¹.

Кистанов Валерий Олегович, доктор исторических наук, руководитель Центра японских исследований ИДВ РАН. E-mail: v_kistanov@list.ru.

По мнению Челлани, основной движущей силой этих перемен является Китай, который в течение последних пяти лет работает над тем, чтобы продвинуть свои границы далеко в международные воды, создавая искусственные острова в Южно-Китайском море. После милитаризации этих аванпостов, которые были представлены в качестве свершившегося факта всему остальному миру, он теперь переключился на Индийский океан. По оценкам индийского аналитика, всего за пять лет Китай изменил стратегический ландшафт региона. Если другие державы не вступят в борьбу с новыми вызовами территориальному и морскому статус-кво, то следующие пять лет могут закрепить стратегические преимущества Китая.

Как считает Челлани, Индо-Тихоокеанские державы должны принимать более решительные меры по укреплению региональной стабильности, подтверждая свою приверженность общим нормам, не говоря уже о международном праве, и создавая прочные институты. Для начала Австралия, Индия, Япония и США должны добиться прогресса в институционализации своего четырехстороннего диалога по вопросам безопасности, чтобы они могли лучше координировать свою политику и продолжать более широкое сотрудничество с другими важными игроками, такими, как Вьетнам, Индонезия и Южная Корея, а также с меньшими странами.

Другие аналитики также полагают, что за указанными терминологическими изменениями кроется географическое расширение сферы противоборства мировых держав в связи с «восходящим Китаем». Причем в этом процессе главным орудием Китая выступает инициатива Председателя КНР Си Цзиньпина «Один пояс, один путь». Так, известный специалист по Азии Пепе Эскобар пишет по этому поводу: «В контексте новой великой игры в Евразии новый Шелковый путь, известный как инициатива «Один пояс, один путь», объединяет все инструменты китайской национальной мощи — политические, экономические, дипломатические, финансовые, интеллектуальные и культурные — для формирования геополитического/геоэкономического порядка XXI века. «Один пояс, один путь» — это организационная концепция внешней политики Китая в обозримом будущем, сердце того, что было концептуализировано еще до Председателя Си Цзиньпина как «мирный подъем Китая»².

Поскольку одним из главных участников противоборства мировых держав в бассейне Тихого и Индийского океанов остаются Соединенные Штаты, внимание экспертов привлекает отношение Вашингтона к происходящим переменам и роль в них США. В частности вышеупомянутый Эскобар отмечает, что реакция администрации Д. Трампа на инициативу «Один пояс, один путь» была ограниченной. По словам специалиста, на данный момент эта реакция представляет собой терминологический переход от того, что ранее называлось «Азиатско-Тихоокеанским регионом», к «Индо-Тихоокеанскому региону». Эскобар напоминает о том, что администрация Б. Обамы вплоть до последнего визита бывшего президента США в Азию в сентябре 2016 г. всегда ссылалась на Азиатско-Тихоокеанский регион. А Индо-Тихоокеанский регион включает Южную Азию и Индийский океан. Таким образом, с американской точки зрения, это подразумевает повышение статуса Индии до уровня растущей глобальной сверхдержавы, способной «сдерживать» Китай.

Политолог цитирует по этому поводу откровенные слова бывшего госсекретаря США Р. Тиллерсона: «Центр тяжести мира смещается в самое сердце Индо-Тихого океана. Соединенные Штаты и Индия — с нашими общими целями мира, безопасности, свободы судоходства и свободной и открытой архитектуры — должны служить восточным и западным маяками Индо-Тихоокеанского региона: “левым и правым огнями”, между которыми регион может достичь своего наибольшего и наилучшего потенциала»³.

Вместе с тем следует подчеркнуть, что концепция Индо-Тихоокеанского региона не так уж нова. Как отмечает в своей статье «Может ли Индо-Тихоокеанский регион конкурировать с Китаем?» старший научный сотрудник японского Института международ-

ных отношений Тэцуо Котани, старый, но новый, географический термин «Индо-Тихоокеанский регион» в настоящее время все чаще используется вместо «Азиатско-Тихоокеанского региона»⁴. В статье говорится, что не кто иной, как Тихоокеанское командование США разработало эту геополитическую концепцию во время холодной войны. После того, как в конце 1960-х годов Великобритания вывела свои войска из стран к Востоку от Суэца, Советский Союз расширил военное присутствие и влияние во всем регионе Индийского океана. Чтобы противостоять, как утверждает Котани, растущей советской угрозе в регионе, Тихоокеанское командование США в 1972 г. решило распространить свою деятельность на Тихий и Индийский океаны. С 1970-х годов Тихоокеанское командование США рассматривало два великих океана как единый стратегический театр и называло его «Индо-Азиатско-Тихоокеанским».

Как утверждает японский исследователь, администрация Трампа также приняла секретную Индо-Тихоокеанскую стратегию, которая, как считается, соответствует ее стратегии национальной безопасности. Скорее всего, полагает эксперт, секретный документ призывает к стратегии конкуренции по отношению к Китаю в Индо-Тихоокеанском регионе. Готовы ли другие страны этого региона — Япония, Индия, Австралия, члены АСЕАН и Южная Корея — к конкуренции с Китаем? — задается вопросом Котани. Индо-Тихоокеанская стратегия Японии наиболее схожа со стратегией США, поэтому Токио должен убедить Вашингтон реализовать эту стратегию таким образом, который был бы приемлем для других стран региона, делает вывод Тэцуо Котани.

В самом деле, термин «Индо-Тихоокеанский регион» активно стал использоваться США с приходом к власти президента Дональда Трампа. Как пишет электронная газета *Asia Times*, — это новое американское название для Азии с прицелом на Китай. Как подсчитала газета, в ходе поездки президента Трампа в Азию в ноябре 2017 г. Белый дом неоднократно использовал указанный термин и ни разу не употребил словосочетание «Азиатско-Тихоокеанский регион». По мнению издания, такая игра слов должна подчеркнуть роль Индии в стратегическом соперничестве США с Китаем. *Asia Times* указывает, что намек на Индийский океан и использование Индии в качестве столпа в попытке «сдержать» Китай также вписываются в продвижение японским премьер-министром Синдзо Абэ его «Индо-Тихоокеанской стратегии». Абэ хочет привлечь США, Японию, Индию и, возможно, Австралию к оборонительной структуре, чтобы «сдержать» Китай⁵.

Действительно, с приходом к власти нынешнего премьер-министра Японии Синдзо Абэ Токио еще в 2006 г. тоже стал рассматривать Индо-Тихоокеанский регион как геостратегическую концепцию XXI века. Стратегия Абэ «Свободный и открытый Индо-Тихоокеанский регион» восходит к его первому сроку в качестве премьер-министра, появившись первоначально в его речи под названием «Слияние двух океанов», произнесенной в парламенте Индии в августе 2007 г. В ней японский премьер-министр выступил за то, чтобы Япония и Индия, как «одинаково мыслящие демократические морские государства», содействовали свободе и процветанию в «более широкой Азии». Эта «более широкая Азия», по мнению Абэ, включает также Соединенные Штаты, Австралию и другие тихоокеанские государства, превращаясь в огромную сеть, которая позволит людям, товарам, капиталам и знаниям свободно перемещаться.

Придя к власти вторично в 2012 г., Синдзо Абэ развил свою индо-тихоокеанскую концепцию. Впервые премьер-министр Японии широко заявил о своей «Стратегии свободного и открытого Индо-Тихоокеанского региона» на шестой Токийской международной конференции по развитию Африки (ТИКАД), проходившей в Кении 27–28 августа 2016 г. На ней он, в частности, сказал: «Япония считает, что ключом к стабильности и процветанию международного сообщества является динамизм, порожденный синергией между “двумя континентами” — Азией, которая демонстрирует замечательный рост, и Африкой, которая полна потенциалов, — и двумя свободными и открытыми морями — Тихим и Индийским океанами. Рассматривая эти континенты и моря как интегрирован-

ный регион, Япония намерена открыть новое поле деятельности японской дипломатии. Эта стратегия основана на последовательном выводе правительства о том, что свободные и открытые моря являются источником мира и процветания во всем мире»⁶.

В своем выступлении японский премьер-министр подчеркнул: «Для реализации этой стратегии Япония намерена и далее укреплять свое стратегическое сотрудничество с такими странами, как Индия, имеющая исторические отношения с восточной Африкой, а также с США и Австралией, с которыми она имеет союзы. В частности во время визита премьер-министра Индии в Японию в ноябре 2016 г. оба лидера разделяли желание взять на себя инициативу по обеспечению стабильности и процветания Индо-Тихоокеанского региона путем усиления синергии между стратегией “Свободного и открытого Индо-Тихоокеанского региона” Японии и политикой “Действовать на Востоке” Индии посредством сотрудничества»⁷.

А вот как изложил министр иностранных дел Японии Таро Коно японскую стратегию «Свободного и открытого Индо-Тихоокеанского региона» в своей речи о внешней политике Японии на 196-й сессии парламента 22 января 2018 г.: «Свободный и открытый морской порядок, основанный на верховенстве права, является краеугольным камнем стабильности и процветания международного сообщества. В частности Индо-Тихоокеанский регион, простирающийся от Азиатско-Тихоокеанского региона через Индийский океан до Ближнего Востока и Африки, является ядром глобального развития, в котором проживает более половины населения мира. Уверен, что сохранение и укрепление свободного и открытого морского порядка Индо-Тихоокеанского региона как «глобального достояния» принесет стабильность и процветание в равной степени всем странам этого региона».

И далее: «Мы будем продвигать эту стратегию на практике, основываясь на трех столпах. В качестве первого столпа мы обеспечим распространение и закрепление таких принципов, как свобода судоходства и верховенство права. Во-вторых, мы будем стремиться к экономическому процветанию путем улучшения связанности (региона. — *В.К.*), в том числе путем развития качественной инфраструктуры в соответствии с международными стандартами. В-третьих, мы будем обеспечивать мир и стабильность, поддерживая развитие морского правоохранительного потенциала»⁸.

Таким образом, к настоящему моменту стратегия «Свободного и открытого Индо-Тихоокеанского региона» заняла ключевое место во внешней политике Абэ. Ее главный фокус, как утверждает японский премьер-министр, заключается в том, чтобы развивать международный морской порядок в соответствии с верховенством закона. Не секрет, однако, что указанная стратегия сконструирована в качестве противовеса растущей наступательной деятельности Китая в Южно-Китайском и Восточно-Китайском морях, хотя официальный Токио подчеркивает, что стратегия не направлена против какой-либо конкретной страны.

Антикитайскую подоплеку стратегии «Свободного и открытого Индо-Тихоокеанского региона» не скрывают японские СМИ. Так, правоконсервативная газета «Санкэй симбун» без обиняков пишет, что во время поездки Д. Трампа по Азии Абэ и Трамп продвигали стратегию «Свободного и открытого Индо-Тихоокеанского региона». Ее смысл заключается в том, чтобы освободить Южно-Китайское море от китайского гегемонизма. Для этого необходимо, чтобы прибрежные страны, разделяющие такие общие ценности, как свобода и верховенство закона, сотрудничали в сфере безопасности. Большим достижением является то, что Япония и США разделяют эту стратегию с Индией и Австралией»⁹.

Как утверждает вышеупомянутый Котани, индо-тихоокеанская стратегия Абэ отражает его геэкономическое видение региона. Эта стратегия направлена на сочетание динамизма в Азии и Африке и предусматривает более широкую интеграцию региона вдоль береговой линии Индийского и Тихого океанов путем содействия созданию

инфраструктуры высокого уровня и повышению связанности региона. Стратегия также является геополитическим противовесом растущему китайскому влиянию и присутствию в Евразии и Африке в рамках инициативы «Один пояс, один путь». По мнению японского эксперта, ключом к стратегии Абэ должна стать четверка стран в составе Японии, Индии, Австралии и США, образующих так называемый Демократический ромб безопасности¹⁰.

«Найти способ сосуществования с Китаем будет большим вызовом для японской дипломатии», — сказал близкий помощник Абэ¹¹. Одним из способов сдерживания «экспансионистского Китая», по мнению премьер-министра, должно стать геополитическое построение, состоящее из четырех стран, разделяющих «общие демократические ценности». В написанном им в 2012 г. эссе под названием «Демократический ромб безопасности Азии» Абэ утверждал, что Япония должна попытаться стабилизировать Тихоокеанский регион в сотрудничестве с Австралией и Индией, а также полагаться на свой традиционный альянс с США. Эта концепция позже была воплощена японскими дипломатами в «Индо-Тихоокеанскую стратегию».

Опасаясь, что склонный к изоляционизму Трамп пересмотрит политику «поворота к Азии» его предшественника Барака Обамы, Абэ по дипломатическим каналам довел указанную стратегию до сведения нынешнего американского президента. Он полагал, что стратегия, прозвучавшая из уст лидера США, будет иметь больший вес на международной арене. Замысел сработал, и, как пишет газета «Нихон кэйдзай симбун», во время своего ноябрьского турне по Азии в 2017 г. Трамп неоднократно говорил об «Индо-Тихоокеанской стратегии», воодушевляя руководящий состав МИД Японии. «Оглядываясь назад на послевоенные отношения между США и Японией, никогда не было случая, чтобы президент США полностью принял разработанную Японией стратегию», — восторгался японский дипломат¹².

Такие же чувства испытывает газета «Санкэй симбун», по мнению которой в японо-американском союзе зарождается небывалое явление. Оно проявляется в том, что Америка подлаживается под стратегию, провозглашенную Японией. Все послевоенное время, — пишет издание, — Япония шла в фарватере США, однако теперь по-другому. Вместе с тем газета опасается, что произнесенная на саммите АТЭС во вьетнамском Дананге фраза Трампа о том, что Америка всегда будет его наивысшим приоритетом, отбрасывает тень на эту стратегию¹³.

Для реализации своей Индо-Тихоокеанской стратегии японское правительство намерено применять экономические рычаги. «Япония будет эффективно использовать помощь, которую она предоставляет развивающимся странам, чтобы продвигать свою стратегию “Свободного и открытого Индо-Тихоокеанского региона”», — говорится в Белой книге правительства по официальной помощи развитию (ОПР) за 2017 год¹⁴. В документе подчеркивается, что Токио хочет, чтобы обширный регион служил «международному общественному благу», и с этой целью будет поддерживать развивающиеся страны в укреплении морского законодательства.

В Белой книге говорится, что в рамках своей ОПР Япония будет также пытаться развивать «высококачественную» инфраструктуру в Индо-Тихоокеанском регионе для стимулирования потока людей и товаров. Ключом к стабильности и процветанию в международном сообществе является динамизм, который создается за счет объединения Азии и Африки, а также Тихого и Индийского океанов, указывается в книге. В 2016 г. Япония предоставила ОПР на общую сумму в 16,8 млрд долл., и заняла по этому показателю 4-е место среди стран — членов Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) после Соединенных Штатов, Германии и Великобритании¹⁵.

Одним из приоритетных направлений реализации Индо-Тихоокеанской стратегии Токио является комплексное сближение Японии и Индии, происходящее такими темпами, что в пору говорить о складывании новой оси «Токио — Нью-Дели» в бассей-

не двух океанов — Тихого и Индийского. Яркой демонстрацией этого явился визит Абэ в Индию и его переговоры с индийским визави Нарендрой Модии в сентябре 2017 г. Это была уже десятая встреча двух лидеров после того, как Модии пришел на пост руководителя страны в 2014 г. В ходе визита Абэ описал японо-индийские отношения как входящие в «новую эру».

Обе стороны подчеркивали сходство обнародованной в 2016 г. Абэ стратегии «Свободного и открытого Индо-Тихоокеанского региона» с ориентированной на Азию политикой «Действовать на Востоке», провозглашенной Модии. В фокус этой политики помещено всеобъемлющее сотрудничество Индии со странами Восточной Азии. Совместное заявление, опубликованное по итогам визита, свидетельствует о том, что оба премьер-министра попытались объединить свои внешнеполитические видения. Как утверждают наблюдатели в обеих странах, к более тесному сотрудничеству Японию и Индию подталкивает, прежде всего, желание сдержать так называемую морскую и экономическую экспансию Китая.

Зарубежные аналитики полагают, что в настоящее время Пекин проводит морскую стратегию, образно названную ими «жемчужное ожерелье». В соответствии с ней Китай содействует развитию портов в таких странах, как Пакистан и Шри Ланка, где создает свои опорные пункты, которые фактически окружают Индию. Китайские военные корабли и подводные лодки регулярно заходят в эти порты. А летом 2017 г. китайские военные начали действовать на базе, созданной ими на Востоке Африки, в Джибути. Она стала первой военной базой Китая за рубежом. Эти события, как считают японские политологи, насторожили Индию.

Япония, которая сама противостоит Китаю в Восточно-Китайском море, также обеспокоена использованием китайскими военными кораблями Индийского океана. Через него проходят морские пути, по которым с Ближнего Востока в Японию поставляется львиная доля углеводородов. От их импорта страна зависит на 100%. В совместном заявлении Абэ и Модии согласились с тем, что интересам Японии и Индии отвечает укрепление сотрудничества в сфере морской безопасности. С прицелом на китайскую «морскую экспансию» Силы самообороны Японии, ВМС США и Индии провели в июле 2017 г. совместные учения в Бенгальском заливе Индийского океана. Сейчас Токио и Нью-Дели ведут переговоры о закупке Индией военных самолетов-амфибий японского производства. Примечательно, что визит Абэ произошел спустя всего несколько дней после того, как Нью-Дели и Пекин договорились прекратить наиболее длительную и самую серьезную за десятилетия военную конфронтацию вдоль оспариваемого ими участка совместной границы.

Китайский фактор во многом определяет и совпадение экономических интересов Японии и Индии. В настоящий момент центром соперничества Нью-Дели и Пекина становится китайская инициатива «Один пояс, один путь». Она предусматривает создание сухопутных и морских транспортных коридоров, связывающих Китай с Европой и Африкой, что повлечет формирование огромной сферы китайского экономического влияния на евразийско-африканском пространстве. Центральным звеном сухопутной части инициативы планируется сделать район Кашмира, суверенитет над которым оспаривается Индией и Пакистаном. Япония, со своей стороны, поначалу тоже сугубо негативно отнеслась к инициативе «Один пояс, один путь», однако позже в целях улучшения напряженных отношений с Китаем продемонстрировала определенное желание участвовать в указанной инициативе. Правда, до обсуждения конкретных проектов дело пока не дошло.

В противовес китайскому мегапроекту Абэ и Модии во время своей встречи согласились сотрудничать в целях улучшения «связанности в более широком Индо-Тихоокеанском регионе». Для этого Токио и Нью-Дели намерены работать над созданием в нем обширной транспортной инфраструктуры. Япония также хотела бы совместно

с Индией развивать порты и создавать специальные экономические зоны в Мьянме, Африке и других регионах. Индия, со своей стороны, ищет содействия Японии в создании экономического коридора, соединяющего Индию, Иран и Афганистан.

Очевидно, что планируемый Японией и Индией азиатско-африканский коридор роста, стоимость которого, по некоторым оценкам, достигает 40 млрд долл., прямо противопоставляется проекту Китая «Один пояс, один путь». Этот проект рассматривается как современный Шелковый путь, соединявший когда-то по суше и морю Китай с Европой и Африкой через Азию и Ближний Восток.

Выступая в сентябре 2017 г. в Нью-Йорке на конференции, устроенной Японией, Евросоюзом и ООН и посвященной развитию качественной и благоприятной для окружающей среды инфраструктуры, министр иностранных дел Японии Таро Коно заявил о намерении Японии стать лидером в создании «качественной инфраструктуры» в Индо-Тихоокеанском регионе. Центральным моментом двустороннего экономического сотрудничества Японии с Индией станет строительство в ней высокоскоростных железнодорожных линий на основе японских технологий стоимостью 17 млрд долл. Токио также хочет выиграть возможность сооружения других аналогичных железных дорог, которые планирует Индия, чтобы опередить желающий заняться этим же Китай.

Индия приветствовала предложение об увеличении японских инвестиций в инфраструктурные проекты в ее удаленных северо-восточных районах — регионе, который Нью-Дели рассматривает как свои ворота в Юго-Восточную Азию. В ходе визита Абэ было достигнуто соглашение о том, что Япония предоставит Индии льготные займы на общую сумму в 190 млрд иен для строительства упомянутой железной дороги и других инфраструктурных объектов. В соответствии с японо-индийским соглашением о сотрудничестве в сфере мирной ядерной энергетики, вступившим в силу в июле 2017 г., обе страны также ускорят переговоры об экспорте технологий японских атомных электростанций в Индию.

Японские аналитики отмечают, что Индия занимает огромную территорию, имеет население в 1,3 млрд человек и, по прогнозам, в будущем опередит по этому показателю самую населенную страну — Китай. Это, надо полагать, в перспективе лишь усилит роль в Индо-Тихоокеанском регионе формирующегося военно-экономического тандема в составе Японии и Индии, одна из целей которого — быть комплексным противовесом Китаю. Однако тормозом на пути создания прочной японо-индийской связи может в определенной степени послужить собственная огромная зависимость обеих стран от Китая в торгово-экономической сфере. Ни одна из них не хотела бы рисковать прямым столкновением с крупнейшей экономикой региона. Более того, они имеют определенные виды на экономическое сотрудничество с КНР.

Так, Япония не является членом возглавляемого Китаем Азиатского банка инфраструктурных инвестиций (АББИ), но проявляет интерес к инициативе страны «Один пояс, один путь». Индия, наоборот, отказывается участвовать в инициативе, но присоединилась к АБИИ. Китай также является крупнейшим торговым партнером для обеих стран. Поэтому Токио, как уже говорилось, по крайней мере, на словах, подчеркивает, что его Индо-Тихоокеанская стратегия не предназначена для сдерживания Китая.

Очевидно также, что в соответствии со своей политикой неприсоединения Нью-Дели вряд ли позволит Токио или Вашингтону разыгрывать свою страну в качестве антикитайской карты. А существующие с КНР противоречия Индия предпочтет разрешать на двусторонней основе. Буфером, смягчающим противоречия между Китаем и Индией, может также явиться их членство в таких международных структурах, как БРИКС и ШОС.

Как показал визит министра иностранных дел Японии Таро Коно в Бруней и Сингапур в феврале 2018 г., важное место в своей Индо-Тихоокеанской стратегии Токио отводит Юго-Восточной Азии и странам АСЕАН. Именно в этом регионе в ближайшей перспективе Японией будут на практике опробованы различные аспекты ука-

занной стратегии, прежде всего, строительство инфраструктуры, обеспечение свободы судоходства в Южно-Китайском море.

Сингапур и Бруней занимают приоритетное место в контексте этой стратегии, хотя и в разных ипостасях. Несмотря на свои малые размеры, обе страны играют в рамках АСЕАН большую роль. Сингапур председательствует в Ассоциации в 2018 г., что делает его важным каналом продвижения Токио своих региональных инициатив. Бруней также в течение многих лет выполняет функции координатора отношений между АСЕАН и Японией, которым в 2018 г. исполняется 45 лет. В ходе визита Коно, помимо двусторонних проблем, по инициативе японской стороны активно обсуждалась тема «Свободного и открытого Индо-Тихоокеанского региона».

В частности примечательным событием стали высказывания Коно на борту японского эсминца «Ямагири». Министр подчеркнул, что Япония продвигает свою стратегию «Свободного и открытого Индо-Тихоокеанского региона» будучи убеждена в том, что этот регион должен быть «свободным и открытым, и стать краеугольным камнем мира и процветания не только Японии, но и всего мира». Очевидно, что эти высказывания подразумевали ситуацию в Южно-Китайском море и были адресованы, в первую очередь, Китаю.

Как отмечает в своей статье, помещенной в журнале «Дипломат», старший редактор Прашант Парамесваран, пока что продвижение Японией своей Индо-Тихоокеанской стратегии находится на ранней стадии, особенно в Юго-Восточной Азии. Там в разных странах существуют смешанные чувства относительно того, что такое эта стратегия и как она будет реализовываться в более широком контексте, будь то ее связанность с такими идеями, как так называемая четверка, включающая Японию, Австралию, Индию и США, или с учетом растущей роли Китая в регионе. Но визит Коно продемонстрировал признание Японией малых стран Юго-Восточной Азии в этой более широкой стратегии¹⁶.

В продвижении своей Индо-Тихоокеанской стратегии Япония придает большое значение Мальдивской Республике, расположенной на цепи островков вблизи важных морских путей сообщения в Индийском океане. В настоящее время в условиях внутривнутриполитического кризиса в этой стране, между Индией и Китаем развернулась острая борьба за экономическое и политическое доминирование в ней. Растущая политическая нестабильность на Мальдивах грозит стать очередной точкой вспышки противоречий между Нью-Дели и Пекином, при этом региональные гиганты поддерживают противоположные стороны в быстро развивающейся внутривнутриполитической ситуации. Председатель КНР Си Цзиньпин посетил Мальдивскую Республику в 2014 г., а в декабре 2017 г. в Пекине было подписано китайско-мальдивское соглашение о свободной торговле. По данным оппозиционной Мальдивской Демократической партии, более 70% внешнего долга страны приходится на Китай¹⁷.

Токио также намерен закрепиться в этом небольшом государстве, расположенном в стратегически значимом месте Индийского океана. В начале января 2018 г. Мальдивы посетил министр иностранных дел Японии Таро Коно. Как пишет газета «Нихон кэйдзай симбун», японский министр и его мальдивский коллега Мухаммед Асем согласились тесно сотрудничать в продвижении дипломатической стратегии Токио для Индо-Тихоокеанского региона на фоне растущего влияния в нем Китая. Газета подчеркивает, что впервые министр иностранных дел Японии посетил страну Индийского океана, расположенную рядом с ключевой судоходной линией, экономически важной для Токио, притом, что премьер-министр Японии никогда ее не посещал. После встречи в столице Мальдивских островов городе Мале Коно сообщил журналистам, что он и Асем «согласились во взглядах» на Индо-Тихоокеанскую стратегию, продвигаемую японским премьером Абэ¹⁸.

Следует отметить, что, в отличие от ряда других азиатских стран, администрация президента Южной Кореи Мун Чжэ Ина с осторожностью восприняла раскрываемый Японией термин «Свободный и открытый Индо-Тихоокеанский регион» в связи с тем, что он имеет откровенно антикитайское содержание. Как указывалось выше, этот термин использовался президентом США Д. Трампом в его выступлениях во время поездки по странам Азии в ноябре 2017 г. В частности, в совместном заявлении, опубликованном после его встречи в Сеуле с южнокорейским президентом, говорилось: «Президент Трамп подчеркнул, что союз между Соединенными Штатами и Республикой Корея, основанный на взаимном доверии и общих ценностях свободы, демократии, прав человека и верховенства права, остается основой безопасности, стабильности и процветания в Индо-Тихоокеанском регионе». Однако терминология совместного заявления, фактически, была опровергнута 15 часов спустя экономическим советником Муна Ким Хюн Чулом (Kim Hyun-chul). «Япония пытается выстроить Индо-Тихоокеанскую линию, чтобы создать дипломатическую связку в составе Японии, Австралии, Индии и Соединенных Штатов, но мы не должны присоединяться к ней», — сказал Ким во время брифинга в Джакарте, сопровождая южнокорейского президента в ходе его визита в Индонезию. Высокопоставленные чиновники аппарата президента Южной Кореи заявили, что Корея должна изучить новый термин внешней политики США — «Индо-Тихоокеанский», прежде чем публично одобрить его¹⁹.

Такая позиция отражает отмечаемое в настоящее время сближение Сеула с Пекином и его стремление, по крайней мере, символически дистанцироваться от стратегии сдерживания Китая, проводимой США и Японией. В частности, Южная Корея публично заявила, что не одобрит дальнейшее развертывание на своей территории американской противоракетной системы обороны ТНААД, указав, что страна не будет участвовать в стратегической ПРО, осуществляемой под руководством США. Сеул также отверг идею трехстороннего военного союза между Южной Кореей, США и Японией²⁰.

Несмотря на свою «молодость», концепция «Индо-Тихоокеанского региона» уже нашла отражение в азиатской стратегии некоторых европейских стран. Так, в марте 2018 г. в пятимесячное плавание в Восточную Азию и Южную часть Тихого океана отправилась военно-морская оперативная группа Франции под названием «Жанна д'Арк», в которую вошли также корабли Великобритании. Как утверждает газета *Asia Times*, это связано с тем, что Франция и Великобритания заняты наращиванием своего военно-морского присутствия в Индо-Тихоокеанском регионе. Франция и Соединенное Королевство утверждают, что их деятельность в этом регионе базируется на заинтересованности в поддержании основанного на правилах международного порядка. Однако, подмечает газета, возглавляемая Францией целевая группа будет работать в странах, которые имеют противоречия с Китаем. Действительно, Индонезия, Австралия и Вьетнам ставят под сомнение претензии Пекина на Южно-Китайское море, хотя с разной степенью интенсивности и по разным причинам. Сингапур не претендует на спорный район, однако укрепляет партнерство в области безопасности с США и Индией, которые на стороне государств Юго-Восточной Азии оспаривают территориальные претензии Китая.

За растущим военно-морском присутствием Франции и Великобритании в Индийском и Тихом океанах, по мнению газеты, стоит стремление этих стран помочь США держать Китай под контролем. В этом отношении перспективный четырехугольный альянс между Соединенными Штатами, Индией, Японией и Австралией, создаваемый для противодействия военной экспансии Китая в Индо-Тихоокеанском пространстве, может быть дополнен Францией и Великобританией, а сфера его деятельности — расширится от Красного моря и Восточной Африки до Тихоокеанского региона. Это является конкретным вызовом для Китая²¹. Очевидно, что указанная совместная военно-морская миссия Франции и Великобритании вызовет негативную реакцию Пекина, поскольку он

не приемлет попытки внерегиональных игроков вмешиваться в ситуацию на геополитическом пространстве, которое рассматривает как сферу своего преобладающего влияния.

В условиях растущего влияния Пекина на международной арене и относительного снижения после прихода к власти Трампа присутствия на ней США, в Индо-Тихоокеанской стратегии Японии все большее место наряду с Индией отводится Австралии, а также европейским странам — Великобритании и Франции. Как отмечает газета «Нихон кэйдай симбун», союзница США Австралия, обладающая побережьем как на Тихом, так и Индийском океанах, имеет решающее значение для успеха этой стратегии²². Укреплению отношений Японии с Австралией способствует то, что нынешний премьер-министр Малкольм Тернбулл, в отличие от своего предшественника Тони Эбботта, взял курс на некоторое дистанцирование от Китая. Однако этот курс имеет определенные пределы, поскольку Китай является крупнейшим торговым партнером Австралии. На него приходится почти 30% ее экспорта. У Тернбулла имеются и другие резоны укрепить связи с Японией. Помимо того, что Австралия и Япония являются союзниками США, они играют важную роль в создании Транстихоокеанского партнерства (ТТП). Роль этих двух стран еще больше возросла после того, как Вашингтон вышел из ТТП.

Что касается Великобритании, то премьер-министр Тереза Мэй, вступившая в должность в июле 2016 г., стремится наладить более тесные связи с премьер-министром Абэ. Во многом это объясняется тем, что Великобритания планирует покинуть Европейский союз в марте 2019 г., и чтобы смягчить последствия «брекзита», страна сдвигает свой дипломатический фокус на Азиатско-Тихоокеанский регион. В этом контексте Т. Мэй посетила Японию в августе 2017 г. Ее поездка стала первым государственным визитом в эту страну британского премьер-министра за последние пять лет. Она присутствовала на заседании Совета национальной безопасности Японии и договорилась с Абэ расширить сотрудничество в области безопасности.

Обе страны активно сотрудничают в сфере военных технологий. Великобритания является второй после США страной, совместно разрабатывающей наступательное оружие с Японией. Высокопоставленный сотрудник британского МИДа назвал Японию «самым важным партнером Великобритании в области безопасности в Азии». Британское правительство также высказалось в поддержку Индо-Тихоокеанской стратегии Абэ. Представитель британского правительства даже не исключил возможности присоединения Великобритании к ТТП в какой-то момент в будущем.

Вместе с тем Лондон не намерен противопоставлять в своей внешней стратегии Японию и Китай, роль которого как в Азии, так и в мире в целом неуклонно возрастает. В связи с неопределенностью в отношении будущего Великобритании после «брекзита» страна вынуждена поддерживать конструктивные отношения и с Японией, и с Китаем.

Франция, как отмечалось выше, также собирается увеличить свое военное присутствие в Индо-Тихоокеанском регионе, что, безусловно, получит одобрение со стороны Токио. Об этом свидетельствует визит президента Франции Эммануэля Макрона в Индию в марте 2018 г. Как пишет газета «Нихон кэйдай симбун», на фоне растущей напористости Китая в регионе Индия и Франция обязались увеличить сотрудничество в сфере обороны в Индийском океане и подписали пакт, который обеспечит взаимный доступ к военно-морским базам друг друга. Индо-Тихоокеанский регион имеет огромное значение для обеих стран. Индия располагает береговой линией протяженностью 7500 километров, более чем 1380 островами и исключительной морской экономической зоной площадью 2 млн кв. км. На территориях Франции в Индо-Тихоокеанском регионе проживает 1,6 млн граждан, а ее исключительная экономическая зона составляет 9,1 кв. км²³.

Таким образом, судя по всему, активно продвигаемая по всем азимутам премьер-министром Синдзо Абэ стратегия «Свободного и открытого Индо-Тихоокеанского региона» становится стержнем внешнеполитической деятельности Японии, а также ее политики в сфере безопасности на обозримую перспективу. В основе своей данная стратегия порождена усилением противоречий между старой азиатской державой — Японией и новой — восходящим Китаем. Несмотря на отрицающие ее суть заявления японских официальных лиц, эта стратегия отражает целенаправленное желание сдержать растущую военную мощь и экономическое влияние КНР в указанном регионе. С учетом того, что в регионе, где возрастает роль АСЕАН, имеют свои интересы США, Индия, ведущие европейские страны, именно в бассейне двух великих океанов предположительно будет определяться баланс сил на мировой арене в целом.

Однако реализация на практике Индо-Тихоокеанской стратегии Токио, переживающей пока стадию концептуального становления, — дело непростое. Ведь многие страны, в том числе будущий основной соперник Китая в регионе — Индия, на которые Япония рассчитывает в плане создания противостоящей Китаю неформальной коалиции, имеют собственные экономические и политические расчеты в отношении КНР и не собираются жертвовать ими ради Японии.

Очевидно, что эти страны попытаются балансировать и отыскать «золотую середину» в своих отношениях с Японией и Китаем — ведущими азиатскими и мировыми державами. Токио вполне отдает себе в этом отчет. Не приходится сомневаться и в том, что параллельно своей стратегии «сдерживания Китая» Япония сама будет стремиться к улучшению отношений с ним как не только потенциальным противником и главной «угрозой» в сфере безопасности, но важнейшим торгово-экономическим партнером.

Можно согласиться с американским экспертом Джеймсом Э. Ауэром, который пишет: «Искренне сомневаюсь, что Абэ ожидает, будто формальный четырехсторонний или Индо-Тихоокеанский альянс появится в ближайшее время. Четыре страны “стратегического ромба Абэ” желают хороших отношений с Китаем, где Си Цзиньпин хочет поддерживать порядок в растущем государстве с серьезными экономическими и демографическими проблемами и весьма отличной от других системой ценностей»²⁴. Вместе с тем аналитик полагает, что «стратегия, направленная на создание свободного и открытого Индо-Тихоокеанского региона, найдет решительную поддержку со стороны правительств и общественности Японии, США, Австралии, Индии и стран АСЕАН». Индо-Тихоокеанскому региону, считает политолог, необходим, свой лидер, чтобы превратить концепцию в эффективную стратегию. И этим лидером, по его мнению, должна быть Япония. Ближайшие годы покажут, оправдается ли пророчество американского эксперта.

1. *Brahma Chellaney*. A New Order for the Indo-Pacific. URL: <http://www.atimes.com/article/new-order-indo-pacific/>
2. *Pepe Escobar*. The New Great Game moves from Asia-Pacific to Indo-Pacific. URL: <http://www.atimes.com/article/new-great-game-moves-asia-pacific-indo-pacific/>
3. Ibid.
4. *Kotani Tetsuo*. Can the 'Indo-Pacific' compete with China? // Japan Times. 10.01.2018.
5. 'Indo-Pacific' is new US name for Asia in slap at China. URL: <http://www.atimes.com/article/indo-pacific-new-us-name-asia-slap-china/>
6. Цит. по: Diplomatic Bluebook 2017, URL: <http://www.mofa.go.jp/policy/other/bluebook/2017/html/chapter1/c0102.html#sf03>.
7. Ibid.
8. Foreign Policy Speech by Foreign Minister Kono to the 196th Session of the Diet. URL: http://www.mofa.go.jp/fp/unp_a/page3e_000816.html.
9. Санкэй симбун. 05.12.2017.

10. *Kotani Tetsuo*. Op. cit.
11. Нихон кэйдзай симбун. 24.01.2018.
12. Там же.
13. Санкэй симбун. 05.12.2017.
14. Цит. по: Japan Times. 23.02.2018.
15. Ibid.
16. *Prashanth Parameswaran*. ASEAN's role in Japan's Indo-Pacific strategy // Japan Times. 14.02.2018.
17. Нихон кэйдзай симбун. 06.01.2018.
18. Там же.
19. Moon shuns using US's 'Indo-Pacific' label for region. URL: <http://www.atimes.com/article/moon-shuns-using-uss-indo-pacific-label-region/>
20. Ibid.
21. New alliance could emerge in Indo-Pacific. URL: <http://www.atimes.com/newnaval-alliance-emerge-indo-pacific/>
22. Нихон кэйдзай симбун. 03.03.2018.
23. Там же. 10.03.2018.
24. *Auer James E*. Will Japan Emerge as Champion of A Free and Open Indo-Pacific? URL: <http://japan-forward.com/will-japan-emerge-as-champion-of-a-free-and-open-indo-pacific/>

Корейский конандрум*

© 2018

А.З. Жебин

В статье анализируются причины серьезного обострения ситуации на Корейском полуострове в 2017 г. Автор приходит к выводу о том, что США под предлогом борьбы с распространением ядерного оружия пытаются реализовать свои геополитические планы в АТР, суть которых заключается в сохранении своего военного доминирования в регионе и сдерживании России и Китая. Рассматриваются факторы возобновления межкорейского диалога и его перспективы, а также исход возможного саммита лидера КНДР и президента США.

Ключевые слова: Россия, КНДР, Республика Корея, Корейский полуостров, ядерная проблема, безопасность.

1. Источники конфликта

В 2017 г. произошло резкое обострение ситуация на Корейском полуострове. Главными причинами этого стали, с одной стороны, неожиданно быстрый прогресс ракетно-ядерной программы КНДР, а с другой — обостренная реакция администрации Д. Трампа на эти успехи. Для правящих кругов США оказалась невыносимой остающаяся все еще гипотетической вероятностью того, что у КНДР, которой в Вашингтоне много раз предрекали скорый крах, появился или вот-вот появится потенциал нанесения ядерного удара по континентальной части США.

Позволить Пхеньяну обрести его червато подрывом основ американской внешней политики, главным содержанием которой на протяжении всего периода после окончания Второй мировой войны было и остается безнаказанное силовое вмешательство в дела других государств и народов по всему миру. Между тем в мире достаточно стран, в том числе и среди так называемых американских союзников, которым уже давно надоело терпеть беспардонные указания из Вашингтона, какую внутреннюю и внешнюю политику им проводить, с кем можно дружить и торговать, а с кем — нельзя. И некоторые из таких государств не прочь последовать примеру КНДР. Показательно в этом отношении замечание одного из американских аналитиков, Уильяма Маккини (William R. McKinney), который отметил, что хотя многие страны осуждают Северную Корею за нарушение резолюций СБ ООН и договора о нераспространении ядерного оружия, «много других государств открыто или тайне восхищаются ее таким независимым поведением»¹.

К тому же возникшая ситуация представляет собой прямой вызов неоднократным обещаниям президента США Д. Трампа не допустить появления у КНДР возможности держать на прицеле американские города.

Граничащая с истерикой реакция США на последние ракетные пуски КНДР показала, что американцев страшит не столько северокорейское ядерное оружие, сколько

Жебин Александр Захарович, кандидат политических наук, руководитель Центра корейских исследований ИДВ РАН. E-mail: zhebin@ifes-ras.ru.

* Конандрум – головоломка, загадка, ребус.

обретенная КНДР способность доставить его в виде боеголовок до американской территории. Судя по высказываниям Д. Трампа и его помощников, именно стремление не допустить этого может стать причиной упреждающего удара по КНДР².

Один из вариантов такого удара, обозначенный как «окровавленный нос» предусматривает уничтожение основной инфраструктуры ядерной и ракетной программ КНДР. При этом американцы рассчитывают избежать ответного удара КНДР, предупредив ее и соседние страны, что их атака будет ограничена исключительно указанными объектами и не затронет другие военные и тем более гражданские цели. В случае если Пхеньян попытается нанести ответный удар, его ожидает крупномасштабная война.

О том, насколько авантюристичны подобные расчеты, которые, как оказалось, всерьез рассматриваются в Белом доме, свидетельствует то, что против них решились открыто выступить даже такие далекие от симпатий к КНДР деятели, как Виктор Ча. Ему, стороннику жесткой линии в отношении КНДР (не случайно он был советником Дж. Буша) и одному из крупнейших американских экспертов по Корее, чья кандидатура на пост нового посла США в Южной Корее была почти одобрена нынешней администрацией, хватило здравого смысла, чтобы понять всю безрассудность таких планов. Результат — в конце января 2018 г. его имя было вычеркнуто из списка претендентов на эту должность. Предполагалось, что главная миссия будущего американского посла в Сеуле будет заключаться в том, чтобы добиться согласия южнокорейского руководства на указанную авантюру и попытаться сколотить очередную «коалицию желающих» из американских союзников, готовых принять участие в новой войне на Корейском полуострове³.

Последовавшая месяц спустя отставка главного переговорщика по ядерной проблеме Корейского полуострова (ЯПКП) в госдепартаменте США — Джозефа Юна — активного сторонника дипломатического решения вопроса, усилила подозрения американских аналитиков, что данный путь не является приоритетным для США не только на корейском, но и на других направлениях американской внешней политики⁴.

Ситуацию осложнили личные нападки американского президента на северокорейского руководителя Ким Чен Ына. Впервые с момента возникновения в начале 1990-х годов ЯПКП руководитель КНДР решил сам ответить на них, опубликовав свое заявление в качестве Председателя Госсовета КНДР. В ответ на угрозы Д. Трампа обрушить на КНДР «огонь и ярость, которых мир еще не видел», и полностью «уничтожить» эту страну северокорейцы пообещали доказать возможности своего ракетного потенциала запусками ракет в район острова Гуам, где находятся крупнейшие американские базы на Тихом океане, и новым термоядерным испытанием в атмосфере⁵.

В Вашингтоне пытаются убедить весь мир в том, что вот-вот — и КНДР нападет на США или Южную Корею. Более того, России и Китаю всячески стараются внушить, что и для них КНДР представляет угрозу, и поэтому они должны присоединиться к американской линии в отношении этой страны. Бесконечные упреки и даже обвинения в адрес Пекина и Москвы в том, что они плохо выполняют резолюции СБ ООН в отношении КНДР, стали постоянным тезисом практически во всех выступлениях президента США Д. Трампа и представителей его администрации.

Однако большинство специалистов согласны с тем, что северокорейцы ни на кого не собираются нападать. А вот не допустить повторения на Корейском полуострове югославского, иракского, ливийского сценариев в КНДР, похоже, готовы любой ценой. В Пхеньяне видят, что происходит в тех странах, которые стали объектом «гуманитарных интервенций» и экспорта западного варианта демократии — Ираке, Ливии, Афганистане. Там была разрушена государственность, воцарился хаос, происходят многочисленные теракты, ведущие к массовой гибели мирных граждан. Конечно, северокорейцы не хотят такой судьбы для своей страны и готовы защищаться всеми имеющимися у них средствами.

2. За кулисами противостояния

Вместе с тем было бы крайним упрощением считать, что главным объектом заветного американцами очередного «крестового похода» является КНДР. Ситуацию вокруг этой страны нельзя понять вне контекста геополитических амбиций США в АТР.

Демонстративный приказ Д.Трампа нанести ракетный удар по Сирии во время встречи с Председателем КНР Си Цзиньпином в апреле 2017 г. во Флориде, поездка Д. Трампа по странам Азии в ноябре 2017 г., в ходе которой он посетил и Китай, последующие действия Вашингтона на китайском направлении свидетельствуют о том, что главной целью геополитических комбинаций Вашингтона является Пекин. США фактически шантажируют китайцев, требуя от них де-факто присоединиться к американскому курсу на экономическое «удушение» КНДР, угрожая в противном случае нанести удар по этой стране и таким образом развязать войну прямо на границах Китая, на которую ему придется как-то реагировать.

В целом линия нынешней американской администрации в отношении Китая подтверждает, что Вашингтон, не отказываясь от попыток интегрировать эту страну в мировой и региональный порядок, возглавляемый США, все откровеннее сползает в сторону ее «сдерживания» и неприкрытого силового давления, о чем свидетельствуют действия ВМС США в Южно-Китайском море.

Именно с этой целью в ходе поездки Д. Трампа в ноябре 2017 г. по странам Азии США попытались навязать им новое, расширенное понятие региона, используя формулировку «индо-тихоокеанский» вместо «азиатско-тихоокеанский». Практически все обозреватели расценили это как стремление США втянуть Индию в проектируемый Вашингтоном антикитайский альянс Япония — Австралия — Индия под его руководством.

На Корейском полуострове США, настаивая на присоединении Китая и России к американскому варианту «разоружения» КНДР, фактически предлагают нам, не более и не менее, как своими руками вымостить дорогу американским войскам на корейско-китайскую и корейско-российскую границы.

Пока этого не случилось, американцы намерены по максимуму воспользоваться сформированной ими же самими ситуацией вокруг КНДР и попытаться дестабилизировать северокорейский режим руками КНР. Для этого Китай и Россию принуждают присоединиться к американскому варианту торговых, финансовых и иных санкций против этой страны. С этой целью против тех китайских банков и компаний, которые ведут дела с северокорейскими контрагентами, все шире применяются так называемые вторичные санкции. Такая же тактика избрана и в отношении России.

В случае, если Китай начнет помогать США экономически душить КНДР, или даже если он останется простым наблюдателем того, как Вашингтон будет расправляться с Пхеньяном, международному авторитету и имиджу Китая, по мнению американцев, будет нанесен невосполнимый урон. Ведь таким образом США покажут соседям Китая и всему миру, что они могут заставить такую великую державу, как Китай, действовать в угоду Вашингтону даже в отношении имеющих военно-политический союз с Китаем стран, каковой остается КНДР.

С учетом предстоявшей Олимпиады в Пхёнчхане, а также позиций России, Китая и самой Южной Кореи можно было предположить, что США пока воздержатся от использования военного сценария решения «северокорейской проблемы» и будут ожидать желательного для них воздействия санкций на ситуацию в КНДР.

Судя по всему, Корейский полуостров занял центральное место в реализации стратегии США в Азиатско-Тихоокеанском регионе, основными целями которой являются продолжение военного доминирования США, сдерживание Китая и России и сохранение контроля над союзниками в регионе. Неурегулированность корейской проблемы используется Вашингтоном как предлог для продолжающейся уже почти 70 лет дислока-

ции американских сил передового базирования вдоль границ России и КНР, а теперь еще и для развертывания там элементов американской глобальной ПРО.

Выход корейской тематики на одно из основных мест в американо-китайском диалоге подтверждает, что полуостров превратился в сложный узел китайско-американских противоречий, и, не исключено, может стать полигоном в столкновении между США и КНР.

Установить контроль над всем Корейским полуостровом, занимающим уникальное по значимости место на стыке границ Китая и России, и за счет этого радикально изменить в свою пользу военно-стратегический баланс в СВА — такова главная цель политики США в регионе, которую они пытаются достичь под дымовой завесой обеспечения режимов нераспространения ОМУ.

3. Кто кого провоцирует?

Вводя против КНДР очередные односторонние санкции, США фактически провоцируют эту страну на новые ракетно-ядерные испытания и другие действия, которые могут быть преподнесены американскому и мировому общественному мнению как оправдание превентивного военного удара по КНДР. Вслед за США дополнительные ограничительные меры против КНДР предпринимают Южная Корея и Япония. Санкции последней после очередного расширения таких мер 15 декабря 2017 г. коснулись 103 юридических и 108 физических лиц из КНДР⁶.

Впрочем, от российско-китайского предложения о «двойной заморозке» (США и РК воздерживаются от крупномасштабных совместных маневров, которые в Пхеньяне рассматривают как «репетицию нападения на Север», а КНДР — от ядерных и ракетных испытаний) пока отказываются и северокорейцы, которые сами выдвинули эту идею еще в январе 2015 г. В тот период перспективы успешного продвижения ракетно-ядерной программы были, по-видимому, не столь очевидны для самого Пхеньяна.

Сейчас же, после явных успехов, достигнутых в 2017 г., КНДР добивается, чтобы с ней разговаривали как с де-факто ядерной державой. Закрепив де-юре свой ядерный статус в Конституции, Северная Корея пообещала вести себя как «ответственная ядерная держава», не передавать ядерное оружие и соответствующие технологии третьим странам и негосударственным организациям. Тем самым в Пхеньяне дают понять, что, формально оставаясь вне Договора о нераспространении ядерного оружия, из которого страна вышла в 2003 г., КНДР фактически будет соблюдать его ключевые положения, но отказываться от ядерного оружия при этом не собирается.

В Пхеньяне уже неоднократно заявляли, что одностороннее ядерное разоружение КНДР не может быть предметом переговоров, и предупредили, что «надеяться на то, что КНДР откажется от своей ядерной программы столь же глупо, как желать, чтобы высохло море»⁷.

Вместе с тем наблюдатели отметили, что продолжавшееся 75 дней с середины сентября 2017 г. воздержание КНДР от ракетных пусков представляло собой явный сигнал о готовности к переговорам без предварительных условий. Однако ответом США стали возвращение КНДР в список стран-спонсоров международного терроризма, из которого ее вычеркнул Дж. Буш-мл. в 2008 г., и проведение новых военных маневров у границ КНДР⁸. Реакция КНДР последовала незамедлительно. 29 ноября 2017 г. была испытана новая баллистическая ракета «Хвасон-15», способная поразить любые цели на всей территории США.

В конце декабря 2017 г. тогдашний госсекретарь США Р. Тиллерсон впервые заявил о готовности США к переговорам с КНДР без предварительных условий. Впрочем, его слова были практически сразу «подкорректированы» Белым домом, пояснившим, что в позиции США нет никаких перемен, то есть северокорейцы должны сначала начать ра-

зоружаться и тогда с ними станут разговаривать. Южнокорейские СМИ широко цитируют американских экспертов, которые, ссылаясь на эти «смешанные сигналы», приходят к заключению, что у США отсутствует «стратегия» в отношении КНДР⁹.

Между тем резолюции СБ ООН по КНДР, на неукоснительном выполнении которых так настаивает Вашингтон, прямо указывают на необходимость возобновления диалога. Но данную часть резолюций американцы и их союзники предпочитают не замечать.

В Северной Корее открыто возмущаются поддержкой Китаем санкций СБ ООН против КНДР, однако пока воздерживаются от публичной критики позиции России по этому вопросу¹⁰. Впрочем, в беседах с российскими представителями северокаорейцы высказывают недоумение, почему практические действия российской стороны фактически расходятся с заявлениями официальных лиц РФ о том, что ресурс санкций против КНДР практически исчерпан.

Утверждение уволенного 13 марта 2018 г. госсекретаря США Р. Тиллерсона о том, что Вашингтон, Пекин и Москва придерживаются общей позиции в отношении Северной Кореи, не соответствует действительности. Вопрос денуклеаризации Корейского полуострова, с точки зрения Москвы, не может быть решен без гарантий безопасности КНДР. А об этом американцы и их союзники говорить отказываются, отмечают российские эксперты¹¹.

Между тем высказывания северокаорейских представителей и тайные контакты КНДР с США подтверждают, что для Пхеньяна приоритетом по-прежнему является нахождение определенного компромисса с США в качестве единственного способа снять или уменьшить угрозу извне, хотя бы частично отменить санкции и получить доступ к иностранным инвестициям и рынкам. Однако представители США и КНДР, приезжавшие в Южную Корею для участия в церемониях открытия и закрытия Олимпийских игр в феврале 2018 г., так и не договорились о встрече.

В этих условиях северокаорейцы фактически возложили роль посредника по налаживанию контактов с США на Сеул, лишив этой важной и деликатной миссии Пекин, возможно, в отместку за его голосование в СБ ООН и меры по ограничению торговли с КНДР. Делегация КНДР во главе с заместителем Председателя ЦК ТПК Ким Ен Чхолом, участвовавшая в церемонии закрытия зимней Олимпиады, была принята Президентом РК Мун Чжэ Ином и сообщила ему, что северокаорейцы «вполне» настроены на переговоры с США.

В начале марта состоялся ответный визит высокопоставленной делегации РК в Пхеньян, где ее принял северокаорейский лидер Ким Чен Ын, который подтвердил «искреннее желание» возобновить диалог с Вашингтоном. Со слов членов делегации стало также известно, что Ким Чен Ын пообещал воздержаться от испытаний ядерного оружия и ракетных запусков на время переговоров с США¹².

Более того, согласно тем же источникам, он сказал, что КНДР не будет испытывать нужды в ядерном оружии при условии устранения военной угрозы и предоставления гарантий безопасности¹³.

Вряд ли стоит сомневаться: решение о том, ликвидирована такая угроза или нет, и насколько надежны будут гарантии, о которых еще предстоит договориться, в Пхеньяне оставляют за собой. Таким образом, согласие северокаорейцев на денуклеаризацию (если оно действительно было дано) отнюдь не безусловно и не является необратимым, на чем настаивают в Вашингтоне.

Вернувшись в Сеул и рассказав Мун Чжэ Ину о содержании беседы с Ким Чен Ыном, южнокорейские эмиссары срочно отправились в Вашингтон. Спешка была неслучайной: южнокорейцы торопились передать американцам пожелание северокаорейского лидера «как можно скорее» провести встречу с президентом США.

Д. Трамп, неожиданно появившийся в комнате, где его помощники слушали информацию гостей, пригласил их в Овальный кабинет и не долго думая, принял устное предложение Кима, за что немедленно подвергся жесткой критики со стороны ряда экспертов, расценивших такое быстрое согласие как незаслуженную награду для лидера «страны-изгоя».

По сообщениям американской стороны, место и дата встречи, которая должна состояться до мая 2018 г., сейчас прорабатываются. Однако в Пхеньяне о возможном саммите с США уже третью неделю молчат. Возможно, там с самого начала не рассчитывали на положительный ответ и теперь вынуждены срочно формировать свою позицию, определяя пределы уступок Вашингтону.

Южная Корея, как и США, проигнорировала предложение РФ и КНР по дорожной карте урегулирования ЯПКП, в частности идею «двойного замораживания». Такая позиция связана не только с зависимостью от США, но и собственными надеждами некоторых кругов в Сеуле на то, что санкции СБ ООН в сочетании с дополнительными ограничениями, введенными в одностороннем порядке США, Японией и РК, принудят КНДР пойти на уступки.

В ходе визита Д. Трампа в Сеул в ноябре 2017 г. РК была вынуждена, по крайней мере, на словах, поддержать политику старшего союзника по оказанию «максимального давления» на КНДР, введя собственные дополнительные санкции против Пхеньяна.

Вместе с тем как накануне, так и после визита Д. Трампа в Республику Корея некоторые политики и СМИ в Сеуле неоднократно выражали обеспокоенность вероятностью нанесения Соединенными Штатами военного удара по КНДР без согласия и даже уведомления на этот счет Сеула. Кульминацией этой тревоги стало публичное заявление Мун Чжэ Ина о том, что никакая война в Корее не может быть начата без согласия РК. Эта позиция была подтверждена председателем правящей партии РК Чу Ми Э в ходе ее поездки в США в ноябре 2017 г.

Волну обеспокоенности в РК вызвали высказывания представителя США в ООН Н. Хейли и Белого дома о том, что вопрос об участии американской команды в зимней Олимпиаде в Пхёнчхане в феврале 2018 г. еще не решен. В Сеуле заговорили о США как о «ненадежном союзнике» и заподозрили в намерении нанести удар по КНДР без согласия РК. Вашингтону пришлось срочно отыгрывать назад и заявить, что американские олимпийцы поедут в Пхёнчхан¹⁴.

4. Межкорейская оттепель: в шаге от пропасти

Север и Юг Кореи, понимая, какой катастрофой для всех корейцев станет новая война, воспользовались зимними Олимпийскими играми в Южной Корее, прошедшими 9–25 февраля 2018 г., чтобы возобновить контакты. С этой инициативой выступил вышедший руководитель КНДР Ким Чен Ын в своей новогодней речи¹⁵.

Формально главной целью начавших переговоров было объявлено обсуждение условий участия спортсменов КНДР в зимней Олимпиаде. Однако уже первые шаги, предпринятые сторонами: решение возобновить работу линии прямой связи и диалог между военными, беспрецедентная быстрота разрешения всех практических вопросов, связанных с участием северокорейцев в Олимпиаде (в прошлом на это требовались многие месяцы, а результат нередко был плачевным) — свидетельствовали о том, что стороны, начиная диалог, не намерены ограничиться только спортивной тематикой.

Визит самой высокопоставленной за всю историю существования двух корейских государств делегации КНДР на Юг (формально для присутствия на церемонии открытия Олимпиады) и участие в ней, также впервые в истории, единокровного родственника нынешнего северокорейского руководителя — его младшей сестры Ким Ё Чжон, оказанный гостям на официальном уровне подчеркнуто теплый прием, который,

используя терминологию советских времен, вполне можно было бы назвать «братским», — все это показало, что и Сеул, и Пхеньян, похоже, осознали, на краю какой пропасти они очутились к концу 2017 г.

Если в Пхеньяне, возможно, решили, что требуется передышка в беспрецедентно обострившейся конфронтации с США, то в Сеуле, видимо, пришли к выводу, что дальнейшее «поднятие ставок» в американо-северокорейском споре чревато и для Южной Кореи такой катастрофой, которая затмит даже удивившее в свое время весь мир экономическое «чудо на реке Хан». Очевидно одно: стороны поняли, что под угрозой оказалось само существование обеих частей Кореи и корейской нации в целом. Для всех очевидно, что любое применение ядерного оружия на Корейском полуострове чревато превращением его в зону, непригодную для проживания человека.

Официальным главой делегации был Председатель Президиума Верховного народного собрания КНДР Ким Ен Нам — 90-летний ветеран, успешно переживший все перипетии северокорейской политики и зачастую именуемый за рубежом номинальным главой государства, так как, согласно Конституции, именно он представляет КНДР во внешних сношениях.

Однако все внимание политиков и СМИ было обращено на родную младшую сестру Ким Чен Ына, выступившую в роли личного представителя своего брата и в этом качестве передавшую из рук в руки Президенту РК Мун Чжэ Ину приглашение «как можно скорее» посетить КНДР.

Возобновление межкорейского диалога приветствовали практически везде, в том числе в США. Насколько «искренней» была поддержка Вашингтона, особенно наглядно показал всему миру вице-президент США Майкл Пенс, демонстративно оставшись сидеть на своем месте на трибуне, в то время как Мун Чжэ Ин и члены северокорейской делегации, стоя, бурно аплодировали спортсменам КНДР и РК, шествовавшим по стадиону под одним флагом.

Еще одним показателем того, как в Вашингтоне были «рады» возобновлению межкорейского диалога, стало проведение 15–16 января 2018 г. в Ванкувере (Канада) встречи глав внешнеполитических ведомств США и ряда стран, участвовавших на их стороне в Корейской войне.

Пока представители Севера и Юга Кореи вели активные переговоры по поводу участия спортсменов КНДР в Играх, а также приезда в РК других северокорейских делегаций (группы болельщиков, художественного коллектива, тхэквондистов для показательных выступлений и др.), американцы занялись реанимацией «спавшей» свыше полувека еще одной «Годзиллы» времен холодной войны.

Чисто внешне в Ванкувере обсуждались вопросы оказания скоординированного давления на Северную Корею за счет ужесточения санкций. Но на самом деле США, как оказалось, захотели проверить своих союзников по Корейской войне на предмет их готовности следовать принятой 65 лет назад декларации, в которой 16 стран, воевавших на стороне Юга, пообещали послать свои войска на полуостров в случае возобновления военных действий и, более того, пригрозили, что в этом случае война, по всей вероятности, не ограничится его пределами¹⁶.

Сама идеология встречи состояла в том, чтобы попытаться реанимировать альянс стран, участвовавших в Корейской войне на стороне США и Южной Кореи. Американцы пытались выяснить, удастся ли склонить бывших союзников принять участие в новой вооруженной аванюре на Корейском полуострове.

Не случайно представителей России и Китая на встречу не позвали, предложив им явиться после ее окончания, чтобы выслушать некий брифинг об итогах. В Москве и Пекине это унижительное предложение отклонили, а само мероприятие охарактеризовали как «рецидив менталитета холодной войны»¹⁷.

Замысел Вашингтона состоял в том, чтобы с учетом наличия у КНДР ядерного оружия не ввязываться в возможный конфликт в одиночку, а представить его как противостояние международной коалиции против Пхеньяна. За счет этого американцы рассчитывают «снизить уровень своих потерь на случай вооруженного конфликта», считают российские эксперты¹⁸.

В создавшихся условиях южнокорейцам пришлось решать непростую задачу: как продолжить межкорейские контакты и после Олимпиады в Пхёнчхане, не вызвав еще большего недовольства в Вашингтоне, настаивающем на сохранении его союзниками «максимального давления» на КНДР с целью вынудить ее отказаться от своих ракетно-ядерных программ на условиях США.

Будучи гораздо более опытным и искушенным политиком, чем американский президент, Мун Чжэ Ин довольно ловко воспользовался некоторыми чертами характера Д. Трампа, известного своей самовлюбленностью. Он стал ставить в заслугу Д. Трампу и его политике в корейском вопросе участие северокорейцев в Олимпиаде, их согласие на проведение межкорейского саммита и другие примирительные шаги Пхеньяна.

С другой стороны, понимая, что существенное продвижение на межкорейском треке невозможно без хотя бы некоторого снижения напряженности в американо-северокорейских отношениях, он занялся организацией восстановления диалога между Вашингтоном и Пхеньяном, заявив, что это — одна из главных задач направленной им в начале марта 2018 г. в КНДР упомянутой выше делегации, которая была удостоена беспрецедентно теплого приема со стороны Ким Чен Ына.

Пока что эта тактика срабатывает: Мун Чжэ Ину удалось не только согласовать проведение 3-го межкорейского саммита в конце апреля 2018 г. в Пханмунчжоме, в южной части демилитаризованной зоны между Севером и Югом, то есть на территории, контролируемой Республикой Корея, но и выступить в роли посредника, помогающего организовать первую в историю встречу глав США и КНДР.

5. В поисках решения

Главные усилия России и Китая, заинтересованных в мирном урегулировании ядерной проблемы Корейского полуострова (ЯПКП), в 2017 г. были направлены на реализацию идеи «двойной заморозки» и других мер по недопущению дальнейшего нарастания конфронтации вокруг ракетно-ядерных программ КНДР.

Несмотря на то, что ни США, ни КНДР официально не поддержали эти предложения, первый этап дорожной карты, предусматривающий двойную заморозку (ракетно-ядерные испытания КНДР — военные маневры США — РК), де-факто реализуется: в начавшемся году северокорейцы ничего не испытывают, а американцы с южнокорейцами отнесли совместные учения на период после окончания Паралимпийских игр.

Более того, возобновление межкорейского диалога, планы проведения в течение весны 2018 г. межкорейского и американо-северокорейского саммитов свидетельствуют, что и второй этап дорожной карты уже в работе.

Вместе с тем в случае безрезультативности переговорного процесса и особенно двух упомянутых встреч на высшем уровне высока вероятность того, что ситуация будет развиваться по уже известному сценарию: неуспех диалога — ракетные пуски и ядерные испытания КНДР — новые санкции СБ ООН плюс дополнительные санкции США и их союзников. Логическим финалом такого сценария может стать широкомасштабный вооруженный конфликт с высокой степенью вероятности применения оружия массового уничтожения прямо у наших границ на Дальнем Востоке.

Похоже, что главным препятствием для продуктивного проведения саммита США — КНДР остается отсутствие согласия по поводу его повестки. Если в Пхеньяне настаивают на равноправных переговорах, то из Вашингтона пока поступают противоре-

чивые сигналы. Одни сотрудники администрации Д.Трампа утверждают, что обе стороны отказались от каких-либо предварительных условий, другие заявляют, что встреча в верхах станет возможной только в случае, если КНДР, во-первых, сохранит свой нынешний мораторий на ракетные пуски и ядерные испытания, во-вторых, «практическими действиями» (какими именно — в Вашингтоне не конкретизируют) докажет серьезность своей готовности разоружиться.

Пхеньян такой подход не устраивает: там настаивают на равноправных переговорах между двумя ядерными державами по устранению взаимных озабоченностей в области безопасности.

В создавшихся условиях выработка повестки, которая могла бы притормозить сползание ситуации к катастрофе и усадить стороны за стол переговоров, становится все более неотложной задачей. Одним из вариантов такой повестки могло бы стать первоочередное урегулирование ракетной проблемы с переносом окончательного решения ядерной на последующий этап.

В частности в обмен на отказ Пхеньяна от новых испытаний межконтинентальных баллистических ракет (МБР) и боеголовок к ним Совет Безопасности ООН мог бы подтвердить право КНДР на запуски космических летательных аппаратов мирного назначения в соответствии с Договором о принципах деятельности государств по исследованию и использованию космического пространства, включая Луну и другие небесные тела (Договор о космосе), к которому КНДР, кстати, присоединилась, как и к ряду других международных конвенций, регулирующих деятельность государств в этой сфере, а также снять некоторые санкции.

Отказ от новых испытаний МБР сразу бы снял остроту конфликта между США и КНДР, ликвидировав угрозу удара по американским городам, которую Д. Трамп пообещал не допустить любой ценой. В свою очередь, Пхеньян получил бы признание своего права на запуск спутников, от которого он в любом случае никогда не откажется. Запрет на любые запуски с использованием баллистических технологий является весьма спорным с точки зрения международного права и был введен СБ ООН только в отношении одной страны в мире — КНДР.

Разделение ракетной и ядерной тематики могло бы решить еще одну проблему, способную подорвать реализацию самого оптимального для всех его участников соглашения. А именно — проблему верификации, столь чувствительную для КНДР. Любой ракетный пуск и его характер легко определить с помощью национальных средств контроля. Для этого инспекции на месте, по крайней мере, на первом этапе, не нужны. Специалистам совершенно ясно, преследует ли конкретный старт вывод на околоземную орбиту какого-либо груза (спутника) или ракета должна поразить условную цель на многотысячекилометровом удалении. Кстати, именно такой «размен» еще в 2012 г. предлагали некоторые американские аналитики. К сожалению, тогда их голоса услышаны не были.

Могут сказать, что такое решение — половинчатое и не учитывает интересы Японии и Южной Кореи. Но оно позволяет добиться главного — резко ослабить или даже снять угрозу большой войны. На его основе можно будет продвигаться дальше, а задом вернуть СБ ООН ведущую роль в разрешении одного из самых острых международных кризисов современности.

К тому же претензии Японии на этот счет выглядят, мягко говоря, неубедительными: почему Токио может запускать спутники-шпионы, которые постоянно висят над территорией КНДР, как это было сделано в очередной раз 27 февраля 2018 г., а северокорейцам де-факто вообще запрещено иметь ракеты?

Что же касается ситуации в этой области между КНДР и РК, учитывая постоянное соперничество Пхеньяна и Сеула и их неготовность в чем-либо уступать друг другу, ракетные программы Северной и Южной Кореи должны иметь примерно одинаковые

ограничения, для чего целесообразно рассмотреть вопрос о присоединении двух стран к международному режиму контроля за ракетными технологиями (РКРТ).

Указанные выше договоренности по ракетной проблеме могли бы быть закреплены в новой резолюции СБ ООН, которая, среди прочего, отменяла бы те санкции, которые становились излишними в свете таких договоренностей, и устанавливала бы четкий график отмены оставшихся ограничений с учетом подтверждения и соблюдения КНДР своих обязательств по РКРТ и другим международным договорам, членом которых она является, либо к которым должна присоединиться.

Урегулирование споров вокруг ядерной программы КНДР потребует гораздо больше времени и усилий как из-за необходимости разделения ее военной и гражданской составляющих, так и чрезвычайно сложной задачи определения масштабов и интрузивности инспекций на местах.

Важнейшую роль в достижении прогресса в этой области могло бы сыграть присоединение КНДР к ДВЗЯИ, что стало бы сигналом о том, что Пхеньян будет воздерживаться от новых ядерных испытаний.

В случае достижения хотя бы базового взаимопонимания по этим вопросам на саммите США — КНДР возможно принятие некой политической декларации, в которой были бы зафиксированы фактический выход сторон из состояния войны, изложены принципы, на которых будут в дальнейшем строиться двусторонние отношения, а также перспективы ликвидации военной ядерной программы КНДР.

В целом для решения корейской проблемы нужна столь же структурно и поэтапно проработанная сделка, какая была заключена с Ираном. Однако шансы на достижение такой договоренности значительно уменьшатся в случае выхода США из этого соглашения, попыток его пересмотра или дополнения, к чему Вашингтон усиленно склоняет западноевропейских участников этой сделки.

6. Заключение

Окажется ли устойчивым нынешнее «олимпийское перемирие» в Корее и сколь долго оно продлится — это, пожалуй, главный вопрос, над которым сейчас ломают голову эксперты.

Многое будет зависеть от того, насколько глубоко в Сеуле и Пхеньяне осознали опасность сложившейся в 2017 г. ситуации. Если Мун Чжэ Ину удастся добиться сокращения масштабов маневров, несколько отодвинуть их от границ КНДР к югу и добиться исключения отработки в ходе учений таких провокационных операций, как «обезглавливание» противника и «установление контроля» над его «административными центрами», то в Пхеньяне могут расценить это как свидетельство серьезности намерений Сеула продолжить начавшийся диалог.

В этом случае КНДР, особенно если договоренности по МБР с США будут достигнуты, может хотя бы временно воздержаться и от пусков ракет средней и меньшей дальности.

Она заинтересована в том, чтобы в более спокойной обстановке отпраздновать 9 сентября 2018 г. — 70-летие своего создания. «Подарки» народу от верховного лидера по случаю таких крупных дат — традиция, прочно утвердившаяся к северу от 38-й параллели. Мирная передышка для их подготовки очень пригодилась бы.

У Южной Кореи такой же юбилей, но она была провозглашена тремя с лишним неделями раньше — 15 августа 1948 г. Это обстоятельство, кстати, дает повод поразмыслить над тем, кто первым встал на путь официального закрепления раскола страны.

Вместе с тем сентябрьский праздник может принести и новую вспышку напряженности, если в КНДР сочтут, что ее «мирное наступление» не встречает должного отклика у южного соседа и захотят отметить юбилей запуском очередного спутника.

Члены южнокорейской делегации, призвавшие в Пхеньян, также утверждали, что Ким Чен Ын якобы выразил «понимание», что совместные военные учения США и РК будут продолжаться. В любом случае их возобновление вряд ли обойдется без новой вспышки пропагандистской войны и обвинений в адрес Вашингтона и Сеула. Захотят ли в Пхеньяне воспользоваться маневрами, чтобы оборвать контакты? История говорит, что так случалось не всегда. Бывало, что переговоры и маневры шли параллельно, последнее, правда, без излишнего шума.

Определенный оптимизм на этот счет внушают высказывания Ким Чен Ына на встрече 12 февраля с членами делегации КНДР, вернувшейся в Пхеньян после участия в церемонии открытия Олимпийских игр. Северокорейский руководитель указал, что «очень важно» продолжить «добиваться хороших результатов» в начавшемся диалоге, «наметил дальнейшее направление улучшения и развития межкорейских отношений и дал программные задания соответствующим отраслям» принять для этого практические меры¹⁹.

Представляется, что в этих обстоятельствах России и Китаю следует активнее конкретизировать свою дорожную карту решения ЯПКП, памятуя о том, что простое возобновление переговоров без повестки дня, предлагающей компромиссное решение конкретных проблем, мало что даст.

Стоило бы практическими действиями, в первую очередь в СБ ООН, подтвердить неоднократно делавшиеся официальные заявления о том, что лимит санкций исчерпан.

Еще в 2004 г., после вторжения США в Ирак и очередного обострения ситуации вокруг ракетно-ядерных программ КНДР, российские кореееды обращали внимание на то, что «надежды тех, кто рассчитывает на некое, даже внешнее, подобие равноправного партнерства с США, иллюзорны. Вашингтон намерен иметь дело лишь с теми, кто безоговорочно поддерживает американские цели. Те же, кто создает помехи на пути их достижения или просто перестает быть полезным, будут игнорироваться или... устраняться»²⁰.

Тогда же автором этой статьи было высказано мнение, что наши надежды на некоторые возможные встречные шаги со стороны США и учет ими интересов нашей безопасности в обмен на казавшиеся нам на тот момент тактическими или непринципиальными уступки Вашингтону при решении ряда международных проблем, в частности, корейской — неоправданны²¹.

В итоге, сумма этих, казавшихся тогда несущественными, уступок к 2018 г. обернулась нашим стратегическим проигрышем на корейском направлении. Имея за спиной 10 (sic!) резолюций СБ ООН по ЯПКП, США, с полным основанием записавшие их в свой актив, используют их не столько против КНДР, которая их открыто игнорирует, сколько для пропагандистского и политического давления на Россию и Китай, вынуждая их едва ли не ежедневно оправдываться и заверять мировое сообщество, что они их строго выполняют.

Присоединение к линии США и их союзников по решению ЯПКП, к чему нас призывают американцы, или фактическое потворство такому курсу вряд ли приведут к удовлетворительному для нас решению этой проблемы и принесут России какие-либо внешнеполитические дивиденды.

Наше неоднократное голосование в СБ ООН в пользу беспрецедентно жестких санкций в отношении КНДР мало вяжется со статьями двусторонних договоров о дружбе и сотрудничестве, что, в свою очередь, освобождает Пхеньян от каких-либо моральных и юридических обязательств по их соблюдению. Сложившаяся ситуация подталкивает его к разыгрыванию любых кажущихся ему спасительными внешнеполитических комбинаций, вроде предполагаемого саммита с США, на котором, если он состоится, российские и китайские интересы в субрегионе вряд ли будут приниматься во внимание.

В то же время США и Южная Корея, в последние годы приложившие немало усилий, в том числе в СБ ООН, чтобы максимально испортить наши отношения с КНДР, теперь готовы выступить в тоге миротворцев, моментально позабыв о своих навязчивых призывах действовать по ЯПКП «единым фронтом». Единство от нас, похоже, требуется лишь в одном — помочь США продать нужные им условия урегулирования, по возможности оставив Россию и Китай на его обочине.

Впрочем, состоявшийся в конце марта 2018 г. внезапный визит Ким Чен Ына в Китай и его переговоры с Си Цзиньпином показали, что северокорейцы не рискнули, как говорится, «складывать все яйца в одну корзину» и решили подстраховаться на случай, если саммит с США окажется для них неудачным. В свою очередь, для китайцев было важно из первых рук узнать, насколько серьезной для них может оказаться корейско-американская «оттепель».

Выступая на новогодней пресс-конференции в Москве 15 января 2018 г., министр иностранных дел России Сергей Лавров заявил, что «ядерная проблема Корейского полуострова — одна из серьезнейших тем, которая стоит на международной повестке дня. Россия и Китай активно взаимодействуют на этом треке», и это «наверное, самое важное, что сейчас Россия и Китай решают на взаимной повестке дня»²².

Представляется, что России и Китаю следует вплотную заняться совместной разработкой таких путей урегулирования, которые в должной степени учитывали бы интересы безопасности наших стран, и вести эту работу как на первой, так и на второй «дорожках» двустороннего взаимодействия.

1. Understanding North Korea's Nuclear Coercion Strategy. Posted by William R. McKinney on March 15, 2017 in Foreign Affairs. URL: <http://38north.org/2017/03/wmckinney031517/>
2. McMaster speaks to Trump's tweets. North Korea and Middle East peace. FoxNews. 03.12.2017. <http://www.foxnews.com/politics/2017/12/03/mcmaster-speaks-to-trumps-tweets-north-korea-and-middle-east-peace.html>.
3. Ambassador candidate dropped over stark warning on North Korea. CNN. 31.01.2018. <https://edition.cnn.com/2018/01/30/politics/victor-cha-ambassador-to-south-korea/index.html>.
4. US' top North Korea diplomat announces surprise retirement. By Ellana Lee and Joshua Berlinger, CNN. 27.02. 2018. URL: <https://edition.cnn.com/2018/02/26/asia/joseph-yun-north-korea-intl/index.html>.
5. President Trump's full United Nations speech. CNN. 19.09.2017. <http://edition.cnn.com/videos/us/2017/09/19/trump-united-nations-full-speech.cnn>; Заявление Председателя Государственного совета КНДР. ЦТАК. 22.09.2017.
6. Япония расширила односторонние санкции против КНДР. Известия. 15.12.2017. URL: <https://iz.ru/683531/2017-12-15/iaponiia-rasshirila-odnostoronnie-sankcii-protiv-kndr>.
7. An Chol Gwon. Nuclear Force of DPRK Is Powerful Weapon for Defending Peace. URL: http://www.rodong.rep.kp/en/index.php?strPageID=SF01_02_01&newsID=2018-02-24-0006.
8. North Korea relisted as a state sponsor of terrorism: what happens now? // NKnews. 21.11.2017. URL: https://www.nknews.org/2017/11/north-korea-relisted-as-a-state-sponsor-of-terrorism-what-happens-now/?c=1511263790283&__s=w5gjdq8qdyw55jskszyu.
9. Trump administration lacks strategy on N.Korea:experts // Yonhap news. 14.12.2017.
10. В Пхеньяне обиделись за поддержку Россией санкций против КНДР // Интерфакс. 01.12.2017. URL: <http://interfax.ru/world/589887>.
11. Там же.
12. South, North Korea agree to hold 3rd summit in April // KoreaNet. 06.03.2018. URL: <http://www.korea.net/NewsFocus/policies/view?articleId=155265>.
13. Там же.
14. [Editorial] Haley's remarks about Pyeongchang Olympics casts doubt on US reliability as an ally // The Hankyoreh. 09.12.2017. URL: http://english.hani.co.kr/arti/english_edition/e_editorial/

- 822773.html; White House confirms that US athletes will participate in Pyeongchang Winter Olympics // The Hankyoreh. 09.12.2017. URL: http://english.hani.co.kr/arti/english_edition/e_international/822774.html.
15. Нодон синмун. 01.01.2018.
 16. Американцы на встрече в Ванкувере по КНДР прощупывали настроения союзников на предмет их готовности послать войска в случае войны — эксперт // Интерфакс. 17.01.2018.
 17. Брифинг официального представителя МИД России М.В.Захаровой, Москва, 12 января 2018 года. 25-12-01-2018. URL: http://www.mid.ru/ru/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/3017813#7.
 18. Американцы на встрече в Ванкувере по КНДР прощупывали настроения союзников...// Интерфакс. 17.01.2018.
 19. Товарищ Ким Чен Ын встретился с членами корейской делегации на высоком уровне, посетившими территорию Южной стороны. ЦТАК. 13.02.2018. URL: <http://www.kcna.kp/kcna.user.special.getArticlePage.kcmsf>.
 20. Жебин А.З. О некоторых аспектах урегулирования кризиса ядерной безопасности в Корее //Корея в поисках мира и процветания. Доклады, представленные на VIII научной конференции корееведов. Москва, 25-26 марта 2004 г./ РАН, Ин-т Дальн. Востока. М., 2004. С. 124.
 21. Там же.
 22. Выступление и ответы на вопросы СМИ Министра иностранных дел России С.В.Лаврова в ходе пресс-конференции по итогам деятельности российской дипломатии в 2017 году, Москва, 15. января 2018 года. URL: http://www.mid.ru/ru/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/3018203.

Основа китайско-российского сотрудничества в Арктике

© 2018

Куан Цзэнцзюнь, Оу Кайфэй

В связи с изменением глобального климата все большее количество стран уделяют внимание геополитическим и экономическим аспектам Арктики. Китай и Россия разворачивают сотрудничество в Арктике, учитывая интересы приполярных стран. Его предпосылками являются: частичное совпадение интересов (научные исследования, ресурсы, пути сообщения) и относительно стабильная геополитическая обстановка. Сотрудничество в Арктике будет способствовать повышению уровня отношений всестороннего стратегического партнерства между КНР и РФ, наполнит их новым содержанием.

Ключевые слова: Китай, Россия, приполярные страны, сотрудничество в Арктике, отношения всестороннего стратегического партнерства.

Не только в России и Китае, но и в международном сообществе в целом существуют различные мнения относительно китайско-российского сотрудничества в Арктике. Подробные исследования основ китайско-российского сотрудничества помогут разьяснить обстановку, устранить сомнения, снизить напряженность, способствовать развитию здорового сотрудничества между КНР и РФ.

В 1925 г. Китай и в 1935 г. СССР присоединились к подписанному 9 февраля 1920 г. и вступившему в силу 14 августа 1925 г. «Договору о Шпицбергене». Это свидетельство того, что еще в 30-е годы прошлого века Китай и СССР (Россия) имели международную юридическую основу для сотрудничества в Арктике, однако в силу различных причин на практике оно не осуществлялось.

После окончания холодной войны интерес к Арктике постоянно возрастал. С одной стороны, проявились тенденции глобального потепления, повысилась скорость таяния полярных льдов, увеличились возможности круглогодичного использования Северного морского пути, уменьшились трудности, связанные с освоением ресурсов, возросло значение полярной стратегии. С другой стороны, знания человечества об Арктике стали глубже, страны стали уделять больше внимания своим насущным и потенциальным потребностям. Россия является великой арктической державой, имеющей политические, экономические и военные интересы. В последние годы она постоянно усиливает присутствие в Арктике. В мае 2013 г. на 8-й сессии Арктического совета Китай получил статус официального наблюдателя и стал принимать более активное участие в арктических делах. С учетом особенностей отношений всестороннего стратегического партнерства Китая и России и глобально-го влияния Арктики на климат, окружающую среду и экономику, активное и эффективное

Куан Цзэнцзюнь, профессор Китайского института приграничных и морских исследований, директор Центра России и Центральной Азии Уханьского университета, заместитель главного редактора «Журнала приграничных и морских исследований». E-mail: kuangzj@mail.ru.

Оу Кайфэй, аспирант Китайского института приграничных и морских исследований Уханьского университета.

сотрудничество Китая и России в Арктике благоприятствует не только развитию партнерских отношений между ними, но имеет важное значение для стабильности в регионе. Сотрудничество Китая и России в Арктике опирается на широкую практическую основу.

1. Частичное совпадение интересов двух стран в Арктике — предпосылка китайско-российского сотрудничества

Россия обладает самой большой территорией в Арктике и, естественно, являясь арктической державой, имеет в Арктике самые широкие государственные интересы. 18 сентября 2008 г. Президент РФ подписал «Основы политики Российской Федерации в Арктике до 2010 г. и на дальнейшую перспективу»¹, которые были опубликованы правительством 30 марта 2009 г. Это первый в России и в мире документ о государственной стратегии в Арктике. Этот стратегический документ определяет государственные интересы России в Арктике и затрагивает проблемы социально-экономического развития, освоения природных ресурсов (в частности, энергетических), экологию и использование Северного морского пути. Китай — страна близкая к Арктике. Участие в ее делах и защита собственных интересов в Арктике являются правом Китая. Что касается степени текущего участия Китая в арктических делах, то его интересы включают: права на научные исследования, права на пути сообщения, права на экологическую безопасность, права на освоение энергетических ресурсов. Во многом из перечисленного интересы Китая и России совпадают. Их совпадение и пересечение составляют предпосылку для сотрудничества.

1.1. Научные интересы

Как великая арктическая держава, в арктических исследованиях Россия занимает достойное место. Исследовательскую деятельность в Арктике она начала еще в 30-е годы прошлого века. Полярные научные учреждения России, осуществляющие свою деятельность в координации с правительством, добились существенных успехов². Российские полярные метеостанции накопили богатый опыт. Однако некоторые специалисты считают, что в полярных исследованиях Россия столкнулась с определенными трудностями. С. Добролюбов откровенно заявляет: «80% запасов нефти и природного газа России сосредоточены в Арктике, где очень сложные природные условия. К тому же они залегают в основном на глубине более 500 м. Для освоения нефтяных и газовых месторождений требуются большие капиталовложения и современное буровое оборудование, в которых Россия испытывает дефицит. Поэтому необходимо международное сотрудничество»³.

Климатические и экологические процессы Арктики непосредственно влияют на изменения климата и окружающей среды в Китае, связаны с будущим устойчивым развитием экономики. Китай также нуждается в исследованиях климата и природной среды указанного региона. В 2016 г. китайская 7-я арктическая экспедиция на судне «Сюэлу» успешно завершила намеченную программу исследований и существенно продвинулась во многих «горячих точках». Был впервые исследован подводный хребет Менделеева в Восточно-Сибирском и Чукотском морях. Впервые были проведены геофизические исследования с использованием искусственной сейсмической волны. Проведены глубинные исследования сейсмических систем. В августе—сентябре 2016 г. при поддержке Морского управления Китая и Российской академии наук (РАН) были проведены совместные комплексные исследования Восточно-Сибирского и Чукотского морей. Это — первый опыт проведения совместных исследований, сделан исторический прорыв в исследованиях в российской полярной экономической зоне. Развитие исследований и научного сотрудничества, повышение инновационных возможностей освоения Арктики являются важной научной составляющей арктической политики России. Китай, как заинтересованная сторона, сосредоточивает научные интересы на сотрудничестве в сфере изучения климата и природной среды.

1.2. Экологические интересы

Глобальное потепление — широко признанный факт, наиболее четко оно проявляется в Арктике и Антарктике⁴. Арктику отличают особые географические условия, характеризующиеся низкой способностью восстановления экологической системы, поэтому проблемы экологии стоят очень остро. Для России эти проблемы особенно важны. Беспокойство России относительно экологии Арктики связано с тем ущербом, который могут нанести освоение ресурсов, строительство инфраструктуры и утилизация отходов⁵. С 2010 г. в России начал осуществляться «План очистки арктических островов», восстанавливается природная среда, приводятся в порядок сооружения и строения. Были учреждены 23 федеральных и 86 региональных природных заповедников. Правительство также намечает ряд экологических мероприятий, включая механизмы быстрого реагирования на загрязнения и экологические бедствия, создан специальный фонд. В октябре 2013 г. в столице Ямало-Ненецкого автономного округа Салехарде состоялся 3-й международный форум «Арктика — земля диалога». Президент В. Путин выступил с докладом о проблемах экологической безопасности в связи с активизацией деятельности в Арктике. Он предложил путем расширения сотрудничества усилить меры по охране природной среды в регионе. Что касается Китая, то глобальное потепление ускоряет таяние льдов в Арктике, изменяет состав воды, ослабляет течения, что непосредственно влияет на экологическую систему и все сферы социально-экономической жизни КНР, ее прибрежные районы, леса, водные ресурсы, сельское хозяйство, животноводство и туризм⁶. Одновременно серьезную угрозу безопасности окружающей среды Китая представляет повышение уровня моря⁷. Россия считается арктической страной, Китай — страной близкой к Арктике. Природные изменения в Арктике непосредственно и глубоко влияют на обе страны, которые должны уделять серьезное внимание природным и экологическим переменам, включить интересы экологической безопасности в число своих национальных интересов, изучать перемены и быть готовыми к противостоянию негативным влияниям. Поэтому Китай и Россия могут и должны усилить двустороннее сотрудничество в охране окружающей среды и обеспечении экологической безопасности.

1.3. Интересы в области ресурсов

Быстрое развитие китайской экономики за последние 10 лет повысило политический и экономический рейтинг Китая, но поставило его перед лицом серьезного энергетического кризиса. Запасы нефти и потенциальные возможности ее добычи не вызывают оптимизма, усиливается долгосрочная зависимость Китая от мирового энергетического рынка⁸. С 1993 г. Китай стал импортером нефти, в 2009 г. преодолел отметку 200 млн т, за последние шесть лет ежегодный импорт им сырой нефти превышает 200 млн т, в 2014 г. преодолена отметка в 300 млн т⁹. Китай вышел на 1-е место в мире по производству и потреблению энергии¹⁰. По прогнозам, в ближайшие пять лет зависимость Китая от импорта нефти превысит 60%¹¹. В 2030 г. 70% потребностей Китая в нефти могут быть удовлетворены за счет импорта, а доля импорта природного газа должна составить 40%¹². К 2035 г. Китай станет крупнейшим импортером нефти. В мире обостряется конкурентная борьба за ресурсы, геополитические противоречия и конфликты бросают серьезный вызов энергетической безопасности КНР. Источники энергоресурсов, от которых зависит Китай, располагаются на Ближнем Востоке и в Африке: в Ираке, Иране, Ливии и Судане. На их территориях отмечаются политическая нестабильность и региональные конфликты, энергетическое сотрудничество Китая с этими странами имеет региональные ограничения¹³. Традиционные нефтяные маршруты подвергаются нападениям пиратов и находятся под влиянием неблагоприятных геополитических факторов. 90% импортируемой Китаем нефти доставляется арендованными у иностранных транспортных компаний танкерами из стран Ближнего Востока и Африки по маршрутам, проходящим через Ормузский и Малаккский проливы. Морской транспорт подвергается нападениям пиратов и террористов. Безопасность морских путей зависит и от ВМС США. Китай не может осу-

шестнадцать контроль за танкерами и маршрутами их следования. В случае террористических акций невозможно гарантировать своевременную и полную доставку импортированной нефти в Китай¹⁴. Стабильное развитие китайской экономики невозможно без безопасного стабильного снабжения энергетическими ресурсами. На мировом рынке Китай надеется найти нового партнера в сфере энергетических ресурсов, чтобы избежать нестабильности снабжения ими, и тем самым обеспечить экономическую безопасность. Вместе с тем технологическая революция в энергетике, нетрадиционные источники энергии, трубопроводный транспорт (многообразие средств доставки), снижение цен на нефть, перемещение рынка потребления в восточном направлении предоставили Китаю шансы для поиска на мировом рынке новых источников энергоснабжения. В арктических зонах России на материке и морском шельфе сосредоточены огромные запасы нефти и газа. Арктические ресурсы можно будет рассматривать как важную область китайского импорта. Участие Китая в освоении арктических ресурсов и использовании Северного морского пути предоставит пространство и возможность выбора для обеспечения энергетической безопасности¹⁵. Путем сотрудничества с Россией можно также улучшить освоение зон с холодным климатом и усовершенствовать технологическое оборудование¹⁶.

На традиционных нефтепромыслах России отмечается снижение уровня добычи нефти, поэтому в XXI веке «базой стратегических ресурсов» станет Арктика¹⁷. Потенциальные запасы энергетических ресурсов в основном расположены на Арктическом континентальном шельфе и морском дне. Они составляют четверть всех мировых запасов, причем две трети из них находятся в российском секторе¹⁸. Из опубликованных документов следует, что Россия создает Центр освоения арктических ресурсов и морских путей. Расходы на освоение ресурсов и создание путей весьма велики и зависят от неправительственных инвестиций. В последние годы в России заметен экономический спад, экономическая безопасность сталкивается с серьезными вызовами, осуществлять проекты за счет внутренних ресурсов стало невозможно, требуются региональные или межрегиональные партнеры по инвестициям. После 2014 г. в результате конфликта с Украиной западные страны ввели санкции, и уровень доверия к России снизился. Все восемь приполярных стран приняли участие в антироссийских санкциях. Все проекты между компаниями США, Норвегии и России по освоению углеводородов на континентальном шельфе были приостановлены¹⁹. Возможности выбора партнеров для сотрудничества в Арктике у России сократились. Расширение НАТО на восток также сократило для России стратегическое пространство в Арктике. «Российская угроза» способствовала активизации военного сотрудничества северных и прибалтийских стран²⁰. В свою очередь не входящий в этот регион Китай склонен к экономическому сотрудничеству в Арктике. В сотрудничестве с ним Россия может не только получить необходимые инвестиции, освоение ресурсов и путей будет способствовать региональному экономическому развитию, инициирует строительство континентальной и портовой инфраструктуры, усилит экономические связи и транспортные возможности отдаленных районов, будет способствовать экспорту арктических ресурсов. Все это укрепит экономические связи между двумя странами. До урегулирования своей экономической структуры Россия долгое время зависела от экспортной торговли. В настоящее время по энергетическим потребностям Азия превалирует над Европой и Америкой. Путем сотрудничества с Китаем Россия может переориентировать инфраструктуру на восток и получить стабильный рынок в условиях западных санкций. Долгосрочный опыт международного и регионального сотрудничества Китая и России предоставляет мощную основу для арктического сотрудничества в условиях сужающегося пространства, вызванного западными санкциями. Чтобы противостоять внутренним и внешним вызовам безопасности, Китай и Россия должны углубить экономическое сотрудничество в Арктике.

Отсюда следует пересечение интересов Китая и России в сфере ресурсов. Обе страны нуждаются в ресурсах и экспортируют их, рыночное пространство обеих стран огромно. Обе они имеют удобное географическое положение и благоприятную основу

для сотрудничества. Сотрудничество в освоении Арктики соответствует отношениям всестороннего стратегического партнерства и отвечает общим интересам двух стран.

1.4. Отношения в области транспорта

Изменения международной ситуации и природных условий все явственнее выявляют геополитические и ресурсные преимущества Арктики. Однако ресурсы, наука и рыбный промысел не смогут обойтись без транспортной поддержки. Россия, как страна с богатейшими арктическими ресурсами и самой протяженной береговой линией, во многом зависит от Северного морского пути, соединяющего Европу и Азию. В новом веке стратегия освоения Арктики предоставляет невиданные шансы для развития Северного морского пути. Россия разработала приоритетное направление, согласно которому Северный морской путь становится «государственной транспортной магистралью», предложила усилить строительство ледокольного флота, сконцентрировать управление, создать и обновить инфраструктуру портов и магистралей, повысить грузооборот²¹. В последние годы Россия прилагает усилия по упорядочению правил навигации, ликвидировала положение о принудительной проводке судов, предложила много новых положений о юридическом регулировании судоходства на Севере, выдвинула множество проектов по его освоению²². В будущем году вступает в силу Полярный кодекс (Polar Code), разработанный Международной морской организацией (ИМО). Россия также инициировала ряд мер по обновлению и строительству новых портов, улучшению связи и гидрометеорологического обеспечения, в результате чего маршрут станет более безопасным, открытым и соответствующим развитию международных путей сообщения²³. В нынешних условиях путешествие из Европы в Азию по Северному морскому пути занимает на месяц меньше, чем через Суэцкий канал. Основным рынком сбыта российских арктических энергоносителей является АТР. Конечные цели развития Северного морского пути выдвинул В. Путин в 2013 г. Согласно этому плану Северный морской путь станет более конкурентоспособным международным торговым маршрутом, чем Суэцкий или Панамский каналы.

В 2009–2013 гг. наметились благоприятные тенденции для развития Северного морского пути. В 2010–2012 гг. количество трансграничных операций на Северном морском пути увеличилось в 10 раз. В 2010 г. было перевезено около 2 млн т грузов, в 2013 г. — 39 млн т. В 2010 г. международные перевозки осуществляли всего 6 судов, а в 2012 г. около 70²⁴. В 2013 г. трансграничные перевозки по сравнению с 2012 г. увеличились на 633 тыс. т²⁵. В 2013 г. Управление Северного морского пути получило 656 заявок на 718 судов, выдало 625 разрешений. Рейсы выполнили 635 судов, из них 508 под флагом России, 127 под иностранными флагами. В настоящее время возможности 6 атомных ледоколов используются лишь на 30%, потенциальные возможности проводки судов используются далеко не полностью. По мере глобального потепления, повышения температуры воды и таяния льдов улучшаются условия навигации на Северном морском пути, увеличивается количество маршрутов и продолжительность навигации, все явственнее становятся преимуществами Северного морского пути и его роль в освоении Арктики. По прогнозам специалистов, объем перевозок в 2020 г. достигнет 65 млн т.

Однако начиная с 2014 г. в результате резкого падения цен на нефть и кризиса в перевозках данные по Северному морскому пути пришлось скорректировать. В 2013 г. трансграничные рейсы совершило 71 судно, а в 2015 г. только 18, объем перевозок сократился до 5,43 млн т. Пробные перевозки некоторых стран за эти два года прекратились²⁶. За стремительно падающими цифрами скрываются проблемы строительства и управления. Из-за недостатка средств проблема обновления ледокольного флота и модернизации портов в России далека от решения. Чтобы улучшить результаты навигации, обеспечить безопасность и способствовать развитию, российское правительство приняло «План комплексного развития Северного морского пути»²⁷. Этот план включает следующие направления: 1) гидрографическое обеспечение; 2) служба спасения; 3) строительство новых

ледоколов; 4) гидрометеорологическое обеспечение; 5) развитие портов; 6) океанографические технологии; 7) обеспечение деятельности ВМС.

Решение проблем арктических ресурсов и Северного морского пути предлагает Китай, который испытывает серьезные проблемы с традиционными источниками снабжения и путями доставки. Китай, пользующийся выгодами Арктики, имеет собственные интересы в сферах экологической безопасности и научных исследований. Для разработки ресурсов, строительства и освоения Северного морского пути России следует сотрудничать с Китаем. Открытие Северного морского пути имеет большое значение для развития китайской экономики. Внешняя торговля КНР во многом зависит от морских перевозок. Использование Северного морского пути может не только сократить путь в Западную Европу и Северную Америку, снизить себестоимость перевозок, но поможет избежать встречи с пиратами в Малаккском проливе. Многообразие маршрутов принесет результаты в экономике и политике²⁸. У Китая и России имеются общие экономические запросы в отношении коммерческого использования Северного морского пути, что будет способствовать социально-экономическому развитию. Китай не только использует Северный морской путь и производит товары для транспортировки по нему, но может принять активное участие в его строительстве. По мере совершенствования навигации Северный морской путь может стать одним из направлений проекта «Один пояс, один путь» и получить название «Шелковый путь на льду».

2. Северный морской путь и возможности стабильного геополитического сотрудничества Китая и России в Арктике

Изменение климата вызывает таяние полярных льдов, в результате чего «ледяная пустыня», пригодная прежде для научных исследований, превращается в геополитическую площадку конкуренции в области торговли, политики, безопасности²⁹. В годы холодной войны США и СССР ожесточенно соперничали во всех уголках мира. Их соперничество в Арктике было особенно наряженным. Арктика отличалась высокой степенью милитаризации и была чувствительной геополитической точкой. В 1987 г. руководитель СССР М. Горбачев, выступая в Мурманске, предложил создать в Северной Европе безъядерную зону, ограничить деятельность ВВС и ВМС, сотрудничать в области научных исследований и освоения Севера, призвал Запад и Восток к двустороннему и многостороннему сотрудничеству. После окончания холодной войны обстановка в Арктике смягчилась, были созданы благоприятные условия для международного сотрудничества.

В XXI веке международная конкуренция в Арктике обострилась, заинтересованные страны постоянно продвигают собственную политику и стратегию, пытаясь доказать свое главенство. Водружение флага России на дне Северного Ледовитого океана в 2007 г. стало символическим знаком для стран, претендующих на место в Арктике, и впервые после окончания холодной войны вызвало острую полемику³⁰. Некоторые ученые полагают, что конфликты будут касаться освоения ресурсов. Мир вступит в новую эпоху «великой конкуренции» великих держав³¹. Однако на практике Арктика развивается в направлении мира и сотрудничества. В 2014–2015 гг. «украинский кризис» спровоцировал в международном сообществе вторую волну дискуссии по Арктике. Центр полярных исследований норвежского университета «Норд» опубликовал статью «Приведет ли Арктика к новой холодной войне?», потребовав качественного политического анализа и оценки влияния геополитической обстановки на сотрудничество³². Часть ученых считает, что после продолжительной холодной войны восстановится политическая атмосфера мира, стабильности и сотрудничества, верит, что полярные страны будут действовать в рамках правил, установившихся в результате многопрофильного и многоуровневого сотрудничества. Другие ученые считают, что украинский кризис достиг Арктики и может замедлить развитие процесса сотрудничества. На деле «сотрудничество между Россией, США и странами Европы продолжается, юридические рамки продолжают существовать, сохраняют-

ся отношения сотрудничества»³³. Все это создает относительно стабильную обстановку для китайско-российского взаимодействия.

В целом крупнейшая неполярная страна мира Китай и крупнейшая полярная страна мира Россия обладают широкой базой для развития сотрудничества в Арктике. Китай и Россия установили отношения всестороннего стратегического партнерства, основанные на высоком уровне взаимного доверия и взаимной выгоды. Это главный краеугольный камень для развития двустороннего сотрудничества. Огромные потенциальные возможности торгово-экономического сотрудничества заложили реальную материальную базу для взаимодействия двух стран. Предпосылками его являются общие интересы в научных исследованиях, экологическая безопасность, разработка ресурсов, освоение Северного морского пути. Для этого Китай и Россия должны на базе «отношений всестороннего стратегического партнерства» активно продвигать сотрудничество в Арктике, что в полной мере соответствует интересам двух стран и потребностям взаимного развития. Китай и Россия должны на основе взаимной выгоды повысить эффективность своего сотрудничества, наполнить в новую эпоху свои отношения новым содержанием, продвигать всестороннее партнерство на более высокий уровень, добиваясь общего процветания двух стран. Реализация китайско-российского приполярного сотрудничества в конечном итоге должна внести вклад в разумное управление Арктикой.

© 2018

Перевод с кит. яз.: Б. Я. Надточенко

1. Основы государственной политики Российской Федерации в Арктике на период до 2020 года и дальнейшую перспективу (Утверждено Президентом РФ 18.09.2008, Пр. № 1969). URL: www.rg.ru/2009/03/30/arktika-osnovy-dok.html.
2. Основные научные учреждения России, изучающие Арктику, включают: Санкт-Петербургский институт Арктики и Антарктики, Санкт-Петербургский университет. Центр экономики Севера и Арктики (Москва), Институт гидрологии, МГИМО, Академия экономики и управления (Москва), Институт полярных исследований.
3. Чжун Э тожжань Бэйци кэао хэцзо кэнэн це би бу кэшао: [Научное сотрудничество Китая и России в освоении Арктики возможно и необходимо] // Чжунго циньяньбао. 27.07.2014.
4. Дин Хуан. Циди гоця чжэнцэ яньцзо баогао: [Доклад о государственной полярной политике (2012–2013)] // Кэсюэ чубаньшэ. 2013. № 11. С. 45.
5. Лю Синьхуа. Шиши Элосы дэ Бэйци чжаньлюэ: [Анализ российской арктической стратегии] // Дунбэйя луньтань. 2009. № 6. С. 68.
6. Лу Цзюньюань. Бэйци дилюй чжэнчжи юй Чжунго индуй: [Геополитика в Арктике и китайский ответ]. Пекин: Шиши чубаньшэ, 2010. С. 297.
7. Лу Цзюньюань. Чжунго цзай Бэйци дицюй дэ чжаньлюэ лин фэньси — фэй чуаньтун аньцюань шицзюэ: [Анализ стратегических интересов Китая в Арктике под углом нетрадиционной безопасности] // Цзянань шэхуй сюэюань сюэбао. 2011. № 4. С. 2.
8. Лу Цзюньюань. Геополитика в Арктике... С. 308.
9. 2014 нянь вого нэньюань цзинькоу чэнсянь «бинхо лян чжунтянь»: [В 2014 г. импорт энергоресурсов в Китае достиг состояния «льда и пламени»]. URL: http://www.chinastock.com.cn/yhwz_about.do?methodCall=getDetailInfo&docId=4641329.
10. Чжунго чон цзуй да нэньюань шэнчань хэ сюэфэй го: [Китай стал первой в мире страной по производству и потреблению энергии]. URL: <http://finance.chinanews.com/cj/2014/03-25/5989741.shtml>.
11. Цянь Цзунци. Элосы Бэйци нэньюань фачжань цяньюэцин хэ Чжун Э нэньюань хэцзо чжаньван: [Перспективы разработки энергетических ресурсов в российской Арктике и надежды Китая на энергетическое сотрудничество] // Шаньдун гуншан сюэюань сюэбао. 2015. № 5. С. 42.

12. «Шице фачжань чжуанкуан» / Гоюань фачжань яньцзю чжунсинь Шице фачжань яньцзюсю пянъ: [«Обстановка развития в мире» / Институт мирового развития Центра исследования проблем развития Госсовета]. Пекин: Шиши чубаньшэ, 2011. С. 344.
13. Ян Цзянь. Бэйцзи ханьюнь юй Чжунго Бэйцзи чжэнцэ динвэй: [Полярные транспортные маршруты и определение китайской политики в Арктике] // Гоцзи гуаньча. 2014. № 1. С. 123–137.
14. Чжунго нэньюань цзинькоу тундао цуньцзай вэйсе: [Существует угроза безопасности каналов импорта нефти в Китай]. URL: http://finance.ifeng.com/a/20141029/13228636_0.shtml.
15. Ян Цзянь. Указ. соч. С. 123–137.
16. Элосы яоцин Чжунго сянь Бэйцзи тоуцзы: [Россия предлагает Китаю делать инвестиции в Арктику]. URL: http://sputniknews.cn/russia_china_relations/20151120/1017077500.html/
17. Основы государственной политики Российской Федерации в Арктике на период до 2020 г....
18. Бэйцзи вэньти яньцзю / Бэйцзи вэньти бяньсецзю: [Изучение проблем Арктики / сост. Группа исследователей Арктики]. Пекин: Хайян чубаньшэ, 2011. С. 377.
19. Александров О.Б. Перспективы стратегического альянса России и Китая в Арктике // Геоглобалистика. 2015. № 2. С. 24.
20. Там же.
21. Журавлев П.С. Арктика в системе международного сотрудничества и соперничества. Монография / Северный (Арктический) ун-т им. М.В. Ломоносова; Архангельский научный центр; Уральское отделение РАН. Архангельск, 2015. С. 100.
22. Документы российского правительства по проблемам Арктики, опубликованные с 2000 г., включают: «Концепция поддержки социально-экономического развития севера», 2000; «Основы политики РФ относительно арктических стран», 2001; «Основы государственной политики РФ в Арктике на период до 2020 г. и дальнейшую перспективу», 2008; «Стратегия развития и гарантии безопасности в Арктике до 2020, 2013; «Социально-экономическое развитие российской Арктики до 2020 г.», 2014. Юридические документы по регулированию Северного морского пути включают: «Исправленный проект Закона о торговом судоходстве в акватории Северного морского пути», 2012; «Правила судоходства в акватории Северного морского пути», 2013; «Общие положения о развитии Северного морского пути», 2015.
23. Путин рассчитывает превратить Арктику в международный торговый путь. URL: <https://Russian.rt.com/inotv/2013-08-22/Putin-rasschitivaet-prevratit-Arktiku-v...>
24. Журавлев П.С. Указ. соч. С. 88.
25. Обеспечение устойчивого функционирования и развития Северного морского пути. Правительство России. URL: http://government.ru/dep_news/12325/
26. Фэн Шуай. Лицзи хансянь, цзюлэбу упинь юй бэйфанхай хандао кайфа чжаньлюе чжуансин дэ луцзин сюаньцзэ: игэ чжунфан шицзю: [Выбор пути трансформации стратегии освоения Северного морского пути: китайская точка зрения] // Элосы яньцзю. 2016. № 1. С. 79–103.
27. Справка о комплексном проекте Северного морского пути. Правительство России. URL: <http://government.ru/orders/selection/405/18405/>
28. Сунь Кай, Чжан Лян. Бэйцзи бяньцянь шицзюся Чжунго бэйцзи лии гунтунти дэ гоуцзянь: [Создадим общность интересов китайских пользователей Арктики] // Гоцзи гуаньси яньцзю. 2013. № 1. С. 125.
29. Ebinger Charles K., Zambetakis Evie. The Geopolitics of Arctic Melt // International Affairs. 2009. Vol. 85. No. 6. P. 1215.
30. Buchanan Elizabeth. Will Ukraine Scupper Russia's Arctic Plans. URL: <http://www.themoscowtimes.com/opinion/article/will-ukraine-scupper-russia-arctic-plans/523583.html>.
31. Berkman Paul Arthur, Young Oran. Governance and Environmental Change in the Arctic Ocean // Science. 2009. Vol. 32. No. 4. P. 339–340.
32. Holm Arne O. The New North-a Series in High North News: Can We still Cooperate in the Arctic. URL: <http://www/highnorthnews.com/the-new-north-a-series-in-high-north-news-towards-a-new-cold-war-in-the-arctic/>
33. Buchanan Elizabeth. Arctic Cooperation and Russian Rapprochement. URL: <http://www.foreignaffairs.com/articles/russian-federation/2016-01-21/arctic-thaw> (дата обращения: 29.01.2016).

Экономика

Экспериментальные зоны свободной торговли в Китае

© 2018

В.Я. Портяков

Рассмотрено вызревание в Китае в период 2013–2017 гг. концепции вступления страны в новый этап внешнеэкономической открытости. Охарактеризованы поставленные XIX съездом КПК задачи совершенствования внешнеэкономической деятельности КНР и возможные механизмы их реализации. Центральное место в статье занимает анализ создания в КНР в этот период экспериментальных зон свободной торговли и особенностей их функционирования.

Ключевые слова: Китай, внешнеэкономическая открытость, новый этап, XIX съезд КПК, пилотные зоны свободной торговли.

Одним из заметных явлений в экономической жизни Китайской Народной Республики в последние годы стало постепенное вызревание нового этапа внешнеэкономической открытости страны. Начало этого процесса пришлось на 2013 год. В августе Госсовет КНР утвердил создание Шанхайской экспериментальной зоны свободной торговли¹. А осенью того же года, соответственно в сентябре и ноябре, Председатель КНР Си Цзиньпин выступил с инициативами формирования Экономического пояса Шелкового пути и Морского Шелкового пути XXI века, которые позже стали нередко объединяться под названиями «Инициатива пояса и пути» («Belt and Road Initiative»).

22 декабря 2014 г. было принято решение о создании экспериментальных зон свободной торговли (ЗСТ) в провинциях Гуандун, Фуцзянь и городе центрального подчинения Тяньцзинь².

Подвижки в сфере внешнеэкономической деятельности страны не прошли мимо внимания экспертного сообщества КНР. Некоторые ученые заговорили о старте второго этапа внешнеэкономической открытости Китая. Его начало связывалось со все более глубоким вовлечением страны в процесс экономической глобализации, а содержание выделось в трех «больших стратегиях»: всемирном продвижении свободной торговли (в том числе через создание зоны свободной торговли между Китаем и ЕС), практической реа-

Портяков Владимир Яковлевич, д.э.н., профессор, заместитель директора ИДВ РАН.
E-mail: portyakov@ifes-gas.ru.

Подготовлено при содействии РФФИ, проект № 18–014–00030а «Китайская Народная Республика: от специальных экономических зон к зонам свободной торговли».

лизации инициативы «пояса и пути» и, наконец, в крупномасштабном наращивании торговли услугами³.

По некоторым оценкам, есть определенные основания числить начинающийся новый этап внешнеэкономической открытости Китая не вторым, а третьим, коль скоро объемы торговли товарами, привлекаемых из-за рубежа и направляемых вовне инвестиций в период членства КНР в ВТО (то есть, де-факто, начиная с 2002 г.) были на порядок выше соответствующих показателей предшествующего периода открытости (1979–2001 гг.). Вместе с тем китайские исследователи подчеркивают, что на протяжении всего предшествующего периода внешнеэкономические связи страны были ориентированы главным образом на привлечение товаров, технологий и капитала из-за рубежа, тогда как на новом этапе главная цель — продвижение китайских товаров, технологий, капиталов, услуг вовне.

В 2015–2017 гг. внешнеэкономические связи Китая столкнулись с дополнительными трудностями в виде плохой мирохозяйственной конъюнктуры, усиления протекционистских настроений в США после победы Д. Трампа в президентской гонке, удорожания стоимости рабочей силы в КНР. Тем не менее, Пекин продемонстрировал твердую приверженность углублению процесса экономической глобализации, встал на защиту принципа свободы торговли, достиг определенных успехов в переводе инициативы «пояса и пути» на практические рельсы. 31 августа 2016 г. были учреждены новые экспериментальные зоны свободной торговли в провинциях Ляонин, Чжэцзян, Хэнань, Хубэй, Сычуань, Шэньси и городе Чунцин.

В докладе Си Цзиньпина на XIX съезде КПК (октябрь 2017 г.) была официально поставлена задача «стимулировать формирование новой архитектуры всесторонней открытости». Среди конкретных направлений этой работы Си Цзиньпин назвал динамичное расширение открытости западной части страны, наделение пилотных зон свободной торговли «еще большими полномочиями самостоятельного реформирования, обновления форм инвестирования за рубежом»⁴.

Концепция нового этапа внешнеэкономической открытости Китая была существенно детализирована в газете «Жэньминь жибао» в статье вице-преьера Госсовета КНР Ван Яна, вошедшего в состав Постоянного комитета политбюро ЦК КПК. Стержнем развития экономики открытого типа в Китае Ван Ян назвал «ускорение возвращения новых конкурентных преимуществ», постепенное повышение места страны в международном разделении труда. Особый акцент сделан на совершенствовании региональной структуры внешнеэкономической открытости страны, на подтягивании в этом отношении западных территорий Китая. На их долю ныне приходится 72% территории и 27% населения, но только 7% объема внешней торговли и 7,6% привлеченных иностранных инвестиций. Как следует из статьи Ван Яна, решать задачу превращения Китая в мощную торговую и инвестиционную державу предполагается на путях всемерного продвижения инициативы «пояса и пути», разработки и внедрения нового единого законодательства, регулирующего привлечение иностранных инвестиций в КНР и направление китайских инвестиций вовне, усиления защиты прав интеллектуальной собственности⁵.

В реализации задач нового этапа внешнеэкономической открытости особая роль отводится экспериментальным зонам свободной торговли.

Решение о их создании было принято в рекордно короткие сроки, можно сказать, в экстренном порядке. В марте 2013 г. «руководитель государства» провел обследование бесплошной зоны Вайгаоцяо в Шанхае, а уже в августе 2013 г. было принято принципиальное решение о создании на ее основе Шанхайской экспериментальной зоны свободной торговли. Быстрота действий диктовалась рядом обстоятельств. Главным из них был интенсивный ход переговоров США с рядом стран о создании Транстихоокеанского торгового партнерства (ТТП) — зоны свободной торговли со строгими и весьма высокими стандартами для государств-членов. Одновременно начинались и переговоры США

с европейскими партнерами по Трансатлантической зоне свободной торговли. Китай, не будучи приглашенным ни в один из этих форматов, оказался перед вероятной перспективой весьма скорого сужения пространства для маневра и общего ухудшения условий ведения внешней торговли. Соответственно, экспериментальная ЗСТ в Шанхае явилась в первую очередь реакцией на решение о создании ТТП, принятое администрацией Б. Обамы. Зона была изначально ориентирована на проверку внешнеторговой конкурентоспособности Китая в среде с высокими стандартами конкуренции.

Сыграло свою роль и то обстоятельство, что в 2012 г. завершился пятилетний период перехода специальных экономических зон Китая с льготного режима налогообложения предприятий с иностранными инвестициями на общенациональный (с единой ставкой подоходного налога в 25%). В данном контексте отмечалось, что «в международной экономической конкуренции прежние преимущества Шанхая исчезают, необходим поиск новых преимуществ»⁶. То есть пилотные ЗСТ в какой-то степени пришли на замену прежним СЭЗ в качестве территорий с особым режимом, позволяющим проводить широкие эксперименты по стыковке национального и международного механизмов торговли, инвестирования, предоставления финансовых услуг и по необходимым для этого внутрикитайским реформам.

Несмотря на отказ администрации Д. Трампа от договора по ТТП, китайское руководство сохранило ориентацию на постепенное приведение своего внешнеэкономического хозяйства в соответствие с самыми передовыми международными стандартами. А инициатива «пояса и пути» дала Пекину дополнительную возможность претендовать не только на присоединение к тем или иным передовым правилам внешнеэкономической деятельности, но и на активное участие в их разработке. В данном контексте экспериментальные ЗСТ получили дополнительный импульс развития и статус «государственной стратегии». Как полагают в китайском экспертном сообществе, главные задачи ЗСТ состоят в том, чтобы искать новые пути и модели внешнеэкономической открытости страны, формировать пригодный к воспроизводству и распространению опыт, служить развитию всей страны. Создание ЗСТ в Китае «будет способствовать возвращению новых конкурентных преимуществ страны в глобальном масштабе, выходу экономики КНР на новый уровень»⁷.

Наиболее продвинутой к настоящему времени является Шанхайская зона свободной торговли. Роль первопроходца была отдана именно Шанхаю с учетом диверсифицированной структуры и общего высокого уровня развития экономики города, наличия готовой инфраструктуры для запуска ЗСТ, международного статуса Шанхая.

Изначально в зону площадью 28,78 кв. км вошли: комплексная беспошлинная зона Вайгаоцяо (с одноименным беспошлинным логистическим парком), беспошлинный порт Яншань и комплексная беспошлинная зона аэропорта Пудун. Комплексный проект пилотной ЗСТ Шанхай, обнародованный от имени Госсовета КНР 18 сентября 2013 г., определил в качестве главных задач данного образования следующие: ускорение изменения функций правительства за счет углубления реформы административной системы, расширения открытости в инвестиционной сфере; трансформация модели развития внешней торговли; углубление новаторства и открытости в денежно-кредитной сфере; поиск адекватной особенностям ЗСТ налоговой политики. Шанхайской ЗСТ придавалась роль первопроходца в открытии счетов капитала в жэньминьби и постепенном переходе к полной конвертируемости юаня (конвертируемость юаня по счетам текущих операций существует уже довольно давно). Перед ЗСТ ставилась и особо актуальная для конца 2013 г. задача «стать первым окном внешнеэкономической открытости в деле вступления Китая в ТТП»⁸. (Судя по всему, какие-то переговоры по этому вопросу велись. По словам сотрудников Института мировой политики и экономики Академии общественных наук Китая, посетивших Институт Дальнего Востока в декабре 2017 г., было снято одно

из наиболее неприятных для КНР требований к членам ТТП — наличие в стране так называемых свободных профсоюзов.)

28 июня 2014 г. Госсовет КНР одобрил Меры по дальнейшему расширению открытости экспериментальной ЗСТ Шанхай. В числе новых мер — акцент на авиаторговлю как ведущую отрасль, приоритет НИОКР при расширении открытости в перерабатывающих отраслях и открытие инфраструктурного строительства для иностранного капитала.

25 июля 2014 г. Постоянный комитет Собрания народных представителей Шанхая одобрил Положение об экспериментальной ЗСТ Шанхай Китая, которое явилось первым региональным нормативным актом, регулирующим деятельность ЗСТ. Документ из 57 пунктов, объединенных в 9 глав, явился своего рода «основным законом» для ЗСТ Шанхай и послужил в дальнейшем прообразом для правового обеспечения основных аспектов деятельности других ЗСТ, созданных позже⁹.

28 декабря 2014 г. Постоянный комитет Всекитайского собрания народных представителей одобрил расширение площади Шанхайской ЗСТ до 120,72 кв. км. В ее состав вошли получившие широкую известность в период активного развития района Пудун в Шанхае «финансовый участок» Луцзяцзуй, зона НИОКР Цзиньцяо и зона развития производств на базе новых и высоких технологий Чжаньцзян¹⁰. Таким образом, если на начальном этапе функционирования ЗСТ акцент делался на выполнении зоной торговых функций, особенно транзитной торговли¹¹, то по мере обретения опыта выявилась необходимость комплексного развития ЗСТ Шанхай и ее более серьезного подкрепления солидными финансовыми, высокотехнологичными и научно-техническими «тылами».

29 января 2015 г. было обнародовано Уведомление Госсовета о доступном к распространению опыте реформ и экспериментов ЗСТ Шанхай, декларировавшее возможность распространения по всей стране опыта, наработанного в Шанхайской ЗСТ, за исключением компонентов, связанных с задачей строительства в Шанхае международного финансового центра.

20 апреля 2015 г. Госсовет одобрил Проект дальнейшего углубления открытости и реформ в экспериментальной ЗСТ Шанхай. От зоны потребовали всемерной поддержки «Инициативы пояса и пути» и развития экономического пояса реки Янцзы.

6 октября 2015 г. на пресс-конференции представителя Министерства коммерции КНР были подведены итоги первых двух лет функционирования экспериментальной ЗСТ Шанхай. Были отмечены заметные успехи в формировании системы управления иностранными инвестициями, в создании более удобного режима осуществления внешне-торговых операций, в продвижении новаций в денежно-кредитной сфере с акцентом на введение конвертируемости юаня по счету капитала, с постепенным переходом к постоперационному контролю в отправлении правительственных функций вместо прежнего контроля «до» или «в процессе» проведения операций¹².

Работа Шанхайской ЗСТ проторила дорогу увеличению в Китае числа экспериментальных ЗСТ. В конце декабря 2014 г. ПК ВСНП одобрил создание новых ЗСТ в Тяньцзине, Фуцзяни и Гуандуне.

Тяньцзиньская ЗСТ площадью 119,9 кв. км состоит из трех участков: район Дунцзян Тяньцзиньского порта — 30 кв. км, 4600 зарегистрированных предприятий; участок Тяньцзиньского аэропорта — 43,1 кв. км и участок делового центра нового района Биньхай площадью 46,8 кв. км с 14 тысячами субъектов рынка. Тяньцзиньская ЗСТ ориентирована на поддержку развития и открытости региона Пекин — Тяньцзинь — Хэбэй и обращена, прежде всего, к Северо-Восточной Азии.

Создание экспериментальной ЗСТ Фуцзянь было утверждено Госсоветом КНР 31 декабря 2014 г. Зона общей площадью 118,04 кв. км включает три участка: Пинтань (43 кв. км), Сямэнь (43,78 кв. км) и Фучжоу (31,26 кв. км). Предназначение Фуцзяньской ЗСТ — стать катализатором торгово-экономических связей двух берегов Тайваньского

пролива и, в конечном счете, превратиться в образцовый район углубления экономического сотрудничества материкового Китая и острова Тайвань.

Также 31 декабря 2014 г. Госсовет утвердил создание Гуандунской экспериментальной ЗСТ общей площадью 116,2 кв. км. В состав зоны вошли новый район г. Гуанчжоу Наньша площадью 60 кв. км, являющийся географическим центром дельты р. Чжуцзян, районы Цяньхай и Шэкоу г. Шэньчжэнь площадью 28,2 кв. км и новый район Хэнцин г. Чжухай (фактически соединяющий его с Аомэнем) площадью 28 кв. км.

Гуандунская ЗСТ должна стать первопроходцем нового раунда реформ и открытости в Китае, образцовым районом глубокого сотрудничества в треугольнике Гуандун — Гонконг — Макао и важным «узлом связи» в реализации инициативы Морского шелкового пути XXI века¹³. При этом району Цяньхай предназначено играть роль «района сотрудничества в сфере современных услуг между Гонконгом и Шэньчжэнем». Опыт Цяньхай, особенно в развитии финансовых услуг, широко пропагандируется в китайских СМИ. Например, большая подборка статей о Цяньхае, описываемом как «спецэкономзона в спецэкономзоне», опубликована во влиятельном журнале «Наньфан чуанху» («Южное окно»)¹⁴.

31 августа 2016 г. по решению ЦК КПК и Госсовета КНР были учреждены семь новых экспериментальных зон свободной торговли. При выборе мест их размещения учитывались как необходимость приведения норм и правил ведения Китаем внешнеэкономической деятельности в соответствие с передовыми мировыми стандартами, так и потребности в наращивании степени открытости западных территорий страны и придании дополнительных импульсов роста центральному и северо-восточным провинциям. Несомненно, сказалось и стремление Пекина в полной мере использовать уже проявившийся практический эффект от реализации «инициативы пояса и пути» для более масштабного включения внутренних районов страны в мировую экономику. Весьма вероятно, что китайские власти в выборе конкретных мест размещения новых экспериментальных ЗСТ учли рекомендации относительно «пилотных городов на маршрутах пояса и пути», сделанные учеными Чунъянского института финансовых исследований Народного университета Китая. Во всяком случае, Чэнду, Сиань, Чжэнчжоу и Далянь в этих предложениях фигурировали¹⁵.

ЗСТ Ляонин призвана стать новым двигателем повышения конкурентоспособности и уровня открытости старой промышленной базы Северо-Востока Китая. Площадь зоны составляет 119,89 кв. км. Выделены три участка — Даляньский площадью 59,96 кв. км (включая район экспортной переработки, беспошлинную зону и беспошлинный порт), Шэньянский площадью 29,97 кв. км и участок в Инкоу (29,96 кв. км). Каждому участку предписана своя специализация. Так, Далянь ориентирован на превращение в международный центр авиаперевозок в Восточной Азии, на развитие портовой и авиалогистики. Шэньян, который сосредоточит передовое машиностроение, в том числе производство авиационного оборудования, должен стать «образцовым городом индустриализации нового типа». Функции Инкоу — логистика, трансграничная электронная торговля, современные услуги. В конечном счете Ляонинская ЗСТ призвана «возглавить трансформацию модели развития Дунбэя»¹⁶.

Еще одной экспериментальной ЗСТ, ориентированной на использование выгод приморского положения, стала Чжэцзянская ЗСТ. Ее общая площадь составила 119,95 кв. км. Зона сформирована с опорой на г. Чжоушань, расположенный на одноименном архипелаге. Выделены три участка: северный район острова Чжоушань площадью 15,62 кв. км (включая часть комплексной беспошлинной зоны порта Чжоушань площадью 2,83 кв. км), южный район острова Чжоушань площадью 25,35 кв. км и внеостровная часть г. Чжоушань площадью 78,98 кв. км (включая часть комплексной беспошлинной зоны порта Чжоушань площадью 3,02 кв. км). Одна из главных функций ЗСТ Чжэцзян — либерализация торговли рядом ведущих товаров. Поставлена задача

в течение 3–5 лет создать передовой район свободного порта, соответствующий международным критериям. Фактически речь идет о превращении Чжоушаня в один из крупнейших в Северо-Востоной Азии центров торговли нефтепродуктами и заправки ими транспортных средств, прежде всего судов¹⁷.

Остальные пять зон, учрежденных в августе 2016 г., расположены во внутренних районах Китая.

Хэнаньская ЗСТ должна стать комплексным современным транспортно-логистическим узлом, обслуживающим строительство «пояса и пути», а также образцовым внутренним районом с открытой экономикой. В зоне общей площадью 119,77 кв. км выделены Чжэнчжоуский (73,17 кв. км), Кайфэнский (19,94 кв. км) и Лоянский (26,66 кв. км) участки, при этом развитию Кайфэнского и Лоянского участков предполагается придать весомое культурно-туристическое измерение¹⁸.

Хубэйская ЗСТ должна стать образцовым районом Центрального региона Китая в деле упорядоченной смены производственной специализации, районом концентрации новых стратегических отраслей и высокотехнологичных производств, «новой высотой» в обеспечении открытости внутренних районов Китая. ЗСТ Хубэй состоит из трех участков: Уханьского (70 кв. км), Ичанского (27,97 кв. км) и Сяньянского (21,99 кв. км)¹⁹.

Сычуаньская ЗСТ призвана сыграть роль образца в продвижении развития западных регионов Китая и экономического пояса реки Янцзы. Ее площадь — 119,99 кв. км. Зона сформировалась из трех участков: новый район Тяньфу г. Чэнду (90,32 кв. км), железнодорожный порт Цинбайцзян в г. Чэнду (9,68 кв. км) и порт Лучжоу в южной Сычуани (19,99 кв. км). Во всех трех участках имеются небольшие беспошлинные логистические центры. Чэндуский участок ЗСТ станет общегосударственным районом сосредоточения новых и высокотехнологичных производств, центром логистики для внутренней и внешней торговли, международным транспортным узлом. Участок Цинбайцзян сосредоточит перевалку контейнерных грузов и беспошлинное складское хозяйство. Порт Лучжоу будет преобразован в комплексный транспортный узел, способный предоставлять потребителям широкую гамму современных услуг²⁰.

Чунцинская экспериментальная ЗСТ призвана стать международным логистическим центром, связывающим строительство «пояса и пути» и развитие экономической зоны р. Янцзы. Зона общей площадью 119,98 кв. км включает три участка: «Двухречье» («Лян цзян» — имеются в виду реки Янцзы и Цзялинцзян, протекающие в черте Чунцина) площадью 66,29 кв. км, а также районы Сиюн (22,81 кв. км) и Гоюаньган (30,88 кв. км). «Двухречью» предстоит стать комплексным районом производства высокотехнологичной оснастки, ключевых компонентов электроники, «облачных» вычислений, биомедицинских препаратов и развития современных торговых услуг. Район Сиюн сосредоточится на торговле, основанной на переработке (*цзягун маои*), а район Гоюаньган займется перевалочными операциями²¹.

Шэньсийская ЗСТ ориентирована на превращение в важный опорный пункт экономического сотрудничества и гуманитарных обменов в процессе реализации инициативы «пояса и пути».

Общая площадь ЗСТ Шэньси составляет 119,95 кв. км. На центральном участке площадью 87,76 кв. км расположено несколько зон экспортной переработки и ряд других беспошлинных территорий Сиани. Другие два участка — район услуг международного авиапорта Сиань площадью 26,43 кв. км и демонстрационный район высоких агротехнологий Янлин (5,76 кв. км).

В программе развития Шэньсийской ЗСТ по сравнению с другими зонами наиболее масштабно обрисованы задачи международного сотрудничества в контексте продвижения инициативы «пояса и пути», в том числе поиск модели международного сотрудничества в производственной сфере, расширение обменов в агросфере, образовании и культурных областях²².

Работа экспериментальных зон свободной торговли строится на сходных принципах и законоположениях.

Нетрудно заметить, что все одиннадцать зон имеют *близкие размеры (около 120 кв. км)* и, как правило, состоят из трех участков. Такой подход упрощает заимствование позднее созданными зонами успешного опыта первопроходцев, а также позволяет набирать общую применимую технологию координации действий участков в рамках той или иной конкретной зоны.

Во всех случаях созданы *специальные органы по управлению зонами*. В Фуцзяни, например, это руководящая группа, канцелярия которой располагается в занимающемся торговлей подразделении провинциального правительства. Созданы и руководящие группы каждого из трех участков ЗСТ, отвечающие за разработку политики реформ и инноваций на местах и за координацию действий участков в крупных вопросах. Кроме того, собственные делегированные органы в участках ЗСТ создает провинциальное правительство. Они координируют деятельность различных ведомств на местах и осуществляют административное управление²³.

В Тяньцзиньской ЗСТ, наряду с руководящей группой, занимающейся крупными реформами, создан комитет управления, который и организует проведение конкретных преобразований и дает оценку их эффективности. А что касается управления отдельными участками Тяньцзиньской ЗСТ, то эти функции возложены на комитеты управления, соответственно, беспошлинным портовым районом Дунцзян, беспошлинным районом порта Тяньцзинь и деловым центром нового района Биньхай²⁴.

В Гуандуне учреждены провинциальная канцелярия по работе ЗСТ и органы управления отдельными участками.

Задачи и функции управленческих органов регламентированы Положениями о соответствующих зонах, которые, как правило, рассматривались и утверждались на заседаниях постоянных комитетов провинциальных или городских (городов центрального подчинения) собраний народных представителей.

Экспериментальные ЗСТ опираются на имеющиеся серьезные *заделы* в виде инфраструктуры, практики зон с льготными торговыми и таможенными режимами, деловых связей и т.п. Речь идет о разного рода беспошлинных зонах, портах, складах, логистических парках, зонах экспортной переработки, которые территориально вошли в состав практически всех китайских ЗСТ. По-видимому, от «предшественников» отчасти заимствуются и налоговые льготы резидентам зон. Так, в Положении о Шанхайской ЗСТ отмечается, что в ЗСТ применяется налоговая политика, содействующая инвестициям и внешней торговле. А применительно к входящим в ЗСТ беспошлинным зонам Вайгаоцяо, Яншань, комплексной беспошлинной зоне Пудун и беспошлинному логистическому парку Вайгаоцяо применяется льготная политика, действующая в зонах особого таможенного контроля и управления²⁵. В целом же о налоговой политике в ЗСТ в установочных документах говорится весьма лапидарно и не очень определенно. Возможно, в этой сфере свобода маневра у Китая сдерживается какими-то серьезными внешними ограничителями.

Изначально предполагалось, что привлечение предприятий в зоны свободной торговли будет идти не столько за счет налоговых льгот, сколько за счет предоставления *льготных условий регистрации* и льгот в уставном капитале. Так, например, разветвленная система преференций разработана в участке Наньша (Гуанчжоу) ЗСТ Гуандун. В частности, предоставляются субсидии при аренде и покупке площадей и зданий под головные офисы предприятий, а если эти предприятия входят в национальный список 500 крупнейших предприятий или в перечень 1000 крупнейших глобальных предприятий, то размер субсидии может составить 10 млн юаней. Поощряются также размещение в ЗСТ инновационных предприятий высокотехнологичных перерабатывающих отраслей, судостроительных компаний (особенно если суда будут зарегистрированы в Гуанчжоу

как в порту приписки). Торговым предприятиям обещано вознаграждение до 40% от их вклада в экономический рост района Наньша. Субсидии до 5 млн юаней смогут получить платформы трансграничной электронной торговли, размещаемые в Наньша. Предусмотрены диверсифицированные крупные льготы для квалифицированного персонала. Так, исследователи пост-докторского уровня смогут получить грант в 100 тыс. юаней на исследовательскую работу, субсидию на проживание в 80 тыс. юаней в год и 200 тыс. юаней на съем жилья, если они останутся работать в Наньша после получения степени.

Особо оговаривается вознаграждение в 0,3% от суммы внесенных инвестиций (без ограничительного предела) посреднику, сумевшему привлечь в зону капиталовложения компании, входящей в китайский список 500 или мировой перечень 1000²⁶.

По принятой в КНР терминологии, управление взаимодействием зон свободной торговли и зарубежных территорий именуется управлением «первой линии», а управление взаимосвязями ЗСТ с другими китайскими территориями — управлением «второй линии». В целом же применяется принцип «открытость по первой линии, безопасное и высокоэффективное управление по второй линии, свобода товаропотоков внутри зоны»²⁷.

Считается, что такой подход в наибольшей степени подходит для предприятий с экспортной ориентацией²⁸, и именно поэтому торговля и реэкспорт продвигаются на роль ведущих функций ЗСТ, по крайней мере, первых четырех. А сами зоны ориентированы на *создание максимально благоприятных условий для ведения внешней торговли*. Предусмотрено внедрение в ЗСТ правила «одного окна» для международной торговли, когда находящиеся в зоне торговые, транспортные, перерабатывающие, складские и другие службы образуют комплексную платформу управления услугами.

Следует вместе с тем подчеркнуть, что перед ЗСТ ставится задача не нарастить до каких-то высот и объемов идущий через них внешнеторговый поток, а, в первую очередь, практически отработать процедуру выхода внешнеторговых операций в Китае на передовой мировой уровень и сделать его в конечном счете обыденной нормой. В этом смысле экспериментальные ЗСТ играют незаменимую роль в трансформации модели внешней торговли Китая, в том числе в переходе от опоры на экспорт товаров к комплексному взаимосвязанному экспорту товаров, услуг, техники и капиталов, от ценовых к комплексным конкурентным преимуществам²⁹.

Все зоны наделены правом *проведения экспериментов в кредитно-денежной сфере*. В общем виде речь идет о постепенном введении конвертируемости юаня по счетам капитала, маркетизации процентной ставки на финансовом рынке, расширении трансграничного использования жэньминьби и реформе системы валютного управления в целом. Применительно к конкретным зонам действуют специальные регламентирующие документы Центробанка (Народного банка Китая). Так, ЗСТ Гуандун ориентирована на расширение операций нефинансовых организаций в юанях и на использование залога в юанях в работе финансовых организаций ЗСТ с однопрофильными ведомствами в Гонконге и Макао.

Важной отличительной особенностью экспериментальных ЗСТ стало внедрение в их управленческую практику принципа *«негативного перечня»* (negative list, *фумянь циндань*). Согласно разъяснениям китайских экспертов, «негативный перечень» представляет собой не форму и не средство, а категорию, понятие современного управления, призванное обеспечить максимальную прозрачность работы правительства в экономической сфере в виде доступности его решений, предсказуемости и стабильности практических действий. Центральным пунктом требований к прозрачности управления со стороны правительства является формула «не опубликованное — не исполнять, все исполняемое должно быть опубликовано»³⁰. Через «негативный перечень» правительственные органы влияют на формирование рыночных механизмов в той или иной сфере, разграничивают ареалы управления преимущественно через администра-

тивные рычаги или же, напротив, через рыночные принципы, обозначают закрытые для иностранцев зоны экономики.

Принцип «негативного перечня» применяется на практике при привлечении в ЗСТ иностранных инвестиций. Если прежние справочные каталоги видов производств по привлечению зарубежных инвестиций в Китае информировали о том, что можно делать, то «негативный перечень», напротив, уведомляет о том, чего делать нельзя. Соответственно, все сферы и производства, отсутствующие в таком каталоге, доступны для иностранных инвесторов.

Первый «негативный перечень» был опубликован правительством Шанхая 29 сентября 2013 г. под названием «Специальные меры управления привлечением иностранных инвестиций в экспериментальной зоне свободной торговли Шанхай». Он содержал 190 позиций, что составило 17,8% от общего числа — 1069 — видов производств.

В 2014 г. «негативный перечень» был уменьшен до 139 видов, а в 2015 г. — до 122 видов. Особенно большие сокращения произошли в перерабатывающей промышленности, целый ряд подотраслей которой был полностью открыт для иностранных капиталовложений, в том числе переработка сельхозпродукции, производство табачной и алкогольной продукции, предметов культурного назначения и т.п. В то же время сохраняются ограничения на разведку, освоение месторождений нефти и газа, создание медицинских учреждений (здесь возможны лишь инвестиции в кооперационные или совместные предприятия), на добычу большинства видов редкоземельных металлов. При этом география применения «негативного перечня», принятого 20 апреля 2015 г., была распространена на города Шанхай и Тяньцзинь и провинции Фуцзянь и Гуандун в целом.

Важной новацией, продолжающей эксперимент с управлением действиями иностранных инвесторов через «негативный перечень», стало одобрение 2 марта 2016 г. Министерством коммерции и Госкомитетом по делам развития и реформ экспериментального варианта «Проекта негативного перечня при вхождении на рынок». Данный проект, предназначенный для первоначального применения в тех же четырех регионах провинциального уровня, установил запрещенный для иностранных инвестиций список в 96 видов производств, сфер и отраслей и ввел ограничения по 232 позициям³¹.

Последний по времени и ныне действующий документ, регламентирующий приток зарубежных инвестиций в ЗСТ, был принят в июне 2017 г. и вступил в силу с 10 июля 2017 г. Перечень запретных и ограничительных мер сокращен на 27 позиций по сравнению с 2015 г.³²

Предполагается и далее использовать наработки экспериментальных ЗСТ для совершенствования режима привлечения иностранных инвестиций в Китай.

* * *

Экспериментальные зоны свободной торговли в Китае — феномен молодой. Поэтому давать какую-либо развернутую оценку уже достигнутых ими результатов, детально прогнозировать ход их дальнейшего развития — дело явно преждевременное. Показательно, что в докладах о работе местных правительств на прошедших в КНР в январе 2018 г. сессиях провинциальных собраний народных представителей зонам было уделено небольшое внимание, а конкретная информация о их деятельности была приведена только в Ляонине (зарегистрировано 22 тысячи новых предприятий³³) и Хэнани (на конец 2017 г. зарегистрировано 23 484 новых отечественных предприятий с уставным капиталом около 310 млрд юаней и 139 иностранных предприятий с уставным капиталом 7,66 млрд юаней³⁴).

Тем не менее, в предварительном порядке можно высказать некоторые оценочные суждения о вариантах развития ЗСТ и выполнения ими общегосударственных функций.

Наиболее очевидна общекитайская роль экспериментальных ЗСТ в сближении национального режима с мировой практикой привлечения иностранных инвестиций.

Во внешней торговле ЗСТ вполне смогут выполнить функции первопроходца в освоении некоторых видов трансграничных услуг (логистика, аутсорсинг, некоторые виды банковских операций).

В то же время, даже если эксперименты в ЗСТ по введению конвертируемости юаня по счетам капитала и по продвижению юаня как валюты международных расчетов окажутся успешными, вряд ли именно они сыграют решающую роль в укреплении международных позиций китайской национальной валюты — здесь, скорее всего, понадобится расширение эксперимента до общегосударственных масштабов. По оценкам китайских ученых, шансов опередить американский доллар у Китая в обозримой перспективе нет, но вот обойти в десятилетней перспективе иену и фунт стерлингов и стать третьей (после доллара и евро) валютой международных торговых расчетов юань вполне может³⁵.

Жизненный цикл и динамика развития ЗСТ будет зависеть от ряда внешних условий, таких как успехи в реализации инициативы «пояса и пути», окончательное оформление в том или ином виде крупнейших мировых зон свободной торговли — Транстихоокеанского партнерства и Всеобъемлющего регионального экономического партнерства.

Не исключено, что вектор эволюции конкретных ЗСТ окажется в конечном счете различным, особенно с учетом заявленной ориентации большинства зон на содействие развитию тех или иных конкретных регионов. Так, в Шанхае уже заговорили о необходимости создания порта свободной торговли на базе глубоководного порта Яншань, режим которого предполагает более кардинальные реформы и степень открытости, нежели нынешняя ЗСТ³⁶.

Такая «смена вех» представляется несколько поспешной, впрочем, история реформ и открытости в КНР изобилует примерами подобного рода. Так что, повторим еще раз, к более глубокому анализу и оценке результативности работы экспериментальных ЗСТ в Китае следует обратиться через несколько лет.

1. Чэнь Юйцзе, Ю Шаньшан. Шанхайская зона свободной торговли и опытный участок Китая // Китай. Пекин. Октябрь 2013. С. 32–35.
2. Жэнь Сюэу. И бэнь шу дудун цымаошюй: [Книга, чтение которой помогает понять, что такое зоны свободной торговли]. Пекин, 2017. 274 с.
3. Чи Фулинь. Эр цы кайфан: цюаньцюхуа шицзы лукоу дэ Чжунго сюаньцэ: [Второй раунд открытости внешнему миру: выбор Китая на перекрестке глобализации] / гл. ред. Чи Фулинь. Пекин, 2017. 378 с.
4. Полный текст доклада Си Цзиньпина на XIX съезде КПК (18 октября 2017 г.). — Агентство Синьхуа (на русском языке).
5. Ван Ян. Туйдун синчэн цюаньмянь кайфан синь гэцзюй: [Продвигать формирование новой архитектуры всесторонней открытости] // Жэньминь жибао. 10.11.2017.
6. Чэнь Юйцзе, Ю Шаньшан. Указ. соч. С. 33.
7. Жэнь Сюэу. Указ. соч. С. 24.
8. Там же. С. 38–39.
9. Там же. С. 40.
10. Там же. С. 44.
11. Чэнь Юйцзе, Ю Шаньшан. Указ. соч. С. 33.
12. Жэнь Сюэу. Указ. соч. С. 43.
13. Там же. С. 54–59.
14. Наньфан чуанху. Гуанчжоу. 2017. № 16. С. 18–33.
15. Pivot Cities on the Belt and Road. Beijing: New World Press, 2016. 410 p.

16. Чжунго (Ляонин) цзыю маои шияньцюй цзунти фанъань: [Общий проект экспериментальной зоны свободной торговли Ляонин, Китай]. 15.03.2017. URL: http://www.gov.cn/zhengce/content/2017-03/31/content_5182284.htm (дата обращения: 15.01.2018).
17. Чжунго (Чжэцзян) цзыю маои шияньцюй цзунти фанъань: [Общий проект экспериментальной зоны свободной торговли Чжэцзян, Китай]. 15.03.2017. URL: http://www.gov.cn/zhengce/content/2017-03/31/content_5182288.htm (дата обращения: 15.01.2018).
18. Чжунго (Хэнань) цзыю маои шияньцюй цзунти фанъань: [Общий проект экспериментальной зоны свободной торговли Хэнань, Китай]. 15.03.2017. URL: http://www.gov.cn/zhengce/content/2017-03/31/content_5182296.htm (дата обращения: 15.01.2018).
19. Чжунго (Хубэй) цзыю маои шияньцюй цзунти фанъань: [Общий проект экспериментальной зоны свободной торговли Хубэй, Китай]. 15.03.2017. URL: http://www.gov.cn/zhengce/content/2017-03/31/content_5182299.htm (дата обращения: 15.01.2018).
20. Чжунго (Сычуань) цзыю маои шияньцюй цзунти фанъань: [Общий проект экспериментальной зоны свободной торговли Сычуань, Китай]. 15.03.2017. URL: http://www.gov.cn/zhengce/content/2017-03/31/content_5182304.htm (дата обращения: 15.01.2018).
21. Чжунго (Чунцин) цзыю маои шияньцюй цзунти фанъань: [Общий проект экспериментальной зоны свободной торговли Чунцин, Китай]. 15.03.2017. URL: http://www.gov.cn/zhengce/content/2017-03/31/content_5182300.htm (дата обращения: 15.01.2018).
22. Чжунго (Шэньси) цзыю маои шияньцюй цзунти фанъань: [Общий проект экспериментальной зоны свободной торговли Шэньси, Китай]. 15.03.2017. URL: http://www.gov.cn/zhengce/content/2017-03/31/content_5182306.htm (дата обращения: 15.01.2018).
23. *Жэнь Сюэу*. Указ. соч. С. 266–267.
24. Там же. С. 258–259.
25. Там же. С. 253.
26. Highlights of Preferential Politics — Nansha Free Trade Zone. Guangzhou. China. June 2017. 19 p.
27. *Жэнь Сюэу*. Указ. соч. С. 250.
28. *Чэнь Юйцзе, Ю Шаньшань*. Указ. соч. С. 15.
29. *Жэнь Сюэу*. Указ. соч. С. 85.
30. Там же. С. 47–48.
31. Там же. С. 94–113.
32. Цзыю маои шияньцюй вайшан тоуцзы чжунъжу тебе гуанъли цоши (фумянь циндань) (2017 няньбань) шомин: [Описание мер специального управления при привлечении иностранных инвестиций в экспериментальные зоны свободной торговли (негативный перечень) (вариант 2017)]. URL: http://www.gov.cn/zhengce/content/2017-06/16/content_5202973.htm (дата обращения: 15.01.2018).
33. URL: ln.people.com.cn/n/2018/0127/c378317-311904820.htm (дата обращения: 29.01.2018).
34. Хэнань жибао. 27.01.2018.
35. *Пэй Чжанхун, Лю Хункуй*. Чжунго цзэньян маньсян маои цянго: игэ синьдэ фэньси сылу: [Как Китаю стать сильной торговой державой: новый метод анализа] // Цзинцзи яньцзю. Пекин. 2017. № 5. С. 40.
36. От зоны свободной торговли до свободного порта: новые цели приморских районов Китая: URL: [http://russian/people.com.cn/n3/2018/01330/c31518-9421344.htm](http://russian.people.com.cn/n3/2018/01330/c31518-9421344.htm) (дата обращения: 30.01.2018).

Китай: эволюция спроса в контексте трансформации модели социально-экономического развития

© 2018

И.А. Макаров, И.А. Степанов

В статье представлены основные направления структурной трансформации модели социально-экономического развития КНР, в том числе замедление темпов экономического роста, расширение внутреннего потребления, рост доли сектора услуг, технологическое развитие и изменения в географии производства и торговли. Произведена оценка изменений объемов и структуры спроса в Китае в контексте торгово-экономического сотрудничества с Россией.

Ключевые слова: Китай, Азиатско-Тихоокеанский регион (АТР), совокупный спрос, внутреннее потребление, социально-экономическая модель развития.

1. Перестройка экономической модели Китая: последствия для стран АТР

Экономика Китая, демонстрировавшая на протяжении четверти века темпы прироста в среднем на уровне 10% в год и достигшая уровня 15% мирового ВВП (по ППС), вступила в период структурной перестройки социально-экономической модели, сопровождаемой замедлением экономического роста¹. В 2016 г. прирост ВВП Китая составил 6,7% (минимум с 1990 г.) Большинство аналитиков сходятся в прогнозах, что постепенное снижение темпов экономического роста в КНР продолжится (рис. 1).

Замедление роста ВВП Китая обусловлено рядом фундаментальных причин. Во-первых, исчерпывается база экстенсивного экономического роста, основанного на дешевизне рабочей силы и эксплуатируемых природных ресурсов. Уровень жизни и доходы населения растут, что вредит конкурентоспособности китайской продукции на международных рынках. Ведущие провинции Китая попадают в так называемую «ловушку среднего дохода», из-за которой они — при растущей себестоимости производства — по-прежнему отстают от западных конкурентов в качестве продукции. Возможностей для производительных инвестиций, которые выступали драйверами китайской экономики в последние десятилетия, становится все меньше. Зато растут непроизводительные инвестиции, подпитываемые низкими процентными ставками, непрозрачной системой кредитования, а также ограничениями в сферах охраны труда, прав на интеллектуальную собственность, заботы об окружающей среде. Отсюда проистекает проблема роста задолженности крупных компаний, банков и региональных администраций. Одновременно

Макаров Игорь Алексеевич, кандидат экономических наук, доцент Департамента мировой экономики НИУ ВШЭ. E-mail: imakarov@hse.ru

Степанов Илья Александрович, мл. научный сотрудник Центра комплексных европейских и международных исследований НИУ ВШЭ. E-mail: iastepanov@hse.ru.

Статья подготовлена при поддержке Российского научного фонда, грант № 17-18-01577 «Формирование Сообщества Большой Евразии и стратегии двустороннего взаимодействия России со странами региона».

к критическому порогу близится истощение природных ресурсов (лесных, водных, земельных) на фоне масштабного загрязнения окружающей среды в Китае.

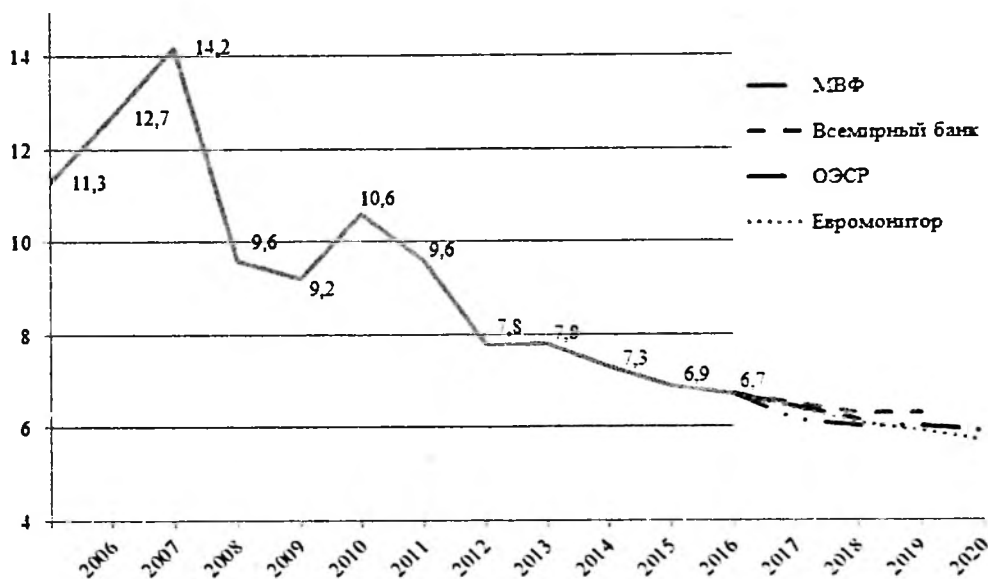

Рис. 1. Темпы прироста ВВП Китая в 2006–2016 гг.: прогноз международных организаций на 2017–2020 гг.

Источник: Euromonitor International, Всемирный банк, МВФ, ОЭСР.

Во-вторых, руководство КНР сталкивается с растущими социальными издержками неинклюзивного роста, слабо учитывающего распределение доходов, а также проблемы социального характера, все больше обращающие на себя внимание. Стремительное экономическое развитие Китая в последние десятилетия существенно обогатило китайское население (подушевой показатель ВВП с 1995 по 2015 г. вырос более чем в 5 раз), но положительный эффект экономического роста оказался распределенным неравномерно. Результаты этого — резкое усиление неравенства доходов и обострение региональных диспропорций³.

Осознание того, что решение перечисленных противоречий невозможно без смены модели развития, побудило китайское руководство запустить процесс структурных реформ, о чем было объявлено в 2012 г. на XVIII съезде КПК. Их центральной идеей стала переориентация на расширение внутреннего потребления как главный драйвер экономического роста, а также на приоритетное развитие новых отраслей: модернизированной обрабатывающей промышленности, обеспечивающей тесную связь науки с производством, а также сферы услуг. Роль потребления как главного драйвера экономического роста в Китае особо подчеркивалась и на XIX съезде КПК.

Структурные сдвиги в экономике Китая неизбежно ведут к трансформации всей структуры международных отношений в АТР. Она во все большей степени определяется формулой «Азия для Азии», при которой страны АТР³ ориентируют свою внешнеэкономическую специализацию на запросы Китая⁴. И эта трансформация — шанс для ускоренного экономического роста тех стран, которые ранее располагались на периферии региона и существенно отставали и по уровню, и по темпам социально-экономического развития.

Таким образом, трансформация экономической модели Китая приводит к изменению структуры внешней торговли во всем Азиатско-Тихоокеанском регионе. Для Ки-

тая период с 2001 по 2016 г. характеризуется почти семикратным ростом внутриазиатской части его торгового оборота, для стран АСЕАН — трехкратным (рис. 2). Несмотря на небольшое снижение абсолютных объемов внутривнутрирегиональной торговли в последние годы, резко увеличивается ее доля в суммарном товарообороте стран АТР: с 2013 г. она возросла на 8 п.п. до рекордного значения в 47% (рис. 3). Стагнация в развитых странах Европы, а также интенсификация процесса выстраивания региональных цепочек добавленной стоимости внутри АТР — основные предпосылки для закрепления модели «Азия для Азии», как минимум, на ближайшее десятилетие.

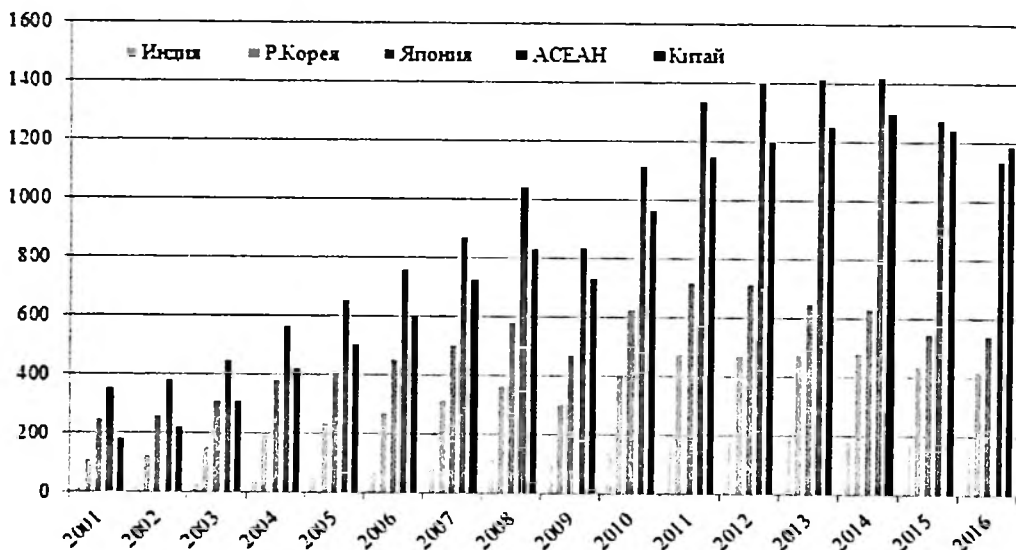

Рис. 2. Динамика объема внутривнутрирегионального торгового оборота ведущих стран АТР (млрд долл.) в 2001–2016 гг.

*Под регионом в данном случае понимаются все страны, указанные в легенде диаграммы. Объем внутривнутрирегиональной и совокупной торговли стран АСЕАН включает в себя торговлю между отдельными странами организации.

Источник: Trade statistics for international business development:

URL: <http://www.trademap.org>

2. Изменение географии промышленного производства в АТР

Постепенно меняется место Китая в глобальной системе цепочек добавленной стоимости. Капитал в Китае все больше сталкивается с ростом издержек внутри страны. Высокий социальный налог, а также постепенный рост заработных плат заставляет многие фирмы принимать решения о расширении или частичном переносе производств за рубеж или в менее развитые провинции Китая. В то же время, налицо процесс частичного возврата производств из Азии в развитые страны. Так, с 2010 по 2015 г. 285 американских компаний возвратили из Китая в США 27,6 тыс. рабочих мест⁵. Переносу производств способствует и государственная политика: для отдельных отраслей декларируется на уровне руководства страны стратегия «идти вовне».

С 2012 г. Китай стал третьим инвестором в мире, постепенно догоняя США и Японию по показателю ПИИ (прямых иностранных инвестиций) за рубежом. На фоне нестабильной динамики в США и Японии их объем неизменно растет (рис. 4). Кроме того, быстро сокращается разрыв между объемами ПИИ из Китая и в Китай.

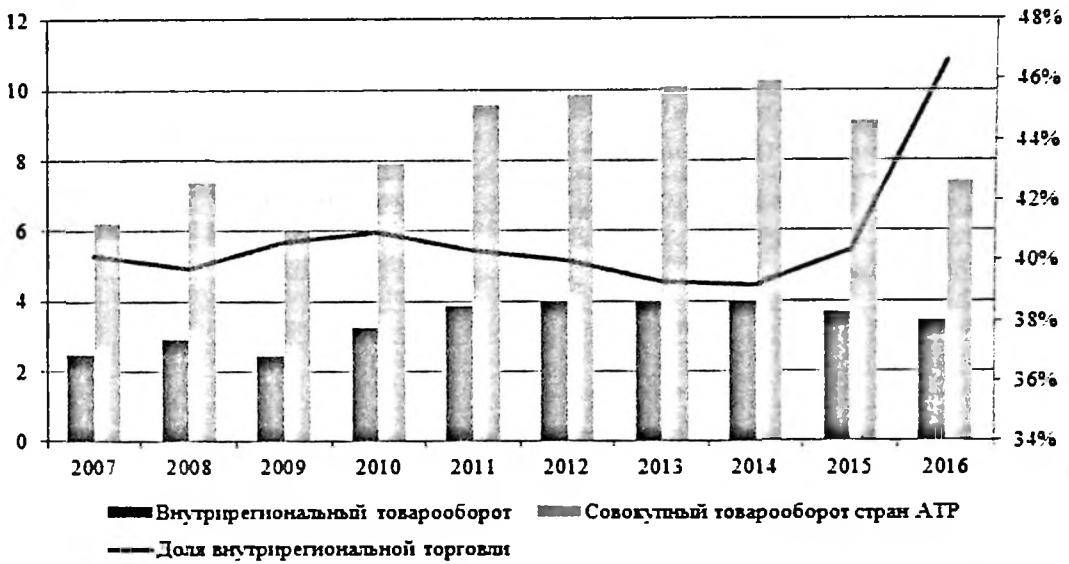

Рис. 3. Внутрирегиональный и совокупный товарооборот стран АТР (млрд долл.) в 2007–2016 гг.

Источник: Trade statistics for international business development:
 URL: <http://www.trademap.org>

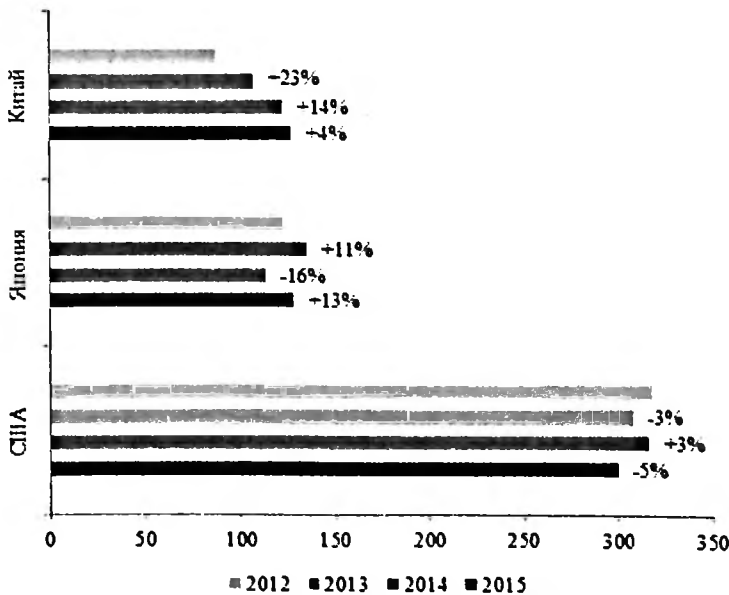

Рис. 4. Прямые иностранные инвестиции США, Японии и Китая за рубеж в 2012–2015 гг., млрд долл.

Источник: UNCTAD.

Значительная и растущая доля китайских инвестиций направляется в страны ЮВА. За последние 5 лет их объем вырос на 21%. Один из наиболее показательных примеров — текстильная отрасль. Многие средние и крупные производители одежды

начали перемещаться во Вьетнам и Бангладеш. Масштабность данного явления подтверждает тот факт, что в 2013 г. Бангладеш стала вторым в мире (после Китая) производителем текстиля⁶.

Таблица 1

Прирост ВРП административных субъектов КНР 2005–2015 гг.

Провинция	Часть страны	Средний прирост за период		
		2005–2007	2010–2012	2013–2015
Чунцин	Центр	13,3%	15,7%	11,4%
Гуйчжоу	Юго-запад	13,4%	13,8%	11,3%
Тибетский АР	Юго-запад	13,1%	12,3%	11,3%
Тяньцзынь	Север	15,0%	15,9%	10,6%
Фуцзянь	Юго-восток	13,9%	12,5%	10,0%
Синьцзян-Уйгурский АР	Северо-запад	11,4%	11,5%	9,9%
Юньнань	Юго-запад	10,9%	13,0%	9,6%
Цзянси	Центр	12,8%	12,5%	9,6%
Хубэй	Центр	13,3%	13,3%	9,6%
Шэньси	Северо-запад	14,5%	13,8%	9,5%
Аньхой	Центр	12,6%	13,4%	9,4%
Цинхай	Северо-запад	13,0%	13,7%	9,4%
Хунань	Центр	13,3%	12,9%	9,4%
Ганьсу	Северо-запад	11,9%	12,3%	9,3%
Гуанси-Чжуанский АР	Юго-запад	13,9%	12,6%	8,9%
Цзянсу	Восток	14,8%	11,3%	8,9%
Сычуань	Центр	13,5%	14,2%	8,8%
Шаньдун	Север	14,6%	11,0%	8,8%
Хайнань	Юго-восток	13,2%	12,4%	8,7%
Хэнань	Центр	14,4%	11,5%	8,7%
Нинся-Хуэйский АР	Северо-запад	12,1%	12,4%	8,6%
АР Внутренняя Монголия	Север	20,7%	13,6%	8,2%
Гуандун	Юго-восток	14,6%	10,2%	8,1%
Чжэцзян	Восток	13,8%	9,6%	7,9%
Пекин	Север	13,2%	8,7%	7,3%
Шанхай	Восток	13,1%	8,7%	7,2%
Хэбэй	Север	13,2%	11,0%	7,2%
Гирин	Северо-восток	14,4%	13,2%	7,0%
Хейлуцзян	Северо-восток	11,9%	11,7%	6,4%
Ляонин	Северо-восток	14,0%	12,0%	5,8%
Шаньси	Север	14,1%	12,3%	5,6%

Источник: National Bureau of Statistics of China. URL: www.stats.gov.cn.

В ЮВА переводятся не только трудоемкие производства, но и те, что требуют большого количества воды и энергии — ресурсов, дефицит которых в Китае с каждым годом растет, и которыми ее соседи обладают в большей степени. Процесс формирования новой модели торгово-экономического сотрудничества Китая со странами ЮВА был во многом упрощен подписанием соглашения о ЗСТ между Китаем и АСЕАН в 2012 г. (за счет снижения таможенных пошлин на ввоз комплектующих для конечного производства товаров). Сам же Китай, перенося трудоемкие производства за рубеж, переориентируется на развитие более высокотехнологичных отраслей и сферы услуг.

Быстро расширяются связи Китая с другими развивающимися экономиками — Бангладеш, Пакистаном, странами Центральной Азии. Для создания прочного фундамента торгово-экономического сотрудничества китайские инвестиции направляются на модернизацию и строительство транспортной инфраструктуры в этих странах⁷.

Однако в связи с переориентацией части производств с экспорта на обслуживание внутреннего рынка такие производственные мощности нередко выгоднее переводить не за рубеж, а в центральные и западные части КНР, где издержки на оплату труда ниже, чем в восточных провинциях, а конечный рынок ближе. Эта тенденция уже оказывает влияние на географию экономического роста внутри КНР. Он смещается из более развитых прибрежных провинций в менее развитые регионы.

В 2013–2015 гг. лидерами по приросту ВРП были, в основном, провинции центрального или западного регионов Китая, тогда как десятилетием раньше (в 2005–2007 гг.) они относились к развивавшимся медленнее всех. К их числу можно отнести Чунцин, Цзянси, Хубэй, Аньхой и Хунань в Центральном Китае, Гуйчжоу, Тибетский Автономный район и Юньнань на юго-западе, а также Шэньси, Цинхай и Ганьсу на северо-западе (табл. 1).

Перемещение центра экономического роста с востока на запад Китая сулит далеко идущие последствия для всего макрорегиона. Среди прочего, это неизбежно требует усиления сотрудничества с соседями Китая на северо-западе (странами Центральной Азии), а также ставит вопрос о совершенно новой логистической сети региона. Если восточные провинции были связаны с миром по морю, то для развития западных необходимо строительство сухопутных транспортных маршрутов, связывающих Китай с поставщиками сырья и центрами потребления. В этом, в частности, одна из причин запуска Китаем Экономического пояса Шелкового пути (ставшего частью инициативы «Пояс и Путь»), а также создания новых механизмов финансирования строительства инфраструктуры (Азиатский банк инфраструктурных инвестиций, Фонд Шелкового пути и отчасти даже Новый банк развития БРИКС).

3. Эволюция отраслевой структуры экономики КНР

За последнее десятилетие средний уровень почасовой заработной платы в Китае более чем удвоился: с 1,5 долл. в 2005 г. до 3,3 долл. в 2016 г. Данный тренд выглядит особенно впечатляюще на фоне других развивающихся стран (рис. 5). Наиболее значительный рост заработных плат в КНР пришелся на производственный сектор: за тот же период заработная плата утроилась (с 1,2 долл. до 3,6 долл.). По данному показателю Китай уже занимает одно из лидирующих мест среди развивающихся стран, опережая Россию, Бразилию, Аргентину, Таиланд (рис. 6).

При этом уровень оплаты труда в Китае сильно дифференцирован по регионам. Так, в Пекине среднемесячная заработная плата составляет 9,2 тыс. юаней (1380 долл.⁸), в Шанхае — 9,1 тыс. юаней (1365 долл.), тогда как в провинции Хэнань данный показатель составляет 3,7 тыс. юаней (555 долл.)⁹, что четко отражает проблему диспропорций в социально-экономическом развитии страны.

Существенные изменения претерпевает сектор услуг, который все больше становится движущей силой китайской экономики. На фоне сокращения доли занятых в первичном (с 36,7 до 28,3%) и слабом росте во вторичном (с 28,7 до 29,3%) секторах в период с 2010 по 2015 г.г. в третичном секторе доля занятых растет опережающими темпами (с 34,6 до 42,4%)¹⁰.

В целом, несмотря на то, что реформы в Китае пока сложно назвать успешными, реструктуризация экономики и внешней торговли идет высокими темпами. Переход к новой модели развития создаст дополнительное окно возможностей для повышения конкурентоспособности китайского сектора услуг на внутреннем и мировом рынках, за-

кладывая основу для постепенного оздоровления национальной экономики. В 2015 г. на сферу услуг приходилось уже более половины ВВП страны, а рост доли третичного сектора в ВВП с 2007 г. составил 7,3 п.п. Его развитие происходит на фоне постепенного снижения вклада вторичного и первичного секторов экономики в ВВП (на 6 и 1,4 п.п. за период 2007–2015 гг. соответственно)¹¹.

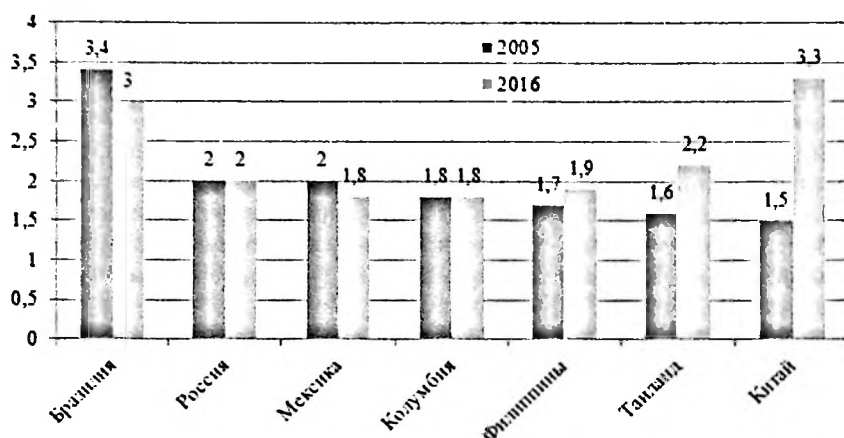

Рис. 5. Средние заработные платы во всех секторах экономики в развивающихся странах мира, долл./час, 2005 и 2016 гг. (в постоянных ценах 2016 г.)

Источник: Euromonitor International. URL: www.euromonitor.com.

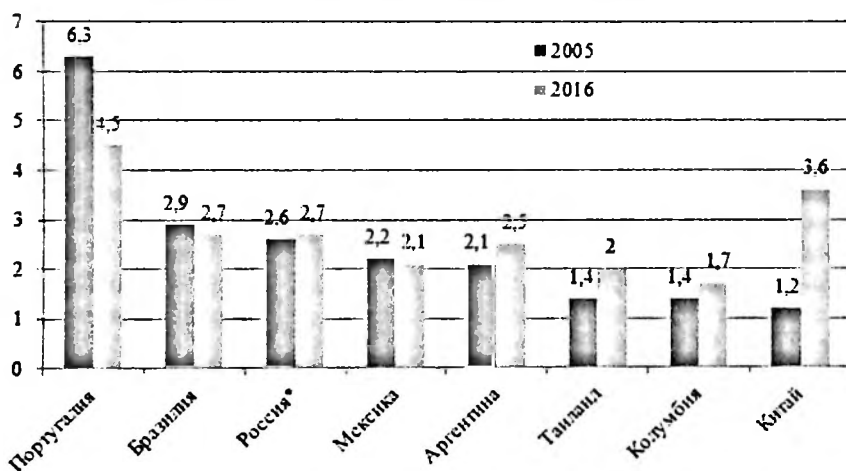

Рис. 6. Средние заработные платы в производственном секторе в развивающихся странах мира, долл./час, 2005 и 2016 гг. (в постоянных ценах 2016 г.)

Источник: Euromonitor International. URL: www.euromonitor.com.

*Примечание: для России вместо 2005 г. приведены данные за 2009 г.

Китай является второй (после США) страной по стоимости внешней торговли услугами. В 2016 г. данный показатель составил 661,5 млрд долл., из них 208,5 млрд пришлось на экспорт (9,5% от общего китайского экспорта); импорт составил 453 млрд долл. (23,2% от общего китайского импорта). За последние 10 лет китайская торговля

услугами выросла в 3,4 раза — в первую очередь за счет роста импорта услуг, связанных с обеспечением перевозок грузов и с туризмом¹².

Более того характерным является увеличение доли иностранных инвестиций в сфере услуг Китая. В 2006 г. на промышленный сектор приходилось 63,6% совокупных иностранных инвестиций, тогда как доля сферы услуг составляла 31,1%. Ситуация резко поменялась к 2011 г., когда сфера услуг опередила промышленный сектор и стала крупнейшим реципиентом ПИИ. В 2015 г. на сферу услуг приходилось уже 61,1%, (77,1 млрд долл.), в то время как ПИИ в промышленном секторе составили 31,4% (39,5 млрд долл.) от совокупного объема прямых иностранных инвестиций в китайскую экономику¹³.

Китай по-прежнему находится на ранней стадии перехода к постиндустриальной экономике, все еще значительно отставая от стран ОЭСР, где сектор услуг составляет 70% ВВП. Тем не менее цели модернизации экономики и инновационного роста уже сейчас становятся неотъемлемой частью долгосрочной стратегии социально-экономического развития страны. Обеспечение китайского лидерства в областях науки и техники, космонавтики и сетевого пространства — один из ключевых сюжетов выступления Си Цзиньпина на прошедшем в октябре 2017 г. XIX съезде КПК.

Увеличение доли непромышленного сектора в национальном ВВП, главным образом, за счет расширения производства услуг и товаров с высокой добавленной стоимостью — одно из приоритетных направлений экономической политики Китая и в краткосрочной, и среднесрочной перспективах. Ярким тому подтверждением служат положения 13-го пятилетнего плана на 2016–2020 гг., закрепляющие за сферой инноваций статус основного драйвера национальной экономики. Можно предположить, что Пекин сумеет реализовать поставленную цель — увеличить торговлю услугами к 2020 г. до 1 трлн долл.

4. Динамика объемов и структуры совокупного спроса в КНР

Результаты начавшейся в Китае трансформации экономической модели наглядно отражаются в изменении структуры совокупного спроса. Норма сбережения и норма накопления в стране снижаются. Инвестиции были главным драйвером экономического роста вплоть до 2010 г. Сейчас их прирост замедлился до 5–6% в год, а на роль главного двигателя роста, как и заявляли китайские руководители, выдвинулось потребление домохозяйств

Потребительские расходы в Китае росли и раньше — как следствие роста населения и доходов, а также урбанизации. С 2000 г. годовой располагаемый доход на душу населения в КНР вырос на 4000 долл. (темпами в 10,4% ежегодно), тогда как число городских жителей увеличилось на 330 млн чел. В 2011 г. городское население впервые за всю историю Китая превысило сельское¹⁴. При этом, однако, темпы роста потребления долгое время отставали от темпов роста ВВП. С 2012 г. ситуация изменилась, а в 2012–2014 гг. потребление растет уже на 2 п.п. быстрее ВВП.

Отчасти изменению структуры совокупного спроса в сторону большей доли потребительских расходов способствует естественный переход значительных масс населения в средний класс (переступается порог доходов, за которым потребление растет практически скачкообразно), а также меры по борьбе с неравенством. Не менее важны для роста нормы потребления ревальвация юаня, ужесточение финансового контроля над кредитными институтами и региональными администрациями, активизация экологической политики (все эти меры можно рассматривать как отход от скрытого субсидирования инвесторов-производителей за счет домохозяйств-потребителей)¹⁵. Все эти факторы привели к тому, что с 2011 г. Китай, обогнав Японию, стал региональным лидером по объему потребительских расходов. За последние десять лет они росли средним темпом 13% в год и к 2016 г. составили 4 трлн долл.

Снижение нормы сбережений при пропорционально меньшем сокращении нормы накопления автоматически означает сокращение профицита баланса текущих операций, в первую очередь, чистого экспорта. Это уже происходит: экспорт сокращается с 2015 г., торговый профицит — с 2016 г. Китай еще долго будет оставаться страной с огромным торговым профицитом, величина которого, однако, будет снижаться.

Сдвиги в структуре совокупного спроса, начавшиеся в последние годы, в будущем усилятся¹⁶. Они отражают попытки ребалансировки китайской экономики — отхода от чрезмерной опоры на инвестиции и экспорт, снижения запредельно высокой нормы сбережения и самого высокого в мировой истории профицита торгового баланса. Эта ребалансировка будет сопровождаться общим снижением темпов роста ВВП — в лучшем случае до 4–5%, а возможно и до 2–3% в 2020-е годы. Однако компоненты совокупного спроса будут демонстрировать разную динамику. В то время как рост инвестиций будет и далее замедляться, рост потребления будет оставаться, по меркам большинства стран мира, высоким, превышая динамику ВВП на 2–3 п.п.

С точки зрения экспортеров, в качестве одного из которых рассматривает себя и Россия, китайский рынок существенно преобразится. Пронсходящая ныне трансформация социально-экономической модели обусловит дальнейшее снижение темпов роста спроса на ресурсы (энергоресурсы, металлы) с соответствующим понижающим давлением на их цены. Одновременно будет замедляться рост спроса на инвестиционные товары и услуги (оборудование, строительство). В то же время продолжит быстро расширяться спрос на потребительские товары, в том числе товары длительного пользования. Уже через десятилетие Китай бросит вызов позициям США как главного центра мирового потребления. А вокруг Китая будут расширяться центры производства — в Южной и Юго-Восточной, Центральной Азии, возможно и в России.

5. Эволюция потребительского спроса в КНР

Потребительские расходы в Китае также претерпевают трансформацию, которая продолжится и в будущем. Можно наблюдать не просто рост их доли в совокупном спросе, но и изменение их структуры. Пока она еще остается типичной для развивающихся экономик, но со временем будет во все большей степени напоминать структуру спроса развитых стран.

На сегодня около четверти (24%) всех потребительских расходов приходится на продовольственные товары — примерно вдвое больше, чем в странах с высоким уровнем доходов (рис. 7). В 2007–2016 гг. среднегодовой темп прироста потребления продовольствия в стране составил 11%. Согласно прогнозам, рост спроса на продовольствие в ближайшие годы продолжится, но чуть меньшими темпами — 8%¹⁷.

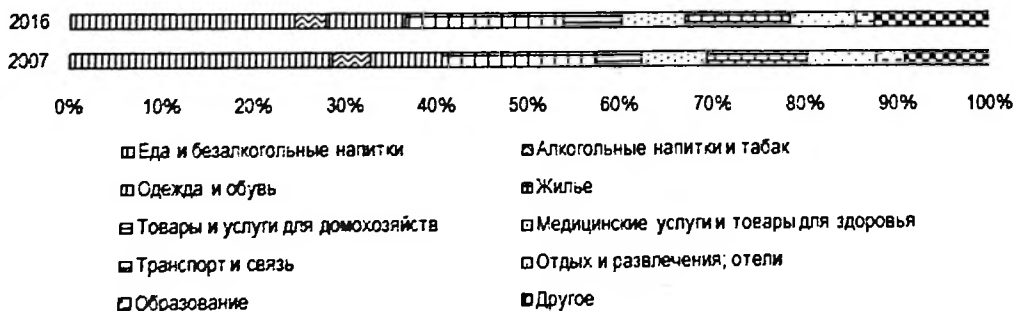

Рис. 7. Структура потребительских расходов в Китае, 2007 и 2016 гг., %.

Изменение рациона питания по мере роста доходов привело к тому, что внутри продовольственной группы наиболее быстро растет потребление животных продуктов. Если в 1985 г. среднестатистический китаец потреблял 19,6 кг мяса в год, то в 2013 г. — 61 кг в год¹⁸. В 1990-е годы видоизменилась структура потребления мяса — в частности, доля свинины с 1990 по 2000 гг. снизилась с 79 до 64%. За этот же период доля говядины возросла с 4 до 8%, а курятины — с 13 до 22%. С 2000 г. эта структура осталась почти неизменной — потребление различных видов мяса растет равномерно (рис. 8). Принципиально иные тенденции свойственны лишь потреблению молока — с 2000 по 2013 г. оно выросло в 3,5 раза. Причиной взрывного роста спроса наряду с ростом доходов и урбанизацией стали смена потребительских привычек, быстрое развитие молочной промышленности и маркетинговых каналов¹⁹.

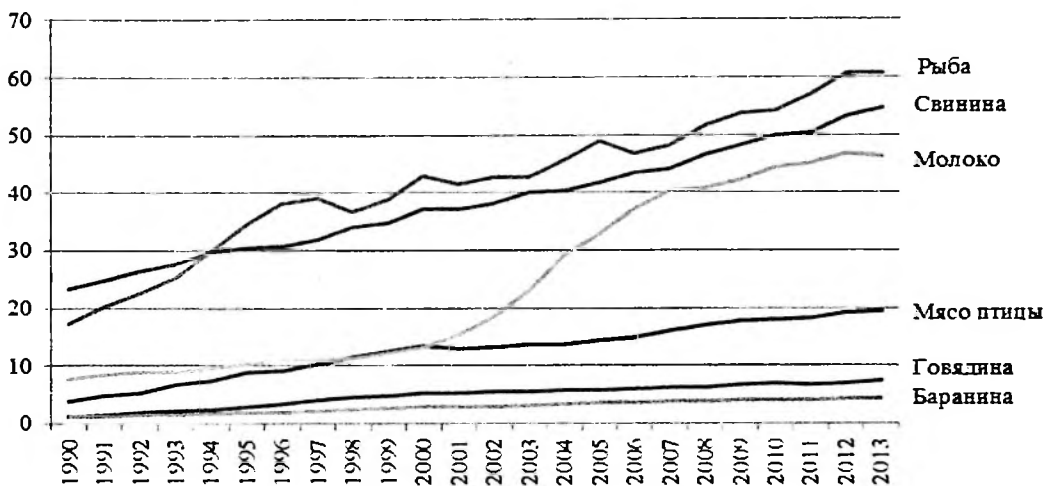

Рис. 8. Потребление продукции животноводства в Китае 1990–2013 гг.

Источник: FAOStat. URL: www.fao.org/faostat/

Рост потребления мяса нашел отражение в резком увеличении потребления кормов. В то время как потребление пищевых культур — риса и пшеницы — с 1990 г. практически не возросло (а в подушевом выражении даже снизилось), потребление кормовых выросло существенно: кукурузы на 76%, а соя — на 187% с 2000 г.

Долгое время растущие потребности Китая в продовольствии удовлетворялись преимущественно за счет внутреннего производства. Однако в будущем это вряд ли будет возможно. На сегодня наиболее значительна зависимость Китая от импорта в отношении сои. Она стала одним из ключевых кормовых культур после 1996 г., когда началась либерализация ее импорта. С тех пор поставки сои из-за рубежа выросли в 17 раз²⁰, а ее доля в кормовом балансе превысила 20% (по сравнению с 3,2% в 1996 г.)²¹. В настоящий момент в Китай направляется половина мирового экспорта сои. В связи с естественными ограничениями — ограниченностью и деградацией пахотных земель, нехваткой воды — неизбежным видится переход к массовому импорту кукурузы (уже начавшийся). Именно импорт кормов — сои и кукурузы — заставляет некоторых исследователей говорить, что для Китая актуальна не столько «продовольственная безопасность» (food security), сколько «кормовая безопасность» (feed security)²².

Один из ключевых вопросов глобального продовольственного рынка — когда Китай начнет наращивать импорт мяса? Этот момент ожидается уже давно, но пока Китаю удастся удерживать его в относительно небольших масштабах за счет развития производства внутри страны. Оно достигается благодаря масштабному импорту кормов, все

еще низким издержкам на оплату труда в сельской местности, делающим китайскую продукцию дешевле импортной, а также таможенной защите отечественных производителей. Однако невозможно использовать эти факторы бесконечно²³. Потребление мяса будет расти, пусть, возможно, не столь высокими темпами, как ранее. Разрыв между внутренними и мировыми ценами сократится по мере роста издержек на оплату труда. Попытки наращивать внутреннее производство будут означать растущую зависимость от импорта кормов, которая уже сейчас является тревожной. Как следствие, Китай уже в ближайшее десятилетие превратится в одного из ведущих мировых импортеров мяса²⁴.

Несмотря на рост потребления продовольствия, его доля в общем объеме потребительских расходов с 2007 г. уменьшилась на 5 п.п. Одновременно происходит рост доли таких категорий как одежда и обувь, товары и услуги для домохозяйств (рис. 7).

Эти категории товаров и услуг более типичны для потребительской корзины среднего класса, к которой переходит все большее количество китайцев. Вместе с тем, именно эти категории максимально выигрывают от активного развития в Китае электронной коммерции. В 2015 г. на нее пришлось 15,9% всех розничных продаж. По данным китайской исследовательской компании *iMedia*, совокупный объем электронной коммерции в Китае в 2016 г. составил 920 млрд долл. и, по оценкам, может вырасти до 1,28 трлн долл. в 2018 г.²⁵ Ожидается, что к 2019 г. каждый третий «розничный доллар» в Китае будет потрачен в Интернете — по этому показателю Китая является мировым лидером. В Китае более 688 млн пользователей Интернета, из которых 53% являются онлайн-покупателями, что превышает совокупное население США, России и Бразилии. Кроме того, в Китае используется более 1,28 млрд мобильных телефонов, которые также являются популярным средством онлайн-шопинга²⁶.

Доля расходов на транспорт и связь выросла не столь значительно, однако внутри этого сегмента происходят важные изменения, связанные с внедрением новых технологий. Электронная коммерция — один из драйверов развития рынка информационно-коммуникационных технологий (ИКТ), который в 2015 г. достиг 431 млрд долл. Высокими темпами развивается рынок больших данных (*Big Data*) Китая, совокупный объем которого в 2015 г. составил 31,3 млрд долл., что на 50% больше, чем в 2014 г. В среднесрочной перспективе строительство «умных городов», использование «интернета вещей», больших данных и облачных сервисов станут основными факторами развития китайского рынка ИКТ. Кроме того, способствовать развитию индустрии ИКТ будет и реализации национальных стратегий «Сделано в Китае-2025» и «Интернет Плюс», которые предполагают увеличение внутренних инвестиций в НИОКР, средства связи, а также в «зеленые технологии», развитие которых — важнейший элемент 13-го пятилетнего плана КНР²⁷. По данным Министерства науки и технологий КНР, китайские инвестиции в НИОКР в 2015 г. составили 1,43 трлн юаней (214,5 млрд долл.) — на 9,9% больше, чем годом ранее.

Еще одной заметной тенденцией последних лет в Китае является рост потребления предметов роскоши. Согласно прогнозам, китайские потребители будут приобретать 44% мировых предметов роскоши к 2020 г., а средние расходы на эти товары вырастут на 11% в годовом исчислении²⁸. Наиболее характерна данная тенденция для косметической продукции. По мере увеличения численности населения в китайских мегаполисах и стремительного роста среднего класса, в среднесрочной перспективе можно ожидать сохранения устойчивого спроса на косметическую продукцию премиум-класса и на средства личной гигиены среди граждан с 20 до 39 лет.

* * *

Перенастройка китайской экономики несет колоссальные риски и одновременно возможности для их торговых партнеров КНР, в том числе, России. Стратегия нашего долгосрочного торгово-инвестиционного сотрудничества с Китаем должна исходить

из того, что на смену экстенсивной модели экономического роста, основанной на дешевой рабочей силе, растущем потреблении энергоресурсов и других видов сырья, постепенно приходит иная форма организации социально-экономического развития. Описанные выше изменения модели экономического развития Китая, характеризующегося замедленным темпом роста и постепенным расширением внутреннего спроса в развивающихся экономиках на фоне роста доходов населения, обуславливает относительно меньшие темпы роста спроса на ресурсы и инвестиционные товары и услуги (оборудование, строительство). Расширяющийся сегмент — потребительские товары, в том числе товары длительного пользования.

Россия может стать ключевым поставщиком многих таких товаров, особенно тех, производство которых требует большого количества энергии, воды или иных природных ресурсов. Это продукция сельского хозяйства и пищевой промышленности, бумага, продукция деревообрабатывающей промышленности, рыба и морепродукты, услуги хранения и обработки данных и т.д.

Проблема, однако, в том, что российские производители пока не вполне готовы работать в этом сегменте. В отличие от рынка сырья и инвестиционных товаров, в случае с потребительскими гораздо большее значение имеют вкусы и предпочтения потребителей, зачастую весьма специфические. Принципиально более важную роль играет маркетинг, предполагающий необходимость присутствия в информационном пространстве страны-импортера. Кроме того, барьерами выступают как высокие таможенные пошлины, так и многочисленные нетарифные ограничения (санитарные и фитосанитарные нормы, технические стандарты, требования к упаковке и маркировке и т.д.). Если в случае с сырьевыми товарами поддержка экспортеров заключалась преимущественно в достижении договоренностей на политическом уровне, то в случае с потребительскими товарами на первую роль выходит способность государства добиться открытия рынков (например, в рамках торговых соглашений), а также обеспечить принципиальное усиление системы мер поддержки экспорта: экспортного кредитования и страхования, предоставления государственных гарантий, предоставления услуг консалтинговых центров и активизации торговых представительств.

1. *Makarov I. A.* Transformation of the Economic Model in Asia-Pacific Region: Implications for Russia's Far East and Siberia, in: *The Political Economy of Pacific Russia: Regional Developments in East Asia* / [Науч. ред.] J. Huang, A. Korolev. Palgrave Macmillan, 2017. P. 76–101.
2. *Xie Y., Zhou X.* Income inequality in today's China // *Proceedings of the National Academy of Sciences*. 13 May 2014. Vol. 111. No. 19.
3. Под странами АТР в этой работе понимаются Китай, Япония, Республика Корея, страны АСЕАН, а также Индия, которая, хотя географически не относится к Тихоокеанскому бассейну, рассматривается многими в качестве части этого макрорегиона.
4. *Бордачев Т. В., Лихачева А. Б., Чжан С.* Чего хочет Азия: потребление, взаимосвязанность, капитал и креативность // *Россия в глобальной политике*. 2015. Т. 13. № 1. С. 82–96.
5. *Reshoring initiative data report: reshoring and FDI boost us manufacturing in 2015* // *Reshoring Initiative*. 28 March, 2016. URL: <http://reshorennow.org/blog/reshoring-initiative-data-report-reshoring-and-fdi-boost-us-manufacturing-in-2015/>
6. *Central Bank of Bangladesh Announces \$500 Million Green Fund for Textile Sector* / World Bank. 31 March 2015. URL: <http://www.worldbank.org/en/news/feature/2015/03/31/central-bank-of-bangladesh-announces-500-million-green-fund-for-textile-sector>.
7. *China's New Silk Road Hinges on a Small Pakistan Port* // *Bloomberg*. 30 September 2016. URL: <https://www.bloomberg.com/news/articles/2016-09-29/china-s-new-silk-road-hinges-on-a-small-pakistan-port>; *Kazakhstan's China Choice* // *The Diplomat*. 06 July 2016. URL: <http://thediplomat.com/2016/07/kazakhstan-s-china-choice/>

8. Перевод по курсу на 10.04.2017: CNY/USD — 0.147.
9. Национальное статистическое бюро Китая.
10. Там же.
11. China economy 2016: stabilizing and progressing / The State Council of the People's Republic of China. URL: http://english.gov.cn/news/top_news/2017/02/07/content_281475561434239.htm.
12. UNCTADstat.
13. Ministry of Commerce People's Republic of China. Official web-site.
URL: <http://english.mofcom.gov.cn/article/newsrelease/press/201601/20160101244116.shtml>.
14. UNCTADstat.
15. *Pettis M.* The Great Rebalancing: Trade, Conflict, and the Perilous Road Ahead. Princeton University Press. 2013.
16. IMF. People's Republic of China: 2017 Article IV Consultation-Press Release, Staff Report. August 8, 2017.
17. Euromonitor International from national statistics/Eurostat/UN/OECD.
18. FAOStat.
19. *Fuller F., Huang J., Ma H., Rozelle S.* Got milk? The rapid rise of China's dairy sector and its future prospects // Food Policy. 2006. No. 31.
20. FAOStat.
21. *Dong W., Wang X., Yang J.* Future perspective of China's feed demand and supply during its fast transition period of food consumption // Journal of Integrative Agriculture. 2015. Vol. 14. No. 6.
22. Ibid.
23. *Макаров И. А.* Российско-китайское сотрудничество в сельском хозяйстве // ЭКО. 2017. № 5. С. 23–42.
24. *Yu W.-S., Cap L.-J.* China's meat and grain imports during 2000–2012 and beyond: A comparative perspective // Journal of Integrative Agriculture. 2015. Vol. 14. No. 6; *Dong W., Wang X., Yang J.* Future perspective of China's feed demand and supply during its fast transition period of food consumption // Journal of Integrative Agriculture. 2015. Vol. 14. No. 6; *Yu X.* Meat consumption in China and its impact on international food security: Status quo, trends, and policies // Journal of Integrative Agriculture. 2015. Vol. 14. No. 6.
25. China cross-border e-commerce insights 2016/2017. China Internet Watch. 16.02.2017.
URL: <https://www.chinainternetwatch.com/19774/china-cross-border-e-commerce-insights-20162017/>
26. Electronic Commerce / Electronic Source Export.gov. URL: <http://2016.export.gov/china/doingbiz-inchina/industryinfo/ecommerce/index.asp>).
27. *Кранина Е. И.* 13-я пятилетка КНР: разворот к «зеленой экономике» // Проблемы Дальнего Востока. 2017. № 4. С. 69–77.
28. Electronic Commerce / Electronic Source Export.gov. URL: http://2016.export.gov/china/doingbiz-inchina/industryinfo/retail/eg_cn_101102.asp.

Трансазиатско-европейское экономическое партнерство как вариант сопряжения ЕАЭС и ЭПШП

© 2018

Тань Сюэцзе, Ю.В. Кулинцев

Авторы анализируют идею создания Трансазиатско-европейского экономического партнерства (ТАЕЭП) как целесообразного варианта реализации и дальнейшего развития инициатив Экономического пояса Шелкового пути (ЭПШП) и Евразийского экономического союза (ЕАЭС). Анализ ряда политических и экономических факторов показывает, по мнению авторов, что предлагаемая ими структура взаимодействия отвечает целям создания «Большого евразийского партнерства» и позволяет его членам эффективно участвовать в выработке новых правил глобальной торговли, отстаивая на международном уровне национальные интересы посредством углубления торгово-экономических отношений.

Ключевые слова: Трансазиатско-европейское экономическое партнерство, Экономический пояс Шелкового пути, ЕАЭС, ШОС, Большая Евразия.

В системе международных отношений наблюдаются глубокие и сложные изменения, порожденные мировым финансово-экономическим кризисом 2008–2009 гг. Одной из ключевых характеристик современного миропорядка становится асимметрия уровней сотрудничества в различных сферах взаимодействия между государствами. Полюса современного многополярного мира не уравновешены, процесс трансформации международных торгово-экономических и политических связей идет весьма неравномерно.

Пекин и Москва стоят перед лицом серьезных политических и экономических вызовов. Будучи второй экономикой мира, Китай испытывает постоянное давление со стороны США, пытающихся ослабить международные позиции Пекина и его возможности участия в мировой политике. Модель «перебалансировки» Азиатско-Тихоокеанского региона¹ уже нашла отражение в идее поддержанного Соединенными Штатами Транстихоокеанского партнерства (ТТП)² (которую Обама лоббировал, а Трамп отверг) и навязываемого Евросоюзу Трансатлантического торгового и инвестиционного партнерства (ТТИП)³, направленных на сдерживание мощи Китая. В АТР также обострены отношения Китая с соседними странами по вопросам принадлежности архипелагов в Восточно-Китайском и Южно-Китайском морях. Сохраняется напряженность в отношениях России с США и ЕС, проистекающая, в частности, из их вмешательства в украинский кризис. Планы Евросоюза по реализации проекта «Восточное партнерство» в определенной мере сокращают пространство экономического развития России⁴. Кроме того, на экономику России негативно влияют экономические санкции стран Запада, падение мировых цен на энергоносители.

В условиях противоречивости развития глобальной экономики усложняется процесс построения равноправных отношений развитых стран во главе с США и остальным миром⁵. В отличие от этого, общие подходы Китая и России к урегулированию мировых

Тань Сюэцзе, ведущий научный сотрудник Института изучения международных проблем Уханьского университета. E-mail: tanxiujie@whu.edu.cn.

Кулинцев Юрий Викторович, аспирант ИДВ РАН. E-mail: kulintsv.y@ifes-ras.ru.

проблем позволяют изыскивать ответы на вышеуказанные вызовы в рамках углубления экономического сотрудничества на пространстве Евразии.

В сентябре 2013 г. Председатель КНР Си Цзиньпин впервые озвучил идею формирования Экономического пояса Шелкового пути (ЭПШП) «с целью укрепления экономических связей, углубления сотрудничества и расширения пространства развития стран Евразии»⁶. В январе 2015 г. на новый этап вышла российская интеграционная инициатива: начал функционировать Евразийский экономический союз (ЕАЭС). Менее чем через пять месяцев лидеры двух стран достигли официальной договоренности о сотрудничестве по сопряжению строительства ЕАЭС и ЭПШП, в рамках которой было установлено «рассмотрение долгосрочной цели по продвижению к зоне свободной торговли между ЕАЭС и Китаем»⁷.

В июне 2016 г. идея евразийской интеграции получила дальнейшее развитие. На пленарном заседании Петербургского международного экономического форума В.В. Путин предложил создать «Большое евразийское партнерство» с участием стран ЕАЭС, АСЕАН, Китая, Индии, Пакистана, Ирана, а также международных организаций, с которыми Россия уже установила тесные отношения⁸.

Полгода спустя, в январе 2017 г. в Давосе Си Цзиньпин заявил о неизменной поддержке открытости мировой экономики, необходимости совместно использовать новые возможности за счет создания зон свободной торговли и привлечения взаимовыгодных инвестиций, направленных на стимулирование международного товарообмена⁹.

Заявления первых лиц Китая и России показывают актуальность проблемы экономической интеграции в евразийском регионе. Вопросы сопряжения строительства ЕАЭС и ЭПШП, а также модернизация существующих механизмов взаимодействия в Центральной и Южной Азии стали переходить в плоскость практических действий, которые требуют выдвижения экспертами конкретных предложений по практической реализации намеченного курса.

Идея Трансазиатско-европейского экономического партнерства

Одним из возможных вариантов сопряжения указанных инициатив могло бы стать создание новой региональной структуры экономической интеграции на базе ведущих экономик Евразии. Предлагаемое авторами Трансазиатско-европейское экономическое партнерство (ТАЕЭП) предполагает создание политико-экономического объединения с географическим центром в регионе Центральной Азии (ЦА). В данной структуре, открытой для присоединения новых членов, Россия, Индия и Китай будут выступать в качестве ключевых опор, которые одновременно смогут взаимно уравновешивать друг друга как в экономическом, так и в политическом смысле, не допуская полного доминирования какой-либо одной из держав.

Учитывая наличие уже имеющейся институциональной структуры, объединяющей экономики России, Казахстана, Белоруссии, Армении и Кыргызстана, в качестве экономического центра ТАЕЭП представляется целесообразным использовать ЕАЭС, который мог бы выступать в качестве самостоятельного члена партнерства. Накопленный за последние 15 лет опыт многоуровневого взаимодействия в регионе Центральной Азии в рамках Шанхайской организации сотрудничества также позволяет говорить о платформе ШОС как об оптимальной площадке для переговоров по реализации идеи ТАЕЭП.

Новая региональная структура экономической интеграции позволила бы ответить на вызовы экономического и торгового развития в XXI веке. Заключение комплексного соглашения об условиях инвестиций, условиях торговли товарами и услугами позволила бы странам Евразии защищать собственные рынки и предлагать собственный вариант ответа на интеграционные экономические инициативы стран Запада, нацеленные на изменение правил глобальной торговли. Ниже мы рассмотрим политические и экономические предпосылки для реализации предложенного проекта.

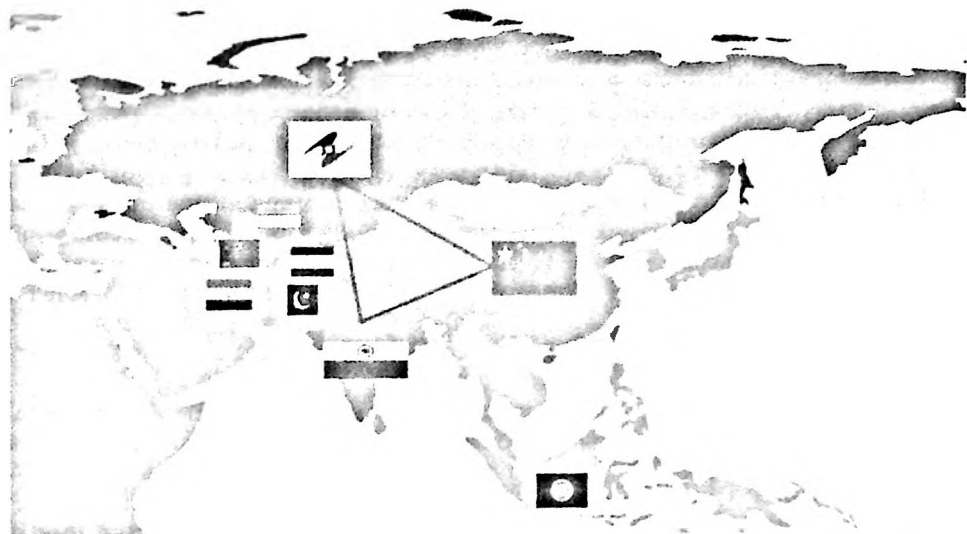

Рис. 1. Структура Трансазиатско-европейского экономического партнерства

Геополитические приоритеты стран — участниц ТАЕЭП

Создание зон свободной торговли с сопредельными государствами — это одна из внешнеполитических установок современных лидеров КНР¹⁰. Китайские эксперты на протяжении длительного времени указывают на экономическую целесообразность создания зоны свободной торговли в регионе ШОС. Профессор Лю Хуацзинь из Китайской академии внешней торговли и экономического сотрудничества при Министерстве коммерции КНР отмечает, что имеющиеся правовые основы развития регионального экономического сотрудничества и существующие рабочие механизмы ШОС обеспечат необходимые условия для создания ЗСТ. Среди приоритетных для Китая направлений сотрудничества выделяются:

- усиление технико-экономического сотрудничества;
- создание благоприятных условий для торговли и инвестиций;
- повышение уровня исполнения достигнутых договоренностей¹¹.

После образования ЕАЭС перспектива создания ЗСТ в рамках ШОС трансформировалась в задачу поиска новых форматов сотрудничества между экономикой отдельных государств, региональными организациями и интеграционными экономическими объединениями. Так, в первом квартале 2017 г. был согласован список инфраструктурных проектов в рамках сопряжения ЕАЭС и китайской инициативы «Один пояс, один путь»¹². В этом контексте ТАЕЭП может стать дополнительным альтернативным вариантом, отвечающим интересам всех заинтересованных сторон.

Политические мотивы Китая для включения Индии в проект ТАЕЭП заключаются в попытке не допустить дальнейшего сближения Нью-Дели с Вашингтоном за счет предоставления Индии площадки для реализации ее интересов в Центральной Азии и выработки общих подходов реализации международного транспортного коридора «Север — Юг»¹³, а также за счет финансовых инструментов инициативы «Один пояс, один путь». Особый интерес к Индии обусловлен ее уникальным географическим положением. Теми же мотивами в отношении Индии руководствовались Соединенные Штаты при выдвижении их проекта «Новый Шелковый путь», в котором ей отводилась ведущая роль при создании торгового и энергетического коридора «Индия — Центральная Азия»¹⁴.

Как полагают китайские эксперты, значительной либерализации торгово-экономических отношений на пространстве ШОС ранее препятствовало традиционное восприятие

Россией региона Центральной Азии как зоны своего непосредственного влияния¹⁵, когда любое усиление позиций Пекина в регионе могло вызвать негативную реакцию Москвы.

Нынешние изменения в международной ситуации повлекли смену подхода России к направлениям евразийской экономической интеграции. Украинский кризис вызвал самую серьезную после окончания холодной войны конфронтацию Запада и Востока и привел к тому, что Россия оказалась перед лицом серьезных вызовов.

На сегодняшний день российско-китайские отношения вышли на максимально высокий уровень в сфере политического взаимодействия. Экономическое сотрудничество продолжает углубляться, о чем свидетельствует официально поставленная лидерами двух государств цель довести двусторонний товарооборот до уровня 200 млрд долл. к 2020 г.¹⁶. На этом фоне проект ТАЭЭП органично вписывается в заявленный Россией «разворот на Восток» и укрепляет стратегическое сотрудничество с Китаем, повышая взаимную политическую поддержку на международной арене.

Москва заинтересована в подключении новых партнеров к ЕАЭС¹⁷ и в формировании новых открытых торгово-экономических партнерств на пространстве Большой Евразии. В данном случае формат проекта ТАЭЭП позволяет выстраивать торгово-экономические отношения ЕАЭС с такими странами, как Туркменистан и Узбекистан без выдвижения перед ними внешнеполитических требований, или без принятия ими обязательств присоединиться ко всем существующим нормативно-правовым договоренностям интеграционного объединения.

Преследуемые Индией основные геополитические цели в регионе заключаются в диверсификации путей снабжения энергоресурсами, в снижении угрозы распространения терроризма, исходящей от ИГИЛ, и в получении доступа для индийских товаров и услуг на рынки стран ЦА. Для усиления фактора своего присутствия в регионе Индия в 2012 г. предложила курс «Соединение с Центральной Азией» (Connect Central Asia), которой содержание проекта ТАЭЭП в целом не противоречит, более того дополняет ее за счет возможности привлечения к участию в нем других крупных стран региона.

При этом стоит отметить: хотя регион ЦА не является главным приоритетом национальных интересов Китая, России и Индии, эти три государства едины во мнении о недопустимости доминирующего присутствия в этой части Евразии любой другой державы. Помимо этого, поскольку сейчас позиции Индии в ЦА недостаточно сильны, успешная реализация Индией курса «Соединение с Центральной Азией» будет возможна лишь при участии и поддержке КНР и РФ.

Казахстану выгодно увеличение количества участников и диверсификация направлений экономического сотрудничества. Повышение уровня региональной экономической интеграции укрепит его доминирующее положение в регионе и позволит в большей степени реализовать свой потенциал в качестве ведущего транзитного хаба в рамках инициативы ЭПШП.

Киргизия и Таджикистан стараются играть на балансе интересов, поддерживая отношения с Россией и Китаем. Тем не менее, наблюдается явный экономический крен в сторону Китая, отношения с которым у обеих стран начали прогрессировать с середины 2000-х годов. В частности, с 2002 по 2009 г. объем двусторонней торговли Таджикистана с Китаем увеличился в рекордные 100 раз¹⁸; объем товарооборота Киргизии со странами ЕАЭС снизился в 2016 г. на 17%, а в торговле с Китаем этот показатель увеличился на 45% по сравнению с предшествующим годом¹⁹.

Новый формат сотрудничества, предлагаемый проектом ТАЭЭП, позволит повысить переговорные позиции Киргизии и Таджикистана в отстаивании их национальных интересов в рамках торгово-экономического взаимодействия с Китаем. Участие в интеграционных объединениях на равноправных основах совместно с Россией и Индией снизит потенциальную зависимость малых стран от соседа с гораздо более крупной экономикой.

Поведение на международной арене Узбекистана и Туркменистана характеризуется тем, что их политические лидеры придерживаются политики нейтралитета и с особой

осторожностью относятся к региональной интеграции (Узбекистан вступил в ЕврАзЭС только на пятый год работы организации, но пробыв в ее составе менее трех лет²⁰. Туркменистан придерживается политики «постоянного нейтралитета»²¹, которая была принята Генеральной Ассамблеей ООН еще в 1995 г., и его участие в международных организациях лимитировано). Вероятно, Ташкент и Ашхабад, пусть не сразу, но присоединились бы к проекту ТАЭЭП, оценив его эффективность для экономик участвующих стран.

Перспективы экономического взаимодействия в рамках ТАЭЭП

На начальном этапе создания Трансазиатско-европейского экономического партнерства в его состав предполагается включить страны ЕАЭС, Индию, Китай и страны ЦА, не входящие в ЕАЭС²². Согласно статистике Всемирного банка, по состоянию на 2016 г. совокупное население десяти предполагаемых государств — участников ТАЭЭП — составляет 2,9 млрд человек (около 40% населения планеты), совокупный ВВП равен 15,2 трлн долл. (около 20% мирового ВВП)²³. Рынок с подобными размерами и емкостью позволил бы создать мощнейшее торгово-экономическое объединение, способное на равноправной основе отстаивать свои интересы в переговорах с любыми существующими международными экономическими организациями и группировками.

Совокупный объем экспорта и импорта названных стран в 2015 г. составил 2,98 трлн долл. (17% мирового экспорта) и 2,34 трлн долл. (14% мирового импорта) соответственно.

Наибольший вес в структуре внутренней торговли ТАЭЭП имеет Китай. Особенно выделяется его преимущество в экспорте, на долю которого приходится более половины внутренней торговли партнерства, доля китайского импорта значительно ниже. Россия сохраняет примерное равенство долей импорта и экспорта, особенно сильны ее позиции в торговле со странами ЕАЭС. Объем импорта Индии в структуре внутренней торговли ТАЭЭП превышает объем экспорта, при этом ее основными торговыми партнерами являются Китай и Россия, объем торговли с другими членами партнерства — относительно низкий. Казахстан и Беларусь являются четвертой и пятой странами по объему торговли в ТАЭЭП, доли других государств-членов значительно уступают лидерам.

Вышеизложенные факты позволяют сделать вывод, что в рамках подобного партнерства мог бы расширяться доступ на внутренний рынок Китая за счет увеличения экспорта других стран. Масштабы рынка внутренней торговли ТАЭЭП непрерывно росли бы, что сулило бы возможности улучшения структуры товарообмена.

Для анализа степени торговой интеграции был рассчитан Индекс интенсивности двусторонних товаропотоков (ТИ) между странами ТАЭЭП²⁴. Значение такого индекса интенсивности может быть больше или меньше единицы. Если он больше единицы, значит, товарообмен участников оценивается как интенсивный, при значении индекса меньше единицы — значит, неинтенсивный.

Индекс интенсивности экспорта Индии в таких рамках меньше единицы, индекс по импорту Индии из стран ЕАЭС, Китая и Узбекистана также меньше единицы. Следовательно, налицо ограниченная структура торговых взаимоотношений, слабость экономических связей между этими странами. Что же касается интенсивности торговли других предполагаемых стран-участниц партнерства, то за исключением показателя индекса интенсивности китайского экспорта в Туркменистан, у других стран эти показатели, значительно превосходящие единицу, подтверждают наличие тесных экономических связей и интенсивной торговли.

Полученные данные демонстрируют, что эти 10 стран представляют собой в совокупности крупный и жизнеспособный рынок с непрерывно растущими масштабами внутренней торговли, при этом главными драйверами торгово-экономического взаимодействия выступают экономики России, Индии, Китая и Казахстана, а экономики других стран имели бы в рамках ТАЭЭП огромный потенциал роста.

Таблица 1

Структура внутренней торговли между странами ТАЕЭП в 2015 г., млрд долл.

	Импорт										Доля экспорта %
	Россия	Казах-стан	Беларусь	Арме-ния	Кирги-зия	Таджи-кистан	Китай	Индия	Узбеки-стан	Туркме-нистан	
Россия	*	10,302	12,428	0,511	1,289	0,759	28,335	4,550	2,221	0,844	23,5
Казахстан	3,126	*	0,030	0,000	0,352	0,259	6,163	0,361	0,568	0,135	4,3
Беларусь	10,301	0,523	*	0,028	0,055	0,021	0,781	0,316	0,038	0,082	4,6
Армения	0,214	0,005	0,006	*	0,000	0,000	0,192	0,006	0,003	0,015	0,2
Киргизия	0,085	0,314	0,005	0,000	*	0,022	0,058	0,002	0,350	0,008	0,3
Таджикистан	0,034	0,054	0,004	0,000	0,006	*	0,071	0,003	0,009	—	0,1
Китай	34,810	8,427	0,747	0,114	4,285	1,797	*	58,262	2,236	0,817	54,9
Индия	1,612	0,168	0,034	0,037	0,030	0,031	9,577	*	0,108	0,080	6,3
Узбекистан	2,224	1,568	0,057	0,003	0,156	—	3,001	0,064	*	—	2,7
Туркменистан	0,107	0,180	0,003	0,025	0,006	0,161	7,346	0,050	—	*	3,1
Доля импорта (%)	23,4	9,6	5,9	0,3	2,8	1,4	24,8	28,4	2,5	0,9	100,0

Экспорт

Источник: Рассчитано авторами на основе статистических данных ЮНКТАД. URL: http://unctadstat.unctad.org/wds/ReportFolders/reportFolders.asp?_sCS_ChosenLang=en

Таблица 2

Среднее значение индекса интенсивности двусторонних товаропотоков (ТТ) стран ТАЕЭП (2005–2015 гг.)

	Импорт					
	Страны ЕАЭС	Таджикистан	Китай	Индия	Туркменистан	Узбекистан
Страны ЕАЭС	*	9,77	1,21	0,56	4,31	10,14
Таджикистан	48,20	*	31,53	1,72	3,14	66,13
Китай	1,36	3,62	*	0,97	0,95	1,27
Индия	0,39	0,46	0,51	*	0,54	0,51
Туркменистан	6,47	61,65	111,16	0,83	*	8,22
Узбекистан	61,17	-	36,12	1,04	-	*

Источник: Составлено и рассчитано авторами на основе статистических данных ЮНКТАД. URL: http://unctadstat.unctad.org/wds/ReportFolders/reportFolders.aspx?sCS_ChosenLang=en

* Данные об экспорте Узбекистана в Таджикистан и Туркменистан отсутствуют.

Таблица 3

Индекс взаимодополняемости торговли (ТСИ) для стран ТАЕЭП в 2015 г.

	Импорт									
	Россия	Казахстан	Беларусь	Армения	Киргизия	Таджикистан	Китай	Индия	Узбекистан	Туркменистан
Россия	*	0,34	0,89	1,04	0,84	0,99	1,12	1,04	0,86	0,22
Казахстан	0,78	*	0,97	1,08	0,69	1,27	1,15	1,16	0,88	0,62
Беларусь	1,93	2,16	*	1,09	0,72	1,09	0,75	1,14	1,06	2,30
Армения	1,11	1,09	1,23	*	0,91	1,19	0,90	1,18	1,03	1,02
Киргизия	1,00	0,99	1,02	1,18	*	1,29	1,31	1,31	0,84	0,94
Таджикистан	1,20	1,23	1,15	1,08	0,77	*	1,08	1,23	0,97	1,20
Китай	1,07	1,13	0,95	1,46	1,28	1,38	*	0,90	1,25	1,22
Индия	1,80	1,93	1,28	1,05	1,47	1,29	0,71	*	1,40	2,06
Узбекистан	0,80	0,73	0,96	0,93	0,73	1,27	1,02	1,06	*	0,65
Туркменистан	0,52	0,37	0,83	0,99	0,75	1,47	1,19	1,13	0,90	*

Источник: Составлено и рассчитано авторами на основе статистических данных ЮНКТАД. URL: http://unctadstat.unctad.org/wds/ReportFolders/reportFolders.aspx?sCS_ChosenLang=en

На основе статистических данных ЮНКТАД (за период 2005–2015 гг.) авторы проследили изменение структуры и динамики развития внутренней торговли предполагаемых десяти членов ТАЕЭП, руководствуясь методикой СИТС (Международной стандартной торговой классификации)²⁵. Авторы при данных расчетах подразумевают наличие неформальной «специализации» у каждой из стран на определенных отраслях экономики, которые можно представить в виде «лестницы» (вертикальной структуры), где нижние ступеньки представляют ресурсоемкие (сырьевые) производства — (СИТС0, СИТС1, СИТС2, СИТС4), а верхние ступени — капиталоемкие и трудоемкие производства (СИТС3, СИТС6, СИТС7).

Расчеты показали, что во взаимной торговле членов ТАЕЭП доля ресурсоемких отраслей производства растет значительно медленнее, чем доля капиталоемких и трудоемких производств²⁶. В структуре торговли ведущие позиции принадлежат СИТС7 и СИТС3, что отражает вертикальную структуру распределения отраслей производства²⁷ внутри ТАЕЭП, а также дает ориентиры участникам партнерства: как в будущем было бы желательно осуществить переход к более сложным форматам торговли за счет увеличения доли высокотехнологичного производства для каждого из участников партнерства.

Было выявлено, что конкурентные преимущества России явно выражены в поставках минерального топлива; Китая — в поставках машин и транспортного оборудования, промышленных товаров и готовых изделий; Казахстана, Беларуси, Узбекистана и Туркменистана — в экспорте минерального топлива; Индии, Узбекистана, Таджикистана и Армении — в производстве промышленных товаров (СИТС6); страны ЦА, Индия и Армения также обладают конкурентными преимуществами в поставках непродовольственного сырья (СИТС2).

Несмотря на наличие некоторого пересечения сфер специализации стран ТАЕЭП, можно сделать вывод, что конкурентные преимущества стран ЕАЭС, Таджикистана, Туркменистана и Узбекистана сосредоточены в ресурсоемких отраслях, а преимущества Китая и Индии — в трудоемких и капиталоемких отраслях производства. Анализ подтверждает наличие экспортного потенциала внутри стран ТАЕЭП и возможностей для развития торговых отношений между странами с различной структурной экспорта с использованием принципов взаимодополняемости.

Данные таблицы 3, отображающей Индекс взаимодополняемости торговли (ТСИ)²⁸, рассчитываемой на основе сведений о структуре экспорта и импорта стран — торговых партнеров, показывают, что Россия и Казахстан, являясь крупнейшими экономиками ЕАЭС, имеют индексы взаимодополняемости торговли ниже 1: наличие относительно низкий уровень взаимодополняемости торговли и наличие возможностей для наращивания объемов и интенсификации внутренней торговли. Показатели индекса ТСИ для Китая со странами предполагаемого нами партнерства ТАЕЭП, за исключением Беларуси и Индии, превышают 1, показатели индекса ТСИ для Индии с этими странами, не считая Китая, также превышают 1. Таким образом, создание ТАЕЭП с включением в него Индии и Китая позволяет в значительной степени повысить уровень взаимодополняемости торговли внутри региона, повышая тем самым его конкурентные преимущества в рамках глобальной экономики.

Таким образом, исследование геополитических приоритетов и экономических показателей потенциальных стран — членов ТАЕЭП (во главе с «триумvirатом Китай — Россия — Индия» как основной движущей силой) подтверждает эффективность партнерства, формирование которого, по нашим оценкам, обусловлено складывающейся международной обстановкой в регионе. Интенсификация экономических связей между участниками трансазиатско-европейского интеграционного процесса позволит этим государствам выступить единым фронтом против односторонних геополитических проектов Запада, а также добиться либерализации инвестиционных и торгово-экономических отношений стран Евразии.

Стоит также отметить следующее: предлагаемый авторами проект ТАЕЭП избавил бы его потенциальных членов (в частности, центральноазиатские страны) от необходимости делать выбор в пользу одной из инициатив (ЭПШП или ЕАЭС), поддержку которым они уже выразили. Страны ЦА смогут сосредоточиться на экономической интеграции евразийского региона, получая в течение переходного периода особые льготы за счет согласия крупных стран-членов взять на себя более высокую финансовую нагрузку. Кроме того, центральноазиатские республики смогут использовать преимущества сопряжения двух проектов, нивелируя последствия геополитической борьбы между крупными игроками. В конечном счете, повышение уровня экономической взаимозависимости положительно скажется на совершенствовании внутривластных механизмов стран ЦА, обладающих малым политическим опытом.

Участие ЕАЭС в переговорах ТАЕЭП как единого субъекта усилит его позиции и позволит избежать длительного процесса многосторонних (зачастую малоэффективных) переговоров. Предварительные соглашения в формате «ЕАЭС — Индия», «ЕАЭС — Китай», «ЕАЭС — Узбекистан», «Китай — Туркменистан» могли бы стать основой договоренности об экономическом сотрудничестве «ЕАЭС — Китай — Индия — Туркменистан — Узбекистан». Подобная структура позволяет на следующих этапах интегрировать в существующий политико-экономический формат новых членов партнерства, какими могли бы стать страны, входящие в территориальную зону ответственности ШОС — Пакистан, Иран, а также страны АСЕАН.

1. Whitten G., Jilani E.A. New U.S. Defense Strategy for the 21st Century. Rebalance to the Asia-Pacific / Gregory Whitten, Erum Jilani // Harvard Kennedy School Review. 2014. June 28. URL: <http://harvardkennedyschoolreview.com/rebalance-to-the-asia-pacific/> (дата обращения: 10.11.2017).
2. Trans—Pacific Partnership (TPP). Ministry of Trade and Industry, Singapore. 06.10.2015. URL: <https://www.mti.gov.sg/MTIInsights/Pages/TPP.aspx> (дата обращения: 10.11.2017).
3. Transatlantic Trade and Investment Partnership (TTIP). European Commission official web-site. URL: <http://ec.europa.eu/trade/policy/in-focus/ttip/> (дата обращения: 10.11.2017).
4. Сун Лилэй. Оумэн «Дунбу хобань гуаньси» цзихуа: иту, туйцзинь юй вэньти: [План ЕС «Восточное партнерство»: замысел, продвижение и проблемы] // Международные исследования. Пекин. 2015. № 2. С. 85.
5. Лузянин С.Г., Чжао Х.Ш. (рук.) и др. Российско-китайский диалог: модель 2016. Доклад № 25/2016. Москва: ИП РСМД, 2016. С. 8.
6. Выступление Председателя КНР Си Цзиньпина в «Назарбаев университете». Официальный сайт посольства КНР в РК. 16.09.2013. URL: <http://kz.chineseembassy.org/rus/zhgx/t1077192.htm> (дата обращения: 10.11.2017).
7. Совместное заявление Российской Федерации и Китайской Народной Республики о сотрудничестве по сопряжению строительства Евразийского экономического союза и Экономического пояса Шелкового пути. Официальный сайт Президента России. 08.05.2015. URL: <http://kremlin.ru/supplement/4971> (дата обращения: 10.11.2017).
8. Путин предложил создать большое евразийское партнерство // ИА «Лента.ру». 17.06.2016. URL: <https://lenta.ru/news/2016/06/17/greateurasia/> (дата обращения: 10.11.2017).
9. Гундань шидай цзежэнь гунту цюаньцю фачжань — Си Цзиньпин ичжучи цзай шицзе цзинци луньтань 2017 нянь няньхуэй каймошишандэ цзучжи яньцзян: [Эпоха общей ответственности за мировое развитие — выступление председателя КНР Си Цзиньпина на церемонии открытия Всемирного экономического форума]. Официальный сайт МИД КНР. 17.01.2017. URL: http://www.fmprc.gov.cn/web/ziliao_674904/zyjh_674906/t1431319.shtml (дата обращения: 10.11.2017).
10. Си Цзиньпин ичжучи чжунгун чжунянь чжэньчжунцзюй ди шицзюцы цзити сюэси бин фабяо чжуняо цзянхуа: [Си Цзиньпин провел 19 коллективную учебу Политбюро ЦК КПК и выступил

- с важной речью] // Жэньминь жибао. 07.12.2014. URL: <http://cpc.people.com.cn/n/2014/1207/c64094-26161930.html> (дата обращения: 10.11.2017).
11. Лю Хуацзинь. Идея создания зоны свободной торговли ШОС: расчеты, проблемы и перспективы // Евразийская экономическая интеграция. 2009. № 3 (4). С. 110–116. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ideya-sozdaniya-zony-svobodnoy-torgovli-shos-raschety-problemy-i-perspektivy> (дата обращения: 10.11.2017).
 12. Сопрежение ЕАЭС и ЭПШП приобретает реальные очертания: согласован список инфраструктурных проектов // Евразийская экономическая комиссия. 01.03.2017. URL: <http://www.eurasiancommission.org/ru/nae/news/Pages/2-03-2017-1.aspx> (дата обращения: 10.11.2017).
 13. МТК «Север — Юг». Экономическая дипломатия. Справка. Сайт МИД РФ. 01.11.2016. URL: http://www.mid.ru/foreign_policy/economic_diplomacy/-/asset_publisher/VVbcl01f1FVU/content/id/2510952 (дата обращения: 10.11.2017).
 14. Тань Цзюньсянь. Анализ конкуренции и сотрудничества между Китаем, США и Индией в увязке с Новым Шелковым путем // Форум Северо-восточной Азии. 2015. № 1. С. 109.
 15. Ван Вэйжань, Чэнь Тун. Обзор и размышления о создании зоны свободной торговли в рамках ШОС: 2003–2013 // Исследование России, Восточной Европы и Центральной Азии. Пекин. 2014. № 6. С. 49–50.
 16. Россия и Китай намерены увеличить товарооборот до \$200 млрд к 2020 г. // Ведомости. 31.05.2016. URL: <https://www.vedomosti.ru/economics/news/2016/05/31/643063-rossiya-i-kitaitovarooborot> (дата обращения: 10.11.2017).
 17. Гу Вэй. Новые тенденции и перспективы ЕАЭС // Исследование международных проблем. 2015. № 6. С. 49.
 18. А.Вольнец. Таджикистан в тени Китая // Русская Планета. 08.12.2014. URL: http://rusplt.ru/world/world_14772.html (дата обращения: 10.11.2017).
 19. Е.Ким. Киргизия пытается выйти на рынки стран ЕС, не наладив экспорт в ЕАЭС и Китай // ИА REGNUM. 02.03.2017. URL: <https://regnum.ru/news/2244269.html> (дата обращения: 10.11.2017).
 20. Евразийское экономическое сообщество (ЕврАзЭС). Справка // РИА Новости. 10.10.2015. URL: <https://ria.ru/spravka/20151010/1298778399.html> (дата обращения: 10.11.2017).
 21. Резолюция № 50/80 о «Постоянном нейтралитете Туркменистана» // Резолюции 50-й сессии ГА ООН (1995–1996 гг.). 12.12.1995. URL: <http://www.un.org/ru/ga/50/docs/50res.shtml> (дата обращения: 10.11.2017).
 22. Первые предпологаемые 10 стран — участниц ТАЕЭП: Армения, Беларусь, Казахстан, Киргизия, Китай, Индия, Россия, Узбекистан, Таджикистан и Туркменистан.
 23. Рассчитано авторами на основе Показателей мирового развития (WDI) Всемирного банка // The World Bank. World Development Indicators Data Bank. URL: <http://databank.worldbank.org/data/reports.aspx?source=world-development-indicators> (дата обращения: 10.11.2017).
 24. Формула расчета $T_{ab} = (X_{ab}/X_b) / (M_b/M_w)$, где X_{ab} — объем экспорта страны (a) в страну (b), X_b — общий объем экспорта страны (b), M_b — общий объем импорта страны (b), M_w — общий объем мирового импорта. Все данные указываются в стоимостном выражении.
 25. Международная стандартная торговая классификации. Четвертый пересмотренный вариант / Департамент по экономическим и социальным вопросам Секретариата ООН. 2008. URL: https://unstats.un.org/unsd/publication/SeriesM/SeriesM_34rev4r.pdf (дата обращения: 10.11.2017).
 26. Ресурсоемкие отрасли — SITC 0,1,2,3, 4; капиталоемкие отрасли — SITC 5, 7; трудоемкие отрасли — SITC 6,8.
 27. Под этим термином авторы подразумевают наличие неформальной специализации у каждой из стран на определенных отраслях экономики.
 28. Формула TCI: $T_{CI_{ij}} = \sum_n (RCA_{xi}^n \times RCA_{mj}^n) \times (X_w^n / X_w)$, где RCA_{xi}^n — индекс сравнительного преимущества отрасли (a) в экспорте страны (i), RCA_{mj}^n — индекс сравнительного преимущества отрасли (a) в импорте страны (j), X_w^n / X_w — удельный вес экспорта отрасли (a) в общем объеме мирового экспорта, X_w^n — мировой экспорт отрасли (a), X_w — общий объем экспорта мира. Все данные указываются в стоимостном выражении.

Природопользование

Проблемы и перспективы российско-монгольского сотрудничества в контексте охраны озера Байкал

© 2018

А.В. Макаров

В статье рассматриваются актуальные вопросы российско-монгольского сотрудничества в контексте охраны озера Байкал. Проводится анализ долгосрочных планов развития гидроэнергетики в Монголии. Выявляются потенциальные риски негативных трансграничных воздействий для России в связи с реализацией этих планов. Обосновываются основные направления обеспечения баланса экономических и экологических интересов двух стран.

Ключевые слова: российско-монгольские отношения, охрана озера Байкал, Всемирное природное наследие, совместные воды, оценка воздействия на окружающую среду в трансграничном контексте.

Введение

Президент Российской Федерации В.В. Путин в своем выступлении 23 июня 2016 г. на трехсторонней встрече с главами Монголии и КНР в рамках Ташкентского саммита Шанхайской организации сотрудничества (ШОС) призвал к тщательной проработке вопросов развития гидроэнергетики в монгольской части бассейна реки Селенги¹. В основе обеспокоенности руководства страны лежат риски негативных трансграничных воздействий для крупнейшего пресноводного водоема планеты и уникального объекта Всемирного природного наследия ЮНЕСКО — озера Байкал. С учетом того, что сток реки Селенги в значительной мере определяет приток вод и состояние экосистемы Байкала и через него — работу каскада ангарских ГЭС, реализация планов развития гидроэнергетики на монгольской территории может серьезно затруднить эффективное решение вопросов, связанных с охраной уникального природного объекта и социально-экономическим развитием Байкальского региона.

В связи с этим анализ долгосрочных планов монгольского правительства по развитию энергетики, оценка рисков трансграничных воздействий и обоснование основных направлений развития взаимовыгодного сотрудничества в целях охраны трансграничных вод в бассейне озера Байкал представляются крайне актуальными.

Макаров Александр Валерьевич, кандидат географических наук, старший научный сотрудник Байкальского института природопользования СО РАН (г. Улан-Удэ). E-mail: bulagat@mail.ru.

Планы развития гидроэнергетики в Монголии и возможные трансграничные воздействия в бассейне озера Байкал

Бурное экономическое развитие, основанное на добыче и экспорте минеральных ресурсов, определило в последнее десятилетие устойчивый рост объемов потребления электроэнергии в Монголии. На фоне высокого уровня износа оборудования тепловых электростанций, построенных еще при поддержке СССР, это позволило предполагать острый дефицит электроэнергии в стране к 2015 г., и даже системный энергетический кризис². Поэтому модернизация национальной энергосистемы для обеспечения растущего спроса выступает в качестве главной цели развития сектора³. В числе приоритетных проектов в новом Генеральном плане развития энергетики на 2015–2030 гг. выделяются Улан-Баторская ТЭЦ-5 (450 МВт) и ТЭС «Таван-Толгой» (450 МВт) в Южном регионе.

В принципе более широкое использование возобновляемых источников энергии в контексте снижения зависимости от импорта электроэнергии, диверсификации структуры генерирующих мощностей и повышения надежности в управлении электроснабжением также отвечает идеологии нового генерального плана. И главная роль в ее решении отводится реализации крайне спорных, на наш взгляд, планов развития гидроэнергетики в бассейне реки Селенги.

Во-первых, в качестве приоритетного проекта, наряду с ГЭС «Эгийн» (220 МВт), рекомендуется строительство ГЭС «Шурэн» на основном русле реки Селенги. По мнению разработчиков Генерального плана, ГЭС «Шурэн» даже на уровне минимальной мощности (245 МВт) является самой перспективной ГЭС в стране. При этом чтобы повысить конкурентоспособность этих ГЭС по сравнению с тепловыми станциями, рекомендуется их строительство в формате максимальной мощности (соответственно 315 и 390 МВт).

Во-вторых, в качестве потенциальных объектов в бассейне реки Селенги предлагается также рассматривать строительство ГЭС на реках Орхон и Туул. Наконец, в-третьих, в Генеральном плане рекомендуется в перспективе детально изучить возможности строительства других ГЭС на реке Селенге, в том числе в рамках отвергнутой еще в 1970-х годах идеи единого каскада⁴.

Следует отметить, что в 2014 г., кстати без согласования с российской стороной, было подготовлено новое технико-экономическое обоснование строительства ГЭС «Эгийн» мощностью 315 МВт. Планируется, что в формате максимальной мощности ГЭС «Эгийн» будет производить электроэнергию в период суточных и сезонных пиков. Показатели ГЭС «Шурэн» в инвестиционном плане развития возобновляемой энергетики⁵, подготовленном в целях детализации Генерального плана, пока рассматриваются на уровне минимальной мощности (табл. 1). В то же время, учитывая рекомендацию Генерального плана о целесообразности ее строительства только в формате максимальной мощности, можно ожидать подобных действий и в отношении проекта ГЭС «Шурэн».

В настоящее время разработка проекта ГЭС «Шурэн» при поддержке Всемирного банка все еще продолжается. Вместе с тем, учитывая рекомендацию Генерального плана о вводе ее в эксплуатацию к 2025 г., а также попытки получения монгольским правительством финансирования строительства ГЭС «Эгийн» со стороны КНР (Банк развития и Экспортно-импортный банк), приостановленные только после возражений российского правительства, можно утверждать, что в целом обеспечение баланса экономических и экологических интересов сторон в бассейне озера Байкал становится одной из важнейших проблем двусторонних отношений.

Очевидно, что оценка рисков трансграничных воздействий планируемых ГЭС должна выступать исходной основой для формирования официальной позиции нашей страны в переговорном процессе по вопросам совместного водопользования и торгово-экономического сотрудничества. Однако проведение подобных работ по заказу Минприроды России было начато только в 2016 г.⁶

Таблица 1

Проекты строительства гидроэлектростанций в Монголии, 2015 г.

Наименования проектов	Установленная мощность, МВт	Среднегодовая выработка электроэнергии, ГВт·ч/год	Удельные капитальные вложения, USD/кВт	Объем капитальных вложений, млн USD
Центральная энергосистема				
Эгийн ¹	315	606	2625,4	827,0
Шурэн ²	245	930	3183,7	780,0
Орхон ³	100	216	1600,0	160,0
Туул ⁴	100	300	2850,0	285,0
Чаргайт ⁵	25	116	3824,0	95,6
Западная энергосистема				
Эрдэнэбурэн ⁶	88,7	418,8	1803,8	160,0
Майхан ⁷	12	45-57	1183,3	14,2

Составлено по данным: *Investment Plan for Scaling Up Renewable Energy in Mongolia, 2015.*

Примечания: 1 — р. Эгийн-гол (приток Селенги); 2 — р. Селенга; 3 — р. Орхон (приток Селенги); 4 — р. Туул (приток Орхона); 5 — р. Дэлгэр-мурен (один из истоков Селенги); 6 — р. Ховд (вне бассейна Селенги); 7 — р. Хотон (вне бассейна Селенги)

Таблица 2

Потенциальные воздействия планируемых ГЭС на режим стока реки Селенги в пограничном створе

Наименования проектов	Увеличение зимнего стока	Уменьшение летнего стока	Значимость воздействий
Шурэн	до 3 и более раз	до 50%	значительное
Эгийн	до 2-3 раз	до 20-30%	умеренное
Чаргайт	до 1,5-2 раз	до 10%	незначительное
Орхон	до 20-30%	до 10%	незначительное

Составлено по данным: *Итоговый отчет МГУ по проекту ПРООН/ГЭФ «Прогнозная оценка долгосрочных изменений водного баланса в бассейне трансграничной реки Селенги в условиях климатических флуктуаций и изменения характеристик водопользования». МГУ, 2015.*

Принимая предложения Генерального плана развития энергетики Монголии как отражение официальной точки зрения правительства страны, вполне можно предположить, что проекты строительства ГЭС «Эгийн» и «Шурэн» с достаточно высокой степенью вероятности в конце концов могут быть реализованы. При этом по определенной прогнозной оценке МГУ, реализация этих проектов может оказать значительное воздействие на внутригодовой режим стока реки Селенги в пограничном створе (табл. 2). Помимо этого другим последствием станет трансформация состава речных вод за счет поступления водных масс из водохранилищ ГЭС⁷.

В целом реализация этих проектов может сопровождаться трансформацией режима стока и сложнопрогнозируемыми экологическими и социально-экономическими последствиями. Поэтому оценка воздействия на окружающую среду (ОВОС) в трансграничном контексте приобретает, на наш взгляд, ключевую роль в обеспечении учета национальных интересов в области совместного водопользования. Более того, Комитет Всемирного наследия ЮНЕСКО на своей последней сессии рекомендовал Монголии и России совместно осуществить выполнение стратегической экологической оценки (СЭО) всех планов развития гидроэнергетики, которые могут воздействовать на озеро Байкал⁸. Всемирный банк, в целом, также согласился с необходимостью выполнения в первоочередном порядке подобной оценки до выполнения ТЭО отдельных проектов⁹.

Современное состояние и перспективы российско-монгольского торгово-экономического сотрудничества

На современном этапе в сфере международного экономического сотрудничества сосредоточены ключевые интересы и возможности Монголии в плане экономического роста, повышения благосостояния населения, укрепления позиций страны на международной арене и реализации национальной стратегии развития в целом.

Общий объем внешнеторгового оборота Монголии увеличился с 2002 по 2012 г. с 1,1 до 11,5 млрд долл. (более чем в 10 раз), в том числе объем экспорта с 0,5 до 4,8 млрд долл. (почти в 10 раз), объем импорта с 0,6 до 6,6 млрд долл. (в 11 раз)¹⁰. Среднегодовой приток прямых иностранных инвестиций (ПИИ) увеличился с 0,3 млрд долл. в 2002–2003 гг. до 4,5 млрд долл. в 2011–2012 гг. (в 15 раз). Многократное увеличение объемов экспорта и ПИИ было полностью обеспечено за счет горнодобывающего сектора¹¹. При этом в 2014–2015 гг. в связи с неблагоприятной конъюнктурой на рынке полезных ископаемых наблюдалось резкое сокращение их объемов. В то же время восстановление объемов экспорта и притока ПИИ на рекордном уровне 2011–2012 гг. ожидается в 2017–2018 гг. в связи с подготовкой к запуску 2-й очереди горнообогатительного комбината (ГОК) «Ою-Толгой» и началом полномасштабной разработки угольного месторождения «Таван-Толгой»¹².

Таблица 3

Основные внешнеторговые партнеры Монголии по итогам 2015 г.

Страны/показатели	Оборот		Экспорт		Импорт		Сальдо, млн долл.
	Всего, млн долл.	% к итогу	Всего, млн долл.	% к итогу	Всего, млн долл.	% к итогу	
Китай	5140,9	61,2	3411,6	84,0	1729,3	39,9	1682,3
Россия	1269,2	15,1	40,1	1,0	1229,1	28,4	-1189,0
Швейцария	371,4	4,4	364,1	9,0	7,3	0,2	356,8
Япония	326,1	3,9	49,2	1,2	276,9	6,4	-227,7
Респ. Корея	312,2	3,7	42,0	1,0	270,2	6,2	-228,2
Германия	121,8	1,5	8,6	0,2	113,2	2,6	-104,6
США	91,9	1,1	15,6	0,4	76,3	1,8	-60,7
Италия	79,1	0,9	47,4	1,2	31,7	0,7	15,7
Казахстан	69,2	0,8	0,6	0,0	68,6	1,6	-68,0
Сингапур	50,6	0,6	1,2	0,0	49,4	1,1	-48,2
Прочие страны	563,8	6,7	81,0	2,0	482,8	11,1	-401,8
Итого	8396,2	100,0	4061,4	100,0	4334,8	100,0	-273,4

Источник: составлено по данным Международного валютного фонда (URL: <http://www.imf.org>).

КНР в 2015 г. оставалась основным внешнеэкономическим партнером Монголии, потребляющим более 80% монгольского экспорта и выступающим источником более 1/3 общего объема импорта (табл. 3). Следует отметить, что в последние годы государственные банки и корпорации КНР предоставили правительству Монголии целый ряд кредитов под гарантии поставок минерального сырья и закупок китайского оборудования. Поэтому параметры китайско-монгольского товарооборота в ближайшие годы сохранятся как минимум на сложившемся уровне. Заключенное в 2015 г. межправительственное соглашение о стратегическом партнерстве придаст еще более мощный толчок двухстороннему сотрудничеству за счет масштабных китайских инвестиций и увеличения объемов экспорта минеральных ресурсов из Монголии.

В целом сочетание значительного ресурсного потенциала и выгодного расположения рядом с самым большим в мире рынком будет оставаться в обозримой перспективе основой экономического развития Монголии. С другой стороны, чрезмерно высокая зависимость от узкой группы минеральных продуктов, экспортируемых в одно соседнее государство, делает экономику страны исключительно уязвимой от уровня мировых цен на полезные ископаемые и спроса со стороны КНР, что наглядно показали экономические кризисы 2009 и 2014 годов. В то же время, на наш взгляд, вряд ли можно серьезно полагать, что в ближайшие годы страна сможет выйти на рынки других государств, и тем более предложить в значительном объеме конкурентоспособные товары традиционных отраслей (изделия из кожи и шерсти). Поэтому углубление сотрудничества с КНР вполне отвечает нынешней политике ресурсно ориентированного развития.

В отношении российско-монгольского сотрудничества необходимо отметить следующее. Рост внешнеторгового оборота в период 2002–2012 гг. (с 0,28 до 1,92 млрд долл.) был обеспечен исключительно за счет увеличения объемов экспорта российских товаров в Монголию (с 0,23 до 1,85 млрд долл.). Помимо резкого углубления дисбаланса двухстороннего товарооборота, российско-монгольская торговля окончательно приобрела типично энерго-сырьевой характер. Основу российского экспорта в Монголию в последние годы составили поставки нефтепродуктов (более 70% стоимости экспорта) и лишь отчасти — промышленных и продовольственных товаров (табл. 4). При этом основной объем экспорта со стороны России обеспечивает лишь одна компания (НК «Роснефть»). В свою очередь импорт из Монголии в Россию также осуществляет фактически лишь одно предприятие («Монголросцветмет»), поставки которого неуклонно сокращаются.

Таблица 4

Внешняя торговля России с Монголией в 2010–2015 гг., млн долл.

Показатели/годы	2010	2011	2012	2013	2014	2015
Оборот	1 015,7	1 588,3	1 915,7	1 613,1	1 501,8	1 161,4
Экспорт	936,6	1 499,2	1 851,4	1 572,1	1 461,3	1 117,3
минеральные продукты	633,0	928,2	1 352,9	1 135,9	1 024,8	828,0
продовольственные товары	123,9	137,1	150,2	164,9	144,7	124,2
машины и оборудование	77,2	231,8	118,6	88,4	146,5	52,3
продукция химической промышленности	53,9	80,3	84,2	70,3	61,7	56,3
металлические изделия	28,3	93,5	109,4	85,8	57,9	28,1
древесина и бумажные изделия	5,5	4,9	5,3	5,6	5,5	4,7
текстильные изделия	3,4	3,8	4,5	3,8	2,9	2,0
другие товары	11,4	19,6	26,3	17,4	17,1	21,1
Импорт	79,1	89,1	64,3	40,9	40,5	44,1
минеральные продукты	50,7	64,5	55,4	31,3	31,0	35,9
продовольственные товары	26,8	22,0	7,0	6,5	7,2	6,5
текстильные изделия	1,3	1,8	1,4	1,2	1,3	1,0
другие товары	0,3	0,8	0,5	1,9	1,0	0,7
Сальдо	857,5	1 410,1	1 787,1	1 531,2	1 420,8	1 073,2

Примечание: показатели внешней торговли даются без учета взаимной торговли электроэнергией, не учитываемой ФТС России.

Источник: составлено по данным годовых отчетов ФТС России (URL: <http://www.customs.ru>).

Следует отметить, что монгольское правительство планомерно реализует политику ликвидации зависимости от российских энергоресурсов. Объем добычи нефти в Восточном регионе достиг 3,6 млн баррелей в 2015 г. Весь этот объем был направлен в рамках давальческого соглашения с PetroChina для переработки в КНР и импорта части полученных из него нефтепродуктов. Однако это только позволило снизить зависимость от России со 100 до 90%. В ближайшие годы монгольское правительство с целью дальнейшего снижения зависимости страны от импорта нефтепродуктов планирует строительство первого нефтеперерабатывающего завода. В то же время обеспечение его полноценной загрузки потребует закупок российской нефти. Поэтому зависимость страны от поставок российских нефтепродуктов и нефти, на наш взгляд, сохранится.

Гораздо менее убедительными представляются перспективы российского экспорта в Монголию электроэнергии. Несмотря на то, что объем поставок за период 2002–2014 гг. в связи с высокими темпами развития монгольской экономики увеличился в 3 раза (со 130,0 до 390,0 млн кВт·ч), существует вероятность сокращения в ближайшие годы (вплоть до полного прекращения) российского экспорта электроэнергии. Это связано с рассмотренными выше планами монгольского правительства развития собственной генерации для удовлетворения растущего спроса на электроэнергию.

Важную роль в монгольской экономике продолжают играть предприятия «Эрдэнэт», «Монголросцветмет» и «Улан-Баторская железная дорога», которые до последнего времени оставались ведущими компаниями страны и крупнейшими государственными активами России за рубежом. Перспективы их дальнейшего развития связаны соответственно с планами освоения новых участков медно-молибденового месторождения Эрдэнэтийн-Овоо, разработки железорудного месторождения Баргилт и модернизации Трансмонгольской железной дороги (электрификация и строительство второго пути). В то же время значение этих предприятий будет неизбежно сокращаться в связи с запуском новых ресурсных и инфраструктурных проектов. Более того, в середине 2016 г. государственная корпорация «Ростех» продала российские доли в совместных предприятиях «Эрдэнэт» и «Монголросцветмет» компании «Монголын Зэс».

После списания в 2004 г. основной части долга Монголии перед СССР (около 11,0 млрд долл.) правительство нашей страны рассчитывало на предоставление российским компаниям приоритета в доступе к разработке крупнейших месторождений полезных ископаемых. В программе российско-монгольского сотрудничества на 2006–2010 гг. это нашло отражение в стремлении к активизации совместной деятельности, прежде всего, в горнодобывающем секторе.

Однако поддержка Монгольской народной партии, проигравшей парламентские выборы 2008 г., привела к тому, что новое правительство, сформированное Демократической партией, изменило вектор внешнеполитической ориентации страны. В результате российские компании в конкуренции за доступ к разработке крупнейших месторождений Монголии остались аутсайдерами.

В принципе, Декларация о развитии стратегического партнерства 2009 г. и программа российско-монгольского сотрудничества на 2011–2015 гг. также предусматривали расширение совместной деятельности практически во всех сферах, включая торговлю, транспорт, горнодобывающий сектор и сельское хозяйство. Однако преобладающая часть этих инициатив осталась нереализованной.

В последние годы в целях сближения позиций сторон и с учетом инициативы правительства КНР в части развития Нового Шелкового пути выдвигается идея китайско-монгольско-российского трехстороннего экономического взаимодействия для расширения трансконтинентального транзита, увеличения торгового оборота, создания условий для развития инвестиционного сотрудничества и региональной экономической интеграции.

На прошедшем в Ташкенте саммите ШОС (23–24 июня 2016 г.) уполномоченными представителями трех стран была подписана «Программа создания экономического

коридора Китай — Монголия — Россия». В то же время рамочный характер этого документа позволяет утверждать, что в настоящее время эта инициатива остается в стадии формирования концепции с туманными перспективами.

В целом, серьезных оснований ожидать в ближайшие годы существенного расширения или выхода на качественно новый уровень торгово-экономического сотрудничества между Россией и Монголией, на наш взгляд, мало. Ресурсно ориентированный характер, разные масштабы и отсутствие взаимной дополняемости экономик обеих стран предпосылки для углубления сотрудничества не создают.

По существу, только энергетика остается единственной сферой, в которой интересы обеих стран продолжают пересекаться. К числу последних примеров успешного сотрудничества следует отнести, прежде всего, проект увеличения мощности Улан-Баторской ТЭЦ-4 на 120 МВт, реализованный при финансовой и технической поддержке России (ВЭБ и ГК «Ренова») и заключение нового контракта с «Интер РАО», предусматривающего увеличение импорта мощности со 175 до 250 МВт. Однако развитие дальнейшего сотрудничества в данной сфере требует серьезного переосмысления ее роли в более широком контексте двухсторонних отношений в целом.

Формирование стратегии сотрудничества России с Монголией в целях охраны озера Байкал

Предварительный анализ проблемной ситуации позволяет обозначить основные направления сотрудничества с соседней страной в целях охраны озера Байкал. В основу стратегии предосторожения внешних угроз национальной безопасности в данном случае предлагается положить дальнейшее решение вопросов, связанных с оценкой потенциальных трансграничных воздействий планируемых ГЭС и проработкой альтернативных гидроэнергетике вариантов энергоснабжения. В качестве межгосударственной платформы для согласования интересов сторон предлагается использовать общепризнанные процедуры ОВОС в трансграничном контексте (рис. 1).

Следует подчеркнуть, что суверенное право соседней страны на развитие национальной энергетики сомнению не подвергается. Опасения вызывают лишь планы строительства ГЭС в бассейне реки Селенги, которые могут привести к неблагоприятным для нашей страны последствиям. Поэтому российская сторона может согласиться с реализацией этих проектов только в случае, если по результатам их объективной оценки будет доказан приемлемый уровень допустимого воздействия на экосистему бассейна реки Селенги и озера Байкал. В этом отношении принципиально важным моментом является организация скоординированного решения этого вопроса в рамках совместного выполнения СЭО и ОВОС отдельных проектов развития гидроэнергетики.

Согласование стандартов качества воды и параметров стока в пограничном створе (в рамках реализации действующего или подготовки нового соглашения по охране трансграничных вод) является необходимой основой для выполнения оценки трансграничных воздействий и последующей реализации различных вариантов политических решений. Исходя же из идеологии «нулевого» воздействия на экосистему озера Байкал, опирающуюся на общепризнанную значимость и уникальность его природных характеристик, отказ от строительства ГЭС в монгольской части бассейна, на наш взгляд, является наиболее оптимальным для российской стороны вариантом.

В связи с этим в центре взаимоприемлемого решения проблем, складывающихся в отношениях с соседней страной, должна находиться реализация альтернативных проектов и вариантов электроснабжения и в целом развития монгольской энергетики. Сравнительный анализ позволил выделить два основных варианта, которые в ближайшей перспективе могут устранить риски трансграничных воздействий для нашей страны¹³. В их числе продолжение поставок электроэнергии из России и увеличение мощностей действующих ТЭЦ в основных индустриальных центрах Монголии.

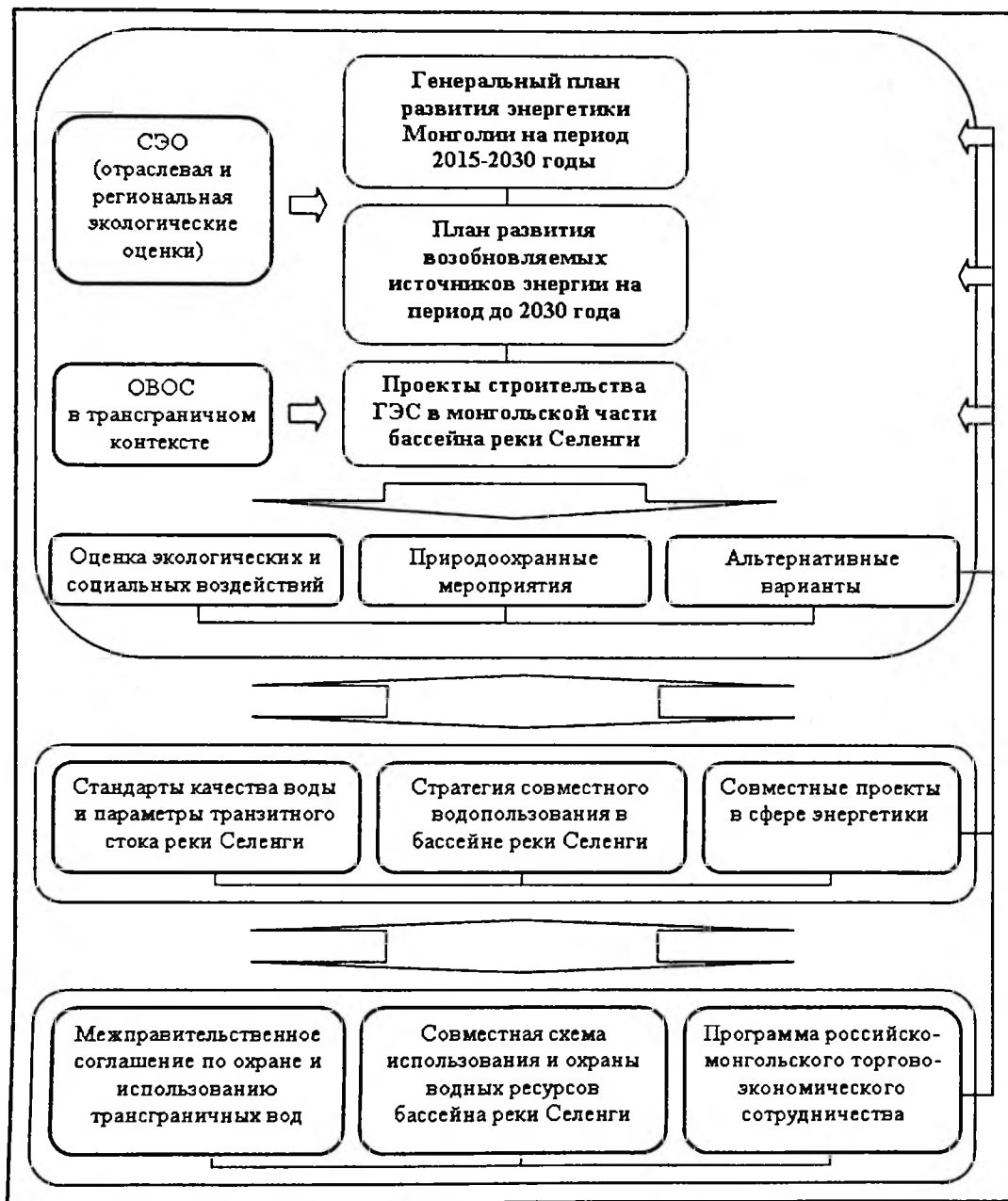

Рис. 1. Правовые рамки и основные элементы сотрудничества России с Монголией в целях охраны трансграничных вод

1) В принципе технически возможные объемы поставок из России в Монголию мощности и электроэнергии по действующей ЛЭП 220 кВ «Селендума — Дархан» остаются реальной альтернативой строительству любой из монгольских ГЭС. Более того, российский импорт избавляет монгольское правительство от дорогостоящих инвестиций в строительство ГЭС, что с учетом растущего внешнего долга является очень важным фактором. Однако постоянный рост стоимости импортируемой электроэнергии (с 3,5 центов/кВт·ч в 2002 г. до 7,7 центов/кВт·ч в 2013 г. и до 12,5 центов/кВт·ч в 2015 г.)

остается главной причиной проблемы и создает основания для продвижения планов строительства ГЭС. Поэтому взаимоприемлемой эта альтернатива может быть только в случае обеспечения стоимости российской электроэнергии ниже планируемой себестоимости электроэнергии на ГЭС «Эгийн» и «Шурэн». По сути, следовало вести речь о формировании специального тарифа для соседней страны за счет корректировки отдельных составляющих формирования экспортной стоимости, связанных, прежде всего, с монопольным поставщиком («Интер РАО»).

2) В настоящее время производство электроэнергии на ТЭЦ крупной мощности остается в Монголии наиболее экономически эффективным. Поэтому перспективным направлением сотрудничества остается российское участие в модернизации и увеличении мощностей действующих ТЭЦ в Улан-Баторе, Дархане и Эрдэнэте. Наиболее перспективной в этом плане является идея повторного увеличения мощности Улан-Баторской ТЭЦ-4 еще на 150 МВт. Реализацию этой идеи можно осуществить путем предоставления целевого займа на поставку российского оборудования, аналогично осуществленному в 2014 г. проекту увеличения мощности этой же станции на 120 МВт.

Создание условий для реализации подобных проектов путем предоставления финансовой и политической поддержки будет в наибольшей мере способствовать обеспечению экономических и экологических интересов России.

В отдаленной перспективе в качестве стратегических альтернатив развитию гидроэнергетики в Монголии могут также рассматриваться инициативы в рамках реализации совместных проектов экспорта электроэнергии в КНР и интеграции национальных энергосистем стран Северо-Восточной Азии¹⁴, которые на сегодняшний день еще требуют глубокого обоснования и продолжительной подготовки.

Безусловно, реализация согласованных действий по обеспечению баланса интересов сторон должна предваряться более детальным анализом возможных вариантов энергетического сотрудничества и сопровождаться рядом политических мер. В числе ключевых из них — согласование условий участия российских компаний в проектах развития монгольской энергетики в рамках программы российско-монгольского торгово-экономического сотрудничества.

Взаимосвязанное решение рассмотренных вопросов должно стать основой для формирования и реализации согласованной политики, в том числе и в области совместного водопользования в бассейне озера Байкал.

1. Стенограмма встречи Президента России Владимира Путина, Председателя Китайской Народной Республики Си Цзиньпина и Президента Монголии Цахиагийн Элбэгдоржа от 23.06.2016 г. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/52211.html>.
2. Mongolia: Power Sector Development and South Gobi Development, Draft Report, Submitted to the World Bank by Economic Consulting Associates. URL: http://siteresources.worldbank.org/INTMONGOLIA/Resources/ECA_Report_on_Power_and_South_Gobi_development_ENG.pdf.
3. Mongolia Updating the Energy Sector Development Plan: Final Report, Prepared by E. Gen Consultants Ltd, Bangladesh in association with MVV decon GmbH, Germany, and Mon-Energy Consult, Mongolia / Asian Development Bank, 2013. URL: <http://www.adb.org/projects/documents/updating-energy-sector-development-plan-tacr>.
4. Investment Plan for Scaling Up Renewable Energy in Mongolia, Draft Report. — Ulaanbaatar: Government of Mongolia, 2015. — 78 p.
5. Макаров А.В. Эколого-экономические аспекты развития стратегического партнерства России и Монголии в контексте совместного использования трансграничных вод // Проблемный анализ и государственно-управленческое проектирование. 2015. № 4. С. 80–93.

6. Бычков И.В., Никитин В.М., Максимова И.И. Гидроэнергетические проекты в монгольской части трансграничного бассейна реки Селенга: возможные риски для Российской Федерации // Регион: экономика и социология. 2017. № 2. С. 269–286.
7. Итоговый отчет МГУ по проекту ПРООН/ГЭФ «Прогнозная оценка долгосрочных изменений водного баланса в бассейне трансграничной реки Селенги в условиях климатических флуктуаций и изменения характеристик водопользования, 2015. URL: <http://baikal.iwlearn.org/ru/rezultaty/ru/proekt-1/rezultaty-i-otchety/085%20–20Water%20balance%20projection.pdf/view>.
8. World Heritage Committee Decision: 41 COM 7 B.6 Lake Baikal (Russian Federation) (№ 754). URL: <http://whc.unesco.org/en/decisions/7006>.
9. Third and Final Report and Recommendation. World Bank Inspection panel. Report № 117391-MN. URL: <http://ewebapps.worldbank.org/apps/IP/Pages/ViewCase.aspx?CaseId=107>.
10. Mongolia / Asian Development Outlook 2013. Asian Development Bank, 2013. URL: <http://www.adb.org/sites/default/files/pub/2013/ado2013.pdf>.
11. The Investment Policy Review of Mongolia. UNCTAD, 2013. URL: <http://www.investmongolia.com/wp-content/uploads/2014/05/Investment-Policy-Review-of-Mongolia.pdf>.
12. Mongolia Economic Update. World Bank, 2015. URL: <http://documents.worldbank.org/curated/en/588341468197974334/Mongolia-Economic-update.pdf>.
13. Макаров А.В. Проблемы сотрудничества России с Монголией в контексте охраны трансграничных вод // ЭКО. 2016. № 5. С. 175–188.
14. См.: Вороний Н.И., Санеев Б.Г. Восточный вектор энергетической стратегии России: современное состояние, взгляд в будущее. Новосибирск: Академическое издательство «Гео», 2011. 368 с.; Подковальников С.В., Савельев В.А., Чудинова Л.Ю. Перспективы электроэнергетической кооперации России и стран Северо-Восточной Азии // Проблемы прогнозирования. 2015. № 4. С. 118–130.

Военное строительство

Новый облик НОАК

© 2018

А.А. Храмчихин

Автором представлены реформы НОАК последних двух лет: новая система управления, новые состав и структура вооруженных сил (ВС) КНР (как стратегических, так и обычных). Проанализированы некоторые аспекты боевой подготовки, а также возможные перспективы развития различных видов НОАК в плане технического оснащения и создания военных объектов ВС КНР за пределами Китая.

Ключевые слова: НОАК, ракетные войска, силы стратегической поддержки, сухопутные войска, ВВС, ВМС.

Народно-освободительная армия Китая — НОАК, официальное название вооруженных сил (ВС) КНР — начала реформироваться вместе со всей страной с конца 70-х годов прошлого века. Дополнительным стимулом к реформе стала крайне неудачная война с Вьетнамом в начале 1979 г.

Впрочем, на первом этапе реформа сводилась лишь к значительному сокращению личного состава (в первую очередь, естественно, за счет сухопутных войск), крайне плохо обученного и обеспеченного, в лучшем случае, только стрелковым оружием. Также было сокращено значительное количество техники производства времен Второй мировой войны и 1950-х годов. Соответственно, было расформировано множество частей и соединений, в основном пехотных (они были именно пехотными в изначальном понимании данного термина)¹. Никакой реальной реформой это, по сути, не было. Однако данные меры позволили значительно сократить военные расходы, высвободив средства для проведения экономических реформ². Кроме того, НОАК получила право на экономическую деятельность. Это еще больше облегчило бремя содержания НОАК для госбюджета, но породило такую колоссальную коррупцию, что в конце концов армейская экономика была в 1998 г. полностью упразднена³.

По мере роста экономической мощи КНР постепенно начали расти и военные расходы, на основе собственных и зарубежных (как советских/российских, так и западных) технологий создавались новые образцы вооружения и военной техники (ВВТ)⁴. Поначалу эти образцы качественно значительно уступали лучшим зарубежным. Командование НОАК это прекрасно понимало, поэтому данные образцы производились в весьма ограниченных количествах и были, строго говоря, экспериментальными. Однако за пре-

Храмчихин Александр Анатольевич, заместитель директора Института политического и военного анализа (г. Москва). E-mail: hrmndanot@mail.ru.

делами КНР, в том числе и в России, такую политику очень многие эксперты приняли за долговременную. Тезис о том, что НОАК закупает современную технику в незначительных количествах лишь для элитных частей, встречается в литературе до сих пор, хотя уже давно не имеет ни малейшего отношения к реальности. После того, как тот или иной образец военной техники доводился до требуемых командованием НОАК ТТХ, он поступал в массовое производство, которое без труда обеспечивается колоссальными возможностями китайского ВПК. В НОАК действует лозунг «соединения механизации и информатизации», означающий массовые закупки современной техники всех классов для всех видов ВС при одновременном внедрении в войска методов ее применения в условиях «сетевидной войны». В настоящее время практически по всем классам ВВТ Китай приблизился или вышел на уровень передовых стран. Если и имеется определенное качественное отставание по отдельным параметрам, оно не является принципиальным, к тому же легко компенсируется количеством произведенной техники. По объемам производства современных ВВТ Китай, как правило, превосходит сейчас все страны НАТО (включая США) вместе взятые.

Качественному перевооружению НОАК при практически неизменном количестве ВВТ способствуют исключительно высокие производственные возможности китайского ВПК. Количество предприятий конечной сборки составляет примерно 400, общее — несколько тысяч, численность персонала можно оценить в несколько миллионов человек. Большое количество предприятий ВПК и их широкая географическая разбросанность по территории страны значительно повышают его устойчивость в случае войны. Возобновился процесс создания предприятий ВПК в глубине страны. Это объясняется как общей государственной политикой развития западных регионов, так и стремлением отодвинуть часть объектов «новой экономики» от побережья, где они могут подвергнуться риску массированного удара крылатыми ракетами морского и воздушного базирования со стороны США в соответствии с концепцией быстрого глобального удара (БГУ)⁵.

НОАК формально комплектуется по призыву (срок службы — 2 года), но из-за значительного переизбытка призывных ресурсов призыв носит выборочный характер, что позволяет набирать лучших призывников с точки зрения физических и интеллектуальных данных. Существует контрактная служба продолжительностью от 3 до 30 лет. В настоящий момент НОАК практически полностью укомплектована по найму, то есть по сути в Китае имеет место своеобразный «призыв на контракт». При этом мобилизационные ресурсы НОАК (300–400 млн человек) превышают население любой страны мира, кроме Индии.

До последнего времени не происходило почти никаких изменений в прежней организационной структуре НОАК, построенной по «советско-прусскому» образцу. Из-за этого поступление в войска современной техники можно было до определенной степени называть «вливанием нового вина в старые мехи». Наконец, с 2016 г. началась организационная реформа НОАК, именно она по-настоящему изменяет облик ВС Китая. НОАК перестает быть «советско-прусской» и становится «российско-американской». Очевидно, что именно ВС США и нынешние ВС РФ стали основными образцами для китайского военно-политического руководства в ходе реформы двух последних лет. При этом, разумеется, новая НОАК не копирует ни американские, ни российские ВС, а берет от них все самое лучшее, приспособляя к китайским условиям.

Необходимо отметить, что, в отличие от России, партийное руководство НОАК еще более укрепилось. Центральный военный совет (ЦВС) КПК остается главным руководящим органом НОАК и фактически страны в целом.

В настоящее время в состав ЦВС входят Объединенный штаб (включает штабы видов ВС), пять департаментов (политработы, развития вооружений, подготовки войск, снабжения, национальной мобилизации), три комиссии (политико-правовая, по проверке

дисциплины, по науке и технологиям), шесть управлений (стратегического планирования, по общим делам, реформ и оргструктуры, аудита, администрации, международного сотрудничества). Ликвидирован Генштаб и его генеральные департаменты, вместо него создан новый Объединенный штаб, который по своей сути похож на американский Комитет начальников штабов. При этом сухопутные войска впервые получили собственный штаб, ранее его функции выполнял Генштаб.

В подчинении ЦВС находятся теперь пять Командований на ТВД: Северное (штаб в г. Шэньян, охватывает АРВМ, провинции Цзилинь, Ляонин, Хэйлуцзян, Шаньдун); Центральное (Пекин; охватывает, кроме Пекина, Тяньцзинь, провинции Хэбэй, Хубэй, Хэнань, Шэньси, Шаньси); Западное (Чэнду, охватывает Чунцин, СУАР, Тибет, НХАР, провинции Цинхай, Ганьсу, Сычуань); Южное (Гуанчжоу, охватывает Гонконг, Макао, Хайнань, ГЧАР, провинции Юньнань, Гуйчжоу, Хунань, Гуандун); Восточное (Нанкин, охватывает Шанхай, провинции Цзянсу, Чжэцзян, Аньхой, Фуцзянь, Цзянси). Они заменили бывшие семь военных округов. Командования являются высшими оперативно-стратегическими объединениями НОАК, под их управлением находятся все войска (силы) сухопутных войск, ВВС и ВМС НОАК.

Кроме того, в подчинении ЦВС находятся Ракетные войска, а также совершенно новый, пятый вид ВС — Силы стратегической поддержки. Они отвечают за подготовку сетецентрической войны, ведение киберопераций, войны в космосе, РЭБ.

Большая часть структурных единиц Сил стратегической поддержки (ССП) относится к космической инфраструктуре. Это Цзюцюаньский центр космических запусков (он же космодром Шуанчэнцзы, или «база 20», расположен в провинции Ганьсу), Тайюаньский центр космических запусков (космодром Учжай — «база 25», провинция Шаньси), Сичанский центр космических запусков (космодром Сичан — «база 27», провинция Сычуань), два Центра управления полетами (в Пекине и Сиане), Центр космического мониторинга океана («база 23»). Кроме того, в состав ССП входят ядерный полигон в Синьцзян-Уйгурском автономном районе (он же «база 21»), Центр аэродинамических исследований и разработок («база 29»), Институт иностранных языков НОАК, медицинские центры НОАК, а также Подразделение 61786 (НИИ в сфере информационных технологий).

Китай стал первой в мире страной, где создан такой вид ВС, как ССП. Он будет отвечать не за тыловое обеспечение традиционных ВС, а за разработку и ведение новых способов боевых действий. Очевидно, здесь будут разрабатываться формы и методы сетецентрической войны для самой НОАК и противодействие им со стороны других стран, в первую очередь — вооруженных сил США. Очень высокая степень зависимости американских ВС от ИСЗ различного назначения становится одним из наиболее слабых их мест. Физическое уничтожение и/или радиоэлектронное подавление ИСЗ противника станет для НОАК вообще и ССП в первую очередь, по-видимому, не менее важной задачей, чем развертывание собственной спутниковой группировки.

Кроме того, на ССП будет возложено ведение информационной войны в самом широком понимании этого термина — от РЭБ до психологических операций. Следует отметить, что значимость психологической войны была осознана в Китае гораздо раньше, чем в Европе и США. Из древних китайских военных трактатов следует, что в руководящих органах китайских армий в начале нашей эры 25 процентов их личного состава отвечали именно за ведение психологической войны. Сегодня китайское руководство считает, что принцип совершенствования информационных технологий и информационного оружия должен лежать в основе процесса модернизации всей военной организации государства. Психологическая война рассматривается китайскими специалистами как столкновение восточной и западной культуры, стремление навязать другим народам свою систему ценностей. Наиболее эффективная стратегия такой войны состоит в том, чтобы противник утратил способность к принятию управленческих решений. При этом особый

упор делается на ведении психологической войны в мирное время. По мнению китайских специалистов, в психологических операциях сочетаются методы психологического и силового давления и устрашения, широко используются исторические моменты⁶.

Вид ВС, ранее носивший довольно странное название «Вторая артиллерия», с 2016 г. получил более адекватное название — «Ракетные войска НОАК» (фактический аналог российских РВСН)⁷. По-видимому, он сохранил прежнюю внутреннюю структуру — ракетные армии (базы), имеющие в своем составе по несколько ракетных бригад. Каждая бригада вооружена одним типом ракет, включает от трех до шести ракетных батальонов. В состав каждого батальона входит три ракетные роты, которые, в свою очередь, могут включать по три ракетных взвода. В зависимости от типа ракет одна ПУ может состоять на вооружении либо ракетной роты, либо ракетного взвода. Соответственно, каждая бригада может иметь от 9 до 54 ПУ (шахтных или мобильных).

В нынешних Ракетных войсках имеется девять ракетных армий, с 61-й по 69-ю. В конце 2016 г. в китайских СМИ были опубликованы формально неофициальные, но не вызывающие серьезных сомнений данные о том, что НОАК имеет на вооружении примерно 200 МБР (DF-5, DF-31, DF-41), примерно 300 БРСД (DF-21, DF-26), около 1200 тактических баллистических ракет (DF-11, DF-15, DF-16) и до 3 тыс. крылатых ракет семейства DH-10⁸. Применительно к тактическим и крылатым ракетам, возможно, речь идет не только о вооружении собственно Ракетных войск, но и о ракетах сухопутных войск, ВВС и ВМС. Возможно, что остаются на вооружении до 50 устаревших БРСД DF-4. В любом случае, из приведенных цифр следует, что количество ядерных боевых блоков только в Ракетных войсках НОАК составляет не менее 1 тыс. единиц (возможно, до 2 тыс.): большинство китайских МБР в настоящее время являются многозарядными, поэтому только они несут от 500 до 1000 БЧ; как минимум, по одной ядерной БЧ имеется для каждой БРСД; нет особых сомнений, что хотя бы для 10% тактических и крылатых ракет имеются ядерные БЧ. Постоянно тиражируемые некоторыми западными исследовательскими структурами данные о том, что НОАК в целом имеет всего 250–270 ядерных зарядов, причем все они неразвернутые (не установлены на носителях) противоречат очевидным фактам и просто здравому смыслу, рационально объяснить повторение этих цифр из года в год крайне сложно. Ракеты DF-31, DF-41, DF-21, DF-26, DF-16, DH-10 находятся в производстве, то есть их количество постепенно увеличивается.

В сухопутных войсках⁹ и ВВС НОАК¹⁰ еще до реформы 2016 г. начался постепенный переход от дивизий к бригадам как основному типу соединений, что, очевидно, должно было способствовать росту мобильности и гибкости этих видов ВС. В сухопутных войсках было создано множество бригад различного типа, весьма неравномерно распределенных по округам и армиям. В ВВС ранее имелось 44 авиадивизии, каждая из которых включала по три авиаполка со сквозной нумерацией: в 1-й авиадивизии 1-й, 2-й и 3-й авиаполки, во 2-й — 4-й, 5-й и 6-й и т.д. вплоть до 132-го полка 44-й дивизии. Переход к бригадам происходит в ВВС путем вывода полков из состава дивизий и преобразования в бригады с теми же номерами (при этом, по сути, полк остается в прежних штабах). Соответственно, в дивизии остается один или два полка либо ее штаб вообще расформируется. В ходе нынешней реформы процесс «бригадизации» в ВВС ускорился, а в сухопутных войсках приобрел принципиально новое наполнение, что, по сути, можно считать вторым этапом нынешней реформы. Он начался весной 2017 г. и подразумевает освобождение сухопутных войск от остатков традиционной пехоты и их превращение в механизированные войска.

Не исключено, что у организационной реформы НОАК имеется политическая цель: сильнейшая «перетасовка» высшего и среднего командного состава (особенно в сухопутных войсках) должна способствовать дальнейшему укреплению власти Си Цзиньпина. Однако этот аспект реформы является отдельной специфической темой, в данной же статье рассматриваются лишь чисто военные ее аспекты.

В настоящее время в сухопутных войсках осталось 13 армий, в составе каждой из которых имеется шесть общевойсковых и шесть специализированных бригад.

Общевойсковые бригады созданы путем тотального «перемешивания» прежних танковых, механизированных и мотопехотных дивизий и бригад. Часть новых бригад сохранила номера прежних дивизий и бригад, но практически все новые бригады представляют собой набор подразделений из различных прежних бригад и полков, то есть, по-видимому, ни одну новую бригаду нельзя считать «прямым наследником» какой-либо старой. По имеющимся сведениям, общевойсковая бригада состоит из четырех линейных батальонов, артиллерийского батальона (дивизиона), батальона (дивизиона) ПВО, инженерного батальона, ряда других подразделений. В каждом линейном батальоне имеется по 31 боевой машине пехоты (БМП) или бронетранспортеров (БТР) и 6 120-мм минометов, кроме того, в двух из четырех линейных батальонов — по 40 танков или боевых бронированных машин. В артиллерийском дивизионе имеется 36 самоходных артиллерийских установок (САУ) и/или реактивных систем залпового огня (РСЗО) и 9 самоходных противотанковых ракетных комплексов (ПТРК), в дивизионе ПВО — по 18 зенитных ракетно-пушечных комплексов (ЗРПК) и переносных зенитных ракетных комплексов (ПЗРК).

Специализированными бригадами в каждой армии являются по одной бригада артиллерийской, ПВО, спецназа, армейской авиации, инженерной, поддержки. Их номера аналогичны номеру той армии, в состав которой они входят. В двух из 13 армий вместо бригады армейской авиации имеется десантно-штурмовая бригада.

На зону ответственности Северного командования (СК) НОАК теперь приходится вся граница с Россией (кроме маленького западного участка на Алтае), граница с КНДР и большая часть границы с Монголией. В сухопутных войсках СК (штаб в г. Цзинань) имеется три армии.

В составе 78-й армии (штаб в г. Чанчунь) — 8-я, 48-я, 68-я, 115-я, 202-я, 204-я общевойсковые бригады, 78-е артиллерийская, ПВО, спецназа, армейской авиации, инженерная, поддержки бригады.

В составе 79-й армии (Ляоян) — 46-я, 116-я, 119-я, 190-я, 191-я, 200-я общевойсковые бригады, 79-е артиллерийская, ПВО, спецназа, армейской авиации, инженерная, поддержки бригады.

В составе 80-й армии (Вэйфан) — 47-я, 69-я, 118-я, 138-я, 199-я, 203-я общевойсковые бригады, 80-е артиллерийская, ПВО, спецназа, армейской авиации, инженерная, поддержки бригады.

В прямом подчинении СК находятся 11 пограничных бригад (с 321-й по 331-ю) и четыре бригады береговой обороны (с 332-й по 335-ю).

В составе ВВС СК (штаб в г. Чанчунь) имеется шесть авиадивизий (1-я, 5-я, 11-я, 12-я, 16-я, 21-я, включают суммарно 13 авиаполков) и девять авиабригад (2-я, 3-я, 15-я, 31-я, 61-я, 88-я, 89-я, 90-я, 91-я).

Также в подчинении СК теперь находится Северный флот ВМС НОАК (штаб в г. Циндао). Кроме корабельного состава (включая единственный авианосец и почти все ПЛА) в его состав входят 2-я и 5-я авиадивизии морской авиации и 77-я бригада морской пехоты.

Зона ответственности Центрального командования (ЦК) не имеет выхода к внешним границам, оно осуществляет защиту столицы и другие «центральные» функции. В его сухопутных войсках (штаб в Шинцзячжуане) также имеется три армии.

В составе 81-й армии (Чжанцзякоу) — 7-я, 70-я, 162-я, 189-я, 194-я, 195-я общевойсковые бригады, 81-е артиллерийская, ПВО, спецназа, армейской авиации, инженерная, поддержки бригады.

В составе 82-й армии (Баодин) — 6-я, 80-я, 151-я, 188-я, 196-я, 205-я общевойсковые бригады, 82-е артиллерийская, ПВО, спецназа, армейской авиации, инженерная, поддержки бригады.

В составе 83-й армии (Синьсян) — 11-я, 58-я, 60-я, 113-я, 129-я, 193-я общевойсковые бригады, 83-е артиллерийская, ПВО, спецназа, инженерная, поддержки бригады, 161-я десантно-штурмовая бригада.

В прямом подчинении ЦК находится 112-я механизированная дивизия, «уцелевшая» с дореформенного периода.

В составе ВВС ЦК (штаб в Сиане) имеется шесть авиадивизий (7-я, 13-я, 15-я, 19-я, 24-я, 36-я, включают суммарно 15 авиаполков) и 56-я авиабригада.

Кроме того, в зоне ответственности ЦК дислоцированы части и соединения, напрямую подчиняющиеся штабам сухопутных войск или ВВС. Это гарнизон Пекина (1-я и 3-я гарнизонные дивизии, артиллерийская дивизия), 15-й воздушно-десантный корпус (127-я, 128-я, 130-я, 131-я, 133-я, 134-я воздушно-десантные бригады, бригады спецназа, поддержки, авиационная), 34-я авиадивизия, Учебно-испытательный центр ВВС (170-я, 171-я, 172-я, 175-я, 176-я авиабригады).

Западное командование (ЗК) имеет две армии сухопутных войск (штаб в Ланьчжоу).

В составе 76-й армии (Баоцзи) — 12-я, 17-я, 56-я, 62-я, 149-я, 182-я общевойсковые бригады, 76-е артиллерийская, ПВО, спецназа, армейской авиации, инженерная, поддержки бригады.

В составе 77-й армии (Чунцин) — 39-я, 40-я, 55-я, 139-я, 150-я, 181-я общевойсковые бригады, 77-е артиллерийская, ПВО, спецназа, армейской авиации, инженерная, поддержки бригады.

В составе ВВС ЗК (штаб также в Ланьчжоу) имеется четыре авиадивизии (4-я, 6-я, 20-я, 33-я, включают суммарно 11 авиаполков), пять авиабригад (16-я, 109-я, 110-я, 111-я, 112-я) и 178-я бригада боевых БПЛА.

Синьцзянский и Тибетский провинциальные военные округа, ранее входившие в состав Ланьчжоуского ВО, а затем недолго побывшие в составе ЗК, в настоящее время напрямую подчинены командованию сухопутных войск. По-видимому, они в основном сохранили дореформенную структуру. В составе Синьцзянского ВО остались 4-я мотопехотная, 8-я легкая механизированная, 6-я и 11-я горнопехотные дивизии, 84-я артиллерийская бригада, бригада ПВО, бригада спецназа, 3-я бригада армейской авиации, инженерная бригада, три пограничные бригады (318-я — 320-я). В составе Тибетского ВО — 52-я и 53-я горнопехотные, 54-я общевойсковая, 85-я артиллерийская, 651-я зенитно-ракетная, инженерная, спецназа, армейской авиации бригады, четыре пограничные бригады (305-я — 308-я).

На зону ответственности Южного командования (ЮК) приходится граница КНР с тремя странами Юго-Восточной Азии. В его сухопутных войсках (штаб в Наньнине) имеется две армии.

В составе 74-й армии (Лючжоу) — 1-я, 16-я, 125-я, 132-я, 154-я, 163-я общевойсковые бригады, 74-е артиллерийская, ПВО, спецназа, армейской авиации, инженерная, поддержки бригады.

В составе 75-й армии (Хэйчжоу) — 15-я, 31-я, 32-я, 37-я, 122-я, 123-я общевойсковые бригады, 75-е артиллерийская, ПВО, спецназа, инженерная, поддержки бригады, 121-я десантно-штурмовая бригада.

В прямом подчинении ЮК находятся гарнизон Гонконга, пять пограничных бригад (313-я — 317-я), две бригады береговой обороны (311-я и 312-я).

В составе ВВС ЮК (штаб в Гуанчжоу) имеется пять авиадивизий (2-я, 8-я, 9-я, 18-я, 44-я, включают суммарно 10 авиаполков), семь авиабригад (5-я, 54-я, 124-я, 125-я, 126-я, 130-я, 131-я), бригада боевых БПЛА. Возможно, что 6-й авиаполк 2-й авиадивизии

(именно он получает закупленные в России истребители Су-35С) уже преобразован в 6-ю авиабригаду.

Также в подчинении ЮК находится Южный флот ВМС КНР (штаб в Чжаньцзяне), в том числе 8-я и 9-я авиадивизии морской авиации, 1-я и 164-я бригады морской пехоты.

Восточное командование (ВК) является единственным, чья зона ответственности полностью совпадает с зоной ответственности одного из семи «старых» военных округов (Нанкинский). Унаследованы (лишь перенумерованы) и три его армии сухопутных войск (штаб в Фучжоу).

В составе 71-й армии (Сюйчжоу) — 2-я, 35-я, 160-я, 178-я, 179-я, 235-я общевойсковые бригады, 71-е артиллерийская, ПВО, спецназа, армейской авиации, инженерная, поддержки бригады.

В составе 72-й армии (Хучжоу) — 5-я, 10-я, 34-я, 85-я, 90-я, 124-я общевойсковые бригады, 72-е артиллерийская, ПВО, спецназа, армейской авиации, инженерная, поддержки бригады.

В составе 73-й армии (Сямынь) — 3-я, 14-я, 86-я, 91-я, 92-я, 145-я общевойсковые бригады, 73-е артиллерийская, ПВО, спецназа, армейской авиации, инженерная, поддержки бригады.

В прямом подчинении ВК находятся четыре бригады береговой обороны (с 301-й по 304-ю).

В составе ВВС ВК (штаб в Уху) имеется пять авиадивизий (10-я, 14-я, 26-я, 28-я, 32-я, включают суммарно 12 авиаполков), девять авиабригад (7-я, 8-я, 9-я, 78-я, 83-я, 85-я, 86-я, 93-я, транспортно-спасательная), бригада боевых БПЛА.

Также в подчинении ВК находится Восточный флот ВМС КНР (штаб в Нинбо), в том числе 4-я и 6-я авиадивизии морской авиации.

На основе новой структуры НОАК можно сделать вывод о количестве боевой техники различных классов в ее составе. Вполне очевидно, что новые соединения создавались не для того, чтобы продолжали применять танки Туре 59 (Т-54) и истребители J-7 (МиГ-21). Вся старая техника, еще остающаяся в войсках, будет в очень обозримом будущем заменена на новую, уже находящуюся в массовом производстве.

В частности, исходя из количества и штатной структуры соединений, можно сказать, что в строю НОАК будет не менее 7 тыс. танков и БМТВ новых типов. Наиболее мощным из них является танк Туре 99, своего рода alter ego (но отнюдь не прямой аналог) российского Т-90. Сейчас имеется от 900 до 1000 танков этого типа, почти исключительно в частях СК и ЦК. Танк Туре 96 (уже существует до 3,5 тыс. его единиц нескольких модификаций), alter ego Т-72, поступает, в основном, в части ЗК, ВК, ЮК, Тибетского и Синьцзянского ВО. В некоторые бригады вместо основных танков поступают легкие танки или БМТВ, однако это также будут современные машины, при этом вряд ли они составят более 10% от всего развернутого танкового парка.

Количество новых БМП (Туре 04, Туре 05 и др.) и БТР (Туре 92, Туре 09 и др.) должно превысить 10 тыс. единиц. Количество новых САУ (Туре 05, Туре 07, Туре 09) достигнет, как минимум, 3 тыс. единиц, примерно столько же будет иметься РСЗО (Туре 03, семейство WM, семейство WS, последние являются сильнейшими РСЗО в мире). По всем указанным классам вооружений не менее половины данных численных показателей уже реализованы. Это же касается ПТРК НJ-9 и НJ-10, ЗРК НQ-16, НQ-17, НQ-22, ПЗРК QW-1, QW-2, FN-6, FN-16, ЗРПК Туре 95 и Туре 07, боевых вертолетов Z-10 и Z-19. В значительной степени уже преодолено существовавшее до последнего времени отставание сухопутных войск НОАК от наиболее передовых армий мира в сфере войсковой ПВО и армейской авиации.

Примечательно, что активно ведется работа по оснащению сухопутных войск роботами, призванными заменить на поле боя в первую очередь саперов и пехотинцев.

Это показывает, насколько разительно изменилась НОАК за период реформ: еще во время войны с Вьетнамом для нее нормальным тактическим методом считалось применение «людских волн», т.е. жизнь рядового солдата не стоила абсолютно ничего.

Необходимо отметить, что глубоким заблуждением является достаточно широко распространенное мнение о том, что в результате последних реформ роль и значение сухопутных войск в НОАК заметно снизилась. На самом деле снизилась численность личного состава сухопутных войск и, соответственно, его доля в общей численности личного состава ВС КНР. Однако, как было сказано выше, произошло лишь полное освобождение сухопутных войск от плохо вооруженной и обученной пехоты, от чего их реальная боеспособность лишь возросла. Вообще, для современных ВС характерно относительное снижение «веса» сухопутных войск именно за счет сокращения численности их личного состава, НОАК полностью вписывается в данную мировую тенденцию. При этом в плане технического обновления сухопутные войска НОАК нисколько не уступают остальным видам ВС. Чрезвычайно активно ведется боевая подготовка. В частности, в последнее время постоянно отрабатываются действия частей и соединений НОАК в условиях экстремально низких температур (в АРВМ и провинции Хэйлуцзян), причем в этих учениях участвуют не только соединения из состава СК. Регулярно проводятся учения с отработкой глубоких наступательных операций силами крупных войсковых группировок из состава нескольких Командований (ранее — нескольких округов). Также постоянно отрабатывается переброска личного состава и боевой техники целых соединений на большие расстояния (свыше 1000 км) с использованием коммерческого автомобильного, железнодорожного, авиационного транспорта.

В военно-воздушных силах и морской авиации ВМС НОАК сейчас имеется более 220 бомбардировщиков JH-7, более 400 тяжелых истребителей семейства Су-27/30/35С/J-11/15/16, более 250 легких истребителей J-10. При этом высокими темпами продолжается производство JH-7, J-11В (безлицензионная копия Су-27), J-16 (безлицензионная копия Су-30), J-10 (новых модификаций В и С). Приобретаются в России истребители Су-35С (сейчас имеется 8, будет 24). Китай обошел Россию в производстве истребителей 5-го поколения. Если российский Т-50 (будущий Су-57) не вышел пока из стадии испытаний, то в 176-й бригаде ВВС НОАК уже имеется не менее 6 серийных J-20 со «кстроевыми» пятнадцатичисными номерами, этот самолет официально принят на вооружение. Также Китай очень значительно обошел Россию в развитии БПЛА. Если в ВС РФ пока имеются только разведывательные БПЛА малой дальности, то НОАК имеет весь спектр разведывательных БПЛА, а также несколько типов боевых БПЛА (WD-1, WJ-600, семейство СН, а также БПЛА, переделанные из старых боевых самолетов J-6). Наряду с приобретением в России ЗРС С-400 продолжается развитие собственной ЗРС HQ-9 (имеется не менее 12 дивизионов этой системы, производство продолжается). Ведутся работы над созданием стратегического бомбардировщика, сходного с американским В-2, для замены устаревшего Н-6. На вооружении ВВС НОАК имеется не менее 400 ядерных авиабомб.

Боевая подготовка в ВВС НОАК ведется не менее интенсивно, чем в сухопутных войсках. Проводятся учения с участием сотен боевых самолетов и созданием условий, максимально приближенных к современной высокотехнологичной войне.

Недостатками ВВС НОАК являются низкое качество авиационных двигателей, нехватка высокоточного оружия, различных систем для ведения сетцентрической войны (в частности — самолетов ДРЛО и РЭБ). Однако эти недостатки ни в коем случае нельзя считать фатальными. Так, китайские двигатели отличаются от иностранных лишь меньшим ресурсом, однако это может быть компенсировано количеством их выпуска. Кроме того, сейчас в Китае развернуты масштабные работы в области двигателестроения. Аналогично, нехватка высокоточных боеприпасов вполне компенсируется количеством обычных. Вообще, сейчас становится все более ясно, что слишком большое увлечение

дорогостоящими высокоточными боеприпасами, характерное для западных ВС, оказывается крайне нерентабельным экономически и часто не усиливает, а ослабляет их боевые возможности (боеприпасы очень быстро исчерпываются, после чего воевать становится невозможно, а производить новые долго и очень дорого). С этой точки зрения отставание НОАК по этим боеприпасам может оказаться не недостатком, а преимуществом, особенно применительно к крупномасштабной классической войне «армия против армии». Нехватка самолетов ДРЛО и РЭБ также будет устранена в обозримом будущем, поскольку командование НОАК уделяет этому очень большое внимание.

При этом интеграция сухопутных войск и ВВС в рамках Командований на ТВД придаст им дополнительные широкие возможности. Так, сочетание тактических баллистических и крылатых ракет, дальнобойных РСЗО семейства WS, боевых и разведывательных БПЛА обеспечит НОАК прорыв даже самой современной наземной ПВО и практические беспрепятственные действия собственной пилотируемой авиации. Подобными возможностями не обладают сегодня даже ВС США и РФ, не говоря уже о любой другой армии мира.

ВМС НОАК¹¹ практически не были затронуты нынешней организационной реформой, если не считать того, что их Северный, Восточный и Южный флоты были подчинены одноименным командованиям. 5 китайских ПЛАРБ несут 60 БРПЛ JL-1 и JL-2, на которых имеется не менее 150 ядерных БЧ, строится еще не менее 2 ПЛАРБ. Имеется 9 ПЛА. Атомный подводный флот Китая пока не вышел из стадии строительства кораблей небольшими сериями, что, впрочем, компенсируется наличием крупнейшего в мире (более 55 единиц) флота неатомных ПЛ, включая новейшие пр. 039А/В, пр. 043 и российские пр. 636ЭМ. В дополнение к авианесущему кораблю «Ляонин» (бывший советский «Варяг») почти достроен аналогичный по конструкции собственный авианосец. Уже введено в строй 11 «китайских «Орли Берков» — эсминцев пр. 052С/Д, строительство кораблей пр. 052Д продолжается, всего их будет не менее 12 в дополнение к 6 эсминцам пр. 052С (ВМФ РФ кораблей подобного типа не имеет). При этом уже развертывается строительство эсминцев (фактически — крейсеров) пр. 055, которые, по-видимому, станут наиболее мощными неавианосными надводными кораблями в мире, сменив в этом качестве южнокорейские эсминцы типа «Сэджон Тэван». ВМС НОАК уверенно выходят на 1-е место в мире по количеству современных фрегатов (уже введено в строй 24 фрегата пр. 054А, строительство серии продолжается). Возможности китайского кораблестроения особенно хорошо видны на примере строительства кораблей пр. 056, которые являются неким переходным классом между фрегатами и корветами. С 2012 г. в строй ВМС НОАК введено 32 корабля этого типа, строительство продолжается. Для сравнения: в России с 2001 г. введено в строй 7 кораблей сходного класса (5 пр. 20380, 2 пр. 11661), в США с 2005 г. — 9 (5 типа «Индепенденс», 4 типа «Фридом»). То есть Китай превзошел США и Россию вместе взятые вдвое за гораздо меньший период времени. От строительства классических десантных кораблей с высадкой людей и техники «на плаву» Китай перешел к строительству ДВКД, а в ближайшей перспективе и УДК, ориентированных на загоризонтную высадку десанта.

Вопреки сложившемуся мнению (в основном навязываемому американскими специализированными изданиями), ВМС НОАК не обладают повышенным приоритетом в ходе нынешнего технического обновления ВС КНР. Как было сказано выше, это обновление охватывает все виды ВС и все классы вооружения и техники. Но на примере ВМС это обновление особенно хорошо заметно. Всего за два десятилетия Китай перешел от крайне архаичного и примитивного «москитного флота», основанного на технологиях 1950-х годов, к современному океанскому флоту, который, в частности, уже способен обеспечить захват Тайваня (данная операция не проводится Пекином лишь по политическим причинам)¹².

Также именно развитие ВМС в настоящее время наиболее явно демонстрирует стремление Пекина к внешней экспансии и к приобретению возможности осуществлять «проецирование силы» в глобальном масштабе.

На официальном уровне руководство КНР заявляет, что не собирается строить за рубежом полноценные ВМБ по примеру США. Однако не исключается строительство «пунктов всестороннего обеспечения двойного назначения»¹³. Эти пункты должны составить «Нить жемчуга», т.е. цепь пунктов базирования ВМС НОАК, обеспечивающую беспрепятственную транспортировку нефти и других стратегических грузов с Ближнего Востока и из Африки в Китай и реализацию концепции «Один пояс, один путь» («Новый Шелковый путь»).

Разумеется, это подразумевает, что ВМС НОАК станут полноценным океанским флотом, сравнимым по своим возможностям с ВМС США (по крайней мере, в пределах Тихого и Индийского океанов). Для такого флота заведомо недостаточно мобильного обеспечения с помощью вспомогательных судов, требуется наличие стационарных постоянных полноценных баз (даже если они официально не называются таковыми).

Работа над данным проектом началась еще в конце XX века и продолжается до сих пор. Китай в ее рамках в 1999 г. подписал соглашение с Мьянмой о строительстве порта Чаупхью на о. Рамри в Бенгальском заливе; в 2007 г. — со Шри-Ланкой о совместном строительстве порта Хамбантота; в 2013 г. — с Пакистаном о совместном финансировании строительства портов Гвадар и Пасни с правом на последующую их эксплуатацию Китаем; в 2014 г. — с Джибути об использовании ее порта в интересах ВМС НОАК и строительстве ВМБ.

На штабы ВМС НОАК и трех их флотов (СФ, ВФ, ЮФ) уже сейчас возложена задача организации снабжения кораблей в иностранных портах всем необходимым, включая не только ГСМ и продовольствие, но и боеприпасы, запчасти и различную аппаратуру.

Пункты материально-технического обеспечения (ПМТО) ВМС НОАК за пределами КНР делятся на три категории. ПМТО первой категории называются специализированными и подразумевают только собственно МТО. ПМТО второй категории называются универсальными, они обеспечивают пополнение любых запасов, кроме вооружения, стоянку кораблей и отдых экипажей. ПМТО третьей категории называются многофункциональными. Они, кроме всего остального, предусматривают пополнение запасов вооружения и его техническое обслуживание.

«Нить жемчуга» начинается с ВМБ Юйлинь на территории самой КНР, на о. Хайнань (около г. Санья)¹⁴. Это крупнейшая ВМБ в Азии, способная принимать и обслуживать корабли всех классов, а в подземном укрытии ВМБ могут располагаться до 20 ПЛ, включая ПЛАРБ и ПЛА.

Далее в цепь баз входят объекты на спорных островах в Южно-Китайском море. На Парасельских о-вах это о. Вуди, на котором размещается пункт базирования Сиша с портовыми сооружениями, большой ВПП и позициями ЗРС НQ-9. На о-вах Спратли размещен пункт базирования Файери Кросс. Он включает 7 рифов — собственно Файери Кросс (создан искусственно), Джонсона, Куатерон, Гейвен, Хьюз, Суби, Мисчиф. Эти рифы разбросаны на 300 км друг от друга. Они крайне невелики по размерам, тем не менее, на них уже построено множество различных сооружений — ВПП, вертолетные площадки, метеостанции, базы хранения ГСМ и боеприпасов, ЗРК, РЛС и т.д.

В связи с этим необходимо отметить, что Пекин объявил, что считает своими всю акваторию Южно-Китайского моря (кроме территориальных вод других стран) и все острова этого моря. Имеет место конфликт между Китаем и Вьетнамом за Парасельские острова и многосторонний конфликт за обладание островами Спратли. На них, кроме Китая, претендуют Вьетнам, Филиппины, Малайзия, Тайвань.

С точки зрения норм международного права, Китай, претендующий на акваторию площадью более 3 млн кв. км, не имеет никаких прав на острова Спратли¹⁵. Однако китайские представители считают, что Китай открыл острова Спратли более 2100 лет назад, во времена династии Хань, и непрерывно осуществлял управление островами с начала XV века¹⁶. Официально Пекин придерживается концепции Дэн Сяопина по поводу Южно-Китайского моря: «суверенитет сохраняется за Китаем, споры прекращаются, освоение ведется совместно»¹⁷.

В Тихом океане за пределами территориальных вод КНР других пунктов базирования ВМС НОАК нет, но имеются два вспомогательных объекта — спутниковая метеостанция на о. Каракира (Соломоновы о-ва) и пост аппаратуры контроля надводной обстановки (включая РТР) на о. Туамоту (Французская Полинезия). Последнее интересно тем, что разведывательный объект ВС КНР, фактически, расположен на территории страны — члена НАТО. Кроме того, ВМС НОАК могут использовать для дозаправки Порт-Морсби (Папуа-Новая Гвинея).

Что касается «Нити жемчуга», то после спорных островов Южно-Китайского моря ее пункты размещаются в Индийском океане — в Юго-Восточной и Южной Азии, на Ближнем Востоке и в Африке (включая островные государства).

ВМС НОАК могут дозаправлять свои корабли в портах Камбоджи и Таиланда, однако в этом редко возникает необходимость из-за наличия собственных ВМБ в Южно-Китайском море.

В Мьянме расположены три таких пункта МТО, все они относятся к первой категории (только собственно МТО). Порт Чаупхью является нефтяным хабом, из него построен нефтепровод до южных провинций КНР, планируется также строительство железной дороги до провинции Юньнань. Корабли ВМС НОАК обеспечиваются здесь продовольствием, водой и ГСМ. Для дозаправки китайских кораблей также используются порты Янгон и Ситтуэ. Кроме того, на о-вах Коко находится крупный электронный центр ВМС НОАК. Он является навигационной станцией для ПЛ, используется для радиолокационного наблюдения за надводной обстановкой, обеспечения связи, ведения разведки и РЭБ.

Для дозаправки кораблей ВМС НОАК используется порт Хамбантота на Шри-Ланке. Впрочем, в последнее время отношения Китая со Шри-Ланкой несколько ухудшились из-за сближения этой страны с Индией.

Более крупным объектом, относящимся ко второй категории ПМТО (универсальный), является порт Читтангонг в Бангладеш, обеспечивающий базирование и снабжение кораблей и судов ВМС НОАК.

Главным стратегическим союзником КНР в Южной Азии является Пакистан. Порт Гвадар относится к третьей категории, т.е. является многофункциональным. Он обеспечивает базирование одновременно 4 ПЛ и 8 надводных кораблей любого класса. В 120 км к востоку от Гвадара находится ВМБ Пасни, относящаяся ко второй категории. Там могут базироваться корабли не крупнее фрегата. Гвадар и Пасни соединены скоростной автомагистралью, а из Гвадара построены наземные коммуникации до китайского СУАР.

На Ближнем Востоке в «Нить жемчуга» включены порты Салала (Оман) и Аден (Йемен). Салала — ПМТО первой категории, обеспечивает заправку китайских кораблей. Аден относится к ПМТО второй категории, является крупной ВМБ (ранее использовался в этом качестве Великобританией, а затем СССР). Имеет 16 причалов, обеспечивает базирование кораблей до эсминца включительно. Впрочем, в связи с нынешней ситуацией в Йемене, не ясно, до какой степени Аден может использоваться сейчас в качестве ВМБ.

Как минимум шесть пунктов «Нити жемчуга» расположены в Африке.

В Мозамбике находится ПМТО первой категории Накале. Здесь осуществляется дозаправка кораблей ВМС НОАК. Для тех же целей служат ПМТО той же категории Виктория (Сейшельские о-ва) и Анцеранане (Мадагаскар, бывшая французская ВМБ Диего-Суарес). Последний из этих ПМТО сейчас в значительной степени разрушен и используется китайским флотом лишь в исключительных случаях.

ПМТО второй категории является порт Момбаса в Кении. Он обладает хорошо развитой инфраструктурой, большим количеством причалов, складов, нефтехранилищ, подъездных коммуникаций. Имеются судоремонтные предприятия, рядом с Момбасой расположен крупный аэродром.

К той же категории относится порт Дар-эс-Салам в Танзании. Имеет примерно такую же инфраструктуру, как в Момбасе, также включая близлежащий аэродром.

ПМТО третьей категорией является порт Джибути, столица одноименного государства. Здесь могут базироваться корабли вплоть до крейсера, имеются многочисленные причалы, склады, нефтехранилища, судоремонтные мощности, аэродром. Именно объект в Джибути на данный момент является единственной полноценной китайской военной базой за пределами КНР (если не считать объекты на спорных островах Южно-Китайского моря).

Существуют предположения, пока прямо не подтвержденные, что второй полноценной китайской ВМБ за пределами КНР станет Уолфиш-Бэй в Намибии — это уже в Южной Атлантике, куда «Нить жемчуга» протянется на следующем этапе. Затем она может двинуться на север, включив Луанду в Анголе и Лагос в Нигерии, что сделает Китай атлантической державой. Это продвижение будет опираться на строительство Китаем наземных коммуникаций через всю Африку в широтном (до Нигерии и Сенегала) и меридиональном (до ЮАР) направлениях, причем началом всех этих коммуникаций будет Джибути. С этой страной у Китая подписан договор о зоне свободной торговли с правом работы в ней китайских банков и, как было сказано выше, о строительстве большой ВМБ для кораблей всех классов.

Строительство и использование баз и портов в других странах усиливает политическое и экономическое влияние Пекина на эти страны, а также укрепляет военно-техническое сотрудничество с ними. Китай заменил Россию в качестве основного поставщика вооружений в страны Африки (на КНР приходится больше импорта вооружений странами Африки, чем у США и РФ вместе взятых). Вообще, китайская экспансия в Африку длится с начала нынешнего века, ее масштабы постоянно растут¹⁸.

Таким образом, по количеству военных объектов за рубежом Китай уверенно выходит на 2-е место в мире после США, значительно превосходя по данному показателю Великобританию, Францию и Россию. Проникновение в Атлантику сделает НОАК полноценной глобальной силой, сопоставимой с ВС США.

Феномен роста китайской военной мощи в XXI веке, пожалуй, не имеет прецедентов в современной истории. Всего за 10–15 лет НОАК из «свалки металлолома» превратилась в одну из наиболее современных армий мира. В целом, НОАК уже давно сверхизбыточна для обороны собственной страны, при этом ее возможности продолжают быстро увеличиваться. Это касается как СЯС, так и всех компонентов обычных сил. Нынешняя реформа должна придать НОАК новое качество, закрепляя ее место в тройке сильнейшим армий мира.

1. Китайская Народная Республика в 2006 г.: политика, экономика, культура: Ежегодник. М.: ИДВ РАН, 2007. С. 232–243.

2. *Стефанши В.* Стратегия строительства ядерных сил Китая // Проблемы Дальнего Востока. 1993. № 2. С. 29–36; Национальная оборона Китая в 2000 году: Белая книга / Управление информации ГС КНР. М., 2001. (Экспресс-информация / ИДВ РАН. № 1).
3. *Стефанши В.* Военно-экономические проблемы Китая // Проблемы Дальнего Востока. 1993. № 4. С. 34–40; Коммерческая деятельность НОАК: меры по сдерживанию и контролю // Актуальные вопросы социально-политической жизни КНР. М., 1999. (Экспресс-информация / ИДВ РАН. № 11). С. 89–91; Последствия запрещения коммерческой деятельности в армии и полиции // Актуальные вопросы социально-политической жизни КНР. М., 1999. (Экспресс-информация / ИДВ РАН. № 11). С. 91–96.
4. *Шлындов А.* Сотрудничество России и Китая в научно-технической, технологической и производственной сферах // Проблемы Дальнего Востока. 2008. № 5. С. 14–31; № 6. С. 17–41.
5. *Барabanов М., Кашин В., Маклюк К.* Оборонная промышленность и торговля вооружениями КНР / Центр анализа стратегий и технологий; Российский институт стратегических исследований. М., 2013. 272 с.; *Плотников А.* Структурно-экономические аспекты реформы военно-промышленного комплекса Китая // Проблемы Дальнего Востока. 2005. № 5. С. 104–119; *Ивановский А.* Авиационная промышленность Китая // Зарубежное военное обозрение. 2009. № 6. С. 41–52; *Певцов Д.* Современное состояние судостроительной промышленности Китая // Зарубежное военное обозрение. 2011. № 6. С. 70–77; *Иванов А.* Реформирование авиационной промышленности Китая // Зарубежное военное обозрение. 2011. № 7. С. 39–45.
6. *Айтсакеева Т.* КНР: концепции информационных операций // Зарубежное военное обозрение. 2008. № 6. С. 30–31; *Кондратьев А.* Некоторые особенности реализации концепции «Сетевая война» в вооруженных силах КНР // Зарубежное военное обозрение. 2010. № 3. С. 11–17; *Авраменко А., Старуцкий А.* Психологические операции Народно-освободительной армии Китая // Зарубежное военное обозрение. 2005. № 4. С. 14–19.
7. ВС Китая. Ракетные войска НОАК. URL: https://pochta-polevaya.ru/militaryanalytics/database_bc/35344.html.
8. URL: http://www.armystar.com/wqzb/201611/46220_4.html.
9. ВС Китая. Сухопутные войска НОАК. URL: https://pochta-polevaya.ru/militaryanalytics/database_bc/35345.html.
10. ВС Китая. ВВС НОАК. URL: https://pochta-polevaya.ru/militaryanalytics/database_bc/35343.html.
11. ВС Китая. ВМС НОАК. URL: https://pochta-polevaya.ru/militaryanalytics/database_bc/36009.html.
12. *Шлындов А.В.* Военно-техническое сотрудничество между Россией и Китаем. Современное состояние, проблемы, перспективы // Проблемы Дальнего Востока. 2004. № 6. С. 29–46.
13. *Гачов В., Малинина А.* Обеспечение деятельности ВМС НОАК в рамках концепции «Нить жемчуга» // Зарубежное военное обозрение. 2017. № 1. С. 71–79.
14. *Шлындов А.* Военно-морские силы Китая на пути модернизации и развития // Проблемы Дальнего Востока. 2011. № 3. С. 42–64.
15. *Степанов Е.* Китай на морских рубежах // Информационный бюллетень / ИДВ РАН. № 4. М., 1994; *Лексютина Я.* Обострение напряженности в Южно-Китайском море: взгляд из ЮВА. КНР и США // Проблемы Дальнего Востока. 2011. № 5. С. 30–41; *Степанов Е.* Острова Спратли: проблемы и право // Проблемы Дальнего Востока. 1997. № 6. С. 42–52; *Степанов Е.* Южно-Китайское море: острова на материковой отмели // Проблемы Дальнего Востока. 2006. № 2. С. 55–70.
16. *Цзи Госин.* Китай и безопасность Южно-Китайского моря // Китайские политологи о геополитической борьбе в современном мире. М., 1998. (Экспресс-информация / ИДВ РАН, № 12). С. 65–77.
17. *Чжай Кунь.* 1991–2020: подъем Китая и развитие отношений между Китаем и АСЕАН — исторический обзор и стратегия на будущее // Проблемы Дальнего Востока. 2005. № 5. С. 32–43.
18. *Нагиев А.* Влияние фактора энергетической безопасности на формирование и перспективу сотрудничества КНР со странами Африки // Проблемы Дальнего Востока. 2009. № 4. С. 15–21; «Голубая книга» о международном положении и внешней политике Китая // Китайские политологические оценки некоторых теоретических и практических аспектов современной ситуации в мире и межгосударственных отношений. М., 2011. (Экспресс-информация / ИДВ РАН. № 1). С. 110–116; *Чжао Цзиньфу.* Роль Африки в подъеме Китая // Китайские политологические оценки некоторых теоретических и практических аспектов современной ситуации в мире и межгосударственных отношений. М., 2011. (Экспресс-информация / ИДВ РАН. № 1). С. 117–124.

«Гоминданский» хлеб. К истории китайцев в Москве второй половины 1920-х годов

© 2018

Е.Г. Калкаев

Статья посвящена китайскому пекарному кооперативному товариществу в Москве 1920-х годов. В советской столице периода нэпа сотни граждан Китая были вовлечены в хлебопекарный промысел. На основе архивных данных в статье рассказывается об их деятельности, быте и взаимоотношениях с властью.

Ключевые слова: китайская кооперация, китайские пекарни, нэп, Москва.

Когда речь заходит о китайском населении Москвы 20-х годов XX века, прежде всего вспоминаются учебные заведения, готовившие кадры для революции в Китае, и китайские прачечные. С китайскими студентами современники сталкивались не так часто, но об их существовании иногда напоминали печатные издания. В настоящее время описание их повседневной жизни, учебы и политической активности можно найти как в многочисленных мемуарах, так и в исторических исследованиях¹. Китайские прачечные (как коллективные, так и принадлежавшие кустарям-одиночкам) были важной и заметной составляющей городской инфраструктуры. Большое количество информации о них содержится в воспоминаниях, художественном нарративе и москвоведческой литературе².

На этом фоне практически незаметной осталась работа китайцев в пекарнях и других предприятиях бытового обслуживания. Как правило, исследователи лишь изредка и вскользь упоминают о них³. Конечно, количество китайских пекарен по отношению к общему масштабу московского хлебопечения было не так велико. Тем не менее, в этот промысел были вовлечены сотни человек, составлявшие, по некоторым оценкам, около 7,5% от общего числа китайцев, проживавших в городе⁴. Таким образом, в контексте изучения истории китайской диаспоры в Москве эта тема представляет определенный интерес. В данной статье мы рассмотрим ее на примере китайского промыслово-кооперативного товарищества «Гоминданский пекарь»⁵.

Появление во время Первой мировой войны в России большого количества китайских рабочих было связано с компенсацией нехватки трудовых ресурсов. В условиях, когда значительная часть населения страны оказалась на фронте, правительство было вынуждено санкционировать вербовку китайских кули. Их труд получил широкое приме-

нение в строительстве, особенно железнодорожном, в добыче полезных ископаемых, на фабриках и т.д. В результате революций 1917 года, выхода России из войны и экономического коллапса большинство этих рабочих лишились источников средств к существованию. Усилиями разных сторон их начали эвакуировать на родину, однако в условиях раздробленности страны и нарушения транспортного сообщения полностью решить эту проблему было невозможно. По китайским данным, в 1921 г. на территории европейской части России оставались примерно 90 тыс. китайцев, не имеющих постоянной работы⁶. Часть из них пошла на службу в Красную Армию, часть перебивалась временными подработками. После окончания гражданской войны, в период разрухи и безработицы труд в пекарнях Москвы стал одним из основных занятий (после прачечного, трикотажного и кожевенного промыслов⁷) осевшего в городе китайского населения.

В российской индустрии питания китайцы начали работать еще задолго до этого. Во второй половине XIX века на Дальнем Востоке они трудились в качестве поваров, а в китайских ресторанах зачастую объявляли, что «здесь готовят любую пищу»⁸.

Кроме того, в первое десятилетие XX века на Дальнем Востоке уже существовали китайские пекарни. В докладе уполномоченного Министерства иностранных дел В.В. Граве сообщалось о том, что в 1910 г. китайцам, корейцам и японцам в Амурской области принадлежало 5, а в Приморской области — 59 пекарен (в 1909 г. — 0 и 36 соответственно)⁹. Учитывая, что автор доклада, с одной стороны, оценивает общее количество корейских предприятий как «очень ничтожное»¹⁰, а с другой — приводит данные, согласно которым японских булочников к 1 января 1910 г. было только 7 дворов¹¹, можно сделать вывод, что подавляющее большинство этих пекарен принадлежало именно китайцам¹².

Другим свидетельством знакомства китайцев с российскими традициями хлебопечения являются анкетные данные работников рассматриваемой нами московской пекарни за 1928–1929 гг. 37 китайцев из 145 (т.е. четверть) имели опыт работы в пекарнях до 1921 г. Из них более десяти человек работали в этой сфере еще до 1914 г. Большинство приобрели опыт во Владивостоке, Омске, Чите, Харбине и других местах Дальнего Востока и Сибири. Правда, девять человек из этих тридцати семи начинали как чернорабочие, то есть напрямую не соприкасались с производством, однако часть из них со временем перешла в подручные и мастера¹³. Таким образом, можно отметить, что необходимый для работы в этой области организационный и производственный опыт представители китайской диаспоры имели еще до Октябрьской революции.

Если судить по имеющимся отрывочным данным, то в первой половине 1920-х годов часть китайских пекарен находилась в частной собственности, а часть уже была кооперативными. Например, в 1924 г. частными были пекарни *Гун-Шин-Жена*¹⁴ (Лаврушинский переулоч, д. 4), *Лангчунана* (он же *Лан-цун-нан*) на Большой Молчановке, д. 1, пекарня *Синзена* в Марьиной роще. К кооперативным относились: артель китайцев «Македония» (чья булочная находилась на Большой Полянке), пекарни на Малой Переяславской улице и Новинском бульваре¹⁵.

К концу 1926 г. количество частных пекарен, по-видимому, сокращается. Так, в справочнике «Вся Москва» на 1927 год зафиксирована только одна китайская частная хлебопекарня — в Лаврушинском переулке (правда, штат за два года вырос с 4 до 30 человек)¹⁶. Это не означает отсутствия других частных пекарен — информация справочника по разным причинам далеко не полная, однако можно отметить определенную тенденцию. Эту тенденцию подтверждает и тот факт, что на месте упомянутой пекарни в Лаврушинском переулке уже в том же 1927 году возник кооператив «Китайский пекарь»¹⁷.

Некоторое представление о масштабах китайского хлебопечения могут дать следующие цифры. К 1929 г. количество только известных нам московских адресов пекарен составляло 22¹⁸. Всего же за период 1924–1929 гг. можно говорить как минимум о 39 адресах, по которым находились китайские пекарни и/или булочные магазины (сюда

не включены палатки на рынках Москвы: Сухаревском, Устьинском, Марьинском, Преображенском, на Каланчевской площади и в других местах). В различных справочниках и документах фигурируют более двух с половиной десятков названий, которые использовали китайские хлебопекарные предприятия и булочные в это время. Среди названий преобладавали прямо указывающие на принадлежность к китайской диаспоре («Китайский рабочий», «Красный Китаец», «Москитпром», «Маньчжурский пекарь» «Харбинский пекарь», «Чифусский пекарь», «Шанхайский пекарь» и др.); некоторые именовались по месту своей локализации (например, «Маленковский пекарь», размещавшийся на Маленковской улице. «Новинский пекарь» на Новинском бульваре или «Угрешский пекарь» на Большой Угрешской улице); некоторые носили нейтральные, ассоциирующиеся с их производством названия (артель «Пекарь», «Хлебартель»); встречались и такие названия, как «Чилийский пекарь» или «Македония».

Однако важно еще раз подчеркнуть, что вышеприведенные цифры относятся только к известным нам адресам и названиям пекарен. Фактически их количество было больше. Если экстраполировать данные за 1928 г. о количестве работников одиннадцати отделений бывшего «Гоминданского пекаря», в котором трудились порядка 110 человек¹⁹, можно предположить, что в известных нам в это время 22 пекарнях работало около 200–250 китайцев. Тем не менее в конце 1928 г. только в пекарнях, входивших в Москопищепромсоюз (Московский губернский союз промысловых кооперативов пищевкусовой промышленности), трудились 328 китайцев²⁰. По другим же данным, в 1928 г. в столичном пекарном производстве всего было занято примерно 600 членов китайской диаспоры²¹. Таким образом, получается, что в это время число китайских предприятий превышало три десятка и, возможно, доходило до 50–60.

«Гоминданский пекарь» возник на базе упомянутой выше частной пекарни *Синзенья*. Располагалась она по адресу 1-я Ямская, 20 в квартире № 2. Ее владелец проживал в нескольких километрах от своего предприятия, по адресу Последний переулок, 24, кв. 3., между Трубной улицей и Сретенкой — в популярном тогда среди китайцев районе. В пекарне насчитывалось шесть работников. Производимый товар реализовывался оптом и в розницу²². Причем магазин при пекарне появился позднее, сначала торговля была только в развоз.

К концу 1925 г. пекарня на 1-й Ямской стала промыслово-кооперативным товариществом «Гоминданский пекарь»²³. В том же году товарищество присоединилось к объединению булочных кооперативов «Хлебоартельсоюзу» (позже ставшему Москопищепромсоюзом)²⁴.

В это время товарищество состояло из 7–9 человек. Кооператив не приносил большой прибыли: так, валовая прибыль за 1924–1925 отчетный год составила 581 руб. 55 коп. А учитывая вынужденный расход на ремонт печи, чистая прибыль равнялась 181 руб. 55 коп. Тем не менее члены товарищества получали оклад в 70 руб. и бесплатные обеды — специальные суммы выделялись на общий стол²⁵. Для сравнения отметим, что в 1926 г. ставка педагогического персонала 17 и 16 разрядов в Университете трудящихся Китая имени Сунь Ятсена составляла 80 руб., а технического персонала, обслуживающего общежития студентов (дворники, истопники, швейцар, уборщица, сторож) — 45 руб.²⁶

Основной трудностью, с которой сталкивался «Гоминданский пекарь», как и большинство других кооперативных пекарен того времени, была нехватка муки. Определенное количество сырья, прежде всего муки, распределялось по нормированным ценам в кооперативных и государственных центрах (в Москопищепромсоюзе, Хлебопродукте). Но и без того скудные нормы регулярно не обеспечивались или урезались. Так, в июле 1925 г. товарищество обращалось в пищепромсоюз с просьбой увеличения нормы выдачи муки. Однако уже в августе члены пекарни жаловались, что «норма общая сокращена для всех артелей на 1/3, а нашей артели ее сократили с 50 пудов до 16, то есть на 2/3»²⁷.

Эта проблема сохранялась и в дальнейшем: «Гоминданский пекарь» недополучал муку и в 1926, и в 1927 г. В мае 1927 г. при норме артели в 1760 пудов в пищевом союзе было получено 650 пудов, а в Хлебопродукте — 700 пудов. То есть, недополучено оказалось свыше 400 пудов (более 6,5 т) муки²⁸. Так продолжалось и все лето — кооператоры жаловались, что муку становится получать все сложнее, а в ответ слышали либо объяснения о нехватке, либо обещания, которые редко выполнялись.

Сбыт продукции первоначально в основном был оптовым и осуществлялся в развоз. То есть пекарня прежде всего ориентировалась на работу с частными торговцами. Вопрос об открытии магазина был поставлен 2 января 1926 г., и уже к концу января собрание поддержало решение открыть магазин. Сделано это было для сохранения нагрузки производства и уровня выпечки в обстоятельствах сокращения сбыта «по местам»²⁹. Но основная выручка все же поступала от оптовых продаж. Для сравнения, в июне 1926 г. продажи по магазину составили 1328 руб. 23 коп (из них ситного нормированного было продано 2184 кг на 480,57 руб.; ситного простого — 1500,2 кг на 450,06 руб.; виито и сак — 1120 кг на 397,60 руб.) В развоз же было продано на 10490,10 руб. (простого ситного — более 30,5 тонн, а виито и сак — 6381 кг)³⁰.

В 1927 г. на пике очередного кризиса с сырьем Москопищепромсоюз выступил с предложением укрупнения «Гоминданского пекаря» путем присоединения к нему нескольких других китайских пекарен. Представители союза настаивали на объединении, убеждая китайцев в том, что это делается «в целях сокращения накладных расходов и ненужной траты времени членами правления мелких артелей», упрощения отчетности и экономии на содержании бухгалтерии³¹.

8 октября 1927 г. собрались представители объединяющихся промыслово-кооперативных товариществ: «Гоминданского пекаря», «Фунтхенского пекаря», «Харбинского пекаря», «Москитпрома», «Угрешского пекаря», «Новгородского пекаря» и «Маньчжурского пекаря»³². Было выбрано правление и ревизионная комиссия. Пять глав бывших артелей стали членами правления: Ян Дэшань («Фунтхенский пекарь»), Чжан Цзыван («Москитпром»), Чжан Суючжи («Угрешский пекарь»), Лян Чандэ («Маньчжурский пекарь»); двое — кандидатами в члены (Ли Ваншунь из «Гоминданского пекаря» и Сян Лин из «Новгородского пекаря»). Председателем единогласно был избран Чжан Суючжи³³. После этого члены правления обсудили отдельные организационные и технические вопросы³⁴.

Довольно скоро к разросшемуся «Гоминданскому пекарю» присоединился «Китайский пекарь», а уже через год, осенью 1928 г. число членов товарищества превысило 110 человек в 11 отделениях, расположенных в разных районах города³⁵ — от Марьиной роши и Трубной, до Большой Угрешской (в наст. время Стройковская) и Рабочей улиц; от Шаболовки до улицы Девятой роты.

Основой стратегии развития укрупненного товарищества должно было стать расширение торговой сети и увеличение розничного сбыта. 20 октября было решено срочно приобрести торговые патенты для новых точек продаж и начинать реализовывать в них по возможности максимальное количество продукции³⁶.

В контексте того времени эта, казалось бы, чисто экономическая задача (увеличение собственных точек продаж), включала в себя и важный политический аспект — борьбу с частником. Ее реализация была направлена на сокращение оптовых поставок хлеба частным торговцам, что в свою очередь должно было ограничить им возможность повышать цены.

И если на первых порах инструкторы Москопищепромсоюза пытались говорить об экономической выгоде, которую получало товарищество от такой борьбы, то вскоре эта борьба стала самоцелью. Союз пересылал директивы вышестоящих органов, сначала требующие максимально ограничивать торговые отношения с частниками, а позже — прямо запрещающие³⁷. В результате уже с октября 1927 по январь 1928 г. оптовая прода-

жа частным лицам сократилась с 77,4% до 4,9% (переключившись в основном на государственные и кооперативные предприятия), а розничная продажа за этот период увеличилась с 22,6% до 49,3%³⁸.

Несомненно, объединение артелей и создание разветвленной системы сбыта могло значительно повысить эффективность деятельности китайских хлебопекарен. Но товарищество во многом продолжало зависеть от тех же проблем, с которыми сталкивалось ранее. Как и прежде, основным препятствием была нехватка сырья. А в связи с расширением масштаба предприятия увеличился и масштаб проблемы.

Из-за нехватки муки октябрь 1927 г. был убыточным. В конце ноября правление говорило о возможности пополнить запасы в кооперативных центрах и изыскивало для этого дополнительные средства³⁹, но уже в январе 1928 г. нормы были снижены. Если в декабре 1927 г. было получено от Москопищепромсоюза муки по первой (самой льготной) категории из расчета 1474 кг на члена товарищества, то в январе 1928 г. — только 1146 кг; а феврале дали всего 655 кг, да и то по второй, более дорогой категории⁴⁰. Кроме того, пекарням были установлены нормы выпечки дешевого черного хлеба — не меньше 50%, у «Гоминданского пекаря» в феврале она достигла 70%⁴¹.

В ситуации, когда цена на муку повышалась, а продажная цена хлеба сохранялась, убыточным становился не только простой ржаной (кислый) хлеб, но и полубелый (изготавливаемый из ржаной и пшеничной муки) украинский. Например, в сентябре 1928 г. при фиксированной цене украинского 14 копеек за килограмм, его производственная себестоимость в разных отделениях была от 9 до 15,63 коп. С кислым дело обстояло хуже: продажная цена была 8 копеек, а себестоимость в пекарнях от 8 до 14,22 коп.⁴²

Неудивительно, что работа пекарен в этих условиях часто была нестабильной. Некоторые отделения регулярно приносили убыток. Самое плохое положение было в третьем и втором отделениях, за первое полугодие 1928 г. убытки в них превысили соответственно 3100 и 870 рублей⁴³. Впрочем, правление еще с начала года обращало внимание на плохую организацию деятельности третьего отделения как с технологической стороны (отмечался крайне низкий припек), так и с торговой — давались большие скидки при продаже продукции⁴⁴. Кроме того, в единственной печи этого размещавшегося в тесном подвальном помещении отделения невозможно было одновременно выпекать белый и черный хлеб⁴⁵. Третье отделение пришлось закрыть, а членам второго пригрозили ликвидацией. Правление поручило председателю Чжан Сюйчжи специально встретиться с его коллективом, «обратиться к ним с призывом, каждому смотреть, дабы улучшалась работа отделения и предупредить их о последствиях»⁴⁶. Убеждения оказались действенными, деятельность отделения пошла в гору и стала рентабельной⁴⁷.

В обстоятельствах ограниченных ресурсов и низких цен серьезные последствия могли повлечь действия конкурентов. Так, в мае 1928 г. выяснилось, что проблемы, с которыми ранее столкнулись 1-е и 2-е отделения, были связаны не столько с неудовлетворительной работой пекарен, сколько со странной деятельностью их соседей — товарищества «Красное знамя Турции». Последнее регулярно продавало свои изделия по цене на 30% ниже прейскуранта, привлекая к себе покупателей и заставляя китайские пекарни снижать цены. Что касается «Гоминданского пекаря», можно сказать, что укрупнение фактически не дало китайским кооператорам никакой выгоды. Собственно, наиболее ярко этот результат отразился в финансовых показателях. Если чистая прибыль товарищества за 1925–1926 год составила 442 руб. 75 коп.⁴⁸, а в 1926–1927 году — 5105 руб. 38 коп.⁴⁹ (фактически, это было суммированием прибыли нескольких независимых артелей до объединения), то чистая прибыль всего укрупненного товарищества за 1927–1928 год составила только 510 рублей⁵⁰. Таким образом, прибыль всего объединенного «Гоминданского пекаря» стала вполне соотносимой с прибылью этой артели до укрупнения.

С середины 1928 г. при активной поддержке Москопищепромсоюза в товарищество начал внедряться коммунистический актив. Постепенно преодолевая сопротивление правления и рядовых членов «Гоминданского пекаря», на руководящие должности выбирались члены коммунистической партии — назначенцы союза.

Сначала, в июле 1928 г., на должность помощника председателя был выбран Д.И. Якухин⁵¹. В январе 1929 г. Оргсовет Союза смог сделать китайского члена ВКП(б) Тан Сана помощником заведующего 7-м отделением «Гоминданского пекаря». Учитывая тот факт, что вскоре правление было вынуждено заняться урегулированием конфликта, возникшего между новым назначенцем и коллективом отделения, это назначение вряд ли сыграло положительную роль⁵².

Через несколько дней, 30 января, членом товарищества стал сербский коммунист А.И. Павкович, профессиональный булочник. Правление пыталось зачислить Павковича на должность подмастерья, однако после дебатов он был принят на должность мастера⁵³. Не прошло и двух недель, как при поддержке присутствовавшего на заседании инструктора Союза Тихомирова был поставлен вопрос о введении Павковича в состав правления⁵⁴.

5 февраля Д.И. Якухин объявил о том, что решением Оргсовета его переводят в правление кооперативного товарищества «Муравейник»⁵⁵, и на смену ему пришел поляк Д.Я. Романюк⁵⁶.

В марте 1929 г., в связи с началом введения карточной системы продажи хлеба, было озвучено требование о передачи торговых единиц Москопищепромсоюза в Московский союз потребительских обществ. А из-за отказа МСПО принимать готовый хлеб работа пекарен товарищества была приостановлена⁵⁷. Москопищепромсоюз (МППС) пытался доказать, что его система могла бы легко перестроиться, чтобы «выполнить задачи, свойственные организации выпекающей хлеб и снабжающей население хлебом на основах отчетности вводимых карточной системой»⁵⁸. Но несмотря на попытки Союза сохранить контроль над своей сетью, требование коллегий Народных комиссариатов Рабоче-крестьянской инспекции СССР и РСФСР⁵⁹ пересмотрено не было.

В этих обстоятельствах продолжать работу было бессмысленно, и общее собрание 4 апреля 1929 г. приняло решение о ликвидации товарищества⁶⁰.

Так заканчивалась история китайского хлебопечения в Москве. Заметим, что «Гоминданский пекарь» к этому времени носил уже другое название. Впервые речь о переименовании зашла в апреле 1928 г. Сначала было предложено назвать артель именем советского вице-консула А.И. Хассиса, убитого в декабре 1927 г. во время подавления Кантонского восстания⁶¹. Однако только на общем собрании, состоявшемся 28 августа 1928 г. «Гоминданский пекарь» стал «Китайским пролетарнем»⁶².

Несмотря на непродолжительность истории китайских пекарен в Москве, их деятельность занимала важное место в жизни диаспоры. Этот промысел был третьим по популярности (после прачечного и трикотажного) среди китайцев северных провинций (большинство китайцев-южан занимались кожевенным производством)⁶³. Работа десятков хлебопекарных предприятий позволяла не одной сотне граждан Китая зарабатывать себе на жизнь.

Как уже отмечалось, оклад в «Гоминданском пекаре» долгое время составлял 70 рублей и до осени 1927 г. был равным для членов товарищества⁶⁴. Позже он стал дифференцированным. В октябре 1927 г. были зафиксированы следующие ставки: 120 рублей для пекарей и членов правления (не освобожденных от своих обязанностей в производстве), 100 руб. для подмастерьев и продавцов, 70 руб. для подручных⁶⁵. В ноябре было принято решение увеличить их на 30 рублей⁶⁶, но уже в декабре было объявлено о снижении на 20%⁶⁷.

В 1928 г. по причине большой занятости была увеличена зарплата главного бухгалтера Лясковского, а позже — председателя и заместителя председателя правления.

Они стали получать по 225 рублей, у остальных же она осталась без значительных изменений⁶⁸. Хотя причиной сокращения окладов были названы убытки, которые терпело товарищество сразу после объединения, очевидно, это произошло не без давления Москопищепромсоюза. Судя по отчетам, Союз проводил специальную политику нормирования зарплаты и рабочего дня.

Еще с 1 октября 1927 г. были отменены бесплатные обеды. С этого времени члены товарищества, желающие участвовать в общем столе, должны были платить за него из своего кармана⁶⁹. Кроме этого, важно учитывать, что новые члены товарищества были должны вносить паевые взносы, в декабре 1928 г. увеличенные до 200 рублей⁷⁰ (их вносили путем ежемесячных удержаний из зарплаты). Практически в обязательном порядке приходилось подписываться и на займы индустриализации. В популярном «добровольно-принудительном» стиле требовалось «подписаться всем кто сколько желает, но не меньше месячного заработка»⁷¹ (эти суммы также постепенно вычитались из зарплаты). В этих обстоятельствах обычным явлением была сильная текучка кадров. Мобильные китайские трудящиеся легко меняли работу в поисках наилучших условий.

Условия жизни также оставляли желать лучшего. Часть членов товарищества проживали прямо в пекарнях. Так, во время ликвидации «Китайского пролетария» коллектив 10 отделения просил на ближайшее время оставить им помещение, обещав заплатить за него самостоятельно⁷². Некоторые в попытках скрасить свой досуг посещали притоны, которые часто находились поблизости и содержались другими китайцами. Например, в феврале 1925 г. сотрудниками Московского уголовного розыска был обнаружен притон по адресу 3-я Мещанская, 15, в том же доме находилась и пекарня «Харбинский пекарь»⁷³. Это лишь один из многочисленных случаев раскрытия нелегальных заведений, в которых было распространено курение опиума и азартные игры⁷⁴.

Среди членов товарищества в основном преобладали неграмотные и малограмотные. Примерно каждый седьмой был не в состоянии даже поставить свою подпись на документах: при приеме на работу они удостоверяли анкету отпечатком пальца⁷⁵, а в подписных листах на общих собраниях ставили крестик или просили расписаться товарищей. Большинство не понимало русский язык. На общем собрании в феврале 1928 г. было отмечено, что по-русски понимают только 18 членов товарищества, тогда как всего присутствовали 47 человек⁷⁶.

Несмотря на то, что культурное просвещение и работа по ликвидации безграмотности рассматривалась Советской властью как важная задача, эффективно реализовать ее среди китайцев было нелегко. После укрупнения «Гоминданского пекаря» это направление курировал Якухин, но его деятельность больше сводилась к агитационно-идеологической работе. Так, по настоянию Якухина был закрыт первый магазин «Гоминданского пекаря» в Марьиной Роще, и в его помещении открыли красный уголок. В нем разместили радио, выписали туда газеты и журналы, развесили плакаты и агитационные материалы⁷⁷. Члены товарищества регулярно посещали специальные собрания и митинги, посвященные годовщинам революции, смерти В.И. Ленина, Первому мая, участвовали в демонстрациях на Красной площади. Для этих целей было даже заказано специальное знамя кооператива на «русско-китайском языке»⁷⁸.

Регулярно на общих собраниях председатель общества «Возрождение Китая» Лян Кунь⁷⁹ читал лекции об экономической и политической ситуации в Китае. Рассказывал о борьбе в Китае с силами китайской и зарубежной буржуазии, о действиях японского империализма и т.п. Члены «Гоминданского пекаря» слали «свой горячий братский привет трудящимся Китая, ведущим геройскую борьбу со своими угнетателями» и восхваляли СССР — страну трудящихся, «в которой все национальности и все народности равноправны»⁸⁰.

Во второй половине октября 1928 г. Москопищепромсоюз решил просить нескольких китайских студентов, живущих в Москве, вести занятия. Но эта инициатива

не получила поддержки — пекари-северяне сказали, что большинство студентов — южане, и они не смогут в достаточной мере понимать друг друга. От приглашения студентов воздержались, решив сформировать группы для обучения грамоте, выделив по два человека от каждого отделения. Для поиска преподавателей планировалось обратиться в то же общество «Возрождение Китая». В планах было сформировать группы для занятий из неграмотных, а также обязать учить русский язык всех писарей⁸¹. Однако, удалось ли осуществить эти планы или нет, неизвестно.

Судя по всему, ниша хлебопечения стала популярна среди оказавшихся в Москве китайцев по нескольким причинам. Во-первых, как отмечалось выше, часть из них уже имели опыт работы в отрасли и, следовательно, были знакомы с соответствующими технологиями. Этот опыт давал возможность ориентироваться во вкусах потребителей и производить основные популярные сорта хлеба: ситный, ситный с изюмом, плетеный, халу, французские булки, украинский и другие. Во-вторых, в это время основную роль в хлебопечении играли относительно небольшие предприятия. Невысокая стоимость организации или аренды производства также добавляли привлекательности, позволяя выйти на рынок, не имея большого капитала. В-третьих, значительные масштабы этого рынка и, учитывая жесткие рамки ценовой регуляции, невысокие прибыли снижали уровень конкуренции, позволяя небольшим группам найти себе место в этой сфере.

Однако исторические обстоятельства не позволили развиваться этим начинаниям. В условиях, когда экономика страны зависела от политически обусловленных решений правящей партии, китайские пекарни разделили историю множества других кооперативов периода нэпа. И если на 1 октября 1928 г. в системе Москопищепромсоюза работало 328 китайцев, то в октябре 1929 г. их оставалось только трое⁸².

1. Среди этих работ прежде всего стоит упомянуть исследование Д.А. Спичак. См.: *Спичак Д.А. Китайский авангард Кремля. Революционеры Китая в московских школах Коминтерна (1921–1939)*. М., 2012; а также: *Yu Miin-ling. Sun Yat-sen University in Moscow, 1925–1930*. NY, 1995 и др. Большое количество мемуарной литературы бывших учащихся не переведено на русский язык, из доступных переводов можно обратить внимание на книгу: *Шэн Юэ. Университет имени Сунь Ятсена в Москве и китайская революция. Воспоминания*. М., 2009.
2. См., напр.: *Андреевский Г.В. Повседневная жизнь Москвы в сталинскую эпоху. 1920–1930-е годы*. М., 2003. С. 131–132; *Маркус Б.С. Московские картинки. 1920–1930 гг.* М., 1999. С. 25; пьеса М.А. Булгакова «Зойкина квартира» и др.
3. См., напр.: *Ларин А.Г. Китайские мигранты в России. История и современность*. М., 2009. С. 113.
4. Подсчитано по: Государственный архив Российской Федерации (далее ГАРФ). Ф. Р. 1235. Оп. 123. Д. 35 Л. 6.
5. В основном такое написание встречается в сохранившихся документах товарищества в фонде 1668 Центрального государственного архива Москвы (далее ЦГАМ).
6. См. *Ларин А.Г. Указ. соч.* С. 73.
7. ГАРФ. Ф. Р. 1235. Оп. 123. Д. 35 Л. 6.
8. *Петров А.И. История китайцев в России. 1856–1917 годы*. СПб., 2003. С. 534, 543–544, 699.
9. *Граве В.В. Китайцы, корейцы и японцы в Приамурье*. СПб., 1912. С. 352–361.
10. Там же. С. 28.
11. Там же. С. 433–437.
12. Ф.В. Соловьев в работе 1989 г. «Китайское отходничество на Дальнем Востоке России в эпоху капитализма» воспроизводит данные из таблицы Граве, не уточняя, что они относятся к представителям трех национальностей, а не только к китайцам (с. 105–106).
13. См.: ЦГАМ Ф. 1668. Оп. 1. Д. 25.
14. В связи с тем, что в 20-х годах XX века большинство китайских имен записывались в русской транскрипции весьма произвольно, в данной статье все искаженные написания будут выделены

- курсивом. Имена же, которые известно как пишутся по-китайски, написание которых в документах сходно с принятыми в настоящее время правилами или имеется возможность предположить их подлинное звучание, выделяться не будут.
15. Вся Москва: Адресная и справочная книга на 1925 год. М., 1924. Отд. III. С. 878–880, 914–917.
 16. Вся Москва: Адресная и справочная книга на 1927 год. М., 1926. Отд. III. С. 623.
 17. См.: ЦГАМ Ф. 1668. Оп. 1. Д. 22 Л. 129.
 18. По данным: Вся Москва: Адресная и справочная книга на 1929 год. М., 1928, а также документов ЦГАМ Ф. 1668. Оп. 1. Д. 22.
 19. ЦГАМ. Ф. 1668. Оп. 1. Д. 12. Л. 14, 14об.
 20. ГАРФ. Ф. А5449. Оп. 2. Д. 1287. Л. 30.
 21. ГАРФ. Ф. Р. 1235. Оп. 123. Д. 35. Л. 6.
 22. Вся Москва: Адресная и справочная книга на 1925 год. М., 1925. Отд. III. С. 917.
 23. Вся Москва: Адресная и справочная книга на 1926 год. М., 1926. С. Отд. III. 783.
 24. ЦГАМ. Ф. 1668. Оп. 1. Д. 12. Л. 16об.
 25. См., напр.: ЦГАМ. Ф. 1668. Оп. 1. Д. 6. Л. 12об.
 26. Российский государственный архив социально-политической истории. Ф. 530. Д. 1. Л. 9.
 27. ЦГАМ. Ф. 1668. Оп. 1. Д. 1. Л. 4.
 28. Там же.
 29. Там же. Д. 1. Л. 9.
 30. Там же. Д. 5. Л. 5об.
 31. Там же. Д. 12. Л. 2.
 32. Там же.
 33. Там же. Л. 3.
 34. Там же. Д. 10. Л. 1.
 35. Там же. Д. 12. Л. 14, 14об.
 36. Там же. Д. 10. Л. 2.
 37. См., напр.: Там же. Л. 53об.
 38. Там же. Л. 4об.
 39. Там же. Л. 6об.
 40. Там же. Л. 12об.
 41. Там же.
 42. Там же. Л. 40 об.
 43. Там же. Л. 30.
 44. Там же. Л. 12.
 45. Там же. Л. 19об.
 46. Там же. Л. 28об.
 47. Там же. Д. 12. Л. 12.
 48. Там же. Д. 1. Л. 15.
 49. Там же. Д. 12. Л. 4об.
 50. Там же. Д. 10. Л. 45об.
 51. Там же. Л. 33.
 52. Там же. Л. 54об.
 53. Там же. Л. 53об.
 54. Там же. Л. 56об.
 55. По-видимому, перевод Якухина в «Муравейник» имеет прямое отношение к заключительному этапу противоборства властей с этим товариществом. «Муравейник» был тесно связан с деятельностью левых эсеров, эсеров-максималистов и анархо-синдикалистов. Он возник в 1924 г. при укрупнении артели «Трудовая вольность» (организаторы «Трудовой вольности» были членами созданной в 1922 г. и закрытой судом в 1923 г. «Вольности труда»). «Муравейник» был инициатором объединения артелей, вылившегося в создание самого «Хлебартельсоюза» (позже ставшего «Москопищепромсоюзом»). Товарищество, довольно успешно осуществляющее «эксперимент по реализации левозесеровской «синдикально-кооперативной» модели хозяйствования», к 1928 г. насчитывало около 400 членов, семь пекарен, кондитерскую фабрику и 19 точек продаж. Вскоре «Москопищепромсоюз» потребовал от председателя правления С.Ф. Рыбина ввести в состав правления нескольких коммунистов, на это был дан отказ. А уже в начале 1929 г. «большая группа артельщиков во главе с Рыбиным была арестована органами

ОГПУ». Подробнее см.: *Леонтьев Я.В.* Лезовзеровская артель «Муравейник» и ее председатель С.Ф. Рыбин // *История России: политика, власть, управление: Сб. ст., посвященный 80-летнему юбилею заслуженного проф. Московского университета В.А Кувшинова.* М, 2010. С. 117–130.

56. ЦГАМ. Ф. 1668. Оп. 1. Д. 10. Л. 54.
57. Там же. Л. 61.
58. ГАРФ. Ф. А5449. Оп. 2. Д. 1287. Л. 76.
59. Там же. Л. 71.
60. ЦГАМ. Ф. 1668. Оп. 1. Д. 12. Л. 20.
61. Там же. Д. 10. Л. 21.
62. Там же. Д. 12. Л. 11.
63. ГАРФ. Ф. Р. 1235. Оп. 123. Д. 35. Л. 6.
64. См., напр.: ЦГАМ. Ф. 1668. Оп. 1. Д. 6. Л. 42об.
65. Там же. Д. 10. Л. 3об.
66. Там же. Л. 4об.
67. Там же. Л. 8об.
68. Там же. Л. 16, 31, 47, 47об.
69. ЦГАМ. Ф. 1668. Оп. 1. Д. 10. Л. 4об.
70. Там же. Д. 12. Л. 5об.
71. Там же. Д. 10. Л. 34.
72. Там же. Л. 65об.
73. Рабочая Москва. 1926. № 46.
74. ГАРФ. Ф. Р. 1235. Оп. 123. Д. 35. Л. 6.
75. ЦГАМ. Ф. 1668. Оп. 1. Д. 25.
76. Там же. Д. 12. Л. 4.
77. Там же. Д. 10. Л. 36.
78. Там же. Л. 20.
79. Лян Кунь, также известный под именем Никита Иванович Лянь-Кунь, был воспитан в Российской Духовной миссии в Пекине, в 1920-х годах был преподавателем в Московском институте востоковедения, Военной академии им. Фрунзе и т.д. См.: *Алексеев М.А., Катакиди А.И., Кочик В.Я.* Энциклопедия военной разведки. 1918–1945. М., 2012. С. 489.
80. ЦГАМ. Ф. 1668. Оп. 1. Д. 12. Л. 4об. 5.
81. Там же. Д. 10. Л. 39об. 40.
82. ГАРФ. Ф. А5449. Оп. 2. Д. 1287. Л. 30.

Концепция пейзажа чингёнсансухва Кёмджэ Чон Сона

© 2018

Е.А. Хохлова

В статье изложены представления о задачах пейзажной живописи, которым следовал художник Чон Сон (1676–1759) при создании пейзажей реального вида — чингёнсансухва. Поднимается проблема необходимости правильного понимания целей, которые ставил перед собой художник, для более точного анализа содержания его произведений.

Ключевые слова: пейзаж чингён (чингёнсансухва), Чон Сон.

Начиная с 1970-х годов пейзажи крупнейшего художника эпохи Чосон (1392–1897) Кёмджэ Чон Сона (1676–1759) являются предметом национальной гордости корейцев. Сегодня отдельные художники и искусствоведы считают, что чингёнсансухва может помочь молодым живописцам найти способ выразить особенности культурной самобытности народа. Чон Сон вдохновляет как художников, так и молодых кураторов: начиная с 2000-х годов в Республике Корея прошло более двадцати выставок современных художников, переосмысливающих пейзажи чингён. Однако, как считает Юн Санхун, сегодня не всегда точно понимаются задачи, которые ставил перед собой художник, и от этого происходит искажение содержания произведений¹.

Чон Сон работал в различных жанрах, писал концептуальные пейзажи (*кваннёмсансухва*), «изображения мудрецов» (*косаинмульхва*), «цветы и растения» (*хваджохва*), «травы и насекомые» (*чхочхонхва*). Однако в историю корейского искусства он вошел как создатель нового направления пейзажной живописи — пейзажа чингён (чингёнсансухва), который представляют выполненные в оригинальной технике изображения корейской природы. До Чон Сона, на протяжении трех столетий, художники Чосон рисовали в основном воображаемые пейзажи по китайским образцам. Чон Сон первым из художников Чосон посвятил большую часть творчества изображению корейских ландшафтов. Он сумел выйти за рамки традиции следования китайской пейзажной живописи, сформировав собственный художественный язык для изображения красот корейской природы, а также передачи энергии гор и чувств, испытываемых при созерцании природы.

Хохлова Елена Анатольевна, преподаватель Научно-образовательной секции исследований Кореи Школы Востоковедения НИУ Высшая школа экономики (Москва).
E-mail: lena.khokhlova@gmail.com.

Совершивший открытие в области пейзажной живописи Чон Сон не оставил комментарии к своим произведениям, сохранилось лишь несколько его высказываний, записанных друзьями художника. Теоретическую базу для объяснения пейзажей *чингён* Чон Сона находят в текстах знаменитых интеллектуалов, литераторов рубежа веков — братьев Ким Чханхёпа (1651–1708) и Ким Чханхыпа (1653–1722), а также их единомышленников². Южнокорейские специалисты по-разному оценивают отношения Чон Сона и братьев Ким, однако они едины во мнении, что братья ценили его картины, оказывали финансовую поддержку и помогли формировать новое направление пейзажной живописи *чингён*. Братья Ким, будучи представителями влиятельного рода Андонских Кимов, способствовали продвижению художника при дворе, формировали среду, в которой Чон Сон создавал отличные от существовавшей до него традиции пейзажной живописи произведения. Отметим, что без поддержки влиятельных современников, таких как братья Ким, Чон Сон едва ли мог разработать новое направление пейзажной живописи.

Благодаря влиянию братьев Ким художник начал рисовать корейскую природу и в первую очередь горы Кымган. Братья Ким ввели моду на путешествия по знаменитым своей красотой местам Кореи и особенно на походы в горы Кымган. Они бывали в Кымган неоднократно, невзирая на то что путешествия были дорогостоящими и небезопасными. Горы Кымган, по собственному признанию братьев, привлекали тем, что дарили духовное освобождение, служили способом забыть о повседневности, суете бурно растущих городов. Ким Чханхёп писал: «Поднявшись на вершину... я забывал горесть и муки, горы и потоки — мои хорошие друзья и выдающиеся целители»³.

Впечатления, полученные во время путешествий, братья Ким и их последователи любили описывать в стихах, которые называли *чинси* («подлинная (истинная) поэзия»). Горам Кымган посвящена значительная часть стихотворений братьев Ким, они же являются главной темой пейзажей *чингён* Чон Сона. Художник писал пейзажи во время или после путешествий в горы⁴. Исследователь Ко Ёнхи, подробно разобрав связь между стихотворениями братьев Ким и пейзажами Чон Сона, показала, что художник и поэты не только изображали одни и те же места, но и передавали при помощи слова и живописи схожие настроения и эмоции⁵.

Задачи поэзии *чинси* братья Ким изложили в дневниковых записях и письмах. Отдельно разработкой теории живописи они не занимались, однако в их текстах встречаются упоминания о задачах живописи, наряду с высокими оценками пейзажей Чон Сона. Более подробно о живописи рассуждали ученики братьев Ким. Приняв во внимание тот факт, что художник совершал путешествие в горы вместе с братьями Ким, рисовал те же места, что воспевали братья в стихах, создавая общую эмоциональную картину, представляется допустимым предпринять попытку сформулировать основные положения, которыми мог руководствоваться Чон Сон при написании своих картин.

Основополагающим понятием в теории новой поэзии братьев Ким является *чхонги*, понимаемое как главное условие создания настоящей поэзии и живописи. *Чхонги* должно присутствовать в картине или стихотворении. Ким Чханхып о произведениях Чон Сона писал: «Картины Чон Сона выполнены свободной освежающей кистью, в них присутствует *чхонги*. Его кисть великолепна... [Чон Сонна]... кисть и тушь слились в гармонии. Только познавший *чхонги* человек способен достичь этого»⁶. Чон Сон в свою очередь писал о картине известного художника: «Эта картина хорошо нарисована, но недостаточно в ней *чхонги*»⁷.

Что же такое *чхонги* (кит. *тянь цзи*, досл. «небесный механизм», «движущая сила естества»)? В.В. Малявин переводит *тянь цзи* как «небесная пружина», поясняя: «Так в даосской литературе обозначается внутренний импульс саморазвития жизни, символически завершенное бытие, сила “таковости” вещей, соотносившаяся с “Небесным”, т.е. превосходящая все формы, измерением бытия»⁸. Корейские исследователи расшифровывают *чхонги* как «тайну природы», «небесный секрет, творящий гармонию», «небес-

ный секрет и тайна гармонии», «творческий секрет всего сущего» и «гармоничная работа природы», «секрет, спрятанный в движении природы». *Чхонги* — это некая первоизданность, абсолютная гармония, вне присутствия человеческого. Очень показательно следующее объяснение: «Чхонги — это рыба, плавающая в воде. Не бросайте удочку»⁹.

Понятия *чхонги* вместе с *чин* встречаются у Чжуан-цзы в главе «Высший учитель», где сказано, что *чинин* («настоящий человек») «живет согласно действию небесному, а не человеческому; у “обыкновенных людей” в отличие от “настоящих” желания проникли глубоко, источник Небесной жизни лежит на поверхности». Настоящий человек «не вредит Пути умствованием, не подменяет небесное человеческим, он живет согласно небесному истинному знанию, следуя в своих чувствах четырем временам года, ... соотносясь со всем сущим»¹⁰.

Из дошедших до нас немногочисленных рассуждений братьев Ким и их окружения о живописи ясно, что главной задачей художника, как и поэта, признавалось воплощение *чхонги*. Писали, что в живописи должно ощущаться *чхонги*, поэтому непременно условием написания картины являлось познание *чхонги* художником и любовь к нему: «Ученый муж должен рисовать из любви к *чхонги*»¹¹. Истинное произведение искусства может быть создано только в состоянии, близком к *чхонги*, состоянии вдохновения, когда сознание художника творит свободно. Подлинной называли только ту поэзию, которая сама по себе является *чхонги*, поскольку истинно только *чхонги*: «*чин* не может не быть *чхонги*». Братья Ким считали, что *чхонги* должен служить основным ориентиром в поэтическом творчестве «только познав *чхонги*, можно написать хорошие стихи», «поэзия — это движение *чхонги*»¹². В поэзии *чинси* все «вытекает» из *чхонги*¹³, поэт должен творить подобно тому, как это делает Небо, то есть подразумевается «естественная, инстинктивная работа сознания в состоянии вдохновения»¹⁴. Ким Чханхып объяснял, что *чхонги* присутствует во всем; ощутить его можно, спокойно созерцая природу, забыв о всех накопленных знаниях, в состоянии свободном от каких-либо человеческих желаний и страстей. *Чхонги* невозможно понять, изучая книги, его можно почувствовать только наедине с природой. «Как можно понять величие и загадку (истинную сущность) гор и вод (природы), если невзирая на опасность не отправляться глубоко в горы?»¹⁵.

Поэтому братья Ким и их сторонники подчеркивали важность непосредственно-го созерцания ландшафта для воспевания его красот. Прежде чем создать произведение, автор должен был лично посетить то или иное место, прочувствовать *чхонги* и только после этого описывать увиденное. Поэтому второе условие создания «подлинного» стихотворения и пейзажа — это личный опыт, созерцание ландшафта. Убежденность в необходимости личного опыта общения с природой и внимание к непосредственно испытываемым чувствам, привели к тому, что в живописи и поэзии помимо способности автора выразить *чхонги* высоко ценилась его индивидуальная манера и способность передать эмоции, испытанные художником в момент созерцания ландшафта.

В дневниках братья Ким и их ученики описывали чувства, испытанные во время созерцания природы, ощущения восторга, которые совершали перемену в душе. Стоя у знаменитого водопада Курён «Водопад девяти драконов», Ким Чханхён писал: «Вдруг уши слышат, и глаза видят что-то странно-удивительное и величественное, и душа затрепетала и чувствует не то, что вчера. Теперь я знаю, что душа человека меняется в зависимости от обстановки»¹⁶. Он же писал, что великолепный вид Кымгансан «вырывал у него зрачки», и он не мог совладать со своими эмоциями¹⁷. А стоя у водопада Пагён, он «почувствовал головокружение, словно потерял контроль над собой, и восхвалял красоту (гор) во весь голос...»¹⁸. Ли Хангон также писал, что, находясь в горах и ощущая их энергию, человек «освежается», с ним происходит некая эмоциональная перемена. «У гор и вод есть невероятная энергия, человек, чувствуя ее, освежается, словно в его душу проникает снег и лед?»¹⁹. Ли Ыхён (1669–1745) писал, что, взобравшись на самую

высокую точку Кымган пик Пиробон, он испытал новые чувства, его думы улетели далеко, и в душе не осталось «ни единой мысли о мирском»²⁰.

Состояние эмоционального возбуждения или эмоционального прорыва называли *хын*, подчеркивая, что его можно прочувствовать только в горах, вдали от суеты города. «В шумном Сеуле много препятствий, а в лесу, где покрытая инеем листва играет разными красками, *хын* намного сильнее», — писал Ким Чханхёп.²¹ При этом чем прекрасней горы, тем сильнее *хын*. Многие, возвращаясь домой, записывали впечатления о путешествии, а в поэзии стремились достоверно запечатлеть состояние испытанного эмоционального подъема. Живопись также служила для передачи (документирования) чувств, испытанных художником от созерцания объекта²².

Можно предположить, что Чон Сон, создавая пейзажи увиденных мест, также стремился выразить пережитые эмоции. Ким Чханхып отмечал, что пейзаж не должен быть реалистичным, картина может быть красивее реального ландшафта, поскольку смысл живописи в передаче чувств восхищения и восторга, которые испытывал автор во время созерцания красивейших ландшафтов, так как это помогает выразить *чхонги*²³. Ким Чханхып писал о пейзаже Кымгансан Чон Сона: «Не важно, какой холм или беседка изображены, важно, что переданы впечатления и чувства путешественника»²⁴. То же отмечал Ан Чжунван: «Нет необходимости изображать форму, важно передать мысли»²⁵.

Стремление передать средствами живописи *чхонги*, а также эмоциональное состояние автора привело к тому, что братья Ким и их окружение настаивали на необходимости отказаться от копирования пейзажей, нарисованных мастерами прошлого. «Если копировать работы древних,... невозможно выразить *чхонги*. внешний вид воспроизведен слабо, и дух лишен чувственности,... если не копировать работы древних, то дух оживает естественным образом, и в работе сочетаются и внешний вид, и суть»²⁶. Они открыто критиковали живопись раннего и среднего Чосон, поскольку в произведениях художников присутствует только форма, и нет содержания. Для них современники — поэты и художники — превосходят всех предшественников. «Ким Чханхын говорит, что поэт, который пишет сегодня, намного превосходит даже лучшего из тех, кто писал раньше, я думаю, что это правильно и в отношении художников», писал Ли Хангон²⁷.

Помимо *чхонги* в пейзаже должен быть раскрыт *чонсин*, то есть дух увиденного ландшафта, понять который также возможно при условии непосредственного созерцания объекта изображения. Про Чон Сона современник писал: «Ощущая прилив вдохновения, Чон Сон рисовал свободно, рука его словно писала сама, он искал способ передать дух природы, а не внешнее сходство»²⁸. Воспроизведению внешнего вида ландшафта придавали важное значение, однако точное копирование объекта не являлось задачей художника. Это хорошо видно из описания Ким Чханхёпа впечатлений от водопада Пагён, излюбленного места интеллектуалов. Считалось недостаточным найти способ точно описать то, как водопад выглядит, необходимо было понять и передать его дух: «В стихах, где водопад называют рулоном шелка и длинной радугой, описан только внешний вид. средствами поэзии описать водопад очень сложно. Не знаю, кто сможет выразить дух водопада, но только тот станет Гу Кайчжи среди поэтов»²⁹.

Чон Сону, как считалось, удавалось изобразить дух и форму в равной степени. «Удивительное в картинах Чон Сона то, что запечатлен дух, но он передавал и внешнее сходство»³⁰. Дух возможно выразить воспроизведением главных особенностей объекта. Поэтому художник выделял, а на этапе раннего творчества даже подписывал знаменитые вершины и знаменитые места, такие как буддийские монастыри, водопады, скалы, имеющие необычную форму, например, форму людей, черепахи, льва и др., сочетание которых должно было помогать передать дух объекта. Точно также поступали поэты, описывая только знаменитые виды и части горной цепи Кымган. Дух объекта мог раскрываться в одной особенности, например, в случае водопадов — в мощи водного потока, и задача художника заключалась в передаче средствами живописи этой особенности. Поэтому

изображая «Водопад Девяти Драконов» или «Водопад Трех Чаш», Чон Сон не передает детально и точно внешний вид водопада, а стремится передать энергию воды, мощь падающего потока и делает это сильными мощными штрихами, которые передают и мощь воды, и степень эмоционального возбуждения автора (рис. 1–4).

*Рис. 1. Чон Сон. Водопад Пагён.
1750. Бумага, тушь. 119.5x52 см.
Частная коллекция.*

Рис. 2. Водопад Пагён.

*Рис. 3. Чон Сон. Водопад Самбуён.
1747. Шелк, тушь, краски. 31.4x24.2 см.
Музей Кансон, Сеул.*

Рис. 4. Водопад Самбуён.

Суммируя вышесказанное, выделим основные требования, которые предъявлялись в целом к пейзажам *чингён*:

- выражение в произведении *чхонги* «принципа работы небес»;
- непосредственное созерцание ландшафта для создания произведения;
- выражение эмоционального состояния автора или зрителя в момент созерцания;
- отказ от копирования произведений предшествующих поколений;
- выражение духа объекта.

Пейзажи Чон Сона, на которых запечатлены виды гор Кымган и других знаменитых ландшафтов, могли быть созданы под влиянием такого понимания задач живописи и творчества в целом. Мастер создавал альбомы с изображениями ландшафтов, которые вдохновляли и воспевали братья Ким и другие его современники. Корейские художники на протяжении многих веков, вдохновляясь произведениями китайских мастеров, создавали так называемые концептуальные пейзажи, виды воображаемые. Чон Сон рисовал то, что видел сам. При этом очевидно, что его картины — это достаточно трансформированные виды реальных ландшафтов. Чон Сон рисовал особенности, а не детально воспроизводил объект. Он также стремился отобразить общее впечатление, эмоциональное состояние. Эмоциональное содержание работ художника, являющееся яркой отличительной чертой его произведений, можно объяснить желанием передать описанное выше состояние духовного подъема — *хын*. Художник сам вдохновенно творил, находясь в состоянии эмоционального возбуждения, о чем с восхищением писал его близкий друг, поэт Ли Бёнён: «Мой друг Чон Сон порой, когда ощущал *хын*, выхватывал кисть из моих рук. Когда мы были в Кымгансан, он рисовал очень свободно»³¹. Сам Чон Сон писал, что художник должен творить свободно в унисон с небом: «Если доверить кисть движению души, пейзаж естественным образом становится *чхонги*, и нет в нем ничего похожего на работу человеческой руки, это есть живая кисть»³².

Таким образом, пейзажи *чингён* Чон Сона — это изображения видов корейской природы, созданные в состоянии эмоционального возбуждения, находясь в котором художник свободно творил в унисон с *чхонги*, и целью которых является выражение духа объекта и эмоционального состояния автора. Пейзаж *чингён* разрабатывался как новая живопись, свободная от подражания и копирования созданного ранее; важное значение отводилось личному опыту автора и его передаче художественными средствами. Создание реалистичного изображения являлось задачей художника, однако изображение не должно было точно воспроизводить исключительно внешний вид предмета, достоверность реализовывалась не копированием формы объекта, а путем выражения его духа, осуществляемого через воспроизведение особенностей объекта.

1. Юн Санхун. Чингёнсансухваз хёндэчжон чехэсокхва хэсоге кванхан ёнгу: [О современных интерпретациях и анализе *чингёнсансухва*]. Дисс. на соискание ученой степени магистра. Ун-т Хоник. Сеул, 2014.
2. О значении термина *чингёнсансухва* и вариантах его перевода на русский язык см. Хактова Е.А. Значение термина *чингёнсансухва* // Проблемы истории, филологии, культуры. 2016. № 2. С. 371–378.
3. Ко Ёнхи. Чосон хуги сасну кихэн есульт ёнгу: [Исследование искусства дневников о путешествиях в горы периода позднего Чосон.]. Сеул: Ильчжиса, 2010. С. 144.
4. Там же. С. 14.
5. Там же. С. 87.
6. Там же. С. 171, 173.
7. Там же. С. 17.
8. Малявин В.В. Чжуан-цзы. М.: Мысль, 1995. С. 412.
9. Ко Ёнхи. Чосон сидэн сансухва: [Пейзажная живопись Чосон]. Сеул: Тольпэгэ, 2007. С. 145.

10. *Матявин В.В.* Указ. соч. С. 94–95.
11. *Ко Ёнхи.* Пейзажная живопись Чосон. С. 172.
12. Там же. С. 159.
13. *Пак Ынсун.* Кымгансандо ёнгу: [Исследование картин с изображением гор Кымгансан]. Сеул: Ильчжиса, 1999. С. 85.
14. *Y. Song-mi.* Artistic Tradition and the Depiction of Reality: True-View Landscape Painting of the Choson Dynasty // Arts of Korea. New York, 2000. С. 333.
15. Там же. С. 131.
16. *Ко Ёнхи.* Исследование искусства дневников о путешествиях... С. 135.
17. Там же. С. 239.
18. Там же. С. 251.
19. Там же. С. 135.
20. Там же. С. 255.
21. Там же. С. 136.
22. Там же. С. 150.
23. Там же. С. 184.
24. Там же. С. 179.
25. Там же. С. 179.
26. *Пак Ынсун.* Исследование картин с изображением гор Кымгансан. С. 87.
27. *На Чжонмён.* Чосон сидэ есультон: [Теория искусства Чосон]. Сеул: Хангукхаксультонбо, 2009. С. 215.
28. *Ко Ёнхи.* Исследование искусства дневников о путешествиях... С. 174.
29. Там же. С. 166.
30. Там же. С. 175.
31. Там же. С. 174.
32. *Пак Ынсун.* Исследование картин с изображением гор Кымгансан. С. 171.

Проблемы сохранения культурного наследия на примере буддийских монастырей Центральной Монголии

© 2018

О.Н. Труевцева

В статье содержится общее описание состояния буддийских монастырей Архангайского аймака Монголии, обследованных летом 2017 г. совместной российско-монгольской экспедицией. Из трех десятков монастырей, располагавшихся на территории аймака, уцелели лишь отдельные сооружения, многие из которых к настоящему времени перешли в разряд археологических объектов. Приводятся выводы и рекомендации для дальнейшего изучения и использования сохранившихся объектов культурного наследия Монголии.

Ключевые слова: Монголия, культурное наследие, материальная культура, буддизм, монастырь.

Буддийские монастыри Монголии давно привлекают внимание ученых разных специальностей. Историки изучают их роль в становлении государственности, развитии общества. Этнографов интересует уклад монастырской жизни, культурно-бытовые особенности монашеского бытия и взаимодействия с остальным населением. Медики пытаются постичь секреты тибетского врачевания, главными хранителями которых до сих пор являются монастыри и их специальные школы. Философы, психологи, физики, астрологи, искусствоведы, другие специалисты находят свои предметы изучения в буддийских монастырях и храмах.

Есть свой предмет исследования и у ученых, занимающихся объектами природного, материального и нематериального культурного наследия: это вопросы их выявления, описания, изучения, охраны, восстановления, популяризации и использования.

Данная проблематика относится не только к предмету и основным аспектам изучения объекта научной дисциплины, которую некоторые ученые называют наследиеведением (Heritology). Она, по сути, отражает и основные компоненты системы практической деятельности по сохранению природного и культурного наследия. Методы этой деятельности, условия и факторы ее осуществления, конкретный опыт, накопленный в разных странах, также должны рассматриваться в качестве предмета наследиеведения.

Наследиеведческий подход был положен в основу совместного российско-монгольского проекта изучения буддийских монастырей Архангайского аймака Монголии. Проект разрабатывался группой университетских ученых из Барнаула (Россия) и Эрдэнэ-та (Монголия) и был поддержан Российским фондом фундаментальных исследований

Труевцева Ольга Николаевна, доктор исторических наук, профессор Алтайского государственного педагогического университета (г. Барнаул), вице-президент Комитета музеологии стран Азии и Тихоокеанского региона Международного совета музеев (ИКОМ). E-mail: truevtseva@yandex.ru. Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ. Проект № 17-21-03551 «Культурное наследие монастырей Центральной Монголии».

и Академией наук Монголии. В июне 2017 г. состоялась первая рекогносцировочная экспедиция в Архангайский аймак. Ее основная задача — провести в полевых условиях тестирование методики выявления, описания, фотофиксации состояния монастырских зданий с последующей корректировкой хода исследовательских работ.

Территория Архангайского аймака была выбрана не случайно. Расположенный в Центральной Монголии, на пересечении путей с востока на запад и с севера на юг, неподалеку от древней столицы халхов — города Хархорина, он на протяжении всей многовековой истории страны находился в центре происходящих событий. А множество поселений аймака, разбросанных в горах и долинах рек, вдали от больших дорог, до сих пор сохраняют культуру предков в первозданном виде.

К XIII веку, периоду создания Чингисханом своей империи, монголы уже были знакомы с буддизмом. Однако в то время монгольской знати была чужда идея религиозной исключительности и, хотя основная масса населения исповедовала смесь шаманизма и тенгрианства (поклонение Небу), в империи свободно могли отправлять свои культы приверженцы ислама, христианства (в основном несторианского толка), буддизма и других религий. Активная просветительская деятельность тибетских лам при дворе монгольских правителей Китая способствовала принятию буддизма в качестве официальной религии империи Юань, после падения которой ослабла и роль буддизма. Лишь к XVI веку борьба за власть между потомками Чингисхана подтолкнула их обратиться к набирающему влияние Тибету и, соответственно, буддизму (ламаизму), который быстро распространился по монгольской территории, став господствующей религией. В последующие два столетия было принято более 20 законодательных актов, направленных против шаманских культов и оказывающих законодательную поддержку новой религии¹. Это означало официальное признание, получившее подкрепление в строительстве монастырей, росте их экономического, политического и духовного влияния.

Первый монастырь Монголии — Эрдэнэ-зуу был построен в 1586 г. на развалинах древней столицы халхов в Хархорине (территория соседнего Увурхангайского аймака). В том же году был заложен первый храм на южном склоне священной горы Булган, который со временем вырос в один из крупнейших монастырей страны Зая гэгэний хурээ. Вокруг него возник город Цэцэрлэг — столица Архангайского аймака. К концу XIX века в монастыре постоянно проживали около тысячи, а в дни великих хуралов съезжались до четырех тысяч лам².

Монастыри Архангайя всегда находились в центре событий монгольской истории. В 1932 г. они были одним из наиболее мощных очагов антиправительственного восстания с целью восстановления теократического строя. Это во многом предопределило судьбу монастырей во время репрессий конца 1930-х годов. Большинство из них было взорвано или сожжено, а многие ламы были расстреляны или отправлены в лагеря³. Из трех десятков монастырей, располагавшихся на территории аймака, уцелели лишь отдельные сооружения, которым было найдено иное применение. Возвращение буддизмским общинам зданий началось лишь с приходом демократических преобразований в конце XX века.

Другим мотивом для выбора монастырей Архангайского аймака в качестве объекта исследования явилась недостаточная изученность проблемы сохранения их как культурного наследия. Если не считать Эрдэнэ-зуу (в 2004 г. объявлен ЮНЕСКО объектом всемирного наследия), о котором написано значительное количество книг и статей, наиболее полно воссоздана история создания и развития Зая гэгэний хурээ, другого древнейшего монастыря Монголии⁴.

Одним из его первых исследователей стал известный русский монголовед А.М. Позднеев. Во время своего второго путешествия в Монголию в 1892–1893 гг. он посетил Цэцэрлэг и зафиксировал в своих путевых записках подробное описание Зая гэгэний хурээ, биографические сведения о его основателе и хубилганах⁵.

Среди книг, изданных в Монголии, следует отметить работы С. Жунша и Т. Ядамсурэна, посвященные истории Архангайского аймака, его главной достопримечательности — монастырю и его обитателям, а также известным людям, уроженцам аймака. Книги снабжены множеством фотографий, на которых запечатлены ныне утраченные буддийские памятники⁶.

Большой интерес представляет монография венгерских исследователей Ж. Майер и К. Телеки, которые реконструировали историю монастыря Зая гэгэний хурээ, описали места поклонения, святые источники, субурганы (священные ступы), расположенные на территории Архангайского аймака. Отдельная глава посвящена воссозданию монастырских традиций в современных условиях. Особую ценность монографии придает использование широкого круга исторических источников: архивных документов, фотографий, рисунков, записанных авторами воспоминаний участников событий⁷.

Названные исследования не исчерпывают проблематику сохранения культурного наследия буддийских монастырей на территории Архангайского аймака, тем более что о большинстве из них в опубликованных источниках нет даже упоминаний. Их общая судьба — уничтожены в период политических репрессий 1930-х годов — говорит лишь о необходимости восстановления исторической памяти, реконструкции истории их возникновения и развития. А там, где это еще возможно, установление местонахождения, описание и фотофиксация фундаментов, руин, сооружений, находящихся в аварийном состоянии, определение мер по консервации, реставрации, охране, популяризации объектов, установление особых режимов их сохранения.

Разработанная участниками совместного проекта методика исследования предполагала выявление местонахождения разрушенных монастырей посредством библиографического и археографического поиска. Во время выезда на места дислокации осуществлялся визуальный осмотр памятников, результаты которого заносились в специальный документ — «Карту объекта культурного наследия». Во всех случаях осуществлялась фотофиксация состояния объектов, аэрофотосъемка с помощью квадрокоптера, видеозапись интервью информаторов из числа местных жителей, краеведов.

Карта объекта является основным документом, в который вносятся все результаты исследования. Некоторые позиции заполняются до экспедиции: наименование, местонахождение (аймак, сомон, населенный пункт или расстояние до него). Данные GPS, ориентиры, точное расположение на карте наносятся во время посещения объекта.

До экспедиции изучаются и вносятся результаты библиографических и архивных исследований, установленные даты строительства, история создания и деятельности, найденные описания объекта, рисунки, фотографии, сведения о разрушениях, реконструкциях, а также документах, касающихся права собственности, постановления на государственную охрану, современного использования.

Если изначально установлено, что объект в настоящее время не используется в силу непригодного для эксплуатации состояния, желательно до визуального осмотра по документам и старым фотографиям попытаться выяснить состав сооружений, входящих в монастырский комплекс, типы храмов, к какому религиозному направлению они относятся, их архитектурные стили, описание каждого сооружения.

При визуальном осмотре необходимо сопоставить ранее полученные описания с реальными объектами и дать оценку их состояния по внешним признакам. Оценка дается по пяти основным показателям. Оценка состояния «нормальное» говорит о том, что необходимость ремонтных работ отсутствует. «Удовлетворительное» состояние требует текущего ремонта с устранением локальных повреждений без усиления конструкций. «Неудовлетворительное» — означает необходимость усиления и восстановления несущей способности поврежденных конструкций. «Аварийное» свидетельствует, о том, что повреждения сделали конструкции непригодными к эксплуатации, об опасности их об-

рушения. «Руинированное» состояние констатирует разрушение конструкций, полное или частичное обрушение кровли и стен.

После проведенной оценки производится выявление факторов, определяющих состояние объектов. Факторы могут быть природными, техногенными и антропогенными. К природным факторам относятся, прежде всего, землетрясения, ветровая и водная эрозии, наводнения, оползни. К техногенным — нарушения геологической среды, загрязнения воздушного и водного бассейнов, нарушения почвенного и растительного покровов в результате хозяйственной деятельности. Антропогенные — это отсутствие эффективного собственника, неквалифицированные ремонтные работы, несоблюдение норм пожарной безопасности, вандализм, нерациональное использование объекта и другие, связанные с действиями или бездействием, в том числе преступной халатностью.

Необходимо подчеркнуть, что все оценки осуществляются без применения специальных приборов, лабораторных исследований, привлечения специалистов в области строительства, архитектуры, геологии, гидрологии и других. Задача наших исследований заключается в визуальном обследовании объектов и представлении оценок состояния объектов культурного наследия государственным органам, уполномоченным осуществлять охрану памятников, информировать общественность об угрозах их утраты, привлекать внимание бизнеса и власти к рациональному и бережному использованию объектов в интересах сохранения национального достояния.

Оценка состояния исторического памятника, выявление негативных техногенных и антропогенных факторов, оказывающих разрушающее влияние, безусловно, важнейшие задачи подобных исследований, обеспечивающих сохранение культурного наследия. Однако не менее важные задачи связаны с использованием памятников, включением их в современный социокультурный контекст, что предполагает распространение информации об их месте и роли в культурном наследии, музеефикацию, внесение в экскурсионные маршруты, обеспечение комфортного пребывания туристов на объекте, профессиональную подготовку экскурсоводов, охрану объектов от вандализма.

Актуальность перечисленных проблем в полной мере подтвердилась во время экспедиции в Центральную Монголию. Начать следует с проблем выявления и поиска объектов культурного наследия.

В процессе предварительного изучения опубликованных источников выяснилось некоторое расхождение в оценке количества монастырей в Архангайском аймаке, да и в целом в Монголии. Попытки подсчитать монгольские монастыри предпринимались неоднократно. И каждый раз итоговые цифры разнились. Так, Н. Хишигт, ссылаясь на архивные источники Главного разведывательного управления Монголии, говорит о наличии в конце 1920-х годов 790 крупных и средних монастырей с 2960 храмами, к которым были приписаны более 100 тысяч лам и хуваарков (учеников)⁸. Д. Майдар в своей известной книге «Три карты городов и поселений Монголии», изданной в 1970 г. на русском языке, приводит таблицу с наименованием и местоположением 750 монастырей, в которых находилось 1536 религиозных сооружений⁹.

Для целей нашего исследования расхождение экспертов в оценке количества монастырей существенного значения не имеют. Принимая во внимание, что исторический процесс, методы политического, экономического и идеологического подавления религии, административные и судебные репрессии против церкви и ее адептов в Монголии к настоящему времени достаточно глубоко исследованы учеными¹⁰, гораздо важнее оценить общее количество объектов культурного наследия, динамику и характер их разрушений (в том числе в результате вандализма).

В рамках данной статьи ограничимся лишь кратким резюме по поводу действий властей в отношении буддийских монастырей. В середине 1920-х годов в результате провала экономической и социальной политики лидеры правящей Монгольской народно-революционной партии (МНРП) по рекомендации советских и коминтерновских руководителей

решили поправить экономику за счет перераспределения собственности монастырей в пользу государства. С этой целью в течение следующего десятилетия неоднократно увеличивались налоги на монастыри, пока они не достигли размеров, не покрываемых доходами.

Одновременно осуществлялось политическое давление — лишение избирательных прав вначале руководителей церкви, а затем и всех постоянно проживающих в монастырях лам. Было введено уголовное наказание за прием в монастыри юношей моложе 18 лет. Чуть позже в силу вступило разрешение отдавать в монахи только третьего сына, достигшего 18-летнего возраста.

Под предлогом готовящейся японской агрессии в апреле 1937 г. началось переселение монастырей из приграничных районов в глубь страны, которое к концу года приняло массовый характер и касалось монастырей не только в пределах опасной зоны. Переселение послужило началом репрессий, перенявших опыт сталинского режима. В 1937–1939 гг. было репрессировано приблизительно 17 тысяч лам, из которых свыше 14 тысяч — расстреляны по решениям печально известной «тройки» (в монгольской «редакции» именовавшейся Чрезвычайной полномочной комиссией), подписывавшей смертные приговоры по фальсифицированным обвинениям политических противников в измене Родине, шпионаже в пользу Японии, всевозможных заговорах¹¹.

Поскольку основными объектами материального культурного наследия монастырей являются здания, используемые для богослужения, нас, безусловно, интересовала их судьба, особенно в Архангайском аймаке, в котором, по данным Д. Майдара, на начало 1937 г. существовало 33 хурээ и хийда, что соответствует современным представлениям о монастырях и 22 самостоятельных храма¹².

Следует отметить, что международная экспедиция 2004–2007 гг., в состав которой входили монгольские и венгерские специалисты, выявила 74 кумирни, большинство из которых находилось в руинированном состоянии¹³.

Когда и как были утрачены сооружения, многие из которых простояли 200–300 лет? К середине 1938 г. ламская комиссия при ЦК МНРП приступила к распределению монастырского недвижимого имущества между аймачными организациями. Так, в Архангае школам досталось 83 храмовых сооружения, больницам — 5, объединениям лам и ремесленников — 38, торговым организациям — 234, партийным и общественным организациям — 16. При этом около 400 зданий остались бесхозными — их некому было передавать. Некоторые сооружения находились вдали от поселений, некоторые были непригодны для использования или нуждались в капитальном ремонте, некоторые — сожжены и разрушены.

При этом лишь незначительная часть средств, конфискованных у монастырей была передана на развитие аймаков, их социальной инфраструктуры. Страна, полтора десятилетия находившаяся в условиях социальных и политических потрясений, пережившая японскую агрессию в 1939 г., отдававшая свои ресурсы в помощь борьбе Советского Союза с фашизмом в годы Второй мировой войны, не могла позволить себе заботу о сохранении архитектурных памятников. Здания храмов, значительная часть которых была построена из глины и дерева, постепенно ветшали, разрушались, растаскивались местным населением на хозяйственные нужды.

Вместе с храмами утрачивались религиозные святыни, огромное количество ценнейших книг, тханков, храмовой утвари. На вывоз наиболее ценного монастырского имущества из Архангайского аймака требовалось 150 автомобилей, которых у правительства не было. Не хватало рабочих для очистки храмов: местное население в большинстве было настроено против разрушения монастырей. Тем не менее часть книг была доставлена в столицу, где хранилась в трех храмах, спасая таким образом эти храмы от разрушения. Религиозная бронзовая утварь, бурханы (буддийские скульптурные изображения) свозились на переплавку в Улан-Батор.

За десятилетие суровый монгольский климат, бесхозяйственность властей, мародерство обнищавшего населения, помноженные на официальное идеологическое отрицание и практическую борьбу с религией, обратили бывшее величие буддийских монастырей в развалины. Этот факт неоднократно отмечали советские специалисты, работавшие в Монголии в 1940-е–1950-е годы¹⁴.

Что осталось в наследство нашим современникам в Архангайском аймаке? Это и попыталась оценить российско-монгольская экспедиция, избрав для пилотного обследования три, различающихся степенью сохранности и условиями бытования, объекта: монастырский комплекс в столице аймака Цэцэрлэге, монастырь в поселке Жаргалант сомона Батцэнгэл и руины некогда крупного монастыря Хан-Ундур в сомоне Их Тамир.

Монастырский комплекс в Цэцэрлэге обычно именуется Зая Гэгэний Хурээ (Zaya Gegeenii Khuree, the Monastery of the Khalkha Zaya Pandita). Это один из наиболее древних буддийских монастырей на территории Монголии. Основанный в конце XVI века, он снискал себе славу центра просвещения халхов. Являясь на протяжении всей своей истории резиденцией духовных лидеров монгольского буддизма, монастырь был известен своими научными достижениями.

К началу XX века монастырский комплекс, который фактически состоял из двух частей — Дээд хурээ (верхний монастырь, поскольку находился у подножья священной горы Булган) и Доод хурээ (нижний, располагавшийся в нескольких километрах в долине) — содержал, по разным источникам, до 30 храмов, 5 монашеских школ и религиозные школы на 600 человек. В монастыре постоянно проживали до 1000 монахов, а в дни религиозных праздников собиралось более 4,5 тысяч. Сегодня мы можем увидеть лишь некоторые здания верхнего монастыря, поскольку нижний сравняли с землей.

Рис. 1. Картина местного художника. Из коллекции Музея истории Архангайского аймака.

Выдающийся русский востоковед А.М. Позднеев, побывавший здесь в 1892 г., писал: «... Как при первом общем взгляде на старую и вместе главную часть монастыря, так и при более подробном ознакомлении с нею, сразу бросается в глаза стремление основателя этого монастыря Лувсанприлая пересадить на халхасскую почву Тибет... Архитектура всех главнейших кумирен его старого тибетского стиля и, построенные в два и три этажа, они во многом напоминают собою, особенно издали, постройки европейских двух-этажных зданий»¹⁵.

Картина местного художника, написанная на основе сохранившихся фотографий и описаний, дает некоторое общее представление о том, что мог увидеть А.М. Позднеев

125 лет тому назад. Сегодня от былого самобытного величия осталось только три сооружения. Во-первых, это храм Галдан зуу, на вершине горы, который в 1946 г. был полностью разобран на хозяйственные нужды, а в 1994 г. воссоздан по сохранившимся рисункам и фотографиям. Здание храма-«новодела» принадлежит местному краеведческому музею и в настоящее время не доступно для посетителей.

Рис. 2. Лавран — резиденция Зая Пандиты Лувсанприпяя

Другим сохранившимся сооружением является Лавран — резиденция Зая Пандиты Лувсанприпяя — не только религиозного деятеля, но и выдающегося монгольского просветителя, автора четырехтомной энциклопедии «Тодорхой толь» («Ясное зеркало»). После жестоких репрессий 1930-х годов здание дворца было передано вначале пожарной команде, затем его приспособили под производственные помещения, склад алкогольной продукции, пищекомбинат. И только с начала 1960-х годов в Лавране разместился краеведческий музей, что позволило сохранить замечательные памятники архитектуры.

Рис. 3. Музей истории Архангайского аймака

Дворцовый комплекс состоит из трех сооружений: центральное, с тремя куполами — Гудэн сум, построенное Лувсанприглаем в конце XVII века, и образующие внутренний дворик два здания — Баруун сэмчин дуган (Западный сэмчин) и Зуун сэмчин дуган (Восточный сэмчин). В Западном дугане проводились хуралы, а в Восточном была резиденция III гэгэна Лувсанжигмэдоржа. Оба сооружения были реконструированы и к 1910 г. обрели современный вид, лишившись третьего этажа¹⁶. Декор всех трех зданий был обновлен в 2011 г. при содействии Музея антропологии Монако.

Рис. 4. Руины храма Цогчин дугана

Слева от Лаврана расположено то, что осталось от главного монастыря — Цогчин дугана, построенного в 1706 г.

По мнению А.М. Позднеева, да и при простом сравнении старых фотографий видно, что архитектура Цогчин дугана значительно уступает некогда находившимся рядом храмам Гушиг дацану и Гунгэрэг дацану. Однако от них не осталось даже фундаментов. В 2017 г. корейские специалисты подготовили проект реконструкции Цогчина.

Рис. 5, 6. Монастырь Луу Гуни хурээ в Батүргэеде.

В целом, следует отметить, что после начала демократических преобразований в Монголии власти аймака и администрация музея уделяют внимание сохранению истории монастыря. Ей посвящен один из залов музея, хранящий многочисленные подлинные экспонаты. Когда в 1990 г. во многих монастырях страны начали вновь проводить религиозные службы, буддийской общине Архангайского аймака было передано одно из бывших богослужебных зданий, в котором размещался музей истории религии.

Более сложной оказалась судьба монастыря Луу Гуни хурээ в Батцэнгэле. Основанный в 1846 г., он состоял из 10 религиозных школ и насчитывал около 500 монахов. Сегодня сохранился единственный храм, представляющий историко-культурную и архитектурную ценность и нуждающийся в срочной реставрации, поскольку находится в аварийном состоянии. При этом с 1990 г. в приспособленном помещении на территории монастыря возобновились службы. Усилиями местной общины при активной поддержке администрации сомона подготовлен проект реконструкции храма, проводится сбор средств на ее осуществление.

Трагична судьба монастыря Хан Ундур в Их Тамире. Это один из первых монастырей Центральной Монголии. Его основание в 1679 г. связывают с религиозной школой Тогчин. К 1934 г. в состав монастыря входило около 30 храмов и проживало более тысячи монахов. В 1939 г. монастырь был разрушен. Сегодня только со 100-метровой высоты можно рассмотреть фундаменты его храмов (рис. 7).

Рис. 7. Фундаменты монастыря Хан Ундур в Их Тамире.

Итак, было исследовано три монастыря, представляющих культурное наследие Монголии. Большая часть монастырских зданий разрушена и не подлежит восстановлению. Некоторые храмы, представляющие историческую и архитектурную ценность, находятся в аварийном состоянии и нуждаются в срочной реконструкции. Отдельные сооружения находятся в удовлетворительном состоянии, но используются не по назначению.

Очевидно, что не может быть единого рецепта, который вылечит от потери исторической памяти и поможет сохранить культурное наследие. Воссоздать тысячу храмов на месте разрушенных — задача бесперспективная. Отдельные подобные попытки уже были и не увенчались успехом. Нужна государственная программа, которая, в первую очередь, должна оценить масштаб бедствия. К разработке и обсуждению программы, кроме специалистов, должна быть привлечена общественность, причем не только столичная, но и местная.

Самое важное — сохранить историческую память о поколениях, когда-то принявших буддизм, сделавших его одной из основ монгольской цивилизации. Не менее важно помнить о тех, кто пытался его искоренить, ломая судьбы людей, разрушая вековые устои, растрачивая народное достояние, сжигая храмы. Напоминание об этом времени может принимать разные формы. Однако будет естественным, если они будут соответствовать этнической культуре, традициям народа. Буддийские храмы всегда возводились в священных местах, определяемых специально создаваемыми комиссиями, в состав которых входили ученые ламы, поэтому представляется логичным на месте разрушенных храмов установить мемориальные знаки в виде субурганов или других, близких буддийской духовности и традициям форм. Важно, чтобы эти знаки содержали информацию о разрушенных храмах, религиозных подвижниках, пострадавших за веру. При этом информация должна быть доступной для всех поколений, учитывающей современные, в том числе электронные, формы подачи. Монастыри и храмы, включая разрушенные, должны быть нанесены на карты, включены в туристические маршруты. Информация о них и их истории должна отражаться в средствах массовой информации.

В процессе обсуждения наверняка появятся другие, возможно, более интересные предложения. Важно не забывать о трагических страницах истории и продолжать ее изучение.

1. Жуковская Н.Л. Ламаизм в Монголии // Буддизм: Словарь. М.: Республика, 1992. С. 165.
2. Позднеев А.М. Монголия и монголы. СПб: Типография Императорской Академии наук, 1896. С. 415.
3. См.: Кузьмин С.Л., Оюнчимэг. Вооруженное восстание в Монголии в 1932 году. М.: Изд-во МБА, 2015. С. 35–67.
4. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Культурный_ландшафт_долины_реки_Орхон.
5. Позднеев А.М. Указ. соч. С. 410–426.
6. Жунш С. Зая бандида Лувсанпэрэнлэйн Олгий Нутар. Арын Сайхан Хангай. Улаанбаатар, 2013.; Ядамсүрэн Т. Зая гэгээний нутгийн заяа сайтайтумэн минь. Улаанбаатар, 2009.
7. Majer Z, Teleki K. History of Zaya Gegenii Khuree, the Monastery of the Khalkha Zaya Pandita. Ulaanbaator, 2013.
8. Хишигт Н. Монгольские буддийские монастыри: история и современность // Память мира: историко-документальное наследие буддизма / ред. В.В. Минаев. М., 2011. С. 30.
9. Майдар Д. Три карты городов и поселений Монголии. Уланбаатор: Изд-во Академии наук МНР, 1970. С. 55.
10. Лам нар, сүм хийдийн хэлмэгдэл ба цагаатгал: [Репрессии и реабилитация лам, храмов и монастырей] / ред. Ш. Сонинбаяр, Н. Амгалан. Улаанбаатар, 2008; Скрынникова Т.Д. Ламаистская церковь и государство. Внешняя Монголия XVI — начало XX в. Новосибирск: Наука, 1988; Пурэвжав С. История ламаистской церкви в Монголии в конце XVI — начале XX в. (социально-экономическое исследование): дис.... д-ра ист. наук. М.: ИВ АН СССР, 1983; Кузьмин С.Л. Буддизм и государственность Монголии в начале XX в.: трансформация отношений религии и государства в процессе становления независимости: дис.... д-ра ист. наук. М.: ИВ РАН, 2016 и др.
11. Кузьмин С.Л., Оюнчимэг. Указ. соч. С. 298–429.
12. Майдар Д. Указ. соч. С. 64–67.
13. List of old Temples of Arkhangai. URL: <http://www.mongoliantemples.org>.
14. Кузьмин С.Л., Оюнчимэг. Указ. соч. С. 475–484.
15. Позднеев А.М. Указ. соч. С. 414.
16. Majer Z, Teleki K. Op. cit. P. 44–47.

Религия

Современное состояние православия в Китае и размышления о его будущем

© 2018

Ван Шуай

В настоящее время в Китае действуют четыре православные общины, признанные китайским правительством. Они расположены в городе Харбине провинции Хэйлуцзян, в городском уезде Аргунь Внутренней Монголии, в городах Урумчи и Инине (Кульджа) на территории Синьцзян-Уйгурского автономного района. В статье описано современное положение этих общин, дан анализ основных особенностей развития православия в Китае. В работе подняты проблемы, стоящие перед православием в Китае, дан прогноз развития ситуации в перспективе.
Ключевые слова: православие, русские в Китае, китаизация.

История христианства в Китае, как полагают ученые, берет начало в эпоху Тан. При этом современная история китайского православия восходит к началу династии Цин. После заключения «Кяхтинского договора» (1727)¹ Россия получила право регулярно направлять православных миссионеров в Китай. В течение двух с лишним столетий православие преимущественно распространялось в таких местах, как Пекин, Ханькоу, Тяньцзинь, Шанхай, Харбин, Внутренняя Монголия и Синьцзян. В данной статье автор знакомит читателей с современным положением и основными особенностями развития православия в Китае, а также делится мыслями о проблемах, стоящих перед китайским православием в настоящее время, и о возможных вариантах развития ситуации в перспективе.

I. Современное состояние православия в Китае

Во многих китайских и российских источниках встречаются данные о том, что в нынешнем Китае насчитывается около 13 тыс. православных верующих². Но реальное количество верующих гораздо меньше, так как в статистику, по всей вероятности, в свое время были включены почти все русские в Китае³. Русские являются одной из 56 национальностей в КНР. Русские в Китае — это потомки смешанных китайско-русских браков. Но у некоторых потомков смешанных китайско-русских браков в паспорте указана национальность хань⁴. Православные верующие в Китае состоят из трех групп: 1) русских, 2) потомков смешанных китайско-русских браков, у которых в паспорте указана национальность хань, 3) ханьцев и представителей других национальностей. Большинство сре-

Ван Шуай, доцент факультета русского языка и литературы Института иностранных языков Пекинского университета. E-mail: wsnajia@163.com.

ди православных верующих в Китае составляют китайские русские. В настоящее время в Китае действуют четыре православные общины⁵, признанные китайским правительством. Они расположены в городе Харбин провинции Хэйлуцзян, в городском уезде Аргунь Внутренней Монголии, в городах Урумчи и Ининь, расположенных на территории Синьцзян-Уйгурского автономного района. Ниже приведено описание специфики развития православия в этих районах.

1. Город Харбин

1) Храмы

В начале XX века в Харбине насчитывалось более 20 церквей. Теперь осталось только несколько храмов, признанных историческими памятниками⁶. Кроме того, Свято-Алексеевская церковь, которая находится на перекрестке улиц Гоголя и Гэсинь, из-за малого числа православных прихожан была передана католической церкви.

Софийский собор

Парк культуры (колокольня)

Церковь Успения Богородицы

Иверский храм

Никольский собор

Свято-Алексеевская церковь

Теперь в Харбине действует один признанный правительством православный храм — храм Покрова Пресвятой Богородицы («Украинский приход»). Он находится на улице Дундачжи № 268, в районе Наньган. Храм построен в 1922 г. Площадь храма составляет примерно 500 кв. м. Храм недавно отремонтирован, его открытие состоялось в праздник Покрова в октябре 2017 г. В Харбине также имеется кладбище Хуаншань, где

покончась много православных верующих, в том числе часть духовенства, например, скончавшийся в 2000 г. священник Григорий Чжу.

Храм Покрова Пресвятой Богородицы

2) Ситуация с духовенством и верующими

В харбинской православной общине окормляет паству один постоянный священник — отец Александр. В настоящее время это единственный признанный правительством православный священник в Китае. В октябре 2015 г. состоялось его рукоположение в сан священника. В Харбине примерно 100 с лишним православных, 30–50 из них часто приходят в храм. В праздник Пасхи в храм обычно приходят более 200 человек. Большинство верующих — потомки смешанных китайско-русских браков (по национальности и русские, и ханьцы). Значительную часть составляют пожилые люди, при этом большинство — женщины, которым за 50 лет. Повседневное и праздничное богослужения совершаются в основном на китайском языке. В общине создан и хор. В последние несколько лет он постепенно увеличивается; сегодня хор состоит из 20 с лишним человек.

3) Управление общиной

В 2008 г. в харбинской православной общине создали комитет по управлению, руководителем которого является отец Александр. Остальные члены комитета помогают отцу Александру в решении бытовых проблем общины. Харбинская община в состоянии удовлетворять свои нужды, главные доходы она получает от аренды и пожертвований верующих внутри страны и за рубежом.

2. Внутренняя Монголия

1) Храмы

В середине XIX века православие распространилось во Внутренней Монголии, главным образом в Аргуне: тогда немало русских перебрались через границу в Китай в поисках золота. В начале XX века сюда прибыли отряды белой армии и беженцы. Старатели и политические иммигранты принесли во Внутреннюю Монголию православие.

В Аргуне имелось 19 православных храмов, но в период культурной революции все они были разрушены. Ныне во Внутренней Монголии сохранилась только одна православная церковь, которая находится на юге Лабдарина. В 1997 г. началось строительство новой церкви. Через 17 лет, в августе 2009 г. церковь была освящена и открыта для верующих. В Аргуне существует один чудесный молебельный дом. Он расположен в поселке Шивэй — населенном пункте, где по большей части проживают русские. Это маленькое кирпичное здание, гармонично расположенное рядом с буддистским и даосским храмами. Внутри на стене висит много икон. Еще одна часовня расположена на территории кладбища русской национальной волости Эньхэ. Это традиционная деревянная постройка. В настоящее время часовня не действует. На кладбище Эньхэ воздвигнуто много православных крестов. В последнее время получили распространение каменные памятники;

старые кресты укладывают рядом с надгробиями. Кроме того, в Аргуне существует такая традиция, как воздвижение креста на высокой горе. В настоящее время в Аргуне есть четыре такие горы. Одна из них называется «Гора Бога». В праздник Вознесения местные потомки китайцев и русских обычно приходят сюда молиться о дожде.

Православная церковь в Аргуне

Молельный дом в поселке Шивэй

Кладбище в волости Эньхэ

2) Ситуация с духовенством и верующими

В Аргуне нет духовенства, поэтому нет возможности совершать богослужение. По воскресеньям и в праздники верующие совершают службу под запись на русском языке. Сейчас господин Сунь, который посещал Московскую духовную академию, учится в Петербургской духовной академии. Возможно, в недалеком будущем он станет новым православным священником в Китае. Кроме того, в аргуньской общине есть несколько верующих, которые учились песнопению и иконописи в России.

Религиозная атмосфера в Аргуне оставляет желать лучшего, верующих мало. Согласно данным «Хроники г. Аргуни», в этом районе живут 2436 русских⁷. Однако верующих, которые часто приходят в церковь, насчитывается около 200 человек. В июле 2016 г. автор присутствовала на службе в аргуньской церкви; кроме нее, в храме были только 5 пожилых женщин старше 60 лет. В праздники, например, в Пасху и Рождество, в церковь приходят приблизительно 100 человек. Большинство верующих — потомки смешанных китайско-русских браков во втором или третьем поколении. В домах некоторых пожилых людей есть красный угол, но в большинстве вновь построенных домов для красного угла места уже нет.

Красный угол

3) Управление общиной

В аргуньской православной общине организован управляющий комитет. Его руководитель — господин Николай Чжан, бывший зампредела НПКС Аргуни. У общины нет никакого имущества, кроме самого здания церкви.

3. Синьцзян-Уйгурский автономный район

Православие появилось в Синьцзян-Уйгурском автономном районе с переселением русских в конце XVIII — начале XIX века. В 30-е годы XX века оно переживало расцвет. В Синьцзяне существовало много храмов, но в период культурной революции все они были разрушены или заняты различными организациями. Сегодня в Синьцзяне русские составляют подавляющее большинство православных, они проживают в городах Урумчи, Тачэне, Инине, Алтае и др.

1) Храмы

В Синьцзяне действует два православных храма (или две православные общины), санкционированных китайским правительством. Они расположены в городах Урумчи и Инине.

Православный храм г. Урумчи находится на улице Синьдунце № 5 в районе Тяньшань. Двухэтажный храм построен в 1989 г., его площадь составляет 200 кв. м. Первый этаж — зал для богослужения, на втором этаже есть комната для собраний и отдыха верующих, а также жилая комната для церковного сторожа и склад.

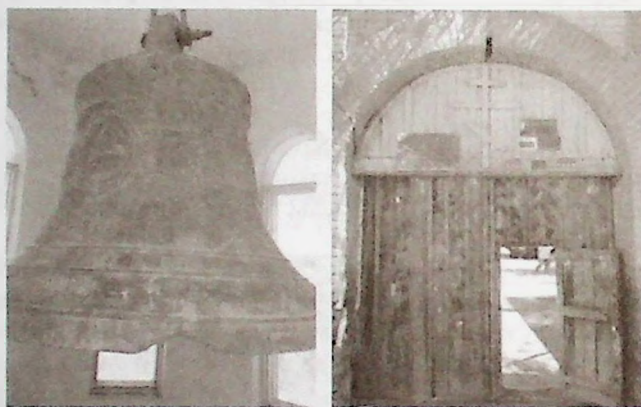

Православный храм в городе Урумчи

Никольский храм в городе Инине расположен во 2-м переулке дом № 8 на улице Лигуанце. Двухэтажный храм построен в 2002 г. Первый этаж — богослужебный зал, второй этаж — колокольня, где висит большой бронзовый колокол. Во дворе находятся четыре кирпичных дома для собраний, приемов и проживания сторожа. Русское кладбище находится рядом с храмом, это одно из нескольких хорошо сохранившихся кладбищ в Синьцзяне.

В городе Тачэне, населенном русскими, нет православного храма и православной общины. В декабре 2003 г. русские в Тачэне создали Русское культурное сообщество, цель которого заключается в том, чтобы сохранять и развивать русскую культуру, а также организовывать культурные мероприятия. Православные в Тачэне осуществляют религиозную деятельность в рамках культурного сообщества. В 2012 г. местное правительство разрешило построить православный храм при русском кладбище, но не предоставило никакой финансовой поддержки. Из-за недостатка средств храм не был построен. В 2015 г. мы с коллегами из Академии общественных наук Китая посетили русских в Тачэне и узнали, что местное правительство намеревалось построить православный храм в районе Гучжэн г. Тачэна, но строительство прервалось по неизвестной причине: сооружение храма так и не завершили до нынешнего дня. Русское кладбище, имеющее более чем двухсотлетнюю историю, находится на юге парка для рыбалки. Общая площадь кладбища составляет примерно гектар. Оно находится в запущенном состоянии.

Никольский храм в городе Инине

Русское кладбище в г. Тачин

2) Ситуация с духовенством и верующими

В Синьзяне пока нет духовенства, как и во Внутренней Монголии, поэтому под руководством старых верующих каждое воскресенье и в праздники верующие совершают службу под запись на русском языке. И в г. Урумчи, и в г. Инине по воскресеньям храм посещают немногие, обычно около 20 человек. В праздники Пасхи и Рождества людей, которые приходят в храм, чуть больше: в Урумчи — 60–70 человек, в Инине — иногда собирается даже до 150 человек. Большую их часть составляют пожилые люди и женщины. В городе Урумчи проживают примерно 3000 русских (по национальности), пожилые люди, которым за 60 лет, почти все крещены, около 10% молодых крещены бабушкой или дедушкой, а некоторые прошли обряд крещения за границей.

3) Управление общиной

В Синьцзяне есть два православных комитета по управлению общиной, один из них — комитет управления Урумчи, созданный в 80-е годы XX века, его руководитель — Аркадий Владимирович Подскребаев. Другой — это управляющий комитет Инни-на, его руководитель — Петр Красноумов.

II. Основные особенности православия в Китае

В процессе развития православия в Китае наблюдаются следующие основные особенности:

1. Малочисленность верующих

По сравнению с приверженцами других религий количество православных в Китае крайне невелико. Как уже говорилось выше, цифра 13 тыс. православных, фигурирующая во многих источниках, вызывает серьезные сомнения. Русские и ханьцы, у которых есть русская кровь, составляют значительную часть верующих. В основном это люди старшего возраста, которым уже 50–80 лет, причем женщины среди них составляют подавляющее большинство. Итак, перед нами неизбежно встает вопрос: когда пожилые верующие уйдут в мир иной, кто будет наследником их веры? Как бы то ни было, заслуживает внимания тот момент, что в последние годы во время торжественных православных праздников, например, на Пасху и Рождество, некоторые молодые люди также общаются к церковной жизни.

2. Особенности веры

Во-первых, не столь ярко выражена религиозная составляющая. Вера у православных в Китае, скорее, не столько собственно религиозная вера, сколько наследие предков. Вера в некоторой степени отождествляется с этническим самосознанием и самоидентификацией. Особенно важную роль играют элементы национальной культуры в традициях и обычаях, связанных с великими православными праздниками.

Тетушка Анна и автор (Эньхэ)

Во-вторых, вера проста и тверда. В Китае у православных, как правило, не хватает знаний о православии. Бабушка и мать исповедуют православие, поэтому их дети и внуки тоже исповедуют православие; человек русский, поэтому он и исповедует православие. Но в действительности они мало знают о православных догматах и богословии; при этом их вера относительно тверда и здорова. Мало кто из православных обращается к другой религии или обольщается ересью. Например, мы побеседовали с тетушкой Анной. Она рассказала, что ее хотели обратить протестанты, но она решила, что у нее уже есть православие, и никакая другая вера ей больше не нужна. Кроме того, ей проповедовал свою веру протестант-миссионер из конгрегационалистов, но когда Анна узнала, что конгрегационалисты возражают против приема лекарств во время болезни, она твердо отказалась слушать его.

В-третьих, в вере происходит переход от замкнутости к открытости. В последние годы в психологии православных в Китае произошли большие изменения. Раньше можно было ощутить сильную замкнутость православных. Они не хотели, чтобы неправославные входили в их церковь, у них не было желания принимать тех людей, у кото-

рых нет русской крови. Но общество развивалось, и при последнем обследовании автор обнаружила, что многие верующие, которые раньше придерживались подобного мнения, уже изменили свою позицию и осознали, что нельзя закрывать двери церкви для других. Надо принимать тех, у которых нет русской крови, в свою церковь, чтобы способствовать развитию православия в Китае.

В-четвертых, велика веротерпимость. Хотя православные в Китае более замкнуты, но они проявляют большую терпимость к другим религиям. Причина, может быть, заключается именно в том, что религиозная составляющая веры у православных слабее. Например, в поселке Шивэй мы встретили одну протестантку — госпожу Люю; ее свекровь госпожа Го — русская и исповедует православие. При этом свекровь не только не возражает против того, что госпожа Люю исповедует протестантство, но и поддерживает ее работу в церкви. Иногда свекровь слушает, как Люю объясняет Библию. Еще один пример. Выше было сказано, что в Шивэй православный молеальный дом и буддийский и даосский храмы стоят по соседству, вокруг висят молитвенные флаги и царит гармоничная атмосфера. И в Синьцзяне православные выражают достойное уважение к исламу и дружно живут с уйгурами и казахами.

И наконец, отсутствие активной проповеди. В течение почти трехсотлетней истории распространения православия в Китае достижения в сфере религиозной проповеди были невелики. В 1892 г. в Китае насчитывалось всего 495 китайских православных, в том числе 149 потомков русских⁸. Несмотря на то, что в начале XX века количество православных увеличилось до 30 тысяч с лишним⁹, после культурной революции количество последователей православия сократилось почти до нуля. Ныне православные в Китае продолжают эту традицию: активной проповеди нет. Одна из причин — слабое знание верующими церковных догматов и православного богословия. С другой стороны, круг верующих ограничен в основном русскими, поэтому у них нет сильного желания проповедовать другим соотечественникам.

3. Нехватка духовенства и храмов

Заметная особенность православия и одновременно серьезная проблема, возникшая в ходе его развития в Китае, — это нехватка духовенства. Сейчас в Китае только один священник, который служит в харбинской общине, в других общинах упрощенная служба совершается под руководством старых верующих. Из-за нехватки духовенства не обеспечена основная потребность верующих в совершении различных религиозных обрядов, например, крещения, причастия и т.д. Это очень вредно для здорового развития православия, и может привести к международному обмену, не отвечающему китайской политике в области религии и законов. Например, верующие приглашают зарубежных священников к ним на тайные крещения. Это создает у людей ошибочное впечатление о том, что православие в Китае якобы находится вне закона.

Хотя в каждом районе, населенном русскими, есть свой православный храм, и кажется, что мест для отправления культа вполне достаточно, следует учитывать и географические условия. Синьцзян-Уйгурский автономный район и Внутренняя Монголия имеют обширную территорию, и многие верующие живут далеко от храма; при этом большинство верующих — пожилые люди, и им затруднительно регулярно посещать отдаленный храм.

4. Разница между тремя районами

Православные в Китае главным образом проживают в районе Харбина, Аргуня Внутренней Монголии и в Синьцзяне. Православная культура в этих районах имеет не только упомянутое выше сходство, но и определенные различия.

Во-первых, это касается уровня образования верующих. Уровень образования у верующих в Урумчи и Тачэне (СУАР) более высокий, многие из них — учителя и уче-

ные. Пожилые верующие хорошо говорят по-русски. В Харбине немало верующих получило среднее или высшее образование. За последние два года некоторые молодые студенты, аспиранты и ученые крещены благодаря тому, что у них появился новый священник. Уровень образования верующих в Аргуне ниже, многие из них не получили среднего образования, а пожилые могут говорить по-русски, но не на литературном языке. Подобные явления в какой-то мере зависят от местожительства верующих: верующие, живущие в городе, имеют больше возможностей получить хорошее образование. Кроме того, уровень образования предков, может быть, в определенной степени влияет на развитие их потомков. В Синьцзяне большинство русских иммигрантов были купцами; в Харбин приезжали русские иммигранты с целью строительства железной дороги; впоследствии, в 1930-х годах, большинство из них вернулись в Россию. А в Аргунь приезжали многочисленные русские иммигранты для поисков золота, большинство из них были крестьянами или беженцами. Хотя среди иммигрантов встречались офицеры белой армии, но их потомки уехали в Россию или в Австралию после образования КНР. Поэтому уровень образования ранних русских иммигрантов в Аргуне был более низким, и это в известной мере повлияло на образование и развитие их потомков.

Во-вторых, с точки зрения этнического самосознания и самоидентификации, в трех районах наблюдается следующая тенденция — отождествление православия с этническим самосознанием и самоидентификацией. В Синьцзяне эта тенденция более заметна, в Харбине относительно слаба, а в Аргуне очень слаба. При таком подходе православию оказывается только одним из многочисленных признаков национальной культуры. Причины отождествления православия с этническим самосознанием и самоидентификацией заключаются в том, что, с одной стороны, русские в Китае являются национальным меньшинством, во всей стране их насчитывается более 15 тыс. человек¹⁰. Они живут на земле Китая вместе с ханьцами и другими нациями и постепенно ассимилируются. Их традиции и культура с русской спецификой исчезают с каждым днем. Перед лицом подобной действительности потребность поиска ярких национальных особенностей становится еще актуальней. С другой стороны, исторически православию было очень важной духовной силой, объединявшей русских иммигрантов. В современной России православие переживает возрождение и превращается в один из важных влиятельных элементов возрождения великой России. На таком фоне русские в Китае в поисках национальных особенностей, естественно, останавливают свой выбор на православии. А разница между тремя районами в этом аспекте зависит от специфики местной культуры. Синьцзян — это населенный уйгурами район, где национальные и религиозные проблемы очень чувствительные и сложные. Русские, которые там проживают, являются очень маленькой группой, поэтому у них проявляется более очевидное желание сохранять и развивать собственные национальные особенности. Кроме того, в Синьцзяне люди привыкли отождествлять нацию с религией, например, уйгуры традиционно воспринимаются как мусульмане. На этом фоне русские в Синьцзяне имеют более выраженную тенденцию отождествлять православие с этническим самосознанием и самоидентификацией.

В Харбине русские живут среди ханьцев и хорошо принимают ханьскую культуру, но среди них все же присутствует тенденция отождествлять православие с этническим самосознанием и самоидентификацией. В Аргуне атмосфера и национальная, и религиозная гармонична. Для русских в Аргуне национальными особенностями являются такие вещи, как еда, одежда, дом, украшение дома, пение и танец, а также православные праздники и т.д. По их мнению, отцовские корни (родина в Шаньдуне или в Хэбэе) более важны, то есть ханьская культура им ближе. Может быть, именно в силу этого многие потомки смешанных китайско-русских браков выбирают национальность хань¹¹. Для них православие — это лишь одна из национальных особенностей, но не самая важная. В последние годы, в связи с развитием туризма, все больше и больше русских, в том числе и те ханьцы, у которых есть русская кровь, обращают внимание на свою национальную

специфику в целях привлечения туристов. Самый торжественный православный праздник — Пасха в определенной степени стал праздником национальным, таким же, как праздник Весны у ханьцев, и утратил религиозную святость и таинственность.

И наконец, духовенство и «православный актив» распределяются неравномерно. В Харбине есть постоянный священник (отец Александр), религиозная деятельность развивается в русле нормализации. Верующие, исполненные верой и надеждой, изучают основы православного вероучения под руководством священника. Во Внутренней Монголии ожидают нового священника, и религиозная жизнь обещает стать нормализованной. Но в Синьцзяне нет священника, нет дьякона, и даже нет человека, который более или менее был бы знаком с православными догматами и богословием. Верующие совершают службы упрощенным мирским чином под руководством старых верующих. Когда эти старые верующие уйдут в мир иной, кто будет наставлять верующих в совершении служб? И как им в дальнейшем вести религиозную жизнь? Это очень серьезный вопрос, который встанет перед православной общиной в Синьцзяне.

5. Недостаток общения и обмена между тремя районами

По мере развития современных средств коммуникации и транспорта мир становится все меньше и меньше, превращаясь в «глобальную деревню». Однако на этом фоне общения и обменов между тремя районами Китая, где проживает большинство православных, относительно мало. Они не в курсе того, как живут единоверцы в двух других районах, и не могут воссоединиться для развития православия и национальной культуры. Причины данной проблемы заключаются в следующем: 1) хотя русские проживают концентрированно, на самом деле расстояние между этими тремя районами велико; 2) большинство верующих — пожилые люди, по состоянию здоровья и из-за плохого знания современных средств коммуникации активный обмен и общение для них — трудновыполнимая задача; 3) существуют также экономический и политический факторы. Но в последнее время молодое поколение старается изменить эту ситуацию, и его представители уже сделали первые шаги к налаживанию контактов.

III. Серьезные проблемы, которые встанут перед православием в Китае

Несмотря на то, что православие не является одной из пяти основных религий страны, в Китае оно имеет законный статус. В последние годы на него обращают все больше внимания. Для развития православия в Китае характерны малочисленность верующих, несовершенство организации и структуры управления общиной, нехватка духовенства... Об этом уже говорили многие, и необходимости повторяться нет. В данной статье будут обсуждаться лишь важные вопросы, тесно связанные с особенностями развития православия в Китае.

1. Китаизация православия

Ныне в научных, церковных и политических кругах горячо обсуждается проблема китаизации христианства. Речь идет не только о китаизации протестантизма и католицизма, но и о китаизации православия. Хотя по сравнению с представителями других религий, православных верующих очень мало и влияние православия достаточно слабое, китаизация православия точно так же важна и имеет особое значение. В целях осуществления китаизации православия надо разрешить нижеследующие актуальные вопросы: 1) китаизация религиозного языка; 2) китаизация богословия; 3) китаизация воспитания духовенства.

2. Китаизация религиозного языка

Китаизация религиозного языка означает, что повседневное и праздничное богослужения должны совершаться на китайском языке. Локализация религиозного языка

предстоит каждой религии, которая распространяется в новой стране или регионе. Когда православие впервые проникло в районы, населенные славянами, Кирилл и Мефодий создали кириллицу для распространения греческого православия. Поэтому в процессе распространения православия в Китае необходима китаизация религиозного языка. Согласно наблюдениям автора, в районе, где нет священника, верующие совершают упрощенную службу под аудиозапись на русском и церковнославянском языках, привезенную из России. Но в настоящее время среди русских, проживающих в Китае, только старшие поколения понимают русский язык, молодые люди почти не умеют говорить по-русски. Поэтому по причине совершения богослужения на незнакомом языке дверь церкви закрыта для потенциальных верующих. В харбинской общине под руководством священника богослужение совершается главным образом на китайском языке, верующие более активно участвуют в богослужении и внимательно слушают, как священник толкует Библию. Отсюда видно, что китаизация религиозного языка тесно связана с разрешением вопроса достаточного количества духовенства. Еще одним очень важным моментом для китаизации религиозного языка является перевод богослужебных книг. Это очень сложный вопрос, и здесь мы не будем обсуждать его подробно.

3. Китаизация богословия

Выше уже было сказано, что китайские православные мало знают о догматах и богословии православия. Несмотря на то, что вера у православных в Китае тверда, религиозное сообщество без правильного руководства и элементарных религиозных знаний не только не имеет возможности совершенствоваться, но даже может исказить догматы и богословие и впасть в ересь или пойти по ложному пути. Поэтому необходимо проповедовать правильные догматы и православное богословие. Хотя русские составляют большую часть православных в Китае, но они рождаются и живут в сфере китайской культуры. Православие для них принимает несколько чужеродный оттенок; таким образом, проповедуя православие, нужно объяснять догматы и богословие православия в соответствии с особенностями китайской культуры. В частности, в Китае уровень образования православных не очень высокий, поэтому задача проповедовать православное богословие в соответствии с китайскими реалиями оказывается труднее. Выполнение данной задачи требует совместных усилий разных сторон: усилий православной общины, помощи ученых и поддержки правительства.

4. Китаизация воспитания духовенства

В настоящее время китайское правительство активно решает проблему воспитания духовенства, оно уже направило некоторое количество людей, желающих посвятить жизнь православной церкви, в духовные академии России. Но этого недостаточно. Китай должен постараться создать свою совершенную, самостоятельную систему воспитания духовенства. Задача эта крайне трудна, и для ее реализации потребуется много времени.

5. Разрушение национальных барьеров

Весьма заметная особенность православия в Китае — то, что в церковных общинах русские составляют подавляющее большинство, верующих других национальностей очень мало. Православие с каждым днем все теснее переплетается с этническим самосознанием и самоидентификацией. Такая тенденция в определенной степени способствует объединению русских в Китае, возрождению национальной культуры и самосознания. Тем не менее есть опасность того, что православие превратится в национально ограниченную религию. Учитывая особенности «искусственной нации», происхождение и географическое размещение русских в Китае, китайскому правительству приходится осторожно относиться к вопросам православия. И правительство, и верующие должны осознать, что православие принадлежит не только русским в Китае, не только России,

но и всему миру. В мире всего 15 автокефальных православных церквей: Константинопольская православная церковь, Александрийская православная церковь, Антиохийская православная церковь, Иерусалимская православная церковь, Русская православная церковь, Грузинская православная церковь, Сербская православная церковь, Румынская православная церковь и др. Следует признать, что именно русские принесли православие в Китай, но это не означает, что православие принадлежит только русским в Китае. Представители других национальностей тоже имеют право исповедовать православие. И русские, и другие народы имеют право исповедовать не только русское православие, но и греческое, и иерусалимское православие и т.д. Ограничение православия кругом русских не только не способствует здоровому развитию православия в Китае, но и противоречит статусу православия как вселенской религии.

6. Необходимость серьезного внимания к роли православия в международном общении

Православие в Китае — не религия одних только русских, однако нельзя игнорировать тот факт, что русские составляют большую часть православных в Китае. В связи с этим, хотя количество верующих невелико, православие все же играет очень важную роль в международном общении, особенно с Россией. Исторически православие было государственной религией России. Ныне оно утратило этот статус, но все-таки является основным вероисповеданием в России и в какой-то мере влияет на образование, культуру, внутреннюю и внешнюю политику. В 2013 г. патриарх Кирилл посетил Китай с визитом. Его визит стал своеобразной дипломатической прелюдией к серьезному религиозному диалогу. Проблема православия оказывалась в числе главных тем обсуждения во время встреч китайских и российских лидеров. Китай должен, с одной стороны, твердо настаивать на том, что китайская православная церковь является независимой церковью, с другой стороны, активно способствовать здоровому развитию православия в Китае, создавать совершенную систему управления православной общиной, воспитывать свое духовенство.

* * *

Православие в Китае стоит перед лицом таких проблем, как тенденция к старению верующих, нехватка молодых верующих и духовенства, слабое знание богословия, несовершенство организации и структуры управления и т.д. Но в то же время следует признать, что православие в Китае развивается по здоровому и позитивному пути. Кинизация православия, обеспечение базовых религиозных потребностей, а также разрушение национальных барьеров не только помогут объединению наций и гармоничному сосуществованию разных религиозных конфессий, но и будут способствовать дружественному общению с Россией по проблемам православия.

-
1. Статья 5 Кяхтинского договора (21 октября 1727 г.): «Коем или дом, которой ныне для российских в Пекине обретается, будет для россиян и впредь приезжающих, оные сами будут жить в сем доме. А что российской посол Ильирийской граф Сава Владиславич представлял о строении церкви, сделана в сем доме вспоможением вельможей, которые имеют надсмотрение в российских делах. В сем доме будет жить один лама (священник), ныне в Пекине обретающийся, и прибавятся другие три ламы (священника), которые придут, как решено. Когда придут, дастся им корм, как дается сему, которой прежде приехал и при той же церкви поставлены будут. Россияном не будет запрещено молиться и почитать своего бога по своему закону. Кроме того, четыре мальчика учеников, и два побольшого возраста, которые по-русски и по-лагынские знают и которых посол российской Ильирийской граф Сава Владиславич хочет оставить

- в Пекине для обучения языков, будут жить также в сем доме, и корм дастся им из царского иждивения. А когда выучатся, по своей воли да возмутся назад».
2. На сайте Миссионерского центра им. иерея Даниила Сысоева указано, что в Китае проживает около 13 тысяч православных верующих — граждан КНР. См.: URL: <http://mission-center.com/chine>. А в книге «Православие в Китае» указано, что православная община Китая составляет сегодня около 15 тыс. человек. См.: Православие в Китае. Благовещенск, 2013. С. 53. В Китае нет конкретной статистики о православных верующих.
 3. По 6-й всекитайской переписи 2010 г. в Китае русские составляют 15 393 человека.
 4. Во Внутренней Монголии потомки китайцев и русских часто называют себя метисами.
 5. Действует четыре православных храма, признанных китайским правительством.
 6. Например, Софийский собор, являющийся музеем зодческого искусства Харбина: заброшенная церковь Успения Богородицы, находящаяся в парке культуры г. Харбина. Почти завершена реставрация Иверского храма в Харбине. Внутри современного здания Харбинской строительной объединенной компании скрывается грандиозный Благовещенский собор. Кроме того, в начале XXI века в харбинской усадьбе «Волга» была построена полная копия деревянного Никольского собора, разрушенного в Харбине хунвэйбинами.
 7. Ээргуня ши чжи (1991–2005): [Хроника г. Аргунь]. Хулун-буир, 2012. С. 205. В Аргуне живет много потомков смешанных китайско-русских браков, являющихся ханьцами по национальности.
 8. *Чжан Суй*. Дунчжэнцзяо хэ дунчжэнцзяо цзай чжунго: [Православие и православие в Китае]. Пекин, 1986. С. 241.
 9. Там же. С. 254.
 10. Даже если учитывать потомков смешанных китайско-русских браков, у которых в паспорте указана национальность хань, общее количество не будет очень большим.
 11. Конечно, есть и другие социальные причины.

Научная жизнь

3-я ежегодная международная конференция «Диалог Райсина» («The Raisina Dialogue»)

16–18 января 2018 г. в Дели (Индия) состоялась ежегодная международная конференция «Диалог Райсина» («The Raisina Dialogue»), организованная ведущим индийским исследовательским центром «Observer Research Foundation» (ORF) при поддержке Министерства иностранных дел Индии.

Инициированный в 2016 г. «Диалог Райсина» является амбициозным индийским проектом, призванным создать новую влиятельную международную площадку для обсуждения широкого спектра геополитических и геоэкономических вопросов с участием высокопоставленных представителей и крупных экспертов из многих стран мира. По замыслу он должен дополнить деятельность таких ведущих международных конференций, как Мюнхенская конференция по безопасности или Диалог Шангри-ла. Создание этой новой диалоговой площадки, как отмечает вице-президента ORF и куратор «Диалога Райсина» С. Саран, продиктовано стремлением Индии вернуть себе роль центра знаний и идей, подобно древнему университету Наланда, сделать Индию ведущей интеллектуальной силой.

Создание «Диалога Райсина» отражает заявку Дели на одну из ключевых ролей в регионе и мире, особенно на фоне продолжающегося наращивать региональное и международное влияние ближайшего соседа — Китая. Формирование единой повестки дня для всего региона, создание отвечающего индийским интересам нарратива (включая продвижение американской идеи об Индо-Тихоокеанском регионе в противовес Азиатско-Тихоокеанскому региону), соответствующая расстановка акцентов при обсуждении актуальных проблем глобальной и региональной безопасности, вовлечение в орбиту своего влияния наименее развитых стран региона, а также наращивание взаимодействия с ведущими государствами мира посредством проведения «Диалога Райсина» способны облегчить Дели достижение масштабных внешнеполитических целей. Состоявшийся в 2016 г. Диалог прошел под названием «Взаимосвязанность Азии» («Asian Connectivity»), в 2017 г. Диалог был озаглавлен как «Новая норма: многосторонние подходы и многополярность» («The New Normal: Multilateralism with Multipolarity») и в 2018 г. — как «Контроль за деструктивными сдвигами: идеи, институты, особенности» («Managing Disruptive Transitions: Ideas, Institutions & Idioms»).

Получивший свое название от наименования холма Райсина в индийской столице, где располагается квартал с комплексом правительственных зданий, «Диалог Райсина» представляет собой площадку, объединяющую как высокопоставленных официаль-

ных лиц Индии и зарубежных стран (глав национальных правительств, министров, представителей местных администраций, руководителей оборонных ведомств и военачальников), так и крупных бизнесменов, представителей гражданского общества, СМИ и ведущих экспертов. За три года организаторам Диалога удалось существенно расширить его представительность. Если 1-я конференция, прошедшая в 2016 г., насчитывала 120 иностранных делегатов из 40 стран мира, 2-я — более 250 представителей из 65 стран, то в 3-й (2018 г.) приняли участие свыше 150 спикеров и 550 делегатов из 90 стран мира. В 2018 г. беспрецедентно многочисленной стала российская делегация (около 40 делегатов, включая 11 спикеров), по количеству участников почти соразмерная с самой большой — американской. В числе иностранных делегатов были представители различных стран Европы, Азии, Африки и Латинской Америки.

Параллельно с основной конференцией проходила отдельная серия мероприятий для молодых специалистов из разных стран («Raisina Young Fellows»), что свидетельствует о стремлении Индии не только обсуждать текущие проблемы, но и работать на перспективу — принимать непосредственное участие в формировании следующего поколения лидеров международного масштаба.

«Диалог Райсина» получил широкое медийное освещение, главным образом благодаря новостям о выступавших на нем известных представителях мировой политической элиты. В качестве почетных гостей в Диалоге 2018 года приняли участие премьер-министр Индии **Н. Моди**, премьер-министр Израиля **Б. Нетаньяху**, министр иностранных дел Индии **С. Сварадж**, бывший президент Афганистана **Х. Карзай**, заместитель министра иностранных дел России **И. Моргулов**, председатель Комитета по международным делам Совета Федерации ФС РФ **К. Косачев**, председатель Комитета по образованию и науке Госдумы ФС РФ **В. Никонов**, бывший премьер-министр Канады **С. Харпер**, бывший премьер-министр Швеции **К. Бильдт**, глава Тихоокеанского командования США адмирал **Г. Гаррисон**, министр оборонной промышленности Австралии **К. Пайн**, министр обороны Индонезии **Р. Риацуду** и другие.

Несмотря на широкое международное представительство, организаторов нередко упрекают в том, что репрезентативность той или иной делегации обусловлена политическими факторами. Так, в ряду спикеров Диалога практически не было представителей Китая. Единственными докладчиками с китайской стороны были директор Центра американских исследований Фуданьского университета **Шэнь Динли**, заместитель директора Института Южной Азии, Юго-Восточной Азии и Океании Китайского института современных международных отношений (CICIR) **Ли Ли** и основатель компании «Robo-terra» **Яо Чжан**. Китайская делегация на Диалоге была представлена преимущественно академическим сообществом, официальные лица не присутствовали. Отмечено также незначительное присутствие на конференции делегатов из Пакистана.

Повестка конференции охватила несколько тематических блоков: обращения министров, взаимосвязанность и инфраструктура (2 секции), геополитика (6 секций), технологии и инновации (5 секций), международная безопасность (7 секций), гендерное равенство (2 секции), уязвимый мир (3 секции), человеческое развитие (2 секции) и регионы (6 секций). Работа была организована в виде магистральных заседаний, носящих более торжественный и формализованный характер с участием наиболее известных спикеров, а также секций кулуарного характера, проходивших параллельно в одно и то же время. Некоторые секции носили закрытый характер, доступ на них был ограничен кругом лиц, получивших специальные приглашения. Особенностью конференции стала продолжительность заседаний — с 9:15 до 23:30 (с перерывами).

В церемонии открытия Диалога приняли участие премьер-министр Индии **Н. Моди**, министр иностранных дел **С. Сварадж**, председатель ORF **С. Джоши** и премьер-министр Израиля **Б. Нетаньяху**, находившийся в Индии с официальным визитом (за 6 месяцев до этого премьер-министр Индии впервые в истории развития индийско-израильских связей посетил Израиль). Заявив в начале своей речи на открытии конференции о том, что выживают сильные, и только оставаясь сильными можно достичь мира. **Б. Нетаньяху** обозначил источники силы государства: сильная экономика (для которой характерны наличие свободного рынка и атмосфера предпринимательства, развитие технологий и условий для получения хорошего образования, отсутствие раздутого бюрократического аппарата), значительная военная мощь, наличие надежных партнерств и истинных ценностей. В заключение своего выступления **Б. Нетаньяху** подчеркнул особое значение отношений между демократиями и призвал к укреплению союза между Израилем и Индией, как демократическими странами. С обращением на пленарном заседании также выступила министр иностранных дел Индии **С. Сварадж**.

Первый день конференции завершился двумя панельными дискуссиями, одна из которых была посвящена перспективам развития России после президентских выборов 2018 г. (название дискуссии — «О чем думает медведь: следующий геополитический шаг России»). Вторая панельная дискуссия была призвана проанализировать роль женщин в политике и академической среде («Женщины во внешней и оборонной политике»).

В ходе второго и третьего дней конференции был рассмотрен широкий спектр вопросов: терроризм, экстремизм, ядерное распространение и прочие вызовы глобальной и региональной безопасности, вызовы, угрозы и задачи, стоящие перед отдельными регионами и странами, инфраструктурное развитие, рынок вооружений, инновационное и технологическое развитие, рост национализма, гендерное неравенство и пр. Ключевыми темами, которые неизменно затрагивались в большинстве прозвучавших выступлений, стали кризис либерального порядка, вопросы глобального лидерства, значимость демократических ценностей в современном мире, наступление азиатского века, новая роль Китая и Индии в мировой политике, политика США при **Д. Трампе**, роль России в современной международной системе, геополитические и геоэкономические изменения в 2018 г.

В региональном срезе в фокусе внимания находился Индо-Тихоокеанский регион, которому было отведено четыре магистральных заседания: «Стратегия и контрстратегия: формирующаяся динамика в сфере безопасности в Индо-Тихоокеанском регионе» («Strat-Con: The Emerging Security Dynamics in the Indo-Pacific»), «На пути к новой архитектуре свободного и открытого Индо-Тихоокеанского региона» («Towards a New Framework for a Free and Open Indo-Pacific»), «Неразграниченные воды: в поиске порядка в Индо-Тихоокеанском регионе» («Unchartered Waters: In Search for Order in the Indo-Pacific») и «Обеспечивая стабильность в Индо-Тихоокеанском регионе» («Serving Stability in the Indo-Pacific»).

В ходе первого заседания, призванного проанализировать развивающуюся в Индо-Тихоокеанском регионе динамику в области безопасности, доклады сделали заместитель помощника президента США и член Совета национальной безопасности **Н. Шадлоу**, министр оборонной промышленности Австралии **К. Пайн**, старший государственный министр по иностранным делам и обороны Сингапура **М. Осман** и директор «India Foundation» **Р. Мадхав**. Шадлоу посвятила свой доклад разъяснению основных положений выпущенной в декабре 2017 г. администрацией **Д. Трампа** новой Стратегии национальной безопасности. В частности, она указала, что обновленная Стратегия в гораздо большей степени, чем все предшествовавшие, акцентирует центральность партнерства

США с Индией в американской политике в регионе. В докладе, посвященном роли великих держав в регионе и правилам международного порядка, К. Пайн выступил в защиту существующего уже на протяжении 75 лет международного порядка, который сейчас нередко критикуют и даже пытаются изменить. Особо выделив Китай как страну, бросающую вызов международному порядку в Индо-Тихоокеанском регионе, К. Пайн приветствовал расширение вовлеченности в дела региона США и Индии, а также призвал такие страны, как Лаос и Камбоджа, воспользоваться возможностями, которые предоставляет существующая международная система для экономического развития. Выступление М. Османа было посвящено роли АСЕАН в Индо-Тихоокеанском регионе и характеристике наиболее острых проблем безопасности региона. Р. Мадхав озвучил целый ряд важных тезисов, раскрывающих стратегическое видение Индией своего места в современном мире и регионе. Он отметил, что стратегический фокус сместился с АТР в Индо-Тихоокеанский регион, ввиду возвышения Китая Индия должна стратегически переориентироваться, она не может быть наблюдателем реализации Китаем «плана Маршалла», Индия должна стать влиятельной глобальной силой.

Отдельное заседание («Giving India a Strategic Edge: Production, Innovation & Technology Partnerships») было отведено обсуждению перспектив превращения Индии в крупного производителя и экспортера вооружений, а также будущему американо-индийских отношений в области обороны. Как отметил глава департамента оборонной промышленности Индии А. Кумар, Индия, также как и Китай, может совершить превращение из крупного импортера в крупного экспортера вооружений. Для этого нужно развивать промышленность, внедрять инновации и проводить интернационализацию. Бывший посол США в Индии Р. Верма, ныне представляющий компанию «Asia Group», отметил достигнутый за короткое время огромный прогресс в американо-индийском оборонном сотрудничестве (США стали крупным продавцом вооружений для Индии, значительно возросло число проводимых совместных военных учений, Вашингтон наделил Индию особым статусом — «major defense partner»), но с сожалением указал, что администрация Д. Трампа не придает большого значения развитию отношений с Индией.

Оживленная дискуссия возникла в ходе обсуждения перспектив развития международной системы в рамках заседания «Закат либерального порядка: начало азиатского века?». Анализируя международную систему, бывший премьер-министр Канады С. Харпер особо выделил изменение в ней баланса сил, произошедшую эрозию глобальных институтов и определенных практик, а в числе стран, нарушающих либеральный порядок, назвал не только Китай в контексте его действий в Южно-Китайском море и Россию ввиду украинского кризиса, но и США в связи с их действиями в Ираке. Напористость Китая в Южно-Китайском море и создание АБИИ Харпер расценил как сдвиг в сторону становления китаецентричного порядка в регионе, что дает повод для озабоченности, но в то же время не является серьезной проблемой безопасности. Директор Центра изучения России, Европы и Азии Т. Фэллон акцентировала внимание на эрозии ценностей в системе либерального мира, а также на том, что глобализация не привела к конвергенции ценностей Запада и Востока. Сейчас Китай влияет на Запад больше, чем Запад влияет на Китай. Она также отметила рост влияния Китая во всем мире, особо выделив Центральную и Восточную Европу. Выражая некоторые опасения в связи с растущим влиянием Китая на мировой арене, она со ссылкой на других исследователей перефразировала название китайской концепции «One belt, one road» («Один пояс, один путь») в «One belt, one way» («Один пояс — в одну сторону»), а затем — в «One belt, one trap» («Один пояс, один капкан»), вызвав бурную реакцию аудитории. Анализируя ситуацию, складывающуюся в регионе, заместитель министра ино-

странных дел России **И. Моргулов** указал, что Азия — это не просто регион, а динамично расширяющееся экономическое и политическое пространство. В Азии стремятся не к универсализации и стандартизации, а к креативности и разнообразию. Сейчас в Азии создаются новые механизмы и, в частности, на повестке дня стоит создание многостороннего диалога по региональной безопасности.

Отдельное заседание было отведено обсуждению ситуации в Афганистане. В нем приняли участие бывший президент Афганистана **Х. Карзай**, заместитель министра иностранных дел России **И. Моргулов**, государственный министр иностранных дел Индии **В.К. Сингх** и ведущая новостей «BBC World News» **Я. Хаким**. В своем выступлении и в ходе ответов на вопросы **Х. Карзай** обратил внимание на то, что Афганистан отличен от того, как его позиционируют западные СМИ. В СМИ, например, не пишут о выдающихся деятелях культуры и искусства Афганистана и, напротив, пишут о якобы разгуле коррупции в стране. Он также выступил с критикой политики Вашингтона в отношении Афганистана, обвинив США и его военного партнера — Пакистан в разжигании на протяжении длительного времени экстремизма на территории Афганистана. Вместе с тем **Х. Карзай** указал, что Афганистан не против участия США в стабилизации ситуации в стране, но только при условии участия других ведущих держав, включая Россию.

Не менее интересным стало обсуждение стратегического ландшафта в Индо-Тихоокеанском регионе на заседании под названием «Неразграниченные воды: в поиске порядка в Индо-Тихоокеанском регионе». Основатель Сообщества внешней политики Индонезии (Foreign Policy Community of Indonesia) **Д. Джалал**, отстаивая особое место Индонезии в регионе, попытался обосновать тезис о том, что в современных условиях великие державы не способны создать региональную архитектуру. Так, например, присоединение США к выдвинутой Китаем инициативе «Пояс и путь» или АБИИ будет равнозначно признанию лидерства Китая в регионе, на что Вашингтон пойти не может. В то же время предлагаемые менее крупными странами, такими как Индонезия, инициативы не будут иметь для других великих держав подобной коннотации. Он также предостерег от использования ранее высказанной несколько раз в ходе «Диалога Райсина» западными коллегами идеи «кальянса демократий». **Д. Джалал** подчеркнул, что архитектура Индо-Тихоокеанского региона должна быть инклюзивной. Возвращаясь к центральной для всего Диалога теме «Контроль за деструктивными сдвигами: идеи, институты, особенности», глава Тихоокеанского командования США адмирал **Г. Гаррисон** назвал Китай источником деструктивных сдвигов в Индо-Тихоокеанском регионе. В ходе заседания «Хрупкий мир: геополитические и геоэкономические вызовы в 2018 г.» («Fragile world: Geopolitical and Geoeconomic Challenges in 2018») директор Института Восточной Азии **Ю. Сон**, напротив, назвал США, которые при **Д. Трампе** вышли из ТТП и взяли курс на односторонние действия, государством, бросающим вызов существующему международному порядку в Восточной Азии и подрывающим сеть союзнических отношений и институтов в регионе.

Дискуссия о деструктивных силах в современной международной системе была продолжена и на завершающем Диалог заседании «Деструктивный мир: решения для завтрашнего дня» («A Disruptive World: Solutions for Tomorrow»). Первый заместитель министра иностранных дел Индии **С. Джайшанкар** к числу деструктивных сил отнес не только Китай, международный терроризм и подъем нерыночных экономик, но и США, назвав деструктивным поведение Вашингтона в Ираке, политику в отношении Пакистана и в украинском вопросе, а также курс новой администрации **Д. Трампа**. Вместе с тем он отметил, что, хотя Китай и является деструктивной силой, есть и положительные сто-

роны возвышения Китая — так, для Индии Китай стал сильным мотиватором и примером. Если Китай мог совершить такой скачок, почему не сможет и Индия? — задал он риторический вопрос.

В заключение следует отметить, что реферативно изложенные выше выступления представляют лишь небольшую часть сделанных в ходе Диалога многочисленных докладов.

В целом представляется, что инициирование «Диалога Райсина» как новой многосторонней платформы высокого уровня для обсуждения глобальных и региональных вопросов отражает протекающие ныне в мире и в регионе тенденции активизации внешней политики целого ряда незападных государств, рост внешнеполитических амбиций возвышающихся держав, стремящихся расширить свое влияние на мировой арене, а также соперничество нарративов. Претендующие на особую роль в международной системе возвышающиеся державы в силу своих возможностей создают новые международные институты, диалоговые площадки, предлагают инициативы и глобальные общественные блага. «Диалог Райсина» — это возможность для Индии продвигать свой нарратив и заявить о намерении добиваться статуса великой державы, способной играть одну из ведущих ролей в международной системе.

© 2018

*Я.В. Лексютина, доктор политических наук, доцент
кафедры американских исследований Санкт-Петербургского
государственного университета. E-mail: lexuana@yandex.ru;*

*А.Н. Пятчкова, аспирант, младший научный сотрудник
Центра комплексных европейских и международных исследований
Национального исследовательского университета
«Высшая школа экономики». E-mail: aruatachkova@hse.ru*

«Восточная Азия и изменение глобального миропорядка».

5-я международная научная конференция МОЛОДЫХ ВОСТОКОВЕДОВ

16–17 ноября 2017 г. в Институте Дальнего Востока РАН состоялась юбилейная 5-я международная научная конференция молодых востоковедов «Восточная Азия и изменение глобального миропорядка». С приветственным словом к участникам обратился заместитель директора ИДВ РАН, доктор экономических наук, профессор **А.В. Островский**, отметивший актуальность вынесенных на обсуждение вопросов. Он также подчеркнул важность участия в международных конференциях для профессионального развития ученых.

В работе конференции приняли участие более 50 молодых исследователей, аспирантов и магистрантов, представлявших различные академические институты, вузы, государственные учреждения, коммерческие и некоммерческие организации. На форум приехали молодые востоковеды из Москвы, Санкт-Петербурга, Перми, Красноярска, Улан-Удэ, Владивостока и других регионов России, а также эксперты из Китая, Польши и Украины. Были заслушаны и обсуждены более 40 докладов, посвященных актуальным вопросам сотрудничества в Восточной Азии и проблемам развития государств региона.

Заседания конференции проходили в четырех секциях: политика, экономика, история, культура и общество. Все доклады вызвали интерес и живую дискуссию, показав, что затронутые темы актуальны и интересны для молодых востоковедов.

В рамках заседания секции «Политика» были заслушаны и обсуждены 16 докладов. Ряд выступлений был посвящен анализу различных аспектов внешней политики Китая и влиянию современных китайских концепций на развитие международных отношений. В докладе **А.Ч. Мокрецкого** (ИДВ РАН) была представлена концепция национальной безопасности КНР как важный аспект китайской версии глобализации. Автор убедительно доказал, что КНР заинтересована в обеспечении государственного суверенитета, территориальной целостности и коренных интересов развития, а также проанализировал внутренние и внешние факторы, формирующие китайскую концепцию безопасности, раскрыл ее значение для мирового развития. **А.В. Цвык** (РУДН), продолжая анализ китайских внешнеполитических теорий, рассмотрел концепцию «Идти вовне», теорию «гармоничного мира» Ху Цзиньтао, теорию глобальной ответственности Китая, а также идею о сообществе с единой судьбой. Докладчик пришел к выводу, что идея о построении «сообщества с общим будущим для человечества», выдвинутая председателем КНР Си Цзиньпином, является важным шагом на пути реформирования действующей системы глобального управления. В свою очередь **А.А. Семенов** (ИДВ РАН) уделил особое внимание трансформации внешней политики КНР от традиционной концепции «*тао гуан ян хуэй*» («держаться в тени и ничем не проявлять себя») к принципу «*фэн фа ю взй*» («стремиться к достижениям, проявлять себя»). Докладчик подчеркнул, что китайская дипломатия действует, проявляя активность и стремясь к лидерству, используя весь спектр дипломатических методов для реализации целей внешней политики: от экономической дипломатии до «мягкой силы». В докладе **Ю.В. Кулинцева** (ИДВ РАН) был

представлен краткий обзор национальных интересов России и Китая в Азиатско-Тихоокеанском регионе на современном этапе. На основе анализа предпринимаемых Москвой и Пекином геополитических действий автор выявил перспективные направления регионального сотрудничества двух стран на политическом уровне. Особое внимание он уделит прогнозированию развития международной ситуации в АТР в контексте возможной конкуренции мировых держав за глобальное лидерство.

В докладе Р.А. Балдановой (ИСАА МГУ) были показаны основные тенденции в миграционной политике Китая — вхождение КНР в глобальный миграционный порядок, борьба с нелегальной миграцией, политика по отношению к зарубежным китайцам, привлечение международных специалистов, отношение к беженцам, проблемы миграционного законодательства.

Сравнительный анализ повестки и динамики распределения решений и обязательств «Группы двадцати» по ключевым сферам был сделан в докладе А.А. Игнатова (РАНХиГС). Автор проанализировал итоги председательства Южной Кореи и Китая в «Группе двадцати», определил наиболее вероятные приоритеты Японии в качестве будущей страны-председателя.

Роль Монголии в региональной системе безопасности Северо-Восточной Азии (СВА) была затронута в выступлении Ю.Г. Григорьевой (ИМБТ СО РАН, Улан-Удэ). Докладчик подчеркнула, что благодаря геостратегическому положению Монголия становится заметным актором в формировании новой структуры международных отношений в регионе. Отличительной чертой современной Монголии является активная внешняя политика и стремление полноценно участвовать как в региональном, так и в глобальном международном сотрудничестве.

Ряд докладов был посвящен анализу ситуации на Корейском полуострове. И.В. Дьячков (МГИМО) представил доклад «Ядерная проблема Корейского полуострова в 2017 г.: политика и технологии», в котором содержался анализ действий участников шестисторонних переговоров, а также предложения России по созданию механизма мира и сотрудничества в СВА. В выступлении Матеуса Данилевски (Варшавский университет, Польша) была предпринята попытка проанализировать отношения между Российской Федерацией и Корейской Народно-Демократической Республикой в 2012–2017 гг. Докладчик назвал Корейский полуостров ключевым элементом российской внешней политики, где Москва придерживается прагматичного подхода и поддерживает устойчивые отношения с КНДР в целях поддержания безопасности в СВА.

Политика региональных игроков в отношении КНДР также стала темой нескольких выступлений. Так, А.В. Куприянов (ИМЭМО РАН) сосредоточился на ретроспективном анализе отношений Индии и КНДР, сделав акцент на изменении внешнеполитического курса правительства Н. Моди в отношении КНДР. Разрывая связи с КНДР, Индия стремилась решить ряд тактических и в перспективе стратегических задач, укрепляя связи с потенциальными инвесторами. При этом Индия, по сути, пожертвовала своей позицией нейтрального арбитра, стоящего над схваткой и поддерживающего добрые отношения с обеими сторонами. Е.Л. Логинновский (НИУ ВШЭ) посвятил свое выступление проблемам Корейского полуострова с точки зрения Ирана. На рубеже 1980–1990-х гг. власти ИРИ привлекли КНДР к более тесному сотрудничеству, развивая хозяйственные связи, контакты по оборонной линии, а также добились политического и культурного взаимопонимания с Пхеньяном в условиях примерно схожих угроз со стороны внерегиональных акторов. Отношения Ирана и корейских государств показывают, что Тегеран не стремится к активному подключению к решению проблем полуострова и не намерен участвовать в эскалации конфликтов в СВА.

Военно-техническое сотрудничество Республики Корея со странами Юго-Восточной Азии стало темой доклада А.П. Значковой (ИДВ РАН), в котором были проанализированы цели и конкретные шаги Сеула, позволившие компенсировать технологический разрыв за счет объединения с партнерами для реализации совместных программ разработки отдельных компонентов военно-промышленного комплекса Республики Корея.

Ряд докладов был посвящен политическим проблемам отношений Японии со странами региона. О.А. Добринская (Дипакадемия), характеризуя японо-американский союз безопасности, подчеркнула, что за время существования союз претерпел значительную трансформацию, особенно очевидную после окончания холодной войны. Эволюция альянса проявляется в повышении его роли как ядра многостороннего сотрудничества в АТР. Альянс охватывает всевозможные сферы обеспечения безопасности Японии, включая ее невоенные аспекты, а также является идейно-ценностным звеном, связывающим его участников.

В докладе А.А. Киреевой (МГИМО) были проанализированы интересы России и Японии, обуславливающие улучшение двусторонних отношений и одновременно являющиеся ограничителями российско-японского сближения. С 2016 г. в отношениях между Россией и Японией наступило значительное улучшение по сравнению с периодом 2014–2015 гг. Самым значимым прогрессом может стать развитие экономического сотрудничества и интенсификация диалога в сфере политики и безопасности, а также выведение территориального вопроса в плоскость практического экономического и гуманитарного сотрудничества между сторонами. Среди возможных препятствий на пути дальнейшего экономического сотрудничества, связанного с привлечением японских инвестиций, докладчик отметила структурные проблемы российской экономики, ее бизнес-климат, изменения правил ведения бизнеса, бюрократические препоны и сложности согласования проектов, нехватку специалистов.

Отношения Японии со странами ЕС на современном этапе были проанализированы в докладе Д.А. Милеева (ИВ РАН). Япония остро осознает необходимость усиления позиций на мировой арене. ЕС вынужден преодолевать внутренние центробежные силы, демонстрировать жизнеспособность перед конкурентами на глобальном уровне. В современных условиях Японии и ЕС предстоит пройти через реформы, которые должны приспособить этих акторов к новой архитектуре международного порядка. Координация усилий Токио и Брюсселя может облегчить этот процесс.

М.Н. Малышевская (СПбГУ) посвятила свое выступление японо-монгольскому военно-экономическому сотрудничеству в 2000–2010 гг. Автор проследил процесс наращивания сотрудничества Японии и Монголии в оборонной сфере на фоне сближения обеих стран с НАТО с середины 2000-х гг. и тесного диалога с США на фоне эскалации северокорейской угрозы. В докладе также были определены векторы развития экономических связей между двумя странами, базирующихся на развитии монгольского горнодобывающего сектора экономики.

В секции «Культура и общество» были представлены доклады, посвященные проблемам образования и регулированию деятельности в глобальном информационном пространстве.

Е.Ф. Матвеева (ДВФУ) проанализировала социокультурные факторы и особенности государственной политики, влияющие на формирование статуса учителя в ведущих азиатских странах. Сравнивая образовательные системы Сингапура и Гонконга, докладчик сделала вывод, что для России может быть полезен опыт стран АТР, где традиционно высок престиж учительской профессии, в частности ведется жесткий отбор кандидатов для профессионального педагогического обучения, обеспечивается высокая заработная плата учителям и т.д.

А.А. Сизова (НИУ ВШЭ) выступила с докладом «Китайский язык в российской общеобразовательной школе в контексте “разворота России на Восток”». Она проанализировала современную ситуацию в области преподавания китайского языка в системе общего образования России, мероприятия по развитию учебно-методического обеспечения образовательной практики, а также дала предварительную оценку значения обучения китайскому языку в условиях российского «разворота на Восток».

В выступлении Т.С. Мозоль (МГЛУ) говорилось о «мягкой силе» высшего образования Республики Корея, где интернационализация стала одним из стратегических приоритетов в рамках национальной образовательной политики с учетом ожидаемой выгоды как в экономической, так и в научной, политической и социокультурной сферах.

В докладе были проанализированы достижения и задачи, которые стоят перед системой высшего образования Республики Корея на пути интернационализации.

А.Л. Поленова (ИДВ РАН) представила доклад «Стратегия регулирования Интернета в Республике Корея: возможности для политической цензуры», в котором был проанализирован режим информационной безопасности, существующий в корейской Интернет-среде, а также раскрыты возможности политической цензуры, «унаследованные» от контентного регулирования печатных СМИ и теле-/радиовещания.

В секции «История» особое внимание было уделено современным международным отношениям. Доклад **Р.Н. Лобова** (ИДВ РАН) был посвящен внешнеполитическому курсу КНДР после V съезда ТПК. Выступавший отметил, что хотя игра на противоречиях между Москвой и Пекином оставалась важной составляющей внешней политики Пхеньяна, с начала 1970-х годов КНДР приступила к диверсификации своих дипломатических и внешнеторговых связей. Важным направлением стало развитие отношений со странами Запада. Кроме того, наблюдается активизация контактов с государствами Азии и Африки, причем данное направление становится полем межкорейского соперничества за дипломатическое признание.

В.В. Нелидов (МГИМО) остановился на анализе основных характеристик внешней политики послевоенной Японии на примере японо-американского договора безопасности 1960 г. Изучение этих событий, по мнению докладчика, ведет к выводам, значение которых выходит за рамки рассматриваемого исторического периода.

Е.В. Яковкин (Колледж олимпийского резерва Пермского края) рассказал об истории создания Кио-Ва-Кай (Общества мирного сотрудничества [народов Маньчжоу-го]), ее организации и структуре. Особое внимание было обращено на идеологические основы этой организации, а также ее влияние на жизнь русских эмигрантов в Маньчжурии в 1930–1945 гг.

О.Н. Легкошкур (Украина) рассмотрела истоки тайского боевого искусства Муай-Тай и указала основные причины его популярности в России. Доклад **А.М. Харитоновой** (СПбГУ) был посвящен визитам правительственных делегаций Королевства Камбоджи в СССР в 1956–1970 гг. В ходе выступления автор широко использовала архивные газетные материалы, иллюстрирующие визиты иностранных делегаций в СССР.

На заседаниях секции «Экономика» рассматривались различные аспекты экономического развития государств Восточной Азии, включая инновационную политику, энергетическое сотрудничество, взаимодействие в области строительства инфраструктуры, транспортно-логистическую кооперацию. Были представлены доклады о перспективах экономических отношений России с Китаем, Японией и государствами Корейского полуострова.

Е.О. Заклязьминская (ИДВ РАН) рассказала об особенностях китайского статистического учета в туризме, его сопоставимости с международными стандартами, а также о мерах, принимаемых Государственным управлением по делам туризма КНР в целях улучшения туристической статистики.

Е.Н. Петелин (НИУ ВШЭ) проанализировал потребление природного газа в КНР, а также перспективы российских компаний на китайском газовом рынке. Докладчик предположил, что руководство КНР продолжит политику стимулирования доступа «третьих компаний» (в том числе и иностранных) в газовый сектор, сокращения монополии государственных компаний и максимального перевода ценообразования на природный газ на рыночные рельсы, что открывает для российских компаний возможности проникновения в китайский газовый сектор.

Выступление **И.В. Ставрова** (ИНАЭ ДВО РАН) было посвящено политике КНР по возрождению старой промышленной базы Северо-Восточного Китая. При анализе документальной базы можно выделить три периода в процессе возрождения, которые отчасти совпадают с традиционными этапами социально-экономического планирования КНР.

А.А. Любарец (Минпромторг РФ) на основе статистического анализа проследила развитие торгово-экономического сотрудничества РФ и КНР в алюминиевой промышленности: учитывая основную роль Китая в обеспечении поставок алюминия на мировой

рынок, а также длительное снижение биржевых цен на этот металл, между странами существует большой потенциал для сотрудничества и взаимных инвестиций.

В докладе **Е.В. Михайловой** (МГУ) была дана типология проблем приграничного сотрудничества городов Благовещенска и Хэйхэ. На основе полевых исследований, проведенных докладчиком в 2013 и 2017 г., и анализа источников выявлены наиболее значимые проблемы смежных приграничных поселений на российско-китайской границе.

Участники конференции обсуждали будущее интеграционных процессов в Евразии, уделив особое внимание китайской инициативе «Один пояс, один путь» и ее сопряжению с интересами России и стран Восточной Азии. В частности, **В.О. Намжилова** (БНЦ СО РАН, Улан-Удэ), проследив проблемы пространственной организации экономического коридора Китай — Монголия — Россия, отметила, что сопряжение национальных стратегий развития трех стран невозможно без выработки единого видения организации экономического пространства и стратегического планирования развития задействованных территорий. **М.Ю. Дондокова** (БГУ, Улан-Удэ) рассмотрела вопросы развития туризма в Байкальском регионе, в частности, в Республике Бурятия, с учетом монгольского проекта «Степной путь», который предоставляет реальные возможности для сотрудничества.

Оу Кайфэй (КНР) проанализировал интересы стран Восточной Азии (Китай, Япония и Южная Корея) в Арктике, связанные с разработкой арктических месторождений углеводородов, развитием судоходства по Северному морскому пути, проведением научных исследований и охраной окружающей среды. Доклад **У Цзы** (ИДВ РАН, КНР) также был посвящен сотрудничеству РФ и КНР в области освоения Арктики. Докладчик отметила, что обе страны заинтересованы в развитии судоходства по Северному морскому пути и добыче углеводородов в регионе.

Несколько докладов было посвящено экономическому развитию государств Корейского полуострова. **А.Ф. Синякова** (МГИМО) подвела итоги президентского срока Пак Кынхе на основе контент-анализа инаугурационной речи, сравнив поставленные задачи с реально достигнутыми статистическими результатами. **Я.И. Карячкин** (МГИМО) рассмотрел вероятные последствия решения нового президента Южной Кореи Мун Чжэ Ина о переходе к возобновляемым источникам энергии, отметив возможные риски, в частности, общее повышение цен на товары и услуги, произведенные в Республике Корея, вызванные повышением цен на электроэнергию. **А.Г. Зуева** (ИДВ РАН) дала оценку сотрудничеству Республики Корея и Российской Федерации в рамках Расширенной Туманганской инициативы, проанализировав развитие логистики в регионе СВА через реализацию проектов транспортных коридоров Приморье 1 и Приморье 2, развитие порта Зарубино и строительство зернового терминала. **Н.П. Лешакова** (ИСАА МГУ) рассказала о том, как южнокорейские компании оценивают торгово-инвестиционный климат в России и что мешает ведению бизнеса. Докладчик указала на основные препятствия при проникновении компаний Республики Корея на российский рынок.

В докладе **Л.В. Захаровой** (ИДВ РАН) была предпринята попытка описать происходящие на современном этапе изменения в социальной структуре КНДР, выявить их причины и перспективы развития в будущем. **А.И. Шарафетдинова** (ИВ РАН) рассмотрела текущее состояние российско-северокорейского сотрудничества в условиях принятия новых резолюций СБ ООН, а также на фоне серьезного охлаждения отношений КНДР и Китая.

По итогам работы на сессионных заседаниях Оргкомитет конференции вручил участникам памятные дипломы. На основе представленных материалов организаторы форума планируют опубликовать сборник докладов конференции.

Рецензии

Когда юань станет мировой валютой?

1. Селищев А.С., Селищев Н.А., Селищев А.А. **Финансовые рынки и институты Китая.** М.: ИНФРА-М, 2016. 258 с.
2. Селищев А.С., Селищев Н.А., Селищев А.А. **Китайский юань: на пути к глобальному статусу.** М.: ИНФРА-М, 2018. 352 с.

Темы финансового рынка Китая, укрепления места и роли юаня в мировой экономике привлекают все более активное внимание в России. Безусловно, это связано с выходом китайской экономики на лидирующие позиции в мире. В 2014 г. Китай обогнал, по оценкам МВФ, Соединенные Штаты (при оценке ВВП по паритету покупательной способности валют). Он вышел на первое место в мире по этому показателю и на второе — по ВВП, рассчитываемому по текущему обменному курсу (1, с. 4–5). Ранее, в 2006 г., Китай стал мировым лидером по валютным резервам, а в 2013 г. — по внешнеторговому обороту. Укрепление экономических позиций КНР шло параллельно с процессом интернационализации юаня, расширением его использования в международных расчетах и платежах.

Исследования по реформе финансовой системы КНР регулярно публиковались у нас с конца 1980-х годов, когда Китай приступил к коренным экономическим преобразованиям. Достаточно вспомнить в этой связи таких отечественных исследователей, как *А.С. Белову, Я.М. Бергера, И.В. Вахрушина, А.Н. Вдовина, В.В. Жигулеву, В.В. Кузнецову, Ю.А. Макеева, Л.В. Новоселову, С.В. Ноздрева, В.Я. Портякова, С.П. Савинского, Д.Н. Шарина, И.Б. Шевеля*. И вот в 2016 и 2017 гг. вышли в свет коллективные монографии исследователей двух поколений — профессора ряда московских и петербургских вузов, доктора экономических наук *Александра Сергеевича Селищева* и его сыновей, молодых кандидатов экономических наук, работников ТАСС *Николая и Алексея Селищевых*. Рецензируемые книги явились естественным продолжением их монографии по

экономике КНР, изданной 12 годами ранее¹. Сразу же хочется отметить: анализ и оценки состояния дел у нашего восточного соседа в данной сфере отличаются у этих авторов всесторонностью, глубиной, аргументированностью, снискав внимание как в академической среде, так и среди широкой общественности.

Монография, посвященная финансовым рынкам и институтам Китая, состоит из трех глав, в первой из которых («Рынок денег и денежно-кредитная политика») рассмотрены проблемы развития денежного обращения в Китае, функционирование центрального банка и банковской системы в целом, явления инфляции, рынок китайской валюты. Несомненное достоинство обеих монографий — интересные экскурсы в историю развития денежной системы, начиная с возникновения денег в древнем Китае. Вот и его банковская система описывается, начиная с середины XIX века по наши дни. С 1979 г. (стартового в экономической перестройке КНР) детально, по годам перечисляются мероприятия банковской реформы, даны характеристики государственных, коммерческих, крупных и мелких банков, а также отделений иностранных банков в КНР.

Вторая часть монографии («Небанковские финансовые институты») посвящена инвестиционным и страховым компаниям, пенсионным фондам страны. Здесь подробно исследуется денежно-кредитная политика Народного банка Китая (НБК) и ее инструменты: политика обязательных резервов, операции на открытом рынке, регулирование учетной ставки, контроль движения капитала. Важным представляется тот факт, что цель политики НБК, как подчеркивают авторы монографии, тесно увязана

с вопросами валютно-ценовой стабильности (сдерживанием инфляции и поддержанием стабильного валютного курса), а также со стимулированием экономического роста и сдерживанием безработицы (1, с. 54–57).

Третья часть, озаглавленная «Рынок ценных бумаг», посвящена проблематике китайского фондового рынка и его финансовых инструментов.

Вторую из рецензируемых нами монографий можно расценивать как продолжение первой книги А.С., Н.А. и А.А. Селищевых в русле подробного исследования валютного рынка как составной части финансовой системы Китая, укрепления статуса его национальной валюты в мировой экономике и финансах.

Следует отметить, что первые (тогда еще немногочисленные) публикации в российских академических изданиях по проблематике валютного регулирования в Китае, роли и месту юаня в мировой экономике стали появляться, в отличие от литературы по общим вопросам его финансовой системы, лишь с 1990-х годов². Но начиная с 2012 г., с выходом китайской экономики на передовые позиции в мире, исследования по валютной системе КНР и китайской валюте хлынули потоком³. По этим темам было защищено несколько диссертаций⁴.

То, что вторая книга Селищевых посвящена китайской валюте, не случайно: написана она была по следам важного события — включения юаня с 2016 г. в состав корзины СДР⁵. Эта монография состоит из трех частей, во многом повторяющих структуру первой книги. Содержание ее первой части («Денежное обращение в традиционном Китае») соответствует главе, касавшейся развития денежного обращения, а вторая часть («Формирование и развитие валютного рынка КНР») — главе о рынке китайской валюты из первой книги. Но здесь валютные проблемы рассматриваются более подробно. Достоинство работы — подробный библиографический список изданий по теме монографии, включая российские, западные и китайские источники.

Вторая из рецензируемых монографий содержит подробное описание китайской валютной реформы, переходу КНР в 1994 г. к единому рыночному валютному курсу при сохранении, в целом, фиксированного режима привязки к американскому доллару. 1 декабря 1996 г. Китай сделал свою национальную валюту конвертируемой по торговым операциям (текущим счетам), исполнив требования статьи VIII МВФ. И лишь по истечении двух с половиной десятилетий от начала реформ,

в 2005 г., юань был «откреплен» от доллара США: в настоящее время он привязан к корзине мировых валют и находится в «управляемом плавающим режиме»⁶.

Поучителен опыт Китая, обретенный по ходу преодоления неблагоприятного влияния на его экономику азиатского финансового кризиса 1997–1998 гг. Решающую роль тогда сыграло стабильное состояние счета текущих операций в платежном балансе КНР и масштабный объем прямых долгосрочных инвестиций в экономику страны. Хотя в интересах стимулирования внутреннего потребления, инвестиций и экономического роста НБК тогда снизил учетную процентную ставку, обменный курс юаня не снизился и не оказал сдерживающего влияния на динамику роста китайской экономики (2, с. 193–194).

Интересным представляется проведенный авторами анализ процессов интернационализации юаня в рамках «невозможного треугольника» (т.н. триллемка открытой экономики в ее монетарном измерении)⁷. Ссылаясь на исследования китайского экономиста Ли Чэна, они приходят к выводу, что «любая страна в рамках треугольника может найти точку равновесия и понести при этом минимальные потери, если частично откажется от стабильности курса и взамен обеспечит эффективность монетарной политики» (2, с. 314–315).

Для крупных экономик, к каковым относится Китай, выбор между независимой денежно-кредитной политикой и режимом фиксированного обменного курса национальной валюты решается (в большинстве, по крайней мере, случаев) в пользу независимой денежно-кредитной политики. Стабильный, но фиксированный, привязанный к другой валюте, курс национальной денежной единицы предполагает следование в фарватере денежной политики страны — эмитента якорной валюты, что значительно сокращает самостоятельность в сфере монетарной политики. При этом, по оценке китайских специалистов, перейдя на режим свободного обращения капитала и сохранив для себя возможность проведения независимой монетарной политики, вполне возможно сглаживать последствия валютных курсовых колебаний в режиме плавающего курса юаня с помощью инструментов бюджетной и монетарной макроэкономической политики.

Значительное событие в валютной сфере Китая состоялось в 2016 г., когда МВФ принял решение о включении юаня с 1 октября 2016 г. в состав корзины СДР. Для юаня была определена 10,92% доля в течение последую-

щих пяти лет, он, таким образом, обрел статус третьей (после доллара и евро) мировой валюты в корзине СДР, где «прописаны» также японская иена и британский фунт стерлингов.

Конечно, это не означает, что юань стал в мировой экономике вровень с долларом или евро. Сфера применения СДР узка: лишь по счетам внутри МВФ в целях дополнительной ликвидности для регулирования сальдо платежных балансов стран — членов Фонда, покрытия их дефицита и для использования в качестве международных резервов, выполнения расчетов по кредитам МВФ. Эти операции производятся только на межгосударственном уровне или между правительством и МВФ. При включении национальных валют в корзину СДР МВФ применяет два критерия: масштаб их применения в международных расчетах и доля страны в мировой торговле.

Ввиду этого МВФ обозначает юань не «свободно конвертируемой валютой» (СКВ), а *СИБ*, «свободно используемой валютой» (*«freely usable currency»*), которая служит для платежей по международным сделкам, торгуется на мировых валютных рынках, не будучи при том, как показывает случай с юанем, свободно конвертируемой (т.е. обмениваемой без ограничений, как по текущим счетам, так и по счетам движения капитала, и не присутствуя широко в валютных резервах большинства стран мира). Причем в случае с юанем МВФ даже пренебрег одним из критериев: если по доле в мировой торговле Китая, можно сказать, вне конкуренции, то по международным платежам его юань пока не дотягивает до существенного уровня.

Политическое решение о включении китайской валюты в корзину СДР тем не менее свидетельствует об интернационализации юаня, расширении его международного использования, служит наглядным подтверждением последовательности валютной политики КНР. Контроль за движением капитала в стране постепенно ослабляется, растет использование юаня зарубежными банками в их расчетах и резервах. В частности, он активно предоставляется другим странам через механизм свопов между центральными банками. При этом колебания плавающего курса юаня достаточно слабы и эффективно регулируются Народным банком Китая.

Самостоятельную ценность имеют рассуждения авторов в заключительной третьей части, озаглавленной «Превращение юаня в глобальную валюту». По используемым ими критериям, китайская валюта уже стала между-

народной (все шире используется в международных операциях) и мировой резервной (по классификации МВФ, исходя из ее наличия в корзине СДР), но еще не является в полной мере СКВ или СИБ (2, с. 270–273). Юань постепенно движется к статусу мировой валюты. Но применение его в качестве мировой резервной валюты пока невелико, по использованию в международных платежах он уступает доллару, евро и фунту стерлингов, находясь на одном примерно уровне с иеной с мировой долей 2–3% (2, с. 326–327). В текущей повестке дня валютной реформы КНР стоит вопрос либерализации движения капитала.

В своем долгосрочном прогнозе развития КНР авторы придерживаются оптимистического подхода: примерно к 2025 г. Китай, полагают они, догонит США по номинальному показателю ВВП, исчисленному в долларах по текущему обменному курсу. Монография содержит возможные сценарии укрепления места и роли юаня в мировой валютной системе: к 2020 г. ожидается достижение им конвертируемости по счетам движения капитала, а к 2035 г. юань превзойдет американский доллар и станет главной мировой валютой (1, с. 4–7). По «интуитивным» прогнозам авторов, к 2050 г. юань твердо закрепится на лидирующих позициях в мировой валютной системе с долей 35–40%, причем доллар США (20–25%) даже отстанет от евро (25–30%) (2, с. 337).

По нашему мнению, перспектива превращения юаня в мировую глобальную валюту наравне с долларом и евро (тем более оттеснение их на вторые роли) пока что не просматривается. Наглядное подтверждение тому дано самими же авторами (2, с. 266–267). Так, в последнее десятилетие особенно обострилась конкуренция среди международных финансовых центров. В результате за 2009–2016 гг. по индексу The City of London Corporation Гонконг спустился с 3-го на 4-е место, пропустив вперед Лондон, Нью-Йорк и Сингапур; Шэньчжэнь был отодвинут с 5-го на 16-е место, Шанхай — с 10-го на 22-е. Такое оттеснение китайских центров стало следствием обвала на фондовом рынке КНР в 2015 г.

Что же необходимо для превращения юаня в полноценную мировую (глобальную) валюту? Для этого, как мы считаем, нужны не только стабильный экономический рост и огромные валютные резервы. И не только, как справедливо пишут авторы, «высокоразвитая специализированная финансовая инфраструктура, способная предоставить... весь спектр финансовых услуг» (1, с. 133), но также откры-

тость рынков акций, облигаций и производных инструментов использования юаня при экспорте товаров и услуг, механизм обратного притока в страну юаня (1, с. 142).

Бесспорно, для выхода национальной валюты на лидирующие роли в мире необходимо обеспечить долгосрочную внутреннюю макроэкономическую стабильность, устойчивость госбюджета, жесткую денежно-кредитную политику, низкую инфляцию и безработицу, устойчивые темпы экономического роста. Но при этом также важно обеспечить долгосрочный спрос на свою продукцию на мировом рынке (для использования своей национальной валюты в качестве средства платежа), а это требует создавать продукцию на основе своих, отечественных изобретений, технологий и ноу-хау, а не только производить ее по импортным лицензиям. Таким образом, ключевое значение, на наш взгляд, имеет способность Китая стать создателем и производителем собственных образцов продукции и массовых изделий, превратиться из «мировой мастерской по производству и переработке» в «мировой центр создания новых технологий и новой продукции». На первый план выходят задачи технологического роста, инноваций, повышения качества товаров и людских ресурсов, национального компонента в добавленной стоимости экспортной продукции. Рассчитывать же на доступ к зарубежным технологическим активам, на технологическую «помощь» извне Китая, как показывает практика, надеяться не стоит. Так что не будем торопиться разделять столь оптимистические прогнозы авторов относительно обретения юанем глобального статуса.

Наконец, не стоит забывать о возможных встречных шагах мирового финансового гегемона по защите своего монопольного положения. Так просто он своих позиций не сдаст. В XX столетии смена ролей мировых валют (британского фунта и американского доллара) произошла в период и стала во многом следствием Второй мировой войны. Несомненно, что США будут до последнего защищать мировой статус доллара, вплоть до использования потенциала своего военно-промышленного комплекса. В отношении евро и иены этот фактор играет, по нашему мнению, определяющую роль. Опираясь на военный потенциал США, странам ЕС и Японии не стоит всерьез рассчитывать (да они, видимо, и не рассчитывают) на замещение доллара своими валютами. Китай же не связан с США обязательствами в сфере обороны. В отличие от Японии и ЕС, он сохраняет военно-политический суверенитет и

потенциальную возможность ответить на любые шаги США по защите доллара, противопоставив ему свою национальную валюту, растущую мощь своей экономики и вооруженных сил.

...Наш общий вывод таков: изданные книги А.С., Н.А. и А.А. Селищевых могут служить полноценным учебным пособием по финансовой системе Китая в рамках изучения курса высшей школы по китайской экономике. Этому способствуют наличие выводов, помещенных в конце каждой главы во второй книге, подробный библиографический список публикаций по теме, перечисление отечественных исследователей валютно-финансовой проблематики Китая, упомянутый исторический очерк (в том числе по мероприятиям валютной реформы за 40-летний период китайской экономической перестройки), характеристика основных банковских и финансовых институтов КНР.

Оригинальной находкой авторов стало сочетание сугубо материальной темы (финансы и деньги Китая) с духовной и культурной спецификой китайского общества. Так, в начале каждой из глав второй книги в качестве эпиграфов приводятся цитаты из китайских классических поэтических произведений разных лет. Важным достоинством рецензируемых работ является широкое цитирование китайских первоисточников: документов, а также аналитических исследований китайских ученых (в особенности, во второй монографии) по проблематике денег, валюты, инфляции.

В работах присутствуют отдельные опечатки, неточности перевода. Стоит уточнить, что в приведенном списке отечественных исследователей под именем В.И. Ванина, автора известного исследования по экономике Китая середины XX в. (Государственный капитализм в КНР. М.: Наука, 1974) «скрывается» авторитетный экономист-китаевед *Вадим Иванович Шабалин* (2, с. 9).

В порядке пожелания добавим: авторам для придания полноты исследованию можно в дальнейшем рассмотреть финансы Китая с точки зрения анализа взаимоотношений между основными экономическими субъектами — государством, банками, предприятиями и частными лицами; комплекс мер по проведению Китаем денежно-кредитной политики, в том числе роль государства в проведении бюджетной (налоговой) политики, в регулировании внешнего и внутреннего долга, расходов и доходов; а также финансовые проблемы корпоративного сектора и домохозяйств.

В целом монографии исследователей Селищевых читаются с неподдельным интересом и их можно смело рекомендовать всем, кто

интересуется Китаем, проблемами развития этой страны. А нам остается пожелать талантливым авторам дальнейших творческих успехов.

© 2018

*М.А. Потапов,
доктор экономических наук, главный научный сотрудник
Центра азиатско-тихоокеанских исследований ИМЭМО РАН*

1. Селищев А.С., Селищев Н.А. Китайская экономика в XXI веке. СПб.: Питер, 2004. 240 с.
2. Авдокушин Е.Ф. Китайский валютный рынок // Проблемы Дальнего Востока. 1991. № 6. С. 70–78; Шевель И.Б. Валютное регулирование в КНР // Проблемы Дальнего Востока. 1997. № 6. С. 69–82; Софьянников И.Р. Реформа системы валютного регулирования в Китае // Проблемы Дальнего Востока. 2003. № 1. С. 100–119.
3. Поливач А.П. Проблема заниженного курса юаня в торговых отношениях США и Китая // Мировая экономика и международные отношения. 2012. № 3. С. 20–28; Биндер А.И., Кононов А.Ю. Укрепление позиций национальной валюты на глобальных рынках: опыт Китая // Проблемы Дальнего Востока. 2013. № 5. С. 65–78; Биндер А.И., Кононов А.Ю. Валютная политика КНР: исторический аспект // Мировая экономика и международные отношения. 2014. № 2. С. 24–31; Жариков М.В. Проблемы и перспективы интернационализации юаня // Мировая экономика и международные отношения. 2014. № 7. С. 36–44; Цыплаков С.С. Девальвация юаня: причины и последствия // Проблемы Дальнего Востока. 2015. № 5. С. 25–31; Цыплаков С.С. Еще раз о девальвации юаня // Проблемы Дальнего Востока. 2016. № 2. С. 50–58; Кудряшова И.В. Китайский юань как мировая валюта: императивы и реальность // Мировая экономика и международные отношения. 2017. № 9. С. 36–44.
4. Софьянников И.Р. Валютное регулирование в Китайской Народной Республике. Дисс.... канд. экон. наук. М.: Финансовая академия при Правительстве РФ, 2003 г. 155 с.; Кононов А.Ю. Эволюция валютной политики КНР. Дисс.... канд. экон. наук. М.: МГИМО МИД РФ, 2017 г. 240 с.
5. (SDR, Special Drawing Rights — искусственное резервное и платежное средство, эмитируемое в безналичной форме Международным валютным фондом с 1969 г. — *Прим. ред.*)
6. За исключением периода 2008–2010 гг. во время мирового экономического кризиса, когда временно была восстановлена привязка к доллару США в рамках антикризисной политики КНР.
7. Модель *Манделла-Флеминга* характеризует невозможность одновременного достижения трех целей: проведения независимой эффективной национальной денежно-кредитной (монетарной) политики, поддержания стабильного (фиксированного) обменного курса национальной валюты и использования преимуществ свободного движения капитала. В соответствии с данной моделью можно достичь лишь любые две из трех целей, а оставшейся третьей целью придется пожертвовать.

Портяков В.Я. Шэньчжэньский камертон. Трансформация модели экономического роста в Китае и развитие Шэньчжэня: монография / В.Я. Портяков. М.: ИД «Форум», 2017. 156 с.

Приступившая в 1978 г. к политике реформ и открытости, КНР перешла за краткий по историческим меркам период из состояния отсталости и нищеты к статусу второй экономики мира, благополучно миновал мировые финансово-экономические кризисы 1997 и 2008–2009 гг. и развернула строительство инновационного государства.

Рецензируемая монография доктора экономических наук, профессора В.Я. Портякова представляет собой уникальное для российского и зарубежного Китаеведения научное исследование с высокопрофессиональным анализом процессов развития КНР в период реформ и становления г. Шэньчжэня в качестве его «испытательного полигона», отвечающее на один из важнейших вопросов современности — как Китаю удалось достичь его выдающихся успехов. Данная монография представляет собой единственный в России научный труд по проблематике экономического развития Шэньчжэня и его влияния на развитие всей страны. Особую актуальность исследованию придает то, что Шэньчжэнь наряду с двумя другими мегалополисами, Пекином и Шанхаем, призван обрести в ближайшем будущем статус инновационного города.

Структурно монография состоит из краткого введения, шести глав и заключения с обзором основных тенденций сегодняшнего дня в Шэньчжэне.

Монография содержит богатую фактуру, опирающуюся преимущественно на китайские первоисточники (что придает ей особую весомость), при этом не игнорируются и источники на русском, английском языках. Выводам автора присущи глубина и самостоятельность, причем опираются они не только на авторитетные статистические данные, но и на законодательные акты КНР, на политические решения китайских руководителей центрального и городского уровней.

Первая глава включает научно обоснованную периодизацию истории экономического развития Шэньчжэня в 1980–2012 гг. с разбивкой на три этапа.

На первом этапе (1980–1991 гг.) произошло становление одноименной Свободной экономической зоны (СЭЗ), Шэньчжэнь превратился в крупный современный город с такими важными функциями, как обретение опыта на-

лаживания и развития внешнеэкономических связей, экспериментальная проверка механизмов внедрения рыночных принципов в организацию экономической жизни. За 1980–1991 гг. ВРП Шэньчжэня возрос в 144 раза, число промышленных предприятий — более чем в 16 раз, появились первые капиталоемкие и высокотехнологичные предприятия, кратно выросли масштабы внешнеэкономической деятельности.

На втором этапе (1992–2003 гг.): в рамках СЭЗ Шэньчжэнь углублялись рыночные преобразования в экономике, включая эксперименты по освоению функций «мировой фабрики»; отработывалась модель «управления на основе закона»; наблюдалось становление рынка акций; были учреждены площадки для торговли акциями малых и средних предприятий, а также высокотехнологичных компаний; шло опережающее развитие зон беспошлинной торговли Футянь, Шатоуцзяо и Яньтянь. Шэньчжэнь демонстрировал успешное развитие во многих сферах: население почти утроилось, ВРП вырос в 9,4 раза, внешнеторговый оборот — в 3,7 раза, объем прямых иностранных инвестиций — более чем семикратно. В городе функционировало 12 тыс. предприятий с иностранным капиталом из 66 стран, дававших около 80% объема промышленного производства (в 2000 г. доля высокотехнологичной продукции превысила 42%). Годом ранее в Шэньчжэне стали проводиться на регулярной основе всекитайские ярмарки научно-технических достижений.

Автор подчеркивает негативное воздействие на Шэньчжэнь азиатского финансового кризиса 1997 г. и указывает на снижение посреднической роли Гонконга в экономических связях КНР с миром после ее вступления в ВТО в 2001 г.

Соответственно, на третьем этапе (2003–2012 гг.) Шэньчжэню пришлось взять новый старт в развитии: на первое место выдвинулись инновационные и интеграционные (по отношению к Гонконгу) функции. В ответ на установки центральных властей был взят курс на ускоренное развитие высокотехнологичных отраслей обрабатывающей индустрии — особенно в разработке собственных торговых марок и серийном производстве продукции собственных торговых марок.

В 2005 г. доля затрат на НИОКР в Шэньчжэне оказалась втрое выше, чем в среднем по стране, а год спустя доля высокотехнологичной продукции составила более половины его промышленного производства (58% его основывалась на своей интеллектуальной собственности). Число высокотехнологичных компаний превысило 1500 единиц, причем ряд из них в дальнейшем стали крупными компаниями, широко известными в КНР и за рубежом, такими, как «Хуавэй», «Бияди» (BYD) и пр.

Ныне, пишет В.Я. Портяков, рассматривается перспектива преобразования Гонконга и Шэньчжэня в единую крупную городскую агломерацию (Сячжэнь), сопоставимую с Нью-Йорком и Лондоном, в связи с чем он делает интересный вывод: курс на интеграцию Шэньчжэня с Гонконгом «призван обеспечить не только текущие бытовые и экономические выгоды, но и, в перспективе, мягкую стыковку Гонконга с материком в случае, если сохранение за ним особых прав в рамках курса «одна страна — два строя» не произойдет после завершения 50-летнего переходного периода (начавшегося в 1997 г.) (с. 22).

Вот как характеризует В.Я. Портяков развитие Шэньчжэня в 2003–2012 гг.: население выросло в 1,4 раза, ВРП — в 3,6 раза, объемы внешнеторгового оборота — вчетверо, прямых иностранных инвестиций — почти в полтора раза. В структуре экономики доля первого подразделения общественного производства в ВРП с 2011 г. оценивается как нулевая, доли второго и третьего составляют 46,5% и 53,5% соответственно (с. 23).

Как уже отмечалось, автор расценивает Шэньчжэнь не только как символ успеха внешнеэкономической открытости Китая, но и как экспериментальную площадку многих конкретных реформ. Он определяет настрой на новаторство как ключевую специфику Шэньчжэня, которая сохранится, по его прогнозам, до середины XXI века (с. 4–25).

Во второй главе, посвященной трансформации модели экономического роста (перехода КНР от экстенсивного к интенсивному развитию), В.Я. Портяков подчеркивает: главным фактором, тормозящим трансформацию его существующей модели, является устремленность китайских элит — особенно региональных — к сверхвысоким темпам роста ВВП/ВРП за счет наращивания экспорта и инвестиционной накачки экономики. По мнению Портякова, современное китайское руководство во главе с Си Цзиньпином в условиях снижения темпов экономического роста расценивает трансформацию модели роста как долговременный процесс, призванный постепенно вы-

править перекосы в экономике в сторону увеличения в ВВП доли конечного потребления и максимально сохранить сравнительные преимущества существующей экспортно ориентированной модели роста. Важное место при этом отводится расширению внутреннего спроса при сохранении достаточно высокой доли экспорта и инвестиций в ВВП (на уровне 20% и 35% соответственно). Наиболее существенные проблемы корректировки структуры общественного производства автор видит в сокращении избыточных производственных мощностей, концентрации производства, развитии новых стратегических отраслей и, следовательно, в наращивании научно-технического потенциала, повышении расходов на НИОКР в высокотехнологичных отраслях, оптимизации структуры этих расходов.

В целом, по оценке В.Я. Портякова, пока что нет оснований говорить о кардинальных сдвигах в деле трансформации модели экономического роста: в настоящее время происходит лишь некоторая модификация соотношения факторов роста (с. 25–45).

В третьей главе речь идет о том, как, с одной стороны, модификация модели роста в КНР отразилась на развитии экономики Шэньчжэня, и чем, с другой стороны, опыт Шэньчжэня по апробированию новаций в экономическом росте может быть полезен для КНР в целом. Согласно анализу автора, у реализуемой в Шэньчжэне в 2011–2015 гг. модели экономического роста есть сходство с общеазиатскими тенденциями, но налицо и свои особенности.

В этот период Шэньчжэнь вел поиск внутренних факторов роста по нескольким направлениям: снижению удельных затрат электроэнергии и других первичных ресурсов на выработку единицы продукции, структурные изменения в экономике при сохранении ключевой роли промышленности в экономическом развитии города (где наблюдался устойчивый рост сферы услуг за счет постепенного сокращения доли второго подразделения в ВРП), развитие новых стратегических отраслей с акцентом на высокотехнологичные производства.

Автор констатирует, что в Шэньчжэне сформировался классический кластер инновационного развития, чему в немалой степени способствовали центральные и местные власти. Отмечено, что передовой характер экономики этого мегаполиса отражается в высокой доле в ней сферы услуг. Доказывается, что модификацию модели экономического роста здесь отражают подвижки в структуре промышленного производства и сферы услуг, причем повышение роли потребления как фактора экономического роста имеет свои трудности как в Шэньчжэне, так и в стране в целом. Касательно обратного воздейст-

вия шэньчжэньской практики на модификацию модели экономического роста в КНР автор обращает внимание на удачный опыт мегаполиса по освоению в сжатые сроки новых и «дружественных к экологии» технологий, а также по пере-профилированию многих средних и малых предприятий на выпуск более современных видов продукции (с. 49–61).

Четвертая глава посвящена социальным процессам и проблемам Шэньчжэня в период реформ. За этот период его население увеличилось более чем в 300 раз, большинство не имеет местной прописки — отсюда проблема разного статуса и неравенства прав жителей Шэньчжэня, которую в экспериментальном порядке пытаются ныне решать власти города. Среди особенностей Шэньчжэня: более высокий, чем в среднем по стране, естественный прирост населения, высокая доля лиц трудоспособного возраста, существенно более низкий уровень безработицы. Однако конкурентные преимущества города по уровню зарплаты, особенно в высокотехнологичных отраслях, постепенно снижаются, что ведет к дефициту квалифицированных кадров. Разрыв в доходах здесь меньше, чем в целом по стране.

Городские власти уделяют приоритетное внимание развитию образования, медицинского обслуживания, социальному страхованию. В городе весьма активно работают профсоюзные организации.

Автор предсказывает, что протекающие в социальной сфере Шэньчжэня процессы могут обрести общекитайские масштабы. Однако, вопреки этому, он обратил внимание и на снижение социальной привлекательности данного мегаполиса, прежде всего, ввиду развития внутренних районов КНР.

Отметив усиление социального вектора в экономической жизни Шэньчжэня, В.Я. Портяков, однако, приходит к выводу, что говорить о формировании социально ориентированной рыночной экономики — пока преждевременно. Согласно объективной оценке учебного, досконально владеющего предметом исследования, социальная ориентация здесь постепенно превращается из инструмента обеспечения роста экономики в одну из главнейших целей экономического развития (с. 64–73).

Особенно интересна, по нашему мнению, пятая глава, озаглавленная «Интеграционные процессы в дельте реки Чжуцзян и роль Шэньчжэня». Она имеет важное значение для понимания места и роли этого мегаполиса в системе внутризкономических и внешнеэкономических связей КНР.

Дельта реки Чжуцзян — одна из трех территорий интенсивного развития интеграци-

онных процессов в Китае, к 2020 г. здесь намечено осуществить в основном социалистическую модернизацию — прежде всего путем более тесного экономического и социального сотрудничества городов, подразделяющихся на три группы: «гуанчжоуский узел» (Гуанчжоу, Фошань, Чжаоцин), «шэньчжэньский узел» (Шэньчжэнь, Дунгуань, Хойчжоу) и «чжухайский узел» (Чжухай, Чжуншань и Цзянмэнь). Первый из них значительно превосходит «шэньчжэньский» по территории и незначительно — по объему ВРП. Но по объему внешней торговли «шэньчжэньский узел» — неоспоримый лидер в дельте.

Автор доказывает, что Шэньчжэнь есть ключевое звено в деле интеграции дельты реки Чжуцзян с Гонконгом и Аомэнем. Ее экономическое развитие призвано также содействовать подъему других провинций и городов КНР, а саму дельту вместе с названными провинциями, Гонконгом и Макао, подчас именуют «Панчжуцзянским» регионом (с. 76–84).

Шестая глава посвящена проблематике экономического роста в Китае на современном этапе. В качестве ключевой задачи 12-й, да и 13-й, пятилеток означена трансформация модели экономического роста, которую также именуют «новой нормальностью» (развитие вслед за кризисом 2008–2009 гг. в условиях постепенного снижения темпов прироста ВВП, перехода от наращивания инвестиций и экспорта к акценту на внутреннее потребление, стимулирование научно-технического прогресса).

По мнению автора, для Китая ближайшие несколько лет будут трудными в экономическом и социальном отношении. Он называет три возможных сценария развития страны до 2020 г.:

при улучшении ситуации на мировых рынках возможно дальнейшее наращивание экспорта, развитие новых высокотехнологичных производств и достижение темпов роста в 6,5%;

достижение требуемых темпов роста за счет дополнительных инвестиций и «мягкой» кредитно-денежной политики (что сулит временный эффект, но чревато проблемами после 2020 г.);

«жесткая посадка» — спад прироста ВВП на 5 процентных пунктов (что в ближайшие годы маловероятно).

В.Я. Портяков развивает здесь соображения о ключевых проблемах, тормозящих трансформацию модели экономического роста — наличие избыточных производственных мощностей и сокращение в последние годы объемов внешней торговли.

Решению этих проблем руководство страны уделяет серьезное внимание: с 2013 г. Китай занялся сокращением производственных

мощностей, поиском рынков сбыта продукции отраслей с избыточным объемом мощностей и производства, частичным выводом за рубеж избыточных производственных мощностей.

На падение внешнеторгового товарооборота Китай ответил дальнейшим углублением политики внешнеэкономической открытости при всемерном улучшении условий ведения внешней торговли. Инициатива «Одного пояса, одного пути» есть стратегический шаг в решении указанной проблемы на долгосрочную перспективу.

Параллельно прилагаются усилия к улучшению ситуации с внешней торговлей в обозримой перспективе.

Тем не менее, по мнению В.Я. Портякова, в ближайшие годы негативная тенденция ослабления роли экспорта как рычага экономического роста в Китае сохранится. В целом, проволочки во всестороннем углублении реформы, декларированном в КНР с ноября 2013 г., автор монографии объясняет масштабностью намеченных преобразований (60 направлений реформы, затрагивающих все сферы жизни общества), а также противоречиями между задачами совершенствования хозяйственного механизма и необходимостью обеспечения экономического роста, противодействиями преобразованиям со стороны групп интересов, противоречиями между рыночной экономикой и коммунистической политической системой (с. 84–101).

Завершая свою монографию, автор сопоставляет показатели экономического роста Китая и Шэньчжэня в 2016 г. Его вывод: экономическое развитие города в целом и целом вписывалось в общекитайские тенденции, но имело и свою специфику: более высокий прирост валового продукта, более высокий удельный вес сферы услуг в ВРП, более низкий прирост общественного розничного товарооборота, более заметное сокращение внешнеторгового товарооборота, чем в среднем по стране.

В качестве главного ориентира Шэньчжэня в 13-й пятилетке автор называет укрепление его роли первопроходца реформ и авангарда в инновационном развитии, упрочение статуса мощного международного центра самых современных видов перерабатывающей промышленности (с. 102–103).

Отмечая безусловно высокую значимость для российского и мирового Китаеведе-

ния научных выводов, представленных в монографии, не будет лишним обратить внимание и на некоторые дискуссионные моменты. По нашему мнению, в силу значительной неравномерности развития регионов КНР опыт Шэньчжэня в проведении реформ может быть полезен лишь для некоторых регионов, имеющих сопоставимые с Шэньчжэнем условия и ресурсы для экономического роста. Напомню, что согласно «Программе освоения основных функциональных районов Китая» с 2010 г. все регионы КНР распределены по четырем группам функциональных районов: оптимальные, приоритетные, ограниченные и запрещенные для освоения районы. Роль полюсов инновационного развития отведена лишь оптимальным для освоения районам, куда входят район кольца Бохайского залива, дельты рек Янцзы и Чжуцзян. Приоритетным для освоения районам отводится вспомогательная роль в развитии ключевых инновационных полюсов, то есть предоставлять оптимальным для освоения районам нужные ресурсы, забирая избыточные ресурсы. Задача ограниченных для освоения районов — обеспечивать страну безопасной сельскохозяйственной продукцией. Запрещенные для освоения районы — это заповедные зоны, основная задача которых — сохранение естественной экологической системы Китая. В этом раскладе Шэньчжэнь можно признать «камертоном» социально-экономического развития лишь для группы оптимальных для освоения районов КНР.

По нашему мнению, экономические реформы и их результаты в Шэньчжэне можно было бы сопоставить с реформами и их результатами в двух других китайских мегаполисах, претендующих на статус инновационных — Пекине и Шанхае.

Наконец, включенное в монографию приложение, которое содержит англоязычные версии некоторых ее глав, смотрелось бы выигрышней, если бы там были представлены все главы на английском языке: в этом случае книгу можно было бы разместить в ведущих международных базах данных, что способствовало бы наилучшей ее популяризации за рубежом.

В целом отмеченные замечания носят дискуссионный характер и, разумеется, ни в коей мере не умаляют ценности рецензируемой работы.

Баженова Е.С., Островский А.В. Синьцзян — горизонты нового Шелкового пути / Е.С. Баженова, А.В. Островский. Изд 2-е, доп. М.: ООО «Издательство МБА», 2016. 276 с.

Монография известных российских китаеведов посвящена вопросам социально-экономического и культурного развития Синьцзян-Уйгурского автономного района — крупнейшего административно-территориального образования Китая, составляющего шестую часть его территории. Значение этого региона возрастает в наше время как в связи с растущим вовлечением в хозяйственный оборот его огромного ресурсного потенциала, так и в связи с тем, что именно этот регион становится своеобразными «воротами в Китай» на формируемом ныне пространственном маршруте «нового Шелкового пути». Это, безусловно, усиливает актуальность темы комплексного изучения Синьцзяна и перспектив его развития.

Особенностью рассматриваемой монографии является ее оригинальный жанр: она построена на материалах полевых исследований, проведенных авторами в ходе длительной поездки по многим городам и уездам Синьцзяна в 2010 г. при поддержке Пресс-канцелярии при Правительстве Синьцзян-Уйгурского автономного района КНР для разработки темы «Нематериальное культурное наследие народов Синьцзяна». Благодаря этому авторам удалось удачно дополнить проведение экспертного анализа развития экономики, социальной сферы и культуры Синьцзяна, основанного на глубоком изучении источников и литературы, богатыми личными впечатлениями о жизни этого региона во всем его многообразии, о населяющих его народах, их традициях и быте. Изложенный материал более интересен благодаря живому языку, которым написана книга.

Работа открывается рассказом об истории Великого шелкового пути и о выдвижении руководством КНР в 2013 г. стратегической концепции создания совместного с другими странами, в том числе и с нашей страной, «Экономического пояса Шелкового пути». Далее следует подробный очерк природно-географических особенностей и природных ресурсов региона. Отдельный большой раздел посвящен административному делению СУАР, причем это не сухое изложение статистических материалов по основным административно-территориальным единицам региона, а подробное описание истории,

экономики, национально-культурных особенностей городов и округов, автономных административных образований, населенных уйгурами, ханьцами и многими другими народами Синьцзяна, в том числе под углом зрения личного восприятия авторами всего увиденного там.

Следующий большой раздел посвящен национальному составу населения Синьцзяна и подробному изложению истории его заселения уйгурами и другими народами (включая малочисленные — дауры, татары, русские и др.), особенностям национальной политики КНР, воплощенной в системе районной национальной автономии. Это изложение сопровождается колоритным описанием жизни, бытовых традиций этих народов. Не обойден вопрос истории заселения Синьцзяна ханьцами, превратившимися на протяжении двух тысяч лет в один из коренных народов Синьцзяна, включая и вопрос о деятельности такого специфического образования, как система производственно-строительных корпусов.

Большая глава посвящена политике центрального руководства КНР по экономическому развитию Синьцзяна. Авторы подробно рассматривают развитие промышленности, прежде всего, основанной на добыче и переработке природных ископаемых региона, специфику развития в нем сельского хозяйства. Особое внимание в книге уделено развитию транспортной инфраструктуры — шоссейных и железных дорог, трубопроводов, что рассматривается авторами как «залог прорыва в экономике» СУАР, весьма важный для реализации планов построения нового Шелкового пути. Специально рассмотрен и вопрос о развитии научно-технического потенциала региона, приоритетных направлениях проводимых учеными Синьцзяна научных исследований.

С учетом важности региона для развития экономики КНР и в качестве важнейшей внутренней базы развития нового Шелкового пути специальные разделы работы посвящены роли Синьцзяна в реализации программ освоения западных районов КНР и создания «Экономического пояса Шелкового пути», прежде всего в плане строительства необходимой инфраструктуры и развития внешней торговли.

Отдельно рассмотрено состояние образования, здравоохранения, социального страхования в регионе. Уровень жизни жителей СУАР проанализирован с привлечением подробных статистических данных, свидетельствующих о его заметном росте в последние годы.

Рассматривая социально-экономическое развитие Синьцзян-Уйгурского автономного района на протяжении периода проведения политики реформ и внешней открытости, авторы отмечают, что если на начальном его этапе «во главу угла были поставлены восточные провинции Китая», то на последующем этапе была принята «новая стратегия освоения и развития западных районов Китая», причем «главным звеном» из этих 12 провинций стал Синьцзян, который может превратиться в «локомотив», тянущий за собой развитие Запада. Залогом тому — широкомасштабное строительство в Синьцзяне, превратившемся, по словам авторов, в «огромную строительную площадку», благодаря чему он обладает возможностями превратиться в «точку роста всей Центральной Азии» и стать «мостом между Азией и Европой».

Достоинством книги является красочное описание многочисленных мусульманских и буддийских памятников архитектуры, руин древних городов, характерных особенностей местных жилищ, кухни, одежды, традиционных промыслов, местной сельскохозяйственной продукции, памятников литературы и искусства уйгуров, казахов и других народов, народного театрального искусства местных ханьцев,

местных традиционных народных праздников. Дается подробная картина основных туристических объектов в Синьцзяне, притягивающих массу путешественников из-за рубежа.

Конечно, в одной книге невозможно в полной мере охватить все стороны жизни и развития такого огромного, перспективного, бурно развивающегося региона КНР, каким является Синьцзян-Уйгурский автономный район. При чтении материала, посвященного этому региону, может возникнуть вопрос о весьма сложной и напряженной текущей внутривнутриполитической ситуации в СУАР, вызванной активизацией в последние десятилетия внутренних и зарубежных сил, представляющих «три зла» — религиозный экстремизм, национальный сепаратизм и терроризм, с которыми властям КНР приходится вести борьбу за сохранение единства страны и ее территориальной целостности. Но данный вопрос выходит за рамки рассматриваемой монографии, ориентированной на показ исчерпывающей картины истории, культуры и комплексного социально-экономического развития Синьцзян-Уйгурского автономного района. В основательной работе Е.С. Баженовой и А.В. Островского показано, на наш взгляд, главное, что представляет интерес для исследователя, интересующегося Синьцзяном в плане практического изучения этого региона, а также для широкого круга читателей, особенно тех, кто собирается совершить путешествие в этот древний край с богатой историей и культурой, край, соединяющий Китай со странами Центральной и Южной Азии.

© 2018

*Д.А. Смирнов,
кандидат исторических наук,
ведущий научный сотрудник ИДВ РАН*

Юбилей ученого

Юбилей Александра Захаровича Жебина

4 февраля 2018 г. исполнилось 70 лет видному российскому ученому-корееведо Александру Захаровичу Жебину, руководителю Центра корейских исследований ИДВ РАН, кандидату политических наук.

А.З. Жебин родился в 1948 г. в семье военнослужащих. После окончания двухлетней службы в рядах Советской Армии поступил в МГИМО, который с отличием окончил в 1975 г.

В 1978–1979 гг. работал корреспондентом, а в 1983–1990 гг. — заведующим отделением ТАСС в Пхеньяне. Принимал участие в освещении поездок Генерального секретаря, Президента КНДР Ким Ир Сена в СССР в 1984 и 1986 г., визитов членов советского руководства в КНДР, а также многочисленных переговоров между КНДР и РК, проходивших в 1980-х годах в Пханмунджоме, на демаркационной линии между двумя корей-

скими государствами. В 1988 г. в составе группы корреспондентов ТАСС принимал участие в освещении летних Олимпийских игр в Сеуле.

В 1992–1998 гг. А.З. Жебин являлся старшим научным сотрудником Института Дальнего Востока РАН. В качестве приглашенного исследователя в 1993–1994 гг. работал в Центре азиатских исследований университета «Корё», а в 1997 г. — в Институте национального объединения в Сеуле.

В 1998–2001 гг. А.З. Жебин занимал должность первого секретаря, а затем советника Посольства РФ в КНДР. Участвовал в мероприятиях, связанных с подготовкой и подписанием нового межгосударственного договора между РФ и КНДР. За участие в подготовке и проведении визита в КНДР Президента РФ В.В.Путина получил благодарность министра иностранных дел РФ.

После окончания заграничной командировки в 2001 г. Александр Захарович возвратился на работу в ИДВ РАН. С 2004 г. возглавляет Центр корейских исследований Института. Среди главных направлений его научных исследований — ситуация на Корейском полуострове и интересы безопасности России, ядерная проблема в Корее и перспективы ее урегулирования, корейская политика США, Японии и Китая. Этим темам посвящены подготовленные им главы более чем в десятке коллективных монографий, вышедших

в крупнейших мировых научных издательствах, многочисленные публикации в академических журналах, интервью российским и иностранным печатным и электронным СМИ, выступления по телевидению. Его перу принадлежат монография «Эволюция политической системы КНДР в условиях глобальных перемен» (М., 2006) и две книги путевых заметок об этой стране, вышедших на корейском и японском языках в Сеуле и Токио.

Под руководством А.З. Жебина Центр корейских исследований на протяжении 15 лет ежегодно проводит стартовавшую еще в 1996 г. конференцию корееведов России и других стран СНГ, которая стала крупнейшим регулярно созываемым форумом специалистов по Корее в нашей стране.

А.З. Жебин выступал с докладами на съездах Российской и Международной ассоциаций политических наук, конференциях европейской Ассоциации корейских исследований (AKSE), других научных форумах в КНДР, Республике Корея, США, Японии, Китае, приглашался для чтения лекций в университетах Италии и Франции. Он является членом Российской и Международной ассоциаций политической науки, европейской Ассоциации корейских исследований, а также Московского союза журналистов. Александр Захарович — член Ученого совета ИДВ РАН и редколлегии журнала «Проблемы Дальнего Востока». Он является членом Российского общества дружбы и культурного сотрудничества с КНДР.

Коллеги по работе, редколлегия и редакция журнала «Проблемы Дальнего Востока» поздравляют юбиляра и желают Александру Захаровичу Жебину — ученому, дипломату и журналисту — здоровья и многих лет плодотворного научного творчества.

Contents

To the Memory of Academician S. Tikhvinsky

POLITICS

A. Vinogradov, P. Troshchinsky. The First Session of the National People's Congress of China (13th Convocation) and Constitutional Amendments

V. Kistanov. Japan's Indo-Pacific Strategy as a Deterrent to China

A. Zhebin. Korean Conundrum

Kuang Zengjun, Ou Kaifei. The Basis of Sino-Russian Cooperation in the Arctic

ECONOMY

V. Portyakov. Experimental Free Trade Areas in China

I. Makarov, I. Stepanov. China's Evolution of Demand in the Context of Transformation of the Model of Socio-Economic Development

Tan Xiujie, Yu. Kulintsev. Trans-Asian and European Economic Partnership as the Option of Pairing the EAEU and the Silk Road Economic Belt

ENVIRONMENT

A. Makarov. Problems and Prospects of Russian-Mongolian Cooperation in the Context to Protect the Lake of Baikal

Military Build-Up

A. Khramchikhin. The New Look of the PLA

HISTORY

E. Kalkaev. Guomindan Bread. The History of the Chinese in Moscow in the Second Half of the 1920s

CULTURE

E. Khokhlova. The Concept of Landscape Painting *Chin'gyongsansu* by Keonge Chon Son

O. Truevtseva. Problems of Buddhist Monasteries in Central Mongolia as an Example of Preservation of Cultural Heritage

RELIGION

Wang Shuai. The Current State of Orthodoxy in China and Reflections on Its Future Scientific Events

Ya. Leksyutina, A. Pyatachkova. The 3rd Annual International Conference "The Raisina Dialogue"

L. Zakharova, Yu. Kulintsev, A. Mokretsky. "East Asia and the Change of Global World Order". The 5th International Scientific Conference of Young Orientalists

BOOK REVIEW

M. Potapov. When Will the Renminbi Become a World Currency?

A. Afonasiyeva. Portyakov V. Shenzhen Tuningfork. Transformation of Economic Growth Model in China and Shenzhen Development

D. Smirnov. Bazhenova E., Ostrovsky A. Xinjiang: Horizons of the New Silk Road

SCHOLAR JUBILEE

Jubilee of A. Zhebin

Contents

Summary

Summary

A. Vinogradov, P. Troshchinsky. The First Session of the National People's Congress of China (13th Convocation) and Constitutional Amendments

The article is devoted to the first session of the 13th National People's Congress held on March 5–20, 2018 in Beijing and to the important personnel and legislative decisions adopted at it. The issues of political transformations in the context of changing the Constitution of the PRC and the relationship between the CPC and the Chinese State are considered. Special attention is paid to personnel appointments and amendments to the Constitution of the PRC, the PRC law "On control". A detailed analysis of the amendments to the basic law of the country, introducing in the text the name of Xi Jinping and the concept of "socialism with Chinese characteristics in the new era", the abolition of the term limitation for the post of the PRC Chairman, and the constitutional and legal consolidation of the monitoring committee status in the system of state authorities is presented.

Key words: China, constitutional amendments, monitoring committees, elections, National People's Congress, the PRC Chairman Xi Jinping.

V. Kistanov. Japan's Indo-Pacific Strategy as a Deterrent to China

The article discusses Japan's policy in the Pacific and Indian oceans. Scientific papers and the media have increasingly used the term "Indo-Pacific" to replace the term "Asia-Pacific", reflecting fundamental economic and political developments in the two oceans. Japanese Prime Minister Shinzo Abe's Indo-Pacific strategy has the implicit goal of containing China, Japan's main geopolitical rival in Asia, which is gaining economic strength and military power. However, the implementation of the strategy faces a number of challenges.

Key words: Asia-Pacific region, India-Pacific region, Japan, China, India, USA, ASEAN, Shinzo Abe, "One belt, One road", maritime expansion, security.

A. Zhebin. Korean Conundrum

The article analyzes the reasons for the serious aggravation of the situation on the Korean Peninsula in 2017. The author's conclusion is: the United States under the pretext of combating the proliferation of nuclear weapons is trying to implement its geopolitical plans in the APR, the essence of which is to maintain US military dominance in the region and deter Russia and China. The factors led to the resumption of inter-Korean dialogue in early 2018, its prospects as well as the outcome of a possible summit between leadership of DPRK and US are considered.

Key words: Russia, DPRK, Republic of Korea, Korean Peninsula, nuclear problem, security.

Kuang Zengjun, Ou Kaifei. The Basis of Sino-Russian Cooperation in the Arctic

Due to global climate change, a growing number of countries are paying attention to the geopolitical and economic aspects of the Arctic. China and Russia are expanding cooperation in the Arctic, taking into account the interests of the polar states. Its prerequisites are: a partial coincidence of interests (research, resources, ways of communication) and a relatively

stable geopolitical situation. Cooperation in the Arctic will increase the level of comprehensive strategic partnership between the PRC and the Russian Federation and fill it with new content.

Key words: China, Russia, polar states, cooperation in the Arctic, comprehensive strategic partnership.

V. Portyakov. Experimental Free Trade Areas in China

The paper analyzes the concept of "New Round of China's Economy Opening-Up", which had been developed in years 2013–2017. The tasks in this field and possible mechanisms of their implementation, arisen by CPC XIX Congress, are described. The main focus of the paper is an analysis of "pilot free trade areas", which emerged in China since 2013.

Key words: China, economic opening-up, new round, XIX Congress of the CPC, experimental free trade areas.

I. Makarov, I. Stepanov. China's Evolution of Demand in the Context of Transformation of the model of Socio-Economic Development

The paper focuses on the main factors underling the structural transformation of Chinese model of socio-economic development — slowdown in economic growth, expansion of domestic consumption, increasing role of services, technological development and changes in regional value chains. Analysis of factors serves as a base for the assessment of changes in volume and structure of Chinese demand in the context of Chinese-Russian trade and economic relations.

Key words: China, Asia-Pacific region, aggregate demand, domestic consumption, socio-economic model of development.

Tan Xiujie, Yu. Kulintsev. Trans-Asian and European Economic Partnership as the Option of Pairing the EAEU and the Silk Road Economic Belt

The authors discuss the idea of creating a Trans-Asian and European economic partnership (TAEEP) as a viable option for the implementation and further development of the initiatives of the Silk Road Economic Belt (SREB) and the Euro-Asian Economic Union (EAEU). The analysis of a number of political and economic factors shows, according to the authors, that the proposed interaction structure meets the goals of the "Greater Euro-Asian Partnership" and allows its members to participate effectively in the development of new rules of global trade, defending national interests at the international level through the deepening of trade and economic relations.

Key words: Trans-Asian and European economic partnership, the Silk Road Economic Belt, the Eurasian Economic Union, SCO, Greater Eurasia.

A. Makarov. Problems and Prospects of Russian-Mongolian Cooperation in the Context to Protect the Lake of Baikal

The article deals with topical issues of Russian-Mongolian cooperation in the context of protection the lake of Baikal. The analysis of long-term plans of hydropower development in Mongolia is carried out. Potential risks of negative transboundary impacts for Russia in connection with the implementation of these plans are identified. The main directions of ensuring the balance of economic and environmental interests of the two countries are substantiated.

Key words: Russian-Mongolian relations, protection of the lake of Baikal, World Natural Heritage, shared waters, environmental impact assessment in a transboundary context.

A. Khramchikhin. The New Look of the PLA

The author describes the reform of the PLA during the last two years, including new control system, new composition and structure of the armed forces of PRC (strategic and con-

ventional). He analyses some aspects of combat training, as well as possible future development of various forces of PLA in terms of technical equipment and military facilities of PRC outside of China.

Key words: PLA, missile forces, strategic support forces, ground forces, Air Force, Navy.

E. Kalkaev. Guomindan Bread. The History of the Chinese in Moscow in the Second Half of the 1920s

The article is devoted to the Chinese bakery cooperative partnership in Moscow in the 1920s. In the Soviet capital of the NEP period hundreds of Chinese citizens were engaged in bakery business. On the basis of archival data the article describes their activities, daily life and relationships with the authorities.

Key words: Chinese cooperatives, Chinese bakeries, the NEP, Moscow.

E. Khokhlova. The Concept of Landscape Painting *Chin'gyongsansu* by Keonge Chon Son

The article presents ideas about landscape painting tasks pursued by the artist Chon Son (1676–1759) while creating *chin'gyongsansu* landscapes. The issue of the need for proper understanding of the goals put by the artist for a more accurate content analysis of his works is raised.

Key words: chin'gyongsansu landscape, Chon Son.

O. Truevtseva. Problems of Buddhist Monasteries in Central Mongolia as an Example of Preservation of Cultural Heritage

The article contains general description of the state of Buddhist monasteries of the Archangel Aimak of Mongolia, surveyed in the summer of 2017 by a joint Russian-Mongolian expedition. Out of three dozen monasteries, located on the territory of aimag, only a few buildings survived. Many of them have now been passed into the category of archaeological sites. The article contains conclusions and recommendations for further exploration and usage of the remained cultural heritage of Mongolia.

Key words: Mongolia, cultural heritage, material culture, Buddhism, monastery.

Wang Shuai. The Current State of Orthodoxy in China and Reflections on Its Future

Currently, China has four Orthodox communities recognized by the Chinese government. They are located in the city of Harbin, Heilongjiang province, in the urban district of Argun, Inner Mongolia, in the cities of Urumqi and Yining (Ghulja) on the territory of the Xinjiang Uygur Autonomous Region. The article describes the current situation of these communities, analyses the main features of the development of Orthodoxy in China. The problems facing Orthodoxy in China are raised in this work, the forecast of development of a situation in prospect is given.

Key words: Orthodoxy, Russians in China, sinification.

Виктор Николаевич Павлятенко
16.08.1947 — 18.02.2018

18 февраля 2018 г. после тяжелой и продолжительной болезни скончался ведущий научный сотрудник Центра японских исследований Института Дальнего Востока РАН, кандидат исторических наук, член Центрального правления Общества «Россия — Япония» В.Н. Павлятенко.

Виктор Николаевич родился 16 августа 1947 г. в Калининградской области. В 1971 г. окончил Восточный факультет Дальневосточного государственного университета, в 1975 г. — аспирантуру ИДВ АН СССР. В 1993–2008 гг. В.Н. Павлятенко работал заместителем, а затем руководителем Центра японских исследований ИДВ РАН. До последних дней жизни Виктор Николаевич оставался ведущим научным сотрудником этого Центра. Он был всесторонним специалистом по Японии высочайшего класса, занимался вопросами международных отношений в Восточной Азии, территориальными проблемами и проблемами безопасности в АТР, внешней и оборонной политикой Японии, пользовался большим авторитетом в научных кругах как в своей стране, так и за рубежом. Виктор Николаевич внес большой вклад в научно-исследовательскую деятельность ИДВ РАН. Его перу принадлежит большое число глубоких научных трудов по Японии. Он вел большую общественную деятельность, являясь членом ряда авторитетных российских и международных организаций, включая Общество «Россия — Япония» и Ассоциацию японоведов. Виктор Николаевич был открытым и общительным человеком, всегда готовым прийти на помощь коллегам по работе, пользовался огромным уважением среди сотрудников института.

Его светлый образ навсегда останется в сердцах друзей и товарищей по работе.

Дирекция Института Дальнего Востока РАН, профсоюзный комитет ИДВ РАН, редколлегия и редакционный коллектив журнала «Проблемы Дальнего Востока»

Общие требования к материалам, предоставляемым авторами в редакцию

Редакция принимает к рассмотрению только не опубликованные ранее рукописи: статьи, переводы, документальные источники, обзоры, рецензии и др.

Материалы должны соответствовать тематике журнала (вопросы экономики, истории, внешней и внутренней политики Китая, Японии, государств Корейского полуострова, других стран АТР, а также российского Дальнего Востока); отражать собственный вклад автора в разработку научной проблемы; обладать актуальностью и научной новизной; соответствовать принятым в журнале техническим требованиям по оформлению рукописей.

Требования к оформлению материалов

1. Рукописи принимаются в электронном виде в формате doc (Word 1997–2003).
2. Объем статьи – не более 1 п.л. (40 тыс. знаков с учетом пробелов).
3. Статья должна сопровождаться аннотацией на русском и английском языках с кратким изложением ее содержания и основных положений (около 600 знаков).
4. Статья должна иметь список ключевых слов (не более восьми) на русском и английском языках.
5. К статье должны быть приложены сведения об авторе с указанием ФИО, ученой степени, месте работы, должности и контактных данных, включая номер телефона и/или адрес электронной почты.
6. Графические файлы предоставляются отдельно в файлах формата TIFF в оттенках серого с разрешением не менее 300 dpi.
7. Китайские имена и названия даются в системе Pinyin.
8. Японские имена и названия приводятся в русской транскрипции, основанной на системе Поливанова.
9. Сноски даются в конце статьи.

Оформление сносок

Книги:

- а) На русск. яз.
Автор. Название. Место издания: Издательство, год издания. С. ...
- б) На кит. яз.
Автор. Транслитерация китайского названия книги : [Перевод названия на русск. яз.]. Место издания: издательство, год издания. С. ...
- в) На англ. яз.
Author. Title of Book. Place of Publication: Publisher, date. P. ...

Статьи:

- а) Из печатных изданий
Автор статьи. Название статьи // Название издания. Место, год (дата) издания. (Т.) № ... С. ...
- б) Из Интернета
Автор статьи. Название статьи. URL: Полный электронный адрес.

Редакция оставляет за собой право редакторской правки.

Журнал «Проблемы Дальнего Востока» включен в Перечень российских рецензируемых научных журналов ВАК РФ. В нем публикуются основные научные результаты исследований по следующим отраслям науки (согласно Номенклатуре научных специальностей, по которым присуждаются ученые степени) – экономические, исторические, политические науки.

Издание входит в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ) <http://www.elibrary.ru>.

В соответствии с требованиями Министерства образования и науки РФ все научные статьи, поступающие в журнал, проходят предварительное рецензирование с целью их экспертной оценки.

Подробная информация о правилах направления, рецензирования и опубликования статей размещена на официальном сайте журнала: <http://www.ifes-ras.ru/pdv>.

Журнал выпускается ФГУП «Издательство «Наука» (<http://www.naukaran.com>).

В соответствии с издательскими требованиями авторы должны вместе с текстом статьи присылать в редакцию заполненный «Лицензионный договор о предоставлении права использования статьи в научном журнале на русском языке, учредителем (соучредителем) которого является Российская академия наук» (для журналов, издающихся на русском и английском языках). Бланк договора можно скачать на сайте ФГУП «Издательство «Наука» в разделе «Типовые авторские договоры».

Подписной индекс издания в каталоге «Пресса России» – 70 758.

Возможно оформление льготной подписки в редакции.

По вопросам подписки обращайтесь к заведующей редакцией журнала Елене Александровне Лапшиной (тел.: 8 (499) 124-02-15).

На электронную версию журнала «Проблемы Дальнего Востока» можно подписаться в компании «Рунет». Тел.: 8 (495) 935-01-01. С условиями подписки можно ознакомиться на сайте Научной электронной библиотеки: www.elibrary.ru.

Перепечатка материалов без согласия редакции не разрешается. При использовании их в любой форме, в том числе в электронных СМИ, ссылка на журнал "Проблемы Дальнего Востока" обязательна. Мнение автора не обязательно совпадает с точкой зрения редакции.

Адрес редакции: 117997 Москва, Нахимовский проспект, 32
Тел. (499) 124-09-02; E-mail: pdv@ifes-ras.ru

Оригинал-макет © 2018 г. Дмитрий Славинский

Подписано к печати 04.04.2018 г.	Дата выхода в свет 26.04.2018 г.	Формат 70 × 100 ¹ / ₁₆		
Цифровая печать	Усл. печ. л. 15.6	Усл. кр.-отт. 6.3 тыс.	Уч.-изд. л. 14.6	Бум. л. 6.0
	Доп. тираж 399 экз.	Зак. 166	Цена свободная	

Учредители: Российская академия наук, Институт Дальнего Востока РАН